

ЛОСРЕТ ЭНН УАЙТ

СЕРИЯ «СЕРИИ»

ВЫСШАЯ

ТРАДИЦИОНАЛЬНАЯ

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

В СЕРИИ «СЕРИИ»

САМЫЕ ТЕМНЫЕ ДОРОГИ

ТОЛЬКО
НА
ЛИТРЕС

AMAZON CHARTS
&
WASHINGTON POST
BESTSELLER

18+

Лорет Энн Уайт

Самые темные дороги

*Джилл и Рэю, которые хранят мечту об озере
Биг-Бар*

Loreth Anne White
THE DARK BONES

Copyright © 2019 by Cheakamus House Publishing

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

© Савельев К., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

После убийственного мороза

Карибу-Кантри, 27 сентября, воскресенье. Немногим более двадцати лет назад

Уитни бежит, хотя в груди полыхает огонь. У нее пересохло в горле. Стебли полыни, сосновые иголки и острые камешки впиваются в босые ступни. Кровь стекает по внутренней стороне ее бедер, оставляя липкие следы в сухой траве за ее спиной.

Уитни опускается на четвереньки. Тяжело дыша, она внимательно прислушивается к звукам осеннего леса.

Трава колет ее голые ягодичы. Рваная ткань платья пристаёт к коже. Левую грудь пересекает рваный порез, а вокруг соска остались следы от укуса. Ее длинные волосы – такого же желто-золотистого оттенка, как и трава, где она прячется, – слиплись от пота и грязи.

Уитни слышит тихий рокот двигателя, который доносится с лесовозной дороги на дальнем краю озера. В воздухе сгущается гнетущая, потрескивающая энергия: приближается гроза. Деревья в лесу громко перешептываются и раскачиваются под порывами ветра.

Но она не слышит *их*.

Высоко в небе раздается протяжный крик пустельги, и Уитни резко вскидывает голову. Она достигла лесной опушки и не знает, что делать дальше. За этой безопасной границей начинается открытое поле. Оно заросло отцветшим иван-чаем, и клочки белого пуха носятся над лугом, словно летний снег, пока вдалеке рокошет гром, а грозовые облака наползают все ближе. Лес погружается в тень.

Уитни знает эту местность. За плотной рощей деревьев на противоположной стороне луга находятся обветшавшие постройки заброшенного летнего лагеря. Это часть ранчо Хогена, и она может спрятаться там.

Но ужас держит ее в крепких тисках. *Они* могут вести наблюдение. Могут ждать, пока она не выбежит на открытое место, словно раненый олень. Время растягивается до предела. Облака клубятся все гуще и закрывают потускневший солнечный диск. Луг тоже погружается в полутьму.

Она оторвалась от них? Возможно ли это?

Теперь гром грохочет совсем близко. Звук с силой ударяет по барабанным перепонкам. Страх подталкивает Уитни к действию. Она приподнимается и ныряет в заросли иван-чая. Не разбирая пути, она ломится через гущу стеблей и сухих соцветий, но ее взгляд решительно устремлен на проем между деревьями на другой стороне поля. Ее белые ягодички мелькают в траве, как круп убегающего белохвостого оленя, идеальная мишень для охотника.

Она слышит гиканье у себя за спиной.

В противоположном направлении с ревом пробуждается к жизни двигатель мотовездехода. Она окружена, путь к бегству отрезан.

По лицу Уитни струятся слезы, но она не останавливается. Она пробивается через спутанные стебли, направляясь к просвету между деревьями и к возможному спасению.

Рывкает выстрел. Птицы стайками взмывают из-под лесного полога. Пуля с горячим шелестом проходит рядом, мимо ее щеки. Уитни кричит и отклоняется в сторону. Снова гремит гром; небо становится черным. Крупные капли дождя начинают бомбардировку.

Еще один хлопок выстрела.

Уитни ощущает удар в плечо. Сила удара вместе с полученным шоком заставляет ее развернуться боком, и она падает в заросли иван-чая. Какое-то время она лежит на спине, оглушенная, скрытая густой растительностью. Горячая сырость сочится под плечом. Все кончено. Уитни больше не может дышать. Дождь хлещет в ее запрокинутое лицо. Словно в абсурдном видении, она сознает, что небо окрасилось в зловещий багровый свет.

Уитни думает о своей матери. Ее маме нравятся грозы. Потом она думает о своих ошибках... о Треворе и Эше. Все пошло не так, как было задумано. Уитни начинает уплывать на волнах неопишуемой боли, но пронзительный свист приводит ее в чувство. Ее глаза распахиваются, сердце отбивает дикую чечетку в груди. Она не может умереть, не может. Она не умрет.

Уитни старается перекатиться на бок, но не может, потому что левая рука не слушается ее. Она хватается за стебли иван-чая здоровой рукой и кое-как приводит себя в сидячее положение. С неба льет напропалую; дождь хлещет ей в спину, смахивает мокрые волосы на лицо. Ветер кружит над полем и сотрясает кроны деревьев в лесу. В уме невольно возникают строки из песни, которую она слышала в автомобиле Эша.

Все, что я хочу, – это пожить в Эл-Эй.

Прежде чем умру, хочу кутить в Эл-Эй.
Веселье всю ночь, пока она не сгинет прочь
И солнце не взойдет над Эл-Эй...

Уитни была так близка к этому.
Очень близка.

Воплотить свою мечту. Увидеть Лос-Анджелес. Она почти вырвалась отсюда. Казалось, все будет хорошо и даже весело. Теперь она хочет только остаться в живых. Отправиться домой, к маме. Туда, в знакомые объятия трейлерного парка.

Еще один треск ружейного выстрела. Все движется, как в замедленной съемке, когда шрапнель разлетается от ствола рядом с ее лицом. Мелкие щепки вонзаются в щеку и ослепляют правый глаз. Хныкая и причитая, Уитни уползает в заросли на другой стороне луга. Тут темно, очень темно. Наверное, безопасно. Ее левый глаз приспосабливается к полумраку. Лесное ложе покрыто папоротником и кустиками голубики. Уитни находит знакомую тропу и начинает брести по ней.

Голоса! Уитни слышит голоса. Мужчины кричат, приближаются к ней. Рев вездехода становится громче.

Она видит старую хижину, покрытую сухим мхом и лишайником. Молодые ростки пробиваются между сгнившими половыми досками. В тенях этих развалин стоит олень. Уитни застывает на месте. Олень смотрит на нее большими, влажными глазами.

Но вездеход приближается, и олень бросается в сторону, с громким треском ломая кусты. Ее охватывает паника, и она оборачивается вокруг. Где спрятаться? Старые хижины они осмотрят в первую очередь. И почему ей пришло в голову, что там она может спастись?

Ее взгляд падает на кедровое бревно. Это старинное, давно упавшее дерево, покрытое мхом, оранжевым лишайником и папоротником. Сгнивший ствол мог бы послужить для медвежьей берлоги на зиму или стать убежищем для пумы, в надежном месте выращивающей своих котят. Уитни заползает внутрь, волоча за собой вялую окровавленную руку. В дереве пахнет так же, как в старом сундуке, где ее бабушка хранила меховое пальто. Знакомый запах. Надежный, как семья. Приветливый. Уитни заползает все глубже, пока не становится слишком узко. Тогда она сворачивается в клубок, глубоко в своей пещерке. Мягкий кедровый луб щекочет ей руки и ягодицы. Рев вездехода стихает где-то за бревном.

Она слышит очередной крик. Еще один выстрел. Она зажмуривается в ожидании, когда ее начнут вытаскивать за ноги. Но голоса отдаляются, как

и топот ног в лесу. Внезапно становится совсем тихо, если не считать звука капель, барабнящих по бревну.

Они погнались за оленем, думает она. Дух оленя отвлек их и спас ее.

Ее тело охватывает безудержная дрожь. Уитни крепко прижимает ладонь ко рту, чтобы заглушить плач. Просто на тот случай, если один из *них* еще рядом и если это фокус, чтобы выманить ее.

Но она больше не слышит их.

Глава 1

Оттава, 6 января, примерно двадцать лет и три месяца спустя

Сержант Ребекка Норд шла по мраморному коридору здания Верховного суда вместе с юристом-консультантом; мерный стук каблуков звучал как подтверждение уверенности. Ее темно-синий, почти черный костюм был сшит по мерке, классический покрой шелковой блузки демонстрировал профессионализм и вместе с тем создавал легкий намек на женственность. Густые темные волосы были собраны в мягкий узел на затылке. Никаких ювелирных украшений, минимум макияжа. Такой внешний вид, одобренный стороной обвинения, был рассчитан на создание образа квалифицированного и достойного доверия детектива из отдела по борьбе с экономической преступностью федеральной полиции Канады – достаточно искушенного специалиста, который с удовольствием поможет разоблачить высокопоставленного преступника из мира «белых воротничков».

Этот суд привлек большое внимание. Средства массовой информации по обе стороны американо-канадской границы занимались его интенсивным освещением, а социальные сети пестрели множеством мнений и догадок. Перед зданием суда крепчал ветер, и быстро холодало, пока съемочные группы телевизионщиков и команды техподдержки затаились в машинах в предчувствии январской метели. Внутри репортеры с пропусками вереницей проходили в зал суда. Перерыв между заседаниями закончился; Ребекка должна была следующей давать показания. Хотя внешне она излучала спокойствие, внутри все бурлило от прилива адреналина. Сторона защиты собиралась устроить ей допрос по всей форме.

С

Женщина-юрист, шагавшая рядом с ней, прижимала к груди папку с бумагами.

– Помните, сержант: многие превосходные копы садились в лужу во время показаний перед судом из-за вещей, не имевших никакого отношения к их правдивости или уровню профессионализма, – бесстрастно сказала она, глядя прямо перед собой. – Их ловили на мелочах, которые...

– Вы уже рассказывали, – отозвалась Ребекка. – Я все поняла.

Они обогнули мраморную колонну, и Ребекка увидела толпу, собравшуюся перед залом суда. Когда они приблизились к дверям, зажужжал телефон, лежавший в кармане жакета. Ребекка заколебалась; возможно, это был очередной звонок от начальства.

– Я лучше отвечу, – поспешно сказала она.

– Вы следующая, – напомнила женщина из юридического отдела.

– Буду через полминуты.

Ребекка достала телефон и отступила в относительную тишину стенной ниши. Когда она увидела, кто звонит, сердце упало. Опять отец. Ребекка сбросила четыре его предыдущих звонка на голосовую почту. Сейчас у нее не было времени на его параноидную теорию заговора и прочую чушь. Она была уже готова оборвать звонок, но дрогнула. Ее отец давно был нездоров. Он слишком много пил; так было всегда, но теперь проблема усугубилась. Он проводил зиму в одиночестве, в старом семейном домике в глуши. Ближайшим городом был Клинтон: сорок пять минут езды по грунтовым лесовозным дорогам, которые редко чистили от снега.

Сельское уединение, выпивка, подступающая старость... Все это туманило его мозг, вызывало сумятицу и депрессию. И для того чтобы коротать долгие вечера на ферме, он обкладывался старыми уголовными делами, с одержимым упорством снова и снова изучая те, которые ему так и не удалось решить, и придумывая безумные теории, о которых обычно забывал на следующее утро. Ребекка приняла вызов.

– Привет, папа. Слушай, можно я тебе перезвоню? Я собираюсь давать показания в суде.

За ее словами последовало непривычное, тяжелое молчание.

– Папа? Ты в порядке?

– Мне... нужно поговорить с тобой, Бекка. Тебе... тебе нужно кое-что узнать, чтобы ты могла правильно понять меня.

Его речь была сбивчивой и невнятной. Ребекка посмотрела на часы. В часовом поясе ее отца едва наступил полдень, а он уже принял на грудь. К вечеру, когда она закончит с делами в суде, отец будет беспробудно пьян.

– Послушай, я тебе позвоню, когда...

– Нет, нет, Бекка, не по телефону, – прошептал отец. – Я стою в фойе отеля «Карибу» и говорю по общественному телефону перед «Лосем и Рогом». Люди могут услышать... – Наступила пауза; Ребекка слышала на заднем плане шум, доносившийся из паба. – Я... полагаю, он был в моем домике и забрал кое-какие бумаги из моего досье.

– Кто? Какое досье?

Тишина перед залом суда вдруг стала звенящей. Почти все вошли

внутри. У Ребекки сдавило грудную клетку от напряжения.

– Папа, – твердо сказала Ребекка. – Сейчас у меня нет времени на тайные заговоры. Я должна...

– Вчера вечером. Думаю, он прятался снаружи, за осинами. Следил за моим домом. Позавчера вечером кто-то следовал за мной в темноте до самого дома. Думаю, он знает то, что мне известно.

Ребекка заколебалась. Она слышала подобные вещи от своего отца, но он еще никогда не обращался к ней таким тоном. Она почти не сомневалась, что отец воображает разные вещи, но его страх был реальным. Ей пора подумать о профессиональной помощи для него. Уже пора. Она отправится домой и разберется с этим сразу же после окончания суда. Но в то же время возвращение на ранчо даже на несколько дней было последним, что Ребекка хотела бы сделать. Всегда оставалась вероятность встречи с Эшем. Она старалась откладывать эту вероятность так долго, как только могла.

– Папа, – уже мягче сказала она. – Послушай, все будет хорошо. Я обещаю. Как только этот суд закончится, я на какое-то время вернусь, и...

– Я *знаю*, что он лгал, Бекка. Вы *оба* лгали. Тогда, много лет назад. Он изуродовал себе лицо не после падения с лошади, верно? От чего ты защищала его в тот день?

– О чем ты толкуешь?

– Сержант Норд... Ребекка! – Это был один из юристов, сердито сверкавший глазами. – Скорее, немедленно идите в зал суда! Ради всего святого, сержант, вы хотите, чтобы мы проиграли это дело?

Ребекка ущипнула себя за нос.

– Папа, мне нужно давать показания в суде. Я позвоню тебе завтра. – Он все равно будет слишком пьян для вечернего звонка. – Обещаю. Теперь найди номер в отеле и немного поспи. Делай что хочешь, только не садись за руль.

Ребекка прервала разговор и убрала телефон в карман, но, когда она шла за юристом, ее снедало беспокойство.

«Он лгал, Бекка. Вы оба лгали. Тогда, много лет назад. Он изуродовал себе лицо не после падения с лошади».

Когда она вошла в зал суда, то мысленно вернулась в тот воскресный день в конце сентября более двадцати лет назад. То, что начиналось как обычный день золотой осени, когда ольха и березы переливаются желто-багряными красками, за считанные минуты превратилось в мощную грозу.

Ребекка ехала домой с работы – по выходным она работала в ветеринарном кабинете, – когда дождь пошел сплошной пеленой.

Вцепившись в руль, Ребекка подалась вперед, напряженно вглядываясь в разбитую грунтовую дорогу через плавные дуги, оставляемые щетками на ветровом стекле. Внезапно перед ее автомобилем появился мужчина, медленно бредущий посреди дороги, босой, с безвольно опущенными руками. Его джинсы промокли насквозь, рубашка прилипла к телу.

Ребекка сбросила скорость и поехала за ним. Он как будто не осознавал ее присутствия и не пытался уступить дорогу, даже не обернулся.

Вдалеке грохотал гром. Деревья вдоль дороги клонились и раскачивались на ветру.

Она нажала на клаксон.

Никакой реакции.

Ребекка ударила по тормозам и остановила автомобиль. Какое-то время она сидела, а дождь барабанил по металлической крыше.

Какого черта?

Потом мужчина вдруг повернулся, и у Ребекки дрогнуло сердце.

Эш.

Его лицо... оно было глубоко разрезано с левой стороны. Его глаз был багровым, распухшим и почти закрылся. Кровь смешивалась с дождем на щеках Эша и окрасила в красно-коричневый цвет переднюю часть его футболки.

Ребекка распахнула дверь и побежала к нему.

– Эш! Что случилось? Что ты вообще здесь делаешь?

Но Эш только смотрел на нее пустыми глазами.

Ребекка заставила себя вернуться к настоящему. Но когда она занимала место на свидетельской скамье, по спине пробежал холодок. Ребекка едва замечала судебного клерка перед собой и даже не помнила, как оказалась здесь.

– Сержант Ребекка Норд, можете ли вы подтвердить перед судом, что ваши показания будут содержать правду, только правду и ничего, кроме правды?

«Он лгал. Вы оба лгали».

Глава 2

Карибу-Кантри, 8 января, вторник

Тори Бартон лежала на животе, бок о бок с Рикки Саймоном на заснеженной гряде посреди зарослей осины, давно сбросившей листву. Они наблюдали за ветхим деревянным домом внизу на поляне, ожидая, пока старик не посетит свою поленницу. Рикки сказал Тори, что старик каждый раз забирает дрова примерно в это время, а потом не выходит из дома до утра.

В нескольких метрах от его хижины, рядом с поленницей, находился старый сарай, который и был их целью. Сарай стоял перед еще одной плотной группой осин, отгораживавших участок от заснеженной подъездной дороги. В багряном сумраке раннего январского вечера сходная с бумагой осиновая кора испускала призрачное сияние. Белизна была подчеркнута черными отметинами, которые для Тори выглядели как глаза, подведенные сурьмой. Пока угасали сумерки, ею овладело тяжелое предчувствие наряду со жгучими уколами холода от ветра, задувавшего с арктических равнин. Заныло в ушах; следовало бы одеть вязаную шапочку, как советовала Оливия, ее биологическая мать. Оливия также рассказала Тори, что все осины взаимосвязаны и представляют собой один большой организм, созданный переплетением подземных корней. Если срубить дерево на этой гряде, остальные узнают об этом.

Тори подумала, смогут ли они одновременно испытать боль от удара топора.

Тори гадала, сможет ли она когда-нибудь полюбить Оливию так же, как любила свою приемную маму. У нее были сомнения на этот счет. Она тосковала по Мелоди и Гейджу, своим приемным родителям, и эта тоска ощущалась как пустота в сердце. Теперь Рикки был ее единственным настоящим другом. Он был единственным учеником в ее новой школе, считавшим, что быть отпрыском серийного убийцы – это даже круто. Рикки был *тем самым* парнем: тем, кто заставлял хулиганов и грубых девчонок думать, что они тоже крутые, просто из-за дружбы с ним. Потому что сам Рикки был очень крут. Он делал такие вещи, на которые не осмеливался никто другой.

– Вот он, – прошептал Рикки и указал на окно в задней части дома.

Внутри, на желтоватом фоне неверного света лампы, угадывался сгорбленный силуэт пожилого человека, говорившего по телефону. У него был стационарный телефон, но не было электричества. Старик пользовался пропаном из большой цистерны у заднего окна хижины. У него был газовый обогреватель.

– Ты говорил, что каждый день в это время он забирает дрова, а потом не выходит до утра, – прошептала Тори. – Почему он не выходит?

– Он обязательно выйдет, когда поговорит по телефону или сделает что-то еще. Смотри, он вешает трубку!

И действительно, через две минуты дверь напротив навеса отворилась, и старик вышел на улицу в теплой куртке, вязаной шапке и перчатках. Согбенный от возраста, утопающий в громадной куртке, которая когда-то, должно быть, была ему впору, он побрел через хлюпающий талый снег к своей поленнице, накрытой брезентом. За собой старик тащил примитивные сани. В напряженной, взволнованной тишине Рикки и Тори смотрели, как он накидал кучу колотых дров на волокушу. Потом закрыл поленницу брезентом и потащился к дому по мокрому снегу, подтягивая сани за веревку.

– Он входит в дом, – сказал Рикки.

Тори ощутила внезапный укол паники. То, что они собирались сделать, вдруг показалось неправильным. Слова Рикки зазвучали в ее голове:

«Он едва ли поднимет бучу или хотя бы заметит пропажу. Когда он запрется в доме, мы проникнем под навес и заберем пару бутылок алкоголя. Вот и все. Потом бегом вернемся на гребень холма, сядем в снегоход рядом с осиновой рощей и дадим деру отсюда».

– Уже поздно, – сказала Тори. – Я... я обещала Оливии и Колу, что вернусь домой до темноты.

Рикки повернулся к ней и ухмыльнулся; его глаза были озерцами жидкой черноты на фоне смуглой кожи. Когда он так смотрел, у Тори возникало странное ощущение в животе. Ему еще не исполнилось тринадцати, но он казался гораздо старше и был очень умелым. У Рикки Саймона было неоспоримое преимущество: рядом с ним Тори чувствовала себя живой. Он заставлял ее забывать о поганой неразберихе жизни; попросту говоря, благодаря ему ей хотелось вставать поутру. Рикки был единственным, кто делал ее новую жизнь на ранчо Броукен-Бар сколь-либо сносной. И вдруг все опять стало в полном порядке.

– Ты же не трусишь теперь, правда, Тори Бартон?

– Конечно, нет. Только... нужно сделать это поскорее.

– Вот именно.

Они спустились к старому сараю. Снежная каша быстро застывала на морозе. Когда они подошли к сараю, Рикки выругался.

– Он запер чертов сарай! Раньше он никогда этого не делал.

Ну, конечно: новый латунный замок был продет в петлю металлической створки поперек двери.

– Наверное, сосчитал свои бутылки и увидел недостачу, – сказала Тори, дрожа от холода и радуясь, что сарай вдруг оказался недоступным.

Рикки опустил на корточки и пристально осмотрел навесной замок в угасающем свете дня. Потом усмехнулся:

– Вроде бы понятно.

Рикки пошарил в кармане и достал карманный ножик с рукоятью из кремевой кости, отполированной до полупрозрачности, с инкрустацией в виде маленького лошадиного профиля. Сняв перчатки, Рикки раскрыл одно из мелких приспособлений.

– Пробойник, – шепотом сообщил он. Потом вставил инструмент в замок, закрыл глаза и сосредоточился, аккуратно ворочая железный стержень. Рикки ругнулся на мороз и замерзшие пальцы, а затем выпрямился с широкой улыбкой.

– Готово!

– Где ты этому научился?

– У одного парня из заповедника. Заходи скорее. – Рикки открыл дверь сарая и бросил взгляд на бревенчатую хижину, угрюмо нависавшую в сумерках. Из каминной трубы поднималась струйка дыма.

Оказавшись внутри, Рикки направил луч фонарика на узкие полки вдоль стены. Свет играл на стеклянных бутылках и банках, наполненных жидкостью. Содержимое некоторых из них было прозрачным, как вода; другие имели светло-желтый оттенок лугового меда или более насыщенный цвет жженой умбры. Тори нервно оглядывалась по сторонам. В заднем углу сарая, на некрашеном деревянном столе, стоял медный перегонный куб, соединенный трубками с бочкообразной емкостью. На соседней полке стояли две керосиновые лампы. На другой стене были развешаны инструменты и разное садовое оборудование. Каждая вещь находилась на своем месте. Тори не ожидала, что сарай окажется таким опрятным и хорошо организованным. Она посмотрела на куб.

– Это же незаконно, да?

– Само собой, – ответил Рикки, снимая бутылку с полки и засовывая ее под куртку. Он потянулся за другой бутылкой. – Поэтому он не может сообщить о краже.

– Я думала, что этот старик был полицейским.

– А когда это мешало незаконным делишкам? Уж ты-то должна знать об этом, учитывая, чем занимался твой отец.

– Он был не настоящим, а приемным отцом.

– Ну да, а твой настоящий отец был чокнутым придурком.

– Пошел ты в жопу, Рикки Саймон.

Рикки ухмыльнулся и потянулся за третьей бутылкой, но его рука застыла в воздухе, когда они услышали звук. Оба замерли и прислушались. Звук послышался снова: отчетливое чавканье шагов по мокрому снегу, быстро приближавшееся к ним.

– Он возвращается, – в ужасе прошептала Тори. – Ты же говорил, что он больше не выйдет из дома!

– Это не он; шаги слишком быстрые. Скорее, прячься за столом.

Они нырнули под верстак в дальнем конце сарая, едва втиснувшись между скамьей и стеной. Рикки выключил карманный фонарик, и началось холодное ожидание во тьме. Ветер стонал в древесных кронах, и ветки скрипели и скребли по крыше сарая. Тори стиснула зубы и устремила взгляд на дверь, ожидая увидеть клин желтого света от лампы или ружейный ствол.

Никто не пришел. Звуки прекратились. Потом, когда Тори уже собиралась встать и убраться подальше от этого места, – с Рикки Саймоном или без него, – они услышали громкий хлопок. Она в панике взглянула на Рикки. В полутьме его глаза казались вытаращенными и круглыми, с огромными белками.

– Это выстрел, – прошептал он.

Прижавшись друг к другу, они не смели двинуться с места. Минуты тянулись за минутами. Потом они снова услышали звук шагов по мокрому снегу, еще более торопливых, чем раньше. Шаги приближались к сараю.

– Вот черт, – прошептал Рикки, когда Тори вцепилась в его руку. От ее движения он дернулся и стукнулся об полку, откуда слетела жестяная банка. Крышка отскочила, и на дощатый пол пролилось что-то вроде краски. Никто не произнес ни слова. Желтая жидкость медленно собралась в лужицу и просочилась под скамью.

Человек на улице повернул в сторону от сарая. Чавкающий звук шагов удалился в сторону осиновой рощи за маленьким домом. Они слышали хруст веток, сопровождавшийся резким выхлопом, а потом двигатель снегохода с ревом пробудился к жизни. Рикки немного привстал и выглянул в окошко в задней части сарая, а потом быстро нырнул обратно.

– Я видел его, – прошептал он. – Видел его шлем.

Они послушали, как снегоход уезжает на север, к лесу на

противоположной стороне долины. Вскоре звук стих вдалеке.

– Дьявольщина, – прошипел Рикки. – Нам нужно зайти в дом и посмотреть, что случилось со стариком.

– Не, не надо! – Тори рывком поднялась на ноги и метнулась к двери. – Нам нужно убраться отсюда!

Рикки схватил ее за руку.

– Тори, его могли ранить. Ему нужна помощь. Я собираюсь посмотреть, как он там, – с тобой или без тебя.

Глаза Тори наполнились слезами, а в груди перехватило так, что она не могла вздохнуть. Она не должна была соглашаться с Рикки и приходить сюда. Но она точно не собиралась оставлять его и отправляться в темноту. Только не сейчас. Только не после того, что случилось.

Они вышли из сарая и крадучись пошли по тропинке к дому, досадуя на шум, поднимаемый их собственными шагами по снежному месиву. Они приблизились сзади, где рядом с домом стоял цилиндрический бак с пропаном. Рикки осторожно заглянул в окно гостиной. Тори тревожно оглядывалась на склон холма позади; ее пугала мысль, что человек на снегоходе может сделать круг и зайти им в спину.

– Я вижу его ноги, – прошептал Рикки. – Он сидит в кресле-качалке у камина, на ногах у него шлепанцы, но все остальное закрыто. – Последовала короткая пауза. – Тори, он не двигается. На полу валяются очки... он вообще не шевелится.

Рикки отступил от окна. В сгустившемся сумраке его лицо казалось призрачным, глаза зияли черными дырами. Это еще больше напугало Тори.

– Я захожу в дом, – объявил Рикки.

– Нет, Рикки, пожалуйста! – Она снова ухватила его за руку. – Пожалуйста, давай уйдем отсюда!

Он стряхнул ее руку и направился к двери, движимый тревогой. Тори поспешила за ним, несмотря на ужас, нараставший внутри.

Дверь была слегка приоткрыта – по меньшей мере странно, принимая во внимание холод на улице и крепкий северный ветер. Рикки постучался.

– Мистер Норд, – позвал он. – Капрал Норд!

Ничего, кроме ветра, шелестевшего в безлистных ветвях деревьев.

Рикки открыл дверь пошире. Кухня была освещена мерцающим светом керосиновой лампы, стоявшей на столе. Внутри было тепло, немного пахло дымом и едой из печи. Две тарелки на столе. Рикки осторожно двинулся через кухню в гостиную. Тори последовала за ним и сразу же почуяла какой-то другой запах. Незнакомый, но вызывающий инстинктивное желание немедленно бежать отсюда.

Рикки выглянул из-за угла.

– Вот дерьмо! – Он отпрянул и резко вытянул руку, преграждая ей путь. – Уходи отсюда, Тори.

Его голос звучал очень странно; раньше она никогда не слышала от него такого тона. Рикки сильно побледнел.

Ноги Тори словно приросли к полу.

– Давай же! – Рикки схватил ее за руку, развернул и с силой подтолкнул к кухонной двери. Толчок выбил Тори из равновесия. Она выбросила вперед руку в перчатке, чтобы ухватиться за край стола, но вместо этого сбила керосиновую лампу. Лампа перевернулась и с лязгом упала на пол; стекло разлетелось вдребезги. Керосин разлился по полу и немедленно вспыхнул. Тори придушенно вскрикнула.

Рикки поволок ее к входной двери, и они вместе выкатились на улицу. Он сразу же согнулся пополам, и его вырвало в снег. На кухне занималось потрескивающее пламя.

– Р-Рикки? – пробормотала Тори.

Рикки посмотрел на нее, но ничего не сказал, как будто старался прояснить голову и найти подходящие слова. Как будто старался совладать со своим телом. Когда он заговорил, его голос заметно дрожал.

– Он... он сидел там. В кресле-качалке, но... между ног он держал ружье. Приклад упирался в пол, а ствол был направлен туда, где его рот... Он вышиб себе мозги.

В доме что-то грохнуло и затрещало. Огонь поднимался по кухонным занавескам, заставляя их развеиваться, как от ветра, пока они сгорали за окном.

– Нам нужно позвать на помощь! – закричала Тори, охваченная паникой, заглушавшей голос рассудка. – Нужно позвать на помощь!

Рикки взял Тори за руку.

– Нет, Тори. Вот теперь нам нужно убираться отсюда.

– Но старик...

– Он мертв, Тори. Мертвое не бывает. В этом мире ему уже ничто не поможет. Пошли!

Тори воспротивилась, несмотря на жгучие слезы.

– Но пожар, Рикки, это же из-за...

Очередной взрыв на кухне выбил окно. Стекло разбилось, и осколки разлетелись по снегу. Языки пламени с клубами черного дыма вырвались из окна и поползли к двери, жадно поглощая кислород. Рикки потянул Тори за собой.

– Пошли!

Они побежали, спотыкаясь и оскальзываясь на склоне, где снег начал подмерзать и покрылся ледяной коркой. У вершины невысокой гряды, где росли осины, они пробежали через рощу. Тори упала в снег, стукнувшись головой о ствол дерева. Она встала на нетвердых ногах и побрела туда, где Рикки оставил свой снегоход.

Рикки уже занял водительское место и завел мотор – старый и громкий двухтактный двигатель, а не тот мощный движок, звук которого они недавно слышали. Тори уселась сзади и обхватила Рикки за пояс. Рикки поддал газу, и они тронулись с места в облачке голубоватого дыма.

Тори не оглянулась, когда позади грохнул очередной взрыв и огонь с ревом и треском охватил дом, стоявший посреди безмятежного ландшафта. Ледяной ветер доносил до ребят резкий, едкий запах дыма. Они тряслись и подпрыгивали на высокой скорости, пересекая снежные поля; с каждым толчком Тори вздрагивала и чувствовала, как будто ее ударяли по копчику деревянным молотком.

В ясном куполе наверху высыпали булавочные огоньки звезд – местами так густо, что они казались небрежным мазком молочной краски, пересекавшим небосвод. А на дальнем горизонте, над хребтом Марбл-Маунтинс заискрилась мягкая зеленоватая дымка северного сияния.

Но Тори могла думать только о старике Ное Норде, сгоравшем в бревенчатой хижине.

Это она была виновата. Пожар начался из-за нее.

Глава 3

Оливия Уэст смотрела на Эйса, старого кобеля немецкой овчарки, дремавшего перед очагом. Его передние лапы слабо подергивались, пока он преследовал воображаемого кролика на весеннем поле, словно щенок, которым он был когда-то. Во всяком случае, так казалось Оливии.

Но его задние ноги оставались неподвижными. Скоро они будут совершенно парализованы. По словам ветеринара, это называлось «дегенеративной миелопатией». Тот день, когда она остановила свой автомобиль, чтобы отлепить Эйса от дороги, стал поворотным моментом в ее жизни. Она спасла его, а он спас ее. До Эйса Оливия была жертвой сексуальной агрессии и похищения. Вместе с ним она научилась быть храброй. Вместе с ним она преодолела свое положение беспомощной жертвы. Благодаря Эйсу она перестала прятаться и отстояла свое право на материнство. Благодаря этому старому псу она сейчас находилась здесь и сидела в библиотеке на ранчо Броукен-Бар, которое теперь принадлежало ей и Коулу Мадона – мужчине, который уважал и любил ее и хотел быть ее спутником до конца странствия, называемого жизнью.

А потом она воссоединилась со своей дочерью Тори, которая была зачата, пока Оливию держали в заточении и многократно насиловали. На позднем сроке беременности ей удалось бежать.

Но величайшим вызовом для нее теперь было материнство. Она чувствовала, что теряет Тори, хотя и вполне поняла, каково быть матерью и завоевывать детскую любовь и доверие.

Оливия глубоко вздохнула. Это будет нелегко, но она на своем веку испытала больше, чем может вытерпеть большинство людей. Она *могла* это сделать, значит, она это сделает.

– Эйс еще сможет гулять самостоятельно, когда получит инвалидную коляску для задних ног, – сказал Коул из угла библиотеки, где он сидел за столом и разбирал бумаги своего недавно умершего отца.

Оливия подняла голову. Коул внимательно смотрел на нее глубоко посаженными серыми глазами. Он был зорким наблюдателем, знатоком человеческой натуры, каталогизатором фактов и толкователем мелких признаков. Его навыки были отточены годами журналистских расследований. Эти навыки принесли ему награды за документальные произведения. Коул был человеком монументального телосложения, чьи

сочинения отличались суровой жизненной энергией под стать его облику. Он писал о смельчаках и авантюристах, о ценности выживания в прямом смысле слова. Но несмотря на очевидный шовинизм его «мужественной» прозы, в ней присутствовал деликатный, сочувственный взгляд на мир и на людей в этом мире. Благодаря этой стороне своей личности он показал Оливии, как можно снова научиться доверять людям.

Но она не позволяла ему полностью войти в ее жизнь; она просто не могла этого сделать. Еще не пора. Еще рано. Она хотела любить его безраздельно и до сих пор боролась с собой из-за этого, возможно, точно так же, как Тори боролась с собой за признание Оливии своей матерью.

Коул тоже действовал осмотрительно. Одной из главных проблем для Оливии был секс. Вероятно, после месяцев сексуального рабства с этим уже ничего нельзя будет поделать. Коул настоял на том, чтобы Оливия пользовалась главной спальней в семейном доме, который его отец предпочел завещать Оливии, а не своему сыну. Сам Коул спал и работал в одной из небольших бревенчатых хижин у озера. Это решало вопрос общей супружеской постели... по крайней мере, на какое-то время.

– Думаю, ему все равно понравится передвигаться на колесах. Или на лыжной коляске, когда он привыкнет. Ветеринарная клиника на днях должна получить колесный и лыжный комплект для него.

Оливия поднялась со стула и подошла к большому панорамному окну с видом на хижины и заснеженное озеро. На улице почти совсем стемнело. В небе переливалось северное сияние. Оливия сложила руки на груди и обратила внимание на подъездную дорожку. Никого и ничего. Она передернула плечами.

– Тори обещала вернуться до наступления темноты. Мне не следовало отпускать ее с этим парнишкой.

– С Рикки?

– От него только и жди беды. Я хотела отказать ей, но мне слишком часто приходится что-то запрещать. Иногда... иногда я просто не знаю, где нужно провести черту, Коул. Я еще не умею *быть матерью*.

Коул встал, подошел ближе и положил руку ей на плечо.

– До сих пор у тебя замечательно получалось.

– Нет, – решительно сказала Оливия, глядя в сгущающуюся тьму. – Не существует руководства для воспитания дочери, родившейся в результате сексуального насилия. Я убила ее отца, я своими руками убила моего насильника и похитителя, но при этом он был ее отцом. Как она справляется с этим? Да еще и вдобавок к потере обоих приемных родителей?

– Так и справляется, работая с психотерапевтом. Вы обе делаете маленькие шаги навстречу друг другу. Так или иначе, Лив, мы все пытаемся чего-то добиться в жизни, а что еще нам остается?

Оливия закусила губу и кивнула.

– А в следующий раз пусть она обязательно возьмет с собой радиотелефон, чтобы оставаться на связи.

Оливия снова кивнула. За исключением некоторых уголков, включая участок вокруг дома, мобильная связь здесь практически отсутствовала. Оливия напряглась, когда на подъеме внезапно появился свет прожекторной фары. Снегоход. Он подсакивал на взгорках, потом свернул на подъездную дорогу и с ужасающей скоростью заскользил к дому.

– Я собираюсь задать этому Рикки Саймону хорошую взбучку за такой стиль вождения, – отрезала Оливия, направляясь к двери. – Он может погубить их обоих.

Оливия поспешно спустилась по лестнице в прихожую и распахнула большую деревянную дверь как раз в тот момент, когда снегоход затормозил у самого крыльца. Оливия вышла на крыльцо, и ее моментально окатило холодом. Водитель рывком сорвал с головы шлем, не глуша двигатель. У Оливии упало сердце.

Это был Дэйв Бранниган, наемный работник у них на ранчо. Он тяжело дышал, выпуская облака пара, оседавшие инеем у него на лице.

– Пожар! – крикнул он из-за рокота двигателя. – Хижина Ноя Норда охвачена огнем! Нам нужны добровольцы, пока пожарные с мотопомпами не приедут из Клинтона, а это займет около часа по таким дорогам.

Коул вышел на крыльцо и встал рядом с Оливией.

– А что с Ноем?

– Думаю, он все еще внутри. – Бранниган вытер лоб ладонью в перчатке. – Вы созовете добровольцев, которые могут приехать туда? Я направляюсь на ранчо Хогена и посмотрю, сможет ли Эш оказать помощь. Буду на связи по рации.

Он водрузил шлем на голову, опустил козырек и с ревом тронулся с места. Прожекторная фара его снегохода узким лучом прорезала снежную тьму.

Коул посмотрел в глаза Оливии. Она понимала, что оба они думают примерно одно и то же: состарившийся пьяный отставной полицейский сержант в очередной раз напился, опрокинул керосиновую лампу и в конце концов спалил свою ветхую бревенчатую хижину вместе с собой.

– Я начну звонить, а ты подготовь снаряжение, – сказал Коул,

развернувшись и шагнув обратно в дом. Но когда Оливия собралась последовать за ним, на подъездной дороге появился еще один снегоход. Этот ехал медленнее.

Рикки и Тори остановились перед домом; двигатель снегохода натужно кашлял и изрыгал клубы бензиновых выхлопов. Облегчение затопило Оливию, как теплый прилив. Ребята оба были без шлемов, но разбирательства можно отложить на завтра.

– Тори! – воскликнула она, перекрикивая шум старого двигателя. – У Ноя в доме пожар. Мы с Коулом отправляемся туда. Иди в дом и *никуда не выходи*, слышишь? Рошен приготовила ужин.

Тори прыгнула на землю, но Рикки смотрел прямо перед собой над лучами фар, устремленными во тьму, не снимая рук с руля. *В другой раз*, подсказал Оливии внутренний голос, редко подводивший ее.

Даже не взглянув на нее, Тори поднялась на крыльцо и скрылась в доме. Запрокинув голову, она побежала вверх по лестнице, не снимая зимних сапог.

В другой раз.

Оливия вошла в коридор, когда появился Коул с ее снаряжением: куртка, синтепоновые штаны, утепленные рукавицы и шлем. Он протянул вещи Оливии, глядя на Тори, поднимавшуюся по лестнице.

– Разберемся потом, Лив, – прошептал он. – Нам нужно идти.

* * *

Тори смотрела, как Оливия и Коул уезжают в ночь, из окна библиотеки на втором этаже. Темнота поглотила их, а слова Рикки снова и снова эхом отдавались в ее голове:

«Он мертв, Тори. Мертвое не бывает. В этом мире ему уже ничто не поможет».

Тори судорожно вздохнула, когда припомнила их ссору во время бегства из пылающей хижины. Рикки остановил снегоход и повернулся к ней.

– Тори?

Его голос был хриплым, взгляд – диким. Тори отвернулась и стиснула зубы. Она не могла нормально думать о том, что произошло несколько минут назад. Мысли и чувства были спутаны в бесформенный клубок. Она едва могла дышать.

– *Посмотри на меня, Тори.*

Медленно, очень медленно она посмотрела Рикки в глаза. К горлу

подкатил комок, от которого хотелось заскулить.

– Мы никогда и никому не расскажем о том, что были там, ясно? Ты это поняла? Если полиция узнает, что мы крали его алкоголь, эту чертову брагу, или что мы устроили этот пожар, я в полном ауте. Понимаешь, что это значит? Они вычеркнут меня из программы восстановительного правосудия и отправят в колонию для несовершеннолетних. Из-за рецидива. Меня уже арестовывали за кражу со взломом в Клинтоне. У меня больше нет шансов. А ты, Тори, ты – дочь садиста и убийцы. Они станут допытываться, сколько папиной крови течет в твоих венах, насколько ДНК Юджина Джорджа определяет твоё мышление. Сечешь, что я имею в виду? Они будут спрашивать, зачем ты устроила пожар. Ты меня понимаешь? Ты должна поклясться своей жизнью, что никогда никому не скажешь. Сделай это, Тори. Сейчас.

Ее затошнило.

– Мы... мы должны были вызвать пожарных. Мы...

– Как бы мы их вызвали? Здесь нет проклятой мобильной связи. А он умер, ясно? С этим больше ничего не поделаешь. А я не могу отправиться в колонию! Это убьет меня, Тори, просто убьет, и все.

– Почему ты так настаивал, чтобы мы именно сегодня отправились за брагой? – Она истерически повысила голос: – Почему ты захотел поехать сегодня, а не в другой день?

Рикки замолчал и отвернулся. Северное сияние над головой изменило цвет со светло-зеленого на злоевищий розовато-желтый оттенок.

– Потому что сегодня мой день рождения, – тихо ответил он. – Мне исполнилось тринадцать лет.

Его глаза подозрительно заблестели, и Тори поняла, что крутой Рикки Саймон очень расстроен. Ему плохо, и он готов расплакаться.

– А ты... – Она сглатывает. – Ты получил подарки? От отца и матери?

– Господи, что за тупой вопрос, да еще теперь! Кому какое дело до дней рождения, когда тебе уже тринадцать лет?

Ей захотелось сказать: «А мне есть дело». Но семья, которую Тори имела несколько месяцев назад, вовсе не была той «семьей», которую она имела сейчас. Она не получила никаких шансов отпраздновать свое тринадцатилетие вместе со старой семьей. Ее мир перевернулся вверх тормашками, когда мать погибла в горах, а потом приемный отец отправился на охоту за серийным убийцей, который был отцом Тори. В итоге все это привело ее в Броукен-Бар и к Оливии, ее настоящей матери. С тех пор Тори жила в мире кошмаров, в темном и вывернутом наизнанку

мире, зеркально отражающем настоящий, и не знала, что с этим поделать.

– Мне есть дело, Рикки, – тихо сказала она.

Рикки жестко провел по рту рукой в перчатке.

– Ну да, отлично. Это приятно слышать. Иногда ведь хочется развлечься в одиночку, потому что всем наплевать, понимаешь?

– Понимаю.

Он кашлянул и глубоко задышал.

– Мы не сделали ничего плохого. Просто взяли пару бутылок браги из сарая. Ничего страшного.

Он расстегнул куртку и достал одну из украденных бутылок. Открыл пробку и предложил Тори.

Она сделала глоток, и жидкое пламя обожгло ей горло. Она закашлялась, смахивая слезы. Но Рикки был прав. Тепло, разливающееся в груди, доставляет удовольствие. Тори еще раз глотнула и передала ему бутылку. Он сделал несколько коротких глотков, вытер рот и закрыл бутылку.

– Лучшие?

Тори кивнула и криво улыбнулась.

– Клянешься, что никому не скажешь?

– Да, клянусь.

Рикки нагнулся и быстро поцеловал ее в губы. Его губы были холодными и шершавыми от непогоды, и от него пахло брагой. Тори показалось, что это самый поразительный в ее жизни вкус. Это придало ей смелости, и она спросила:

– Что ты видел, когда выглянул в окно сарая? Ты сказал, что видел его ишем. Как он выглядел?

– Я тебе не скажу. Об этом ты тоже не сможешь никому рассказать, и это будет наверняка.

Тори вздрогнула.

– Тори!

Она охнула и развернулась на звук голоса, позвавшего ее по имени. Рошен, новая домохозяйка и повариха, недоуменно смотрела на нее, стоя на пороге библиотеки и держась за дверную ручку. Сердце Тори гулко стучало в грудную клетку. Ей показалось, что Рошен подслушала ее мысли, как будто она думала вслух.

– В кухне на плите тебя дожидается вкусный суп, – сказала Рошен.

– Я не хочу есть. – Тори боком прошла мимо нее и направилась к

лестнице.

– Где вы были с Рикки сегодня вечером? – окликнула ее Рошен.

Тори на секунду замерла перед ступенями.

– Просто катались. Ничего особенного.

И она побежала с такой скоростью, что когда обогнула угол лестничной площадки, показалось, будто вот-вот разорвется сердце.

Глава 4

Карибу-Кантри, 14 января, понедельник

Ребекка сидела на пластиковом стуле в приемном покое клиники «Девилс-Батт», все еще одетая в костюм для выступления в суде.

Напротив нее громадный мужчина старше шестидесяти нервно теребил окладистую седую бороду. Его наряд, по сути дела, был форменной одеждой для сотрудников клиники: теплая фланелевая рубашка, кархартские^[1] рабочие брюки с теплой подкладкой и ботинки на меху. Сидевшая рядом с ним женщина в тускло-коричневой униформе местного сетевого фастфуда прокручивала сообщения на своем мобильном телефоне и жевала резинку. В дальнем конце приемного покоя молодая мать старалась успокоить сопливого малыша в зимнем комбинезоне. В воздухе висел тяжелый больничный запах. Ребекка чувствовала себя нехорошо.

Сообщение, которое она обнаружила на телефоне в среду вечером, снова и снова прокручивалось у нее в голове.

«Ребекка Норд? Сержант Норд? Это капрал Бак Джонстон из клинтонского отделения РМСР^[2]. Пожалуйста, свяжитесь со мной по данному номеру. Это срочно».

Ребекка знала Бака. Она училась с ним в одной школе. Когда Ребекка услышала его голос, то сразу же поняла: с отцом случилось что-то страшное. Она позвонила немедленно.

«Мне очень жаль, Бекка, но у нас плохие новости... Ружье двенадцатого калибра. Самоубийство. Пожар... Тело отвезли в морг клиники «Девилс-Батт». Вскрытие назначено...»

Она сделала глубокий вдох и заставила себя обуздать бурные чувства, готовые вырваться наружу. Усталость, потрясение и смена часового пояса – все это затрудняло привычный контроль над собой.

«Мы хорошо осмотрели место происшествия, Бекка, и не нашли никаких оснований для уголовного расследования. Все свидетельства указывают на самоубийство. Теперь дело находится в ведении коронера».

Из-за рекордных метелей и снегопадов, которые привели к закрытию аэропортов и причинили несказанные бедствия по всему Восточному побережью вплоть до Калгари, Ребекке понадобилось пять дней, чтобы добраться туда. Она проводила ночи в залах ожидания аэропортов вместе с

сотнями таких же страдальцев.

По крайней мере, вчера вечером ей удалось зарегистрироваться в мотеле в Камлупсе, где она смогла вымыться под горячим душем, сменить нижнее белье и надеть чистую блузку, прежде чем отправиться в Девилс-Батт на автомобиле, взятом напрокат.

Ее родной городок Клинтон был слишком мал, чтобы иметь собственный морг, поэтому останки ее отца доставили в более крупный город, Девилс-Батт, на севере, где имелась настоящая больница и вспомогательные помещения.

А теперь они уже сделали вскрытие.

Ребекка знала, что в случае внезапной и очевидно ненасильственной гибели формальная обязанность coronera заключалась в том, чтобы как можно скорее распорядиться о вскрытии тела и подтверждении причины смерти. Для этого не требовалось согласия членов семьи. Ребекке также было известно, что расследование причин пожара по закону должно осуществляться в течение трех рабочих дней.

У нее горели глаза.

Ей следовало серьезнее отнестись к отцовскому звонку и расценить его как призыв о помощи.

Теперь уже поздно. Теперь он мертв, обгорел и подвергся вскрытию. А ей остается лишь дожидаться чужого вердикта.

– Ребекка Норд?

Она вздрогнула, не заметив приближения бойкой женщины лет сорока пяти с выбеленными светлыми волосами и асимметричной стрижкой. Яркие голубые глаза как будто танцевали за черепаховой оправой ее очков, и от женщины исходила бодрящая энергия.

– Долго не виделись, Бекка. – Женщина протянула изящную бледную руку. – Хотя я предпочла бы встретиться с тобой в более благоприятных обстоятельствах.

Смутившись, Ребекка медленно поднялась на ноги. Она была гораздо выше худощавой незнакомки. Они обменялись рукопожатием.

– Мы знакомы?

– Дикси, – сказала женщина. – Дикси Скотт Маккракен. Теперь я местный coroner. – Она слегка улыбнулась. – Понимаю, и впрямь прошло немало времени.

– Я... Дикси? Из офиса доктора Маккракена?

– Она самая. Его жена. Мы поженились еще до того, как ты уехала из города, но, не сомневаюсь, тогда у тебя на уме было много других вещей.

– Я тебя не узнала.

– Возраст. – Дикси снова улыбнулась. – Это как волшебство. Но я бы узнала тебя где угодно, потому что следила за новостями о том громком судебном процессе.

Ребекка сглотнула. Никто не называл ее Беккой на востоке, откуда она приехала. В той реальности, в мире беловоротничковой преступности, она была Ребеккой, детективом Канадской королевской конной полиции. Или сержантом Норд. Когда миниатюрная жена их старого семейного врача назвала ее Беккой, она снова почувствовала себя маленькой девочкой. Или неуклюжей девушкой-подростком, какой она была, когда уехала из города и с тех пор не оглядывалась назад.

– Ты уверена, что хочешь видеть своего отца в таком состоянии? Несмотря на интенсивные ожоговые повреждения, мы получили положительную идентификацию личности, поэтому нет надобности...

– Я должна увидеть его.

Дикси выдержала паузу, как бы давая Ребекке время пересмотреть ее решение и уйти. Но Ребекка молча стояла на своем.

– Тогда нам сюда. – Дикси повела ее к лифту.

– Насколько я понимаю, констебль Джонстон передал тебе, что это расследование теперь находится в ведении коронерской службы? – поинтересовалась она, когда нажала кнопку со стрелкой вниз.

– Да. – Ребекка встретила взглядом с маленькой женщиной-коронером. – Все совершенно уверены, что это было самоубийство? Что нет никаких оснований для уголовного расследования?

Дикси нахмурилась:

– Для составления официального отчета понадобится определенное время, но да: мы пришли к предварительному выводу, что Ной умер в результате самострела, ружейного выстрела в голову примерно в то время, когда в доме начался пожар.

Двери лифта раскрылись. Когда они вошли внутрь, Дикси ненадолго замолчала и нажала кнопку подземного этажа. Двери бесшумно закрылись.

– Первично расследование проводили местный отдел RMCP и провинциальный отдел расследования причин пожаров, но они не обнаружили ничего подозрительного, – продолжила Дикси. – Все обстоятельства указывают на то, что твой отец решил свести счеты с жизнью. Мне действительно жаль, Бекка.

С каждым метром спуска Ребекка ощущала, как у нее растет давление. Она не была уверена, что сможет справиться со зрелищем обгоревшего тела отца на металлическом столе в морге. Ее лицо пылало. Казалось, что лифт давит на нее со всех сторон. Она кашлянула, прочищая горло.

– Как начался пожар?

– Судя по всему, причиной возгорания была керосиновая лампа на кухне, которую опрокинули незадолго до того, как он застрелился в гостиной. Он определенно умер до начала пожара. Мы не нашли никаких признаков вдыхания дыма в трахее и легких.

Двери лифта распахнулись на уровне подземного этажа. Мерцали флуоресцентные лампы. Приближаясь к матовой стеклянной двери морга в конце коридора, Ребекка спросила:

– Как вы произвели опознание?

– Выстрел из ружья был сделан в рот из сидячего положения; выходное отверстие пули находилось в задней части черепного свода. Поэтому большая часть его челюсти осталась неповрежденной. Для сравнения мы воспользовались прижизненными стоматологическими данными и рентгеновскими снимками. Его дантист и его семейный врач – то есть мой муж Боб – снабдили нас информацией, связанной с состоянием его здоровья. Они опознали Ноя.

Такова была манера маленьких городков: все называли друг друга по имени. Все знали друг друга. Гордиев узел взаимосвязей. Дикси была медсестрой, работавшей ассистенткой у доктора Боба Маккракена, прежде чем выйти за него замуж, а теперь она стала коронером, ведущим расследование гибели одного из пациентов ее мужа.

Ребекка тоже была одной из старых пациенток доктора Маккракена, а теперь она ждала, когда Дикси покажет тело ее отца на столе морга.

Если бы она только смогла вернуться домой после его звонка и последний раз увидеть его живым! Возможно, ей удалось бы предотвратить такой конец.

– Я попросила присутствовать патологоанатома Берта Спайкера. Он сможет ответить на любые вопросы о вскрытии, которые у тебя появятся, – с этими словами Дикси нажала кнопку на стене, и матовые створки двери морга разошлись в стороны.

Глава 5

Началась перемена. Рикки и Тори укрылись от ветра за стеной спортзала, где Рикки тайком закурил сигарету.

– Мне страшно, Рикки, – сказала Тори и пнула кусок грязного льда. После недавнего происшествия она чувствовала себя отвратительно и *должна* была с кем-то поговорить об этом. Но она ничего не могла сказать Оливии, Коулу или своему терапевту. И никому другому. Иначе Рикки отправят в колонию для несовершеннолетних.

– Перестань нервничать. Уже прошло около недели, и все говорят, что это самоубийство и случайный пожар, – копы, пожарные, все остальные. Никто не знает, что мы там были.

– Но мы-то знаем, что кто-то был там, когда умер Ной Норд.

Рикки глубоко затянулся сигаретой. Тори не нравился запах, но она терпела, потому что это выглядело как проявление мятежного духа. Рикки выпустил струю дыма, которая кристаллизовалась в виде облака вокруг его лица. У Рикки под глазом красовался свежий синяк. Тори хотелось спросить, как это произошло, но в прошлый раз, когда она поинтересовалась причиной очередной травмы, Рикки взбесился и целую неделю не разговаривал с ней.

Ветер проносился над футбольным полем и задувал за угол. Тори засунула руки поглубже в карманы куртки. У нее онемели пальцы ног и горели кончики ушей. Мысленно она снова и снова переживала сцену пожара. У осин и тополей были глаза. Деревья *знали*, что они сделали. У Тори оставалось стойкое впечатление, что запись их поступков каким-то образом сохранилась в той осиновой роще. Ее приемный отец расследовал дела об убийстве. Он говорил ей, что каждый человеческий поступок оставляет свой след. Даже если он не сразу замечен, он остается видимым для тех, кто знает, как нужно искать. Она была уверена, что кто-то придет туда, где жил Ной Норд, и найдет этот след. Узнает о том, что она сожгла человека.

– Послушай, детка. – Рикки сделал последнюю затяжку, бросил окурок и втоптал его в лед. – Ты не сделала ничего плохого.

– Не называй меня деткой! – отрезала Тори. – Ты всего на несколько месяцев старше меня!

Рикки изогнул шею, и в его темных глазах промелькнул знакомый

озорной огонек. Уголки губ приподнялись в насмешливой улыбке. Тори внутренне затрепетала, когда вспомнила прикосновение его губ к своим. Узел в животе немного расслабился. Совсем немного.

– Не шути со мной, Рикки, – проворчала она. – Это не смешно.

– Но это правда, – возразил Рикки. – Это я забрал чужую выпивку, а не ты. Ты всего лишь опрокинула лампу, потому что я дернул тебя и заставил оступиться.

Он замолчал, предлагая ей мысленный путь к спасению.

«Давай, Тори. Соглашайся. Это подушка безопасности».

– Если ты расскажешь им, Тори, то, наверное, они простят тебя. А я? Меня пошлют подальше отсюда. – Рикки помедлил. – Ты как, нормально?

Прозвенел школьный звонок.

– Я... я просто не могу отвязаться от мысли, что Ноя Норда убил тот человек на снегоходе, – тихо сказала Тори. – Если он узнает, что ты видел его, то он не будет знать, что я его не видела. Я вряд ли останусь в безопасности, если не буду знать, как он выглядит.

Лицо Рикки сделалось очень серьезным.

– Это другое дело. Сейчас он *не знает*, что мы прятались в том сарае. Но если ты разболтаешь, то он может узнать, и тогда... да, он придет за нами, чтобы заткнуть нам рты. – Он следил за ее лицом. – Ты подумала об этом?

Тори сглотнула. Конечно, она думала об этом.

– Мы *должны* держать это в тайне, Тори, – прошептал он.

* * *

Оливия наклонилась перед порывом тонкого белого снега, занесенного с озера, когда она прокладывала путь к маленькой бревенчатой хижине, где Коул проводил большую часть времени за сочинением своей новой книги. Она оставила Эйса в главном доме; земля была слишком скользкой для его разъезжающихся ног.

Когда она достигла двери хижины, то услышала звук снегохода, приближавшегося к дому. Из-за деревьев она увидела, как кто-то остановился у крыльца. Кем бы он ни был, Рошен позаботится о нем.

Оливия помедлила, прежде чем постучать в дверь. Ей не особенно нравилось нарушать творческий процесс Коула, но дверь распахнулась, прежде чем она успела передумать. Он стоял в двери с улыбкой на побитом жизнью лице. Из хижины струилось тепло от чугунной печи. Уютно пахло кофе и дымом.

– Я видел, как ты приехала. – Коул посторонился, пропуская Оливию, и

закрыл за ней дверь.

– Знаешь, ты мог бы работать в домашней библиотеке, – сказала Оливия.

– Мне здесь нравится, – он улыбнулся еще шире. Но подводные течения – причины, по которым он давал ей больше свободного места, – оставались неизменными. Он ждал, пока она будет готова к большей близости.

– Кофе?

– Нет, спасибо. – Оливия помедлила. – Я... я ненадолго. Мне просто нужен твой совет, Коул, прежде чем отправиться в Клинтон и забрать Тори от психотерапевта.

Его улыбка померкла.

– Какой именно?

Оливия тяжело вздохнула:

– После пожара у Тори начались кошмары. Я слышала, как она плакала по ночам. А сегодня утром, когда я вошла в ее комнату, я обнаружила это.

Она расстегнула куртку, достала пустую бутылку и протянула Коулу. Он открыл бутылку и осмотрел маркировку на доньшке. Потом вскинул голову и посмотрел на Оливию.

– Думаю, она пила в своей комнате, – сказала Оливия.

– Лив, это брага Ноя Норда. Он датировал и отмечал свои партии с помощью этих значков.

– Знаю. – Она немного помедлила. – Думаю, она была там в тот вечер, когда случился пожар. Вместе с Рикки.

Глава 6

Помещение, где проводились вскрытия, было похоже на многие другие, которые Ребекке пришлось посещать за годы службы в полиции: голые трубы, сливы в кафельном полу, сосуды с рассеченными частями тела в формалине на полках, каталки и манипуляторы. Стальной шкаф для трупов с регулируемым температурным режимом. Но запах... к этому Ребекка так и не смогла привыкнуть.

В центре комнаты находился стол для вскрытия с большими металлическими весами старомодного бакалейного типа в ногах. На столе лежало тело, накрытое белой простыней.

У Ребекки свело живот. В голове раздался тихий звон.

– Ребекка, это доктор Бен Спайкер, – сказала Дикси.

Доктор Спайкер, весьма внушительный мужчина, стоял возле умывальника и споласкивал руки. Обсушив их, он повернулся и шагнул вперед. Его округлое лицо было таким же мясистым и тяжеловесным, как и все тело.

– Сожалею о вашей утрате, сержант Норд, – произнес он, со щелканьем натягивая резиновые перчатки. Его голос был гнусавым и странно высоким для такого объемного туловища.

Дикси предложила Ребекке жесткую белую маску. Ребекка покачала головой. Она хотела полностью осознавать все сенсорные сигналы, пусть даже это выглядело как разновидность самобичевания. За то, что ее не было рядом с отцом. Сама Дикси надела маску.

Доктор Спайкер немного отвернул простыню, открыв голову ее отца и верхнюю часть его плеч.

Ребекка вздрогнула и поборолла желание отпрянуть назад.

Голова представляла собой почерневший бесформенный комок с белыми зубами, стиснутыми в смертной судороге.

Несмотря на прохладу в помещении морга, несмотря на то, что останки ее отца сохранялись при минусовой температуре, запах горелой человеческой плоти мгновенно ударил в ноздри. Свиная, печеночная, почти мускусная сладость. Густота, проникающая в рот и оставляющая долгий след на обонятельных рецепторах.

Однажды пожарные рассказали ей, что когда человеческое тело сгорает целиком, то обогащенная железом кровь, которая запекается внутри, имеет

металлический запах с привкусом меди. Внутренние органы, которые редко сгорают полностью из-за высокого содержания жидкости, пахнут как подгоревшая печенка. А спинномозговая жидкость спекается в мускусную жижу со сладким ароматом. К горлу подкатил комок желчи, желудок всколыхнулся.

То, что лежало на столе, не было похоже на человека, тем более на ее отца.

Полицейские из отдела убийств иногда называли обгоревших покойников *хрустящими жучками*. Юмор висельников, помогавший скомпенсировать нормальную человеческую реакцию. Но ничто – буквально *ничто* – не могло подготовить Ребекку к этой обгорелой, почерневшей коже, местами растрескавшейся и обнажавшей бледно-розовую плоть с прожилками желтого подкожного жира. Звон в ушах становился все громче. Время тянулось бесконечно. *Логика. Реальность.*

– Отодвиньте простыню, – велела Ребекка.

Доктор Спайкер посмотрел на нее, потом на Дикси. Та еле заметно кивнула. Патологоанатом сдвинул белую ткань над скрученными останками. Руки отца превратились в черные обугленные когти.

Вскрытие было проведено по свежему трупу. Кожа местами отслоилась, обнажая бело-розовую плоть. Это тело, обгоревшее до неузнаваемости, некогда было отцом Ребекки. Одиноким отцом, который воспитал ее. Отцом, который держал ее за руку, штопал дырки на коленках и учил стрелять.

Тем, кто сидел с ней долгими вечерами, когда ее мать скоропостижно скончалась от рака в весенний день, незадолго до двенадцатилетия Ребекки.

Ее сердце билось так часто, что она испугалась обморока.

Рвотные позывы были почти неукротимыми. Вид и запах – все вызывало тошноту. Но пока Ребекка сражалась за выдержку и контроль, за способность просто вдыхать этот запах, ее внезапно пронзила раскаленная игла ярости. *Ублюдок*. Как он мог так поступить с ней?

Как *она* могла это допустить?

– Вы уверены, что это он? – требовательно спросила Ребекка. Излишний вопрос, но она не могла удержаться. Ей не хотелось верить. Происходящее казалось ужасной ошибкой.

– Да, если судить по прижизненным показателям, – слышался гнусавый голос Спайкера. Как будто убедившись, что Ребекка нуждается в дальнейшем объяснении, он добавил: – В человеческом теле насчитывается двести шесть костей, и каждая из них уникальна. Это обеспечивает

надежную основу для идентификации, если имеются рентгеновские снимки, сделанные при жизни. В нашем случае покойный на каком-то этапе своей жизни раздробил лучевую кость и имел вживленную хирургическую пластинку в правой руке.

– Это был укус старой полицейской овчарки. – Ребекка кашлянула и шагнула ближе, сосредоточившись на осмотре тела. Как ни странно, челюсть практически не пострадала, но Ребекке еще не приходилось видеть последствия выстрела в открытый рот. Она ощущала, что Дикси и доктор Спайкер наблюдают за ней, оценивают ее. Тихий шепот, зародившийся в душе Ребекки, зазвучал с неожиданной силой, так что волосы на шее инстинктивно зашевелились. Она *не могла* поверить, что ее отец сотворил такое с собой. Особенно с учетом того телефонного звонка. Того страха, который Ребекка слышала в отцовском голосе.

«Вчера вечером. Думаю, он прятался снаружи, за осинами. Следил за моим домом. Позавчера вечером кто-то следовал за мной в темноте до самого дома. Думаю, он знает то, что известно мне».

– Оружие нашли рядом с его телом? – спросила она.

– Помповый дробовик Моссберга двенадцатого калибра, – ответила Дикси. – Реконструкция показывает, что он сидел на стуле в гостиной с ружьем между ног. С оружия были собраны отпечатки пальцев вашего отца. Такие отпечатки могут выдерживать температуру до ста градусов Цельсия в течение нескольких часов, – пояснила она. – Примерно один из пяти предметов, собранных на месте пожара, содержит фрагменты дактилоскопического узора, пригодные для восстановления по стандартной процедуре.

– Если он застрелился, сидя в кресле, то почему он находится в такой позе, со скрюченными руками? Почему кожа на тыльной части его предплечий рассечена, как бывает при ножевых ранениях, когда человек пытается закрыть руками?

– При интенсивном горении тела приобретают характерные защитные позы, – сказал Спайкер после небольшой паузы. – Если в этом есть какое-то утешение, сержант Норд, то он определенно скончался прежде, чем обгорел.

Проклятые, никчемные мелкие соболезнования.

– А вы совершенно уверены, что причиной смерти была травма, полученная от ружейного выстрела? – Ей нужно было задать этот вопрос и услышать подтверждение от патологоанатома. Еще раз.

Спайкер кивнул:

– Если вы посмотрите на рентгеновские снимки на этом экране, – он

указал на монитор, висевший на стене с его стороны, – то увидите, что ружейный ствол прикасаясь к нёбу, а дробины двигались вверх и назад. Как можно видеть, некоторые из них до сих пор находятся внутри черепа. На следующем снимке видны обширные повреждения мозга. Пострадал ствол мозга, а вот здесь... – он показал, – можно видеть другие пострадавшие области, включая продолговатый мозг, ткань мозжечка, средний мозг, варолиев мост и основание затылочной доли.

Спайкер обратился к своим записям, лежавшим на стойке перед монитором.

– Покойный имел значительное количество свернувшейся крови в правом легком. Его левое легкое весит 440 граммов, а правое – 970 граммов. Срез легкого показывает, что это гиперемированное, ателектазное, отечное, геморрагическое легкое с выделением пенистой геморрагической жидкости...

Его слова начали расплываться, когда звон в голове Ребекки усилился, словно пытаюсь вытолкнуть доктора за пределы восприятия.

– Содержание алкоголя в крови составляло 0,242 – более чем в три раза выше разрешенного уровня для управления транспортным средством.

– Данные токсикологического анализа наряду с его историей алкоголизма и медицинскими записями о лечении от депрессии согласуются с выводом о самоубийстве как о причине смерти, – добавила Дикси.

Ребекка уперлась в нее тяжелым взглядом.

– Мой отец лечился от депрессии?

– Да, Боб направил его к психотерапевту, доктору Рио Миллеру из Клинтон. Кроме того, Ной публично заявлял о разочаровании в жизни.

– Где? Когда?

– В пабе «Лось и Рог». Не менее трех раз за последние несколько месяцев. Это выяснилось в ходе полицейского опроса. По словам бывших начальников и друзей, он утверждал, что считает себя полным неудачником в качестве полицейского и отца.

Глаза Ребекки заслезались от нахлынувших чувств. *«Сосредоточься»*. Она вытерла нос тыльной стороной ладони.

– Он не оставил предсмертную записку?

– Если она и была, то сгорела при пожаре, – тихо сказала Дикси. – Огонь был очень сильным, а потом еще усилился после взрыва цистерны с пропаном.

Она обменялась взглядом со Спайкером. Ребекка чувствовала, как неприятие услышанного физически сгущается вокруг нее, и понимала, что

коронер и патологоанатом тоже ощущают это.

– Ребекка, я уверена, что тебе известно: при расследовании смертных случаев на пожаре всегда принято исходить из наихудших подозрений, пока не будет доказано обратное, и предполагать возможность поджога. В деле твоего отца ничто не указывает на подозрительную причину пожара или его смерти.

Ничего такого, что позволило бы привлечь дополнительные средства, составить группу по расследованию тяжких преступлений или провести дорогостоящую криминалистическую экспертизу и лабораторные анализы ради параноидного алкоголика, который считал себя неудачником.

Она снова услышала отцовский голос:

«Я полагаю, он был в моем домике и забрал кое-какие бумаги из моего досье».

Какое «досье» имел в виду ее отец? Над каким делом он работал? Почему он ощущал угрозу для своей жизни? Была ли эта угроза реальной, воображаемой или сочетанием того и другого? Ребекка так или иначе собиралась выяснить это. Будет нелегко. Она собиралась слой за слоем препарировать последние дни своего отца, потому что в его смерти было что-то неправильное. Она не могла и не хотела поверить в его самоубийство.

– Я хотела бы получить полную копию вашего отчета, когда вы закончите, – сказала она.

– Разумеется, – отозвалась Дикси. – Когда я все подпишу, мы выдадим тело, и вы сможете устроить прощание. Вас устроит похоронная компания «Данвуди и Смит»? Я могу позвонить туда.

– Я сама управлюсь. – Ребекка кивнула Спайкеру, и он закрыл тело.

Поблагодарив его, она вышла из морга и поехала обратно на лифте вместе с Дикси, которая проводила ее до дверей клиники.

– Спасибо, – сказала Ребекка.

Но когда она уже готовилась выйти на холод, Дикси положила узкую ладонь на ее руку. Она напряженно посмотрела на Ребекку, как будто что-то прикидывая в уме.

– Тебе кажется, что это сделал не он, – наконец сказала она.

– Я знаю, что ты постаралась сделать все наилучшим образом, Дикси. Спасибо тебе за это.

Дикси не стала убирать свою руку.

– Но ты все же...

– Я не могу! – Чувство прорвалось наружу, и Ребекка на секунду отвернулась, чтобы собраться с духом. – Я... я просто не верю, что он это

сделал.

– Отрицание. Это обычная реакция, Бекка.

– Спасибо за понимание.

Когда Ребекка вышла на улицу, северный ветер наискось хлестнул ее по лицу, завывая и проносясь вокруг обледеневших автомобилей, сгрудившихся на стоянке. Ребекка приветствовала острые лезвия холода. Ей хотелось чистого ветра из Арктики, чтобы смыть густой запах обгоревшего трупа отца с ее волос, убрать его изо рта и ноздрей, удалить с кожи.

Ребекка отперла взятый напрокат маленький серебристый «приус» и забралась на водительское место, дрожа всем телом. Когда она завела двигатель и включила обогреватель, чтобы очистить окна от морозного тумана, то заметила Дикси, смотревшую на нее из окна больницы, с папкой для бумаг, прижатой к груди.

Ребекка поняла, что, как бы она ни старалась избегать места, которое когда-то называла своим домом, оно нашло способ зацепить ее и вернуть обратно. Оно еще далеко не разобралось с ней... как и она с ним.

Она собиралась выяснить, что стало причиной смерти ее отца.

Но для этого ей придется вернуться больше чем на двадцать лет в прошлое, к Эшу Хогену. К тому мужчине, который расколол ее сердце пополам и показал ей смысл предательства в самой грубой форме. К человеку, которого она изо всех сил старалась избегать каждый раз, когда возвращалась домой ради коротких и вынужденных визитов к своему отцу.

«Я знаю, что он лгал, Бекка.

Вы оба лгали.

Тогда, много лет назад. Он изуродовал себе лицо не после падения с лошади, не так ли? От чего ты защищала его в тот день?»

Она посмотрела на часы. В это время года световой день был коротким. Ей нужно было шевелиться, если она хотела зарегистрироваться в мотеле «Карибу-Лодж», встретиться с капралом Джонстоном и успеть нанести предварительный визит к сгоревшему дому своего отца, прежде чем станет совсем темно.

Мне кажется...

Карибу-Кантри, 27 сентября, воскресенье. Немногим более двадцати лет назад

Все, что я хочу – это пожить в Эл-Эй.
Прежде чем умру, хочу кутить в Эл-Эй...

Это хит нынешнего лета, и Уитни считает его своей любимой мелодией. Она играет в автомобильном радио, когда Уитни садится на пассажирское место проржавевшего красного пикапа, а он кладет в багажник свой старый дорожный чемодан.

«Это знак», – думает она. Ее мелодия звучит по радио, когда он забирает ее. Знак того, что она наконец-то выберется из этого дерьмового городка и все будет классно. Она покачивает головой в такт мелодии.

Веселье всю ночь, пока она не сгинет прочь
И солнце не взойдет над Эл-Эй...

Ее сумка собрана. Она оставила записку своей маме. У нее есть деньги. Здравствуй, Голливуд, здравствуй, Лос-Анджелес, я иду!

Она садится на место водителя. Она улыбается ему.

Но его лицо остается мрачным. Лыдисто-голубые глаза смотрят недобро. Когда он выезжает на дорогу, ее настроение меняется. Она смотрит, как он ведет машину. Его обветренный профиль напоминает ей жесткие выступы хребта Марбл-Маунтинс, на который она любит смотреть, когда заходит солнце.

Наверное, она будет скучать по горам.

Его руки крепко сжимают рулевое колесо. Закатанные рукава открывают загорелые предплечья. Волоски на них выцвели и побелели после целого лета работы на ранчо. Даже в его густых, темных волосах появились светлые пряди.

«Автомобиль пахнет им», – думает она. И сеном. И пылью. Все покрыто тонким слоем пыли, изнутри и снаружи. Это из-за сухих грунтовых дорог. Хотя уже конец сентября, снова наступило тепло, и в опущенные окошки, когда они приближаются к автостраде, веет запахом шалфея и навоза. Индейское лето. Последние теплые дни перед

приходом зимы, которая сжимает бьющееся сердце городка ледяной хваткой.

«В Калифорнии всегда теплые зимы, – хочется ей сказать. – Теперь этот город может задохнуться под снегом и льдом, мне все равно».

– У тебя есть деньги? – спрашивает он, не глядя на нее.

Она испытывает внезапный укол беспокойства.

– Да. – И немало. Но ему не положено знать об этом.

Песня на радио сменяется другой, более скорбной и тоскливой. Мимо громыхает автотягач с прицепом.

– У тебя есть все, что тебе... нужно?

– Тебе-то какое дело? – раздраженно фыркает она, потому что он нарушил ее настроение. – Какое тебе дело до того, что у меня есть и чего нет?

Он сердито смотрит на нее. Гнев в его взгляде пронзает ее душу; его сила давит ей на грудь и затрудняет дыхание. Она тянется к сигаретам, закуривает и выдыхает дым в окошко.

– Ты не должна так себя вести.

– Иди ты к черту. Все кончено. Вряд ли для меня будет иметь значение, что ты еще скажешь.

Он едет в молчании и через некоторое время снова смотрит на нее. На этот раз она видит боль. Парень в большой беде, и это пугает ее.

– Ты можешь ехать быстрее? Я не хочу пропустить автобус.

Когда они огибают поворот, она видит Тревора, ждущего под знаком остановки автобуса Renegade Bus Line. Он в черных джинсах и черном кожаном пиджаке. Его рюкзак валяется в пыли у его ног.

– Какого дьявола? – Он тормозит и гневно смотрит на нее. – Что здесь делает этот ублюдок?

– А тебе-то что?

Он моментально сворачивает с дороги и едет по грязной обочине, едва не опрокидывая Тревора, который отважно стоит на месте и не двигается ни на дюйм. В последний момент он так резко тормозит, что она дергается вперед вместе с поясом безопасности; потом ее голова откидывается назад и ударяется об охотничье ружье в ружейной стойке за ее спиной.

– Господи!

– Скажи мне, что он здесь делает! – Он протягивает руку и выхватывает сигарету у нее изо рта.

– Эй, придурок! – Она тянется за сигаретой.

Он выбрасывает окурок в окно.

– Я разговариваю с тобой. Черт побери, Уитни, уж разговором ты мне обязана.

– Пошел ты на хрен, Хоген. Я тебе обязана гонореей.

Он смотрит на нее словно громом пораженный. В нем горячими волнами пульсирует энергия.

Внезапно он отстегивает пояс и распахивает дверь со своей стороны.

– Оставайся в машине, – властно произносит он.

Глава 7

Карибу-Кантри, 14 января, понедельник

Ребекка сидела напротив констебля Бака Джонстона за металлическим столом в полицейском участке Клинтон. Крошечный отдел Королевской конной полиции состоял из двух человек и вспомогательного персонала, в случае тяжких преступлений вызывали сотрудников из других округов. Отдел выглядел точно так же, как в то время, когда здесь работал ее отец. Вероятно, даже стол остался прежним.

Бак держал перед собой папку с материалами дела, сбоку стояла коробка пончиков. Старые тепловентиляторы гнали нагретый воздух, но Ребекка не сняла парку. Она подозревала, что холод, пробиравший ее до мозга костей, связан скорее с тем, что она видела в морге, а не с холодным фронтом из Арктики.

Ей удалось снять номер в мотеле «Карибу-Лодж» в нескольких кварталах от полицейского участка.

Это было единственное место в городе, где можно остановиться и переночевать. Она оставила свой «приус» на автостоянке мотеля и прошла пешком по главной улице в надежде, что физическая разминка поможет согреться.

Не получилось.

– Кофе? – предложил Бак. – У меня тут есть кое-какая выпечка из «Пончикового кафе» Додда.

– Нет, спасибо.

– Трудно поверить, но Дот до сих пор жив. – Бак придвинул свой стул ближе к столу. Он явно испытывал неловкость и пользовался легкой беседой как прикрытием от напряжения, исходившего от Ребекки. Она и представить не могла, что Бак когда-нибудь станет полицейским. В школе он был неуклюжим толстяком, и дети издевались над ним из-за лишнего веса. Но он вырос, стал заметно выше шести футов, и теперь небольшая полнота только красила его. Его большие глаза имели зеленовато-голубой оттенок, а темно-каштановые волосы были коротко стрижены и уже начинали редеть. Румяное лицо с лучиками морщин вокруг глаз могло принадлежать фермеру, а заскорузлые пальцы – зимнему охотнику. Ребекка задавалась вопросом, унаследовал ли он ранчо своих родителей и

женат ли он. Обручального кольца не было.

– Правда, теперь заведением управляет не Дот, а Марси Фоссам, – продолжал Бак. – Помнишь Марси? Ее дочь сейчас учится в колледже в Ванкувере. Марси выкупила это кафе вскоре после твоего отъезда из города...

– Если тебя не затруднит, Бак, мне хотелось бы поскорее перейти к сути дела. Мне нужно знать, что случилось на самом деле.

Выражение его лица изменилось, и он слегка прищурился. Потом раскрыл папку и откашлялся.

– Когда пожарные приехали туда, весь дом был охвачен огнем. Им не оставалось ничего другого, как сдерживать его распространение. – Он поднял голову и коротко взглянул на Ребекку, прежде чем вернуться к своим записям. – Войти туда и приступить к поискам Ноя стало возможно только на рассвете. И это было непростым делом, потому что взрыв цистерны с пропаном практически сровнял дом с землей, а вода из пожарных насосов замерзла и покрыла место происшествия толстым слоем льда. Но мы – констебль Эми Беккет и я – с первыми лучами солнца сфотографировали и описали место происшествия. У меня есть фотографии, я попросил отпечатать их для тебя.

Он выбрал несколько глянцевых фотографий из папки и подтолкнул их к Ребекке, как будто сдавал карты. После некоторого колебания он снова встретился с ней взглядом.

– Мне нравился твой отец, Бекка, – тихо сказал он. – Он всем нам нравился. Ной был необыкновенным человеком, и мы перед ним в долгу за годы его службы. Он вдохновил меня стать офицером полиции... Этого не должно было случиться. Нам следовало это предвидеть и что-то предпринять. Как-то вмешаться.

Ребекка смотрела на его лицо. В глазах Бака она читала печаль и сочувствие. С некоторым изумлением она осознала, что он тоже чувствует себя виноватым. Она не знала, что ее отец стал источником вдохновения для Бака. Но в выражении его лица было и нечто осуждающее и настороженное. Это *она* должна была предвидеть исход событий. Она отказалась от верности своему отцу и этому городу, она покинула свой дом, чтобы стать лучшей, более известной и раскрученной блюстительницей закона в густонаселенной части страны – в центре цивилизованной жизни по сравнению с сельским болотом, которое находилось в ведении капрала Бака Джонстона.

Ее вдруг посетила мысль, что Бак Джонстон оказал эту услугу – передал ей фотографии с места пожара – ради ее отца, а не ради нее самой.

Внезапно Ребекка почувствовала себя обнаженной и уязвимой. С этим чувством она не собиралась мириться.

– Спасибо, Бак, – тихо сказала она.

Он сделал глубокий вдох и постучал указательным пальцем по первой фотографии.

– Причиной пожара считается упавшая керосиновая лампа на кухне у Ноя, вот здесь. Такова интерпретация ребят из следственной группы пожарного департамента.

Ребекка вздрогнула, глядя туда, где когда-то находилась кухня их семейного дома. Место было неузнаваемым. Дом оказался буквально стерт с лица земли. Повсюду обгоревшие и почерневшие перекрученные куски пластика и металла, вмерзшие в лед и окаймленные жутковатыми сосульками по краям. Ребекка вспомнила тело своего отца в морге, и ее сердце учащенно забилося.

«Сосредоточься».

Она заставила себя сузить фокус внимания на указательном пальце Бака.

– Имеющиеся свидетельства согласуются с версией, что лампа была опрокинута с кухонного стола, разбилась, и пролившийся керосин загорелся под столом.

Его палец переместился на следующую фотографию.

– Патроны для дробовика, рванувшие во время пожара. Это такие же боеприпасы, которыми Ной зарядил свой «моссберг». Оружейный сейф у двери, вот здесь, был пустым и незапертым. – Бак перевел взгляд с фотоснимка на Ребекку. – Наше предположение состоит в том, что он достал дробовик из оружейного сейфа и поставил на стол коробку с патронами. Потом зарядил оружие за столом на кухне и пошел в гостиную, где сел в кресло-качалку и установил ружье в положение для выстрела. Анализ распространения огня показывает, что он мог опрокинуть лампу, когда заряжал дробовик на кухне. Либо он не заметил этого из-за высокого уровня алкоголя в крови, либо ему было все равно, потому что он собирался застрелиться, прежде чем огонь доберется до него.

Ребекка потеряла ладонью лоб.

«Раздели информацию на составные части и проанализируй их. Ты можешь это сделать».

– А где другое оружие? У моего отца было еще одно ружье, кроме дробовика.

– Оно находится в его «шевроле сильверадо». Заперто в оружейном ящике в кузове. Автомобиль находится на охраняемой стоянке. – Бак

открыл ящик стола и достал ключи. – Его ружье и боеприпасы надежно заперты, поэтому мы оставили их в машине. Разумеется, мы обыскали автомобиль, но не обнаружили ничего примечательного. Разве что початую бутылку браги, которую мы конфисковали вместе с запасами алкоголя из его сарая и незаконным перегонным кубом. Сарай оказался единственной надворной постройкой, не тронутой огнем, потому что в ту ночь сильный ветер дул в противоположную сторону. – Бак поскреб подбородок, испытывая явную неловкость. – На заднем сиденье автомобиля есть кое-какая одежда и снаряжение. Снегоступы, инструменты и всякий хлам.

Бак посмотрел в окно, словно наблюдая за флагом, резко хлопавшим на ветру перед зданием. По краям окон выросли филигранные морозные узоры.

– Его автомобиль оснащен хорошими зимними колесами с шипованными покрышками, – тихо сказал он. – Это тебе пригодится, если ты собираешься отправиться туда.

– Да, собираюсь. Во второй половине дня. Спасибо. – Ребекка потянулась за ключами. – Значит, его тело нашли в кресле-качалке в гостиной?

Бак кивнул.

– Оно сплавилось с синтетической тканью. А потом замерзло во льду, потому что пожарные долго заливали тлеющие остатки дома. Пришлось выкалывать его из льда вместе с креслом, а потом патологоанатому пришлось медленно и довольно долго размораживать, иначе внешние слои начали бы распадаться, в то время как внутренние остались бы замороженными...

– Я все поняла.

Он облизнул губы и показал ей очередную фотографию: тело ее отца в обгоревшем и расплавленном кресле, заключенное во льду.

– Мы отметили то место, где высвободили его из льда вместе с креслом, – продолжал Бак. – Судя по анализу свидетельств на месте пожара и нашей реконструкции его передвижений в тот день и даже за несколько недель до происшествия, на основании его разговоров со знакомыми в «Лосе и Роге», его медицинских записей, уровня алкоголя в крови и состояния его психики... в какой-то момент в предыдущие дни или недели твой отец принял решение покончить с собой, Бекка. В последний день он напился до такого состояния, когда человек становится неуклюжим и начинает спотыкаться. Он зарядил свой дробовик, натываясь на разные вещи, пошел в гостиную и застрелился.

Ребекка быстро просмотрела остальные фотографии, плотно сжав губы.

– Тебе известно, что он работал над «холодными» делами? – спросила

она.

– Ной? Он все время проводил так называемые расследования.

Она встретила его взглядом его зеленовато-голубых глаз.

– Его беспокоило что-то конкретное?

– Бекка, твой отец выдумывал всевозможные теории заговоров и вел себя как параноик. – Бак помедлил. – Мы все знали об этом.

– Когда появилось сообщение о пожаре?

– В 17.45. Позвонил Коул Мадона с соседнего ранчо Броукен-Бар. Он организовал других соседей, которые могли оказать помощь.

– А где побывал мой отец в тот день?

– В пабе «Лось и Рог», сидел там с самого открытия.

В животе Ребекки всколыхнулась волна тошноты. Он позвонил ей из места, расположенного рядом с пабом. Она сама могла бы поклясться, что ко второй половине дня ее отец был пьян.

– Расследование пожара началось на следующее утро. Никаких свидетельств поджога. Никаких признаков подложенной растопки, открытых окон для доступа воздуха или других намеренных изменений обстановки. Нет признаков, что постройка была специально подготовлена для пожара. Нейтральные указания, такие как отсутствие ценной мебели, ювелирных украшений, фотографий, чучел и других подобных вещей, тоже отсутствуют.

– У отца не было ничего ценного.

Кроме его драгоценных досье с документами расследований, которые теперь сгорели.

– Кроме того, у него не было никаких долгов, проблем с заложенным имуществом или мотивации для получения страховки, – добавил Бак.

Ребекка откинула волосы со лба и пригладила их, как будто это могло привести в порядок ее мысли.

– Иногда вещи ровно такие, какими они выглядят, Бекка. Я уверен, что тебе известно об этом.

– Правда. Иногда бывают сложные вопросы и простые ответы. Кажется, это сказал доктор Цейс. – Она потянулась за фотографиями и забрала их. – Спасибо за снимки. Теперь я собираюсь отправиться туда.

– Там мало что можно увидеть из-за снега и льда. Все заиндевело за последние несколько дней.

– Мне просто нужно посмотреть, понимаешь? Соприкоснуться с этим местом.

Он кивнул.

Когда Ребекка выравнивала стопку фотографий, что-то всплыло на

поверхность ее мыслей.

– Если его автомобиль стоит здесь, на охраняемой стоянке, то как он в тот день добрался домой из «Люся и Рога»?

– Эш Хоген подбросил его до дома.

Ребекка почувствовала укол ледящего холода и уставилась на Бака:

– Эш?

– Да. Он обнаружил Ноя в круглосуточном магазине на автозаправке «Петрогаз». Ной оставил свой автомобиль возле «Карибу-Лодж», потому что бармен Солли запретил ему управлять машиной. Ной сказал ему, что собирается прогуляться пешком и навестить Клайва Додда, который живет за автозаправкой. Иногда он ночевал на диване у Клайва. Эш предложил Ною подбросить его, потому что сам ехал в ту сторону. По его словам, он высадил Ноя возле дома около четырех часов дня. Они вошли и пропустили по стаканчику. Потом Эш уехал домой.

У Ребекки горело лицо.

– Поездка от фермы моего отца до «Петрогаз» занимает сорок пять минут. Что происходило между полуднем и четырьмя часами дня, когда они приехали на место?

– У Эша были какие-то дела по пути.

– То есть он последний, кто видел моего отца живым?

– Предположительно, это именно так.

Время растянулось. Ветер бушевал снаружи, заставляя старое здание поскрипывать, а оттяжку флага с лязгом хлопать по флагштоку. Темный, чернильный холод медленно вползал в Ребекку и утверждался где-то глубоко внутри. Вместе с ним пришло ощущение зловещего, наползающего облака.

«Он лгал.

Вы оба лгали.

От чего ты защищала его в тот день?»

Глава 8

Ребекка вышла из полицейского участка. Нежеланные воспоминания об Эше прокручивались в мозгу, пока она шла к отцовскому автомобилю. Как Эш обманывал ее. Как он в конюшне совратил Уитни Ганьон той жаркой июльской ночью во время ежегодного фестиваля родео в Клинтоне больше двадцати лет назад. Ту ночь, когда все изменилось.

В летнем воздухе висел густой аромат сахарной ваты, переплетенный с запахами сена, навоза, праздничных костров, бургеров, выпечки и далеких лесных пожаров. Музыкальная группа исполняла песню, которая нравилась Ребекке, и ей захотелось потанцевать с Эшем, поэтому она пошла искать его. Она заметила, как они с Уитни поспешно выходят из амбара, поправляя одежду, с покрасневшими лицами и спутанными волосами. Ее сердце и ее мечты разломились пополам, когда она встретила взглядом с Эшем.

Эш поклялся ей, что это была единственная измена. Ужасная ошибка. Потом, в конце лета, Ребекка постепенно начала верить ему, верить в то, что она снова может надеяться на него.

Но потом до нее дошли городские сплетни. Люди видели, как Эш и Марти Фоссам ошиваются с Уитни в баре в Девилс-Батт. В августе и сентябре того года он много раз обещал Ребекке, что все кончено. И ощущение предательства было полным.

В том году она заканчивала школу и поклялась, что сразу же после получения аттестата уберется к чертям из города, как это сделали Уитни и Тревор в конце сентября. Эш должен был унаследовать ранчо Хогена от отца, и Ребекка не могла вытерпеть мысли о том, что ей снова придется сталкиваться с ним и со своей болью. Она никого не любила так, как когда-то любила Эша. И она больше никогда, никогда не хотела видеть его. Ни при каких обстоятельствах. Особенно теперь.

Потому что, несмотря ни на что, какая-то крошечная темная часть ее существа не переставала любить Эша. И она невольно сравнивала с ним каждого мужчину, с которым была с тех пор. И приходила к неутешительным выводам.

«Я знаю, что он лгал».

Да, он много лгал.

«От чего ты защищала его в тот день?»

Ребекка едва не сбилась с шагу от неожиданной мысли.

Тот день был последним воскресеньем сентября.

День, когда она увидела Эша, раненного и растерянного, бредущего по дороге в грозу.

В тот самый день люди видели, как Уитни и Тревор сели в белый автофургон с орегонскими номерными знаками, чтобы уехать в Лос-Анджелес.

Холодное, темное предчувствие, которое Ребекка испытала в офисе Бака, усилилось и загустело, как битум. Ей не нравились эти внезапные открытия, особенно в контексте смерти ее отца.

Она обнаружила старый, побитый «сильверадо» отца на автостоянке рядом с блестящим черным «фордом F-350» последней модели.

Ребекка присела на корточки, чтобы осмотреть покрышки, ветер трепал ее волосы. Там действительно имелись шипы, и протекторы выглядели хорошо. По крайней мере об этом отец позаботился. Но в остальном автомобиль представлял собой ржавую и натруженную рабочую лошадку, которую лучше было бы отправить на покой. Он резко контрастировал рядом с большим и шикарным «фордом».

Ребекка снова посмотрела на «форд F-350», когда открывала дверь отцовским электронным ключом. Черный красавец мог похвастаться бортовым компьютером, затейливой хромированной решеткой бампера, «кенгурятником» и другими мелкими аксессуарами, включая наклейку на заднем окне с изображением оскаленного волка. Все в нем дышало тестостероном. Интересно, чей это автомобиль, – возможно, Бака Джонстона?

Дверь «сильверадо» не желала открываться. Ребекка выругалась сквозь зубы. Ей понадобилось еще три попытки, прежде чем замерзший механизм замка наконец сработал. Дрожа от холода, она забралась внутрь, онемевшими пальцами вставила ключ в замок зажигания и повернула наполовину, чтобы включился свет на приборной доске. Убедившись, что аккумулятор работает, она повернула ключ до конца. Двигатель провернулся два-три раза, запнулся, кашлянул и заглох.

Ребекка снова выругалась.

Дрожа все сильнее, она повторила этот процесс еще четыре раза. Наконец старый двигатель прокашлялся и неровно заурчал, автомобиль изрыгнул черное облачко выхлопных газов.

Ребекка включила обогреватель на полную мощность и потерла руки, ожидая, пока машина немного прогреется. Когда стало теплее, она пошарила в куче одежды на заднем сиденье и обнаружила старую

охотничью шапку, подбитую овчиной, широкий флисовый шарф, большие перчатки, фермерскую куртку на теплой подкладке и лыжные штаны. Ребекка немедленно завернулась в шарф, надела шапку и опустила наушники. Потом напялила на себя просторную отцовскую куртку, все еще хранившую его запах.

Ребекка замерла.

Запах пробудил воспоминания, ударившие так мощно и неожиданно, что производили почти физическое ощущение, и какое-то время она словно сидела в присутствии отца, как будто частица его еще оставалась в автомобиле, а его руки обнимали ее рукавами куртки. Тогда Ребекка поняла, что вернулась домой. Ее глаза наполнились слезами.

«Я люблю тебя, папа».

Ребекка вытерла слезы. Почему она столько лет не говорила ему эти простые слова?

Как получилось, что она не возвращалась домой и не оставалась надолго, действительно надолго? Ребекка вытерла нос и надела перчатки.

«Я собираюсь сделать это ради тебя, ладно? Я собираюсь все выяснить. Какое-то время я пробуду здесь, обещаю».

В отделении для перчаток она нашла скребок для снега, вышла наружу и очистила остатки льда с ветрового стекла. Когда она забралась обратно, внутри стало теплее. Но потом она потянулась за пристяжным ремнем, взглянула на приборную панель и глубоко вздохнула. Дизельный бак почти опустел.

Она решила заправиться на стоянке «Петрогаз» по дороге. Заправка находилась недалеко, у северного края города. Кроме того, Ребекке хотелось узнать, говорил ли там кто-нибудь с ее отцом, когда Эш нашел его там незадолго до огненной кончины. Ей *нужно* было встретиться с отцом в последний раз, увидеть последний день в его жизни его собственными глазами. Тогда, наверное, она получит какой-то крошечный намек на его поведение.

Или же ей хотелось просто чем-то заткнуть дыру в своем существе, вызванную его отсутствием.

Овеянная запахом отцовской одежды, окутанная теплом воспоминаний, Ребекка направила гроыхающий старенький «сильверадо» на дорогу к автозаправке. По мере того как она заново знакомилась с повадками отцовского автомобиля и особенностями зимнего состояния местных дорог, ей казалось, что ее втягивает в кротовую нору времени. Ее работа далеко на востоке, ее стерильная квартира, модная одежда и Лэнс, ее любовник от случая к случаю, – все это становилось отдаленным и

нереальным с каждым следующим шагом в ее прошлое.

Ребекка заправила бак и направилась в магазин на стоянке, чтобы расплатиться. Когда она толкнула дверь, звякнул колокольчик. Женщина за стойкой подняла голову, а мужчина, стоявший на стремянке и раскладывавший товары на полках, обернулся и посмотрел на Ребекку. Оба имели ближневосточную внешность.

– Холодно сегодня, – сказала женщина, изучая наряд, в который облачилась Ребекка. Краем глаза Ребекка уловила свое отражение в зеркале и посмотрела еще раз. Ее лицо под старой охотничьей шапкой было призрачно-бледным. В нескольких слоях одежды, с красным носом и покрасневшими глазами, она выглядела бездомной бродяжкой. Ребекка попробовала улыбнуться, когда женщина проверила стоимость заправки и взяла ее кредитную карточку, но лицо было жестким от холода.

Прежде чем она успела задать свои вопросы, мужчина слез со стремянки и дернул подбородком в сторону окна.

– Кажется, это автомобиль Ноя Норда?

– Да. Я его дочь, Ребекка Норд. Я... я приехала так быстро, как смогла, но погода... – Она закашлялась и осознала, что пытается объясниться и оправдаться. Поскольку она чувствовала себя виноватой, то проецировала это чувство на других, как будто они заранее осуждали ее.

– Ужасное известие, – сказал мужчина, вытирая руки полотенцем. – Мне очень жаль. – Он протянул руку: – Меня зовут Абдул Малик, а это моя жена, Камала. Ной говорил, что у него есть дочь, тоже офицер полиции.

Камала протянула Ребекке товарный чек, и та взяла его.

– Насколько мне известно, мой отец был здесь в день своей смерти, – сказала она. – Вы, случайно, не работали в тот день? Вы видели его? Может быть, разговаривали с ним?

Абдул криво усмехнулся:

– Когда это мы не работали круглые сутки семь дней в неделю, а, Камала?

– Верно, – отозвалась Камала. – Ной зашел купить сигарет. Он часто бывал здесь, как и большинство жителей города. Здесь одна заправочная станция на северной окраине, а другая – на юге.

– *Сигареты?* – Ребекка нахмурилась.

– «Денали плэйн», насколько я помню, – сказала Камала.

– А он... он делал это раньше? В смысле, покупал здесь сигареты?

Ребекка убрала чек в карман. Ее отец не курил. Но опять-таки, как много на самом деле она знала о своем отце?

Супруги обменялись взглядами. Абдул пожал плечами.

– Наверное, покупал, – ответила Камала. – Точно не припомню. В основном он приезжал сюда на заправку. Иногда покупал газеты и кое-какие журналы для охотников. – Она покосилась на стойку с журналами и несколькими книгами в мягких обложках. – А иногда он покупал пакет молока.

– Он в тот день выглядел как обычно? Нормально?

Супруги снова обменялись взглядами.

– Мне известно, что в тот день он пил с утра, – сказала Ребекка.

Абдул кивнул.

– Да, иногда он приходил сюда в таком виде. – Он чуть пожал плечами, словно сожалея, что приходится говорить правду.

На заправку въехал мотоцикл и остановился у ближайшей колонки. Мотоциклист был одет в черное. Его сопровождал темно-серый грузовик с двумя снегоходами на борту. На их полозьях остался намерзший лед с комьями снега.

Супруги заметно напряглись, когда мотоциклист спешил и снял свой шлем. На нем была теплая полумаска с изображением скелета, закрывавшая нос и рот. Сдвинув ее на подбородок, мотоциклист зашагал к магазину.

Абдул снова забрался на стремянку и стал заполнять полки. Ребекка чувствовала, что окно возможности для получения информации быстро закрывается.

– Мой отец что-нибудь сказал? – быстро спросила она.

Камала покачала головой, и маленький бриллиант, вправленный в крыло ее носа, блеснул отраженным светом.

– Он не сказал ни слова, – тихо ответила она. – Просто подошел к стенду у окна, вон там. – Она показала кивком головы. – Он стоял там достаточно долго, чтобы я начала гадать, на что он смотрит или кого он ждет. Я спросила его, но он лишь пожал плечами. Потом пришел мистер Эш Хоген. Он находился с другой стороны бензоколонки и заправлял свои баллоны пропаном. Он пришел заплатить за газ, увидел пьяного Ноя и предложил подбросить его до дома.

Звякнул колокольчик, и дверь открылась. Вошел мотоциклист – крупный мужчина с бритой головой и обветренным лицом.

– Вы помните, в какое время это было? – спросила Ребекка, когда мужчина пошел в заднюю часть магазина и стал наливать себе кофе.

– Примерно в полдень, да, Камала? – произнес Абдул со стремянки.

Камала кивнула:

– Я знаю, потому что водитель бензовоза тогда приехал заполнять

цистерну, и я вышла на улицу, чтобы поставить ограждение вокруг этой части заправки.

Мотоциклист приблизился к стойке с чашкой кофе в руке. Он стоял за спиной Ребекки и ждал. Нужно было срочно заканчивать разговор.

– А камеры наблюдения? – тихо спросила она, кивнув на экран за стойкой. – У вас не сохранилось записей, сделанных в тот день снаружи и внутри?

Камала начала нервничать.

– Я сейчас обслуживаю вас, – сказала она мужчине и повернулась к Ребекке: – Наша система переписывает предыдущие записи через семьдесят два часа, если только мы специально не сохраняем цифровую копию.

Ребекка кивнула:

– Большое спасибо за вашу помощь.

Повернувшись, она едва не столкнулась с мотоциклистом. Он немного посторонился.

Когда Ребекка вышла из магазина, ледяной ветер сразу хлестнул в лицо. Она оглянулась: все смотрели на нее. Она понимала, что мотоциклист спросил супругов Малик, кто она такая и чего хочет, и почти не сомневалась, что те рассказали ему обо всем. Они нервно относились к этому человеку, и Ребекка знала почему. Современные иммигранты, особенно с Ближнего Востока, далеко не всегда были желанными гостями в сельской глубинке, населенной в основном фермерами, несмотря на более либеральное отношение к ним в крупных городах.

Так или иначе, Ребекка была уверена, что весть о ее возвращении и о вопросах, которые она задавала насчет своего отца, теперь будет распространяться со скоростью лесного пожара.

Плотнее запахнувшись в отцовскую куртку, она вернулась к «сильверадо» через другую сторону бензоколонки. Когда она проходила мимо мотоцикла, то обратила внимание, что это «харлей». Из грифельно-серого грузового «шевроле» за мотоциклом доносился гулкий басовый ритм. Стекла были затемнены, а на бампере красовалась наклейка с черепом и надписью «Следопыт». Ребекка не видела, кто находится внутри, но чувствовала, что за ней наблюдают. Она снова убедилась в том, что к вечеру весь город будет знать о ее приезде.

Она забралась в «сильверадо» и завела двигатель, думая о сигаретах, купленных ее отцом. Это казалось странным. Если отец собирался посетить старого Клайва Додда, то мог купить сигареты для него. Визит к Додду значился в ее списке. После разговора с Эшем, бывшим

любовником, которого она старалась избегать последние двадцать лет. Но теперь настала пора.

Пока она ждала у выезда с автозаправки, пропуская почтовый фургон, ее внимание привлекла розовая неоновая вывеска на другой стороне улицы: «Пончиковое кафе дядюшки Додда». Тогда Ребекка поняла, что голодна как волк.

Кофе с сахаром и свежей выпечкой казался желанным избавлением. Ребекка решила заглянуть внутрь и приобрести что-нибудь, помогающее скрасить сорокапятиминутную поездку до ее бывшего дома.

Глава 9

Оливия сидела напротив Тори в маленькой кабинке «Пончикового кафе дядюшки Додда» у окна, выходявшего на улицу.

Воздух внутри был теплым и густым от ароматов кленового сиропа, ванили и шоколада, перемешанных со слабым мускусным запахом курток, шапок и рукавиц, оттаивавших на спинках стульев или на вешалке у входа.

Эйс лежал под столом у их ног. Оливия привезла его в город для визита к ветеринару и обещала Тори поход в пончиковую как награду за посещение психотерапевта после школы.

Тори несколько раз потыкала вилкой в свой пончик, прежде чем куснуть. Крошки разноцветной обсыпки облепили губы, пока она жевала.

Оливии хотелось взять салфетку и стереть их с лица дочери. Но сегодня Тори окружила себя стеной неприязненной защитной энергии, поэтому Оливия воздержалась. Но даже так вид собственной дочери, жевавшей пончики, с веселыми разноцветными точками на сердитом лице, наполнял Оливию чувством, которое она могла определить только как любовь, сладостно-горькую и всеобъемлющую любовь. Ей отчаянно хотелось прикоснуться к дочери так же, как другие матери прикасаются к своим детям, – так же, как ее собственная мать когда-то прикасалась к ней, прежде чем Юджин Джордж не похитил ее и не превратил в оскверненное существо, к которому не хотел прикасаться даже муж. Оливия нуждалась в этой человеческой связи точно так же, как противилась ей долгие годы после своего тяжелого испытания. Ей страстно хотелось обнять свою двенадцатилетнюю дочь, прижать к себе и гладить ее мягкие темные волосы. Она желала этого каждой крупницей своего существа, и, наверное, сильнее всего она хотела, чтобы Тори хотя бы один раз назвала ее *мамой*.

Оливия глубоко дышала, погружившись в воспоминания. О Тори, крошечной новорожденной девочке. О том, какой мукой было грудное вскармливание после тех истязаний, которым она подверглась во время своего пленения. О том, как сначала она даже подавляла желание посмотреть на плод изнасилования, хотя и признавала своим младенца, плакавшего в колыбели. О том, как журналистка Мелоди Вандербильт пришла в больницу взять у нее интервью. О том, как Мелоди в конечном счете нашла выход для Оливии, спросив, могут ли они с мужем, полисменом Гейджем Бартоном, удочерить ребенка, к которому Оливия в

то время не хотела прикасаться, несмотря на материнские чувства.

О том, как Мелоди погибла во время горной прогулки, а потом Гейдж отправился на охоту за Юджином, чтобы сделать мир более безопасным для Тори, потому что сам он был тяжело болен и чувствовал, что его дни сочтены. О том, как Гейдж вернул Тори в жизненную орбиту Оливии, чтобы она познакомилась со своей биологической матерью и имела семью после его кончины.

Оливия смотрела в заиндеветое окно, пытаясь глубоко дышать под грузом воспоминаний. Эмоции. Боль. Горечь любви и того, что люди творили друг с другом во имя любви. Мелоди так и не написала газетную статью на основании того интервью. Зато она сочинила книгу, основанную на истории Оливии и Тори. И в рукописи этой книги были слова, которые теперь пришли на ум Оливии.

«Можете ли вы точно определить момент, когда ваша жизнь начинает идти встречным курсом к чьей-то другой жизни? Можете ли вы вернуться к тому моменту, когда эти жизни наконец пересеклись, а оттуда начали расходиться по расширяющейся спирали, но с этого момента остались навеки переплетенными, замкнутыми друг на друге?»

Она переключила внимание на Тори, которая потягивала горячее какао и старательно избегала смотреть на мать.

– Как прошло сегодня с доктором Миллер? – мягко спросила Оливия.

– Больше я к ней не приду.

Оливия потянулась за своим капучино и медленно отпила глоток, считая до двадцати.

– Почему?

– Мне не нужен мозгоправ.

– Потому что так говорит Рикки?

Тори покраснела и сердито зыркнула в сторону Оливии.

– Доктор Миллер спрашивает меня, что я думаю о своей бессоннице и о своих кошмарах, почему я ругаюсь с ребятами из новой школы, почему я побила ту девчонку в старой школе, что я *чувствовала*, когда потеряла Гейджа и Мелоди... – Ее голос пресекся, в темных глазах заблестели слезы. Она жестко провела ладонями по лицу, и щеки вспыхнули еще сильнее. – Если предполагается, что я должна найти собственные ответы, то зачем мне вообще ходить к доктору Миллер? Это глупо! – Тори резко отодвинула недоеденный пончик. – И откуда она вообще взяла, что у меня бывают кошмары?

«Полегче, Лив, – мысленно услышала Оливия голос Коула. – Делай маленькие шаги».

– Тори. – Она вздохнула, подалась вперед и понизила голос под мерное жужжание звуков и голосов в кафетерии: – Это я позвонила доктору Миллер и сказала ей.

У Тори отвисла челюсть. Ее глаза сверкнули мрачной враждебностью от такого предательства.

– Я очень беспокоилась и хотела поговорить об этом. Нам обеим это нужно.

Тори плотно сжала губы и прищурилась. Оливия почти слышала, как ее эмоциональный подъемный мост с лязгом поднялся и захлопнулся.

– Я слышала, как ты плачешь во сне. Я слышу это каждую ночь после того вечера, когда ты поздно вернулась домой вместе с Рикки. А потом я нашла в твоей комнате бутылку браги, которую готовил Ной.

– Ты рылась в моих вещах?

– Я пошла в твою комнату, чтобы забрать Эйса. Он спал возле твоей кровати, когда ты ушла в школу. Верхний ящик твоего стола был открыт, и я увидела там бутылку. Тут уж ничего нельзя было поделаться, Тори.

Тори начала вставать, но Оливия накрыла ее руку своей и удержала на месте.

– Мне *нужно*, чтобы ты поговорила со мной, Тори. Я хочу иметь настоящие отношения, где можно все обсуждать честно и открыто, а не осуждать друг друга.

– Взрослые всегда так делают.

– Думаю, это опять слова Рикки, не так ли? – Оливия удержала ее взгляд. – Я могу и *хочу* помочь тебе, но ты должна доверять мне. Ты должна верить, что я люблю тебя, Тори.

– Почему? Почему тебе вообще есть дело до этого?

– Ты знаешь, почему. Ты – мой ребенок. Ты – моя дочь.

Тори замерла. Ее глаза наполнились слезами.

– В твоих жилах течет моя кровь. Мы связаны этими узами, и мы нужны друг другу. Ты *нужна* мне.

Тори отвернулась, сосредоточенно разглядывая что-то на холодной улице.

– Ты была в доме Ноя в тот день, когда случился пожар?

– Нет.

– Когда ты забрала брагу из его сарая?

– Я ее не брала.

– Тогда как ты ее получила?

Молчание.

– Посмотри на меня, Тори. Ты знаешь, что это серьезное дело. У кого

ты добыла эту бутылку? У Рикки?

– Какой-то парень в школе дал ее ему.

– То есть продал?

– Не знаю.

– Ты уверена, что не была там, возле дома Ноя, когда случился пожар?

Тори уставилась на Оливию и помотала головой:

– Нет. Меня там не было. Я вообще никогда не ездила туда.

За ее спиной открылась дверь, и в кафетерий вошла женщина, принесшая с собой дуновение ледяного воздуха. Оливия подняла голову. Нет, она не знала эту женщину. Незнакомка была привлекательной, но неуклюже облаченной в слишком просторную для нее старую куртку и охотничью шапку, явно повидавшую немало капканов на своем веку. Однако ее брюки и сапоги выглядели нарядно и принадлежали горожанке. Когда дверь захлопнулась, их взгляды на мгновение встретились. Глаза незнакомки были цвета липового меда. Она направилась к стойке.

Оливия продолжала смотреть на нее с возрастающим любопытством. Другие посетители тоже заметили незнакомку и поворачивали головы в ее сторону. У Оливии появилось беспокойное ощущение, что эта женщина принесла с собой морозный ветер перемен.

Глава 10

– Бекка Норд? – Женщина за стойкой вытерла руки о передник. – Это и впрямь *ты*, под всеми одежками?

Ребекке понадобилось не более секунды на понимание того, что перед ней Марси Фоссам, – воплощение городской сплетницы. Но она каким-то образом потеряла свои роскошные груди, и над ее лицом была проведена серьезная пластическая работа. Тусклые волосы мышиного оттенка стали рыжевато-каштановыми и прекрасно оттеняли голубые глаза.

– Марси, – Ребекка выдавила улыбку, – ты сказочно выглядишь. Я и представить не могла, что твоя дочь уже учится в колледже. Бак рассказал мне. Он сказал, что ты теперь здесь хозяйка.

Марси улыбнулась, показав идеально ровные, отбеленные зубы, вышла из-за стойки и дружески обняла Ребекку.

– Святые небеса, как приятно видеть тебя. Я очень сожалею о твоей утрате, Ребекка, это правда. Ты в порядке? А это одежда Ноя?

– Не самый лучший прикид, а? Мне понадобилось пять дней, чтобы пробиться сюда через снежный Армагеддон, а теперь пришел арктический фронт, который закончится неведомо когда. Мне нужно было где-то согреться.

Трое мужчин в ближайшей кабинке откровенно разглядывали Ребекку. Все они слышали разговор и отнеслись к нему с живейшим интересом.

– Ты... ты собираешься организовать поминальную службу? – спросила Марси. – Потому что Солли Мичем в «Лосе и Роге» начал сбор пожертвований. Мы... мы не были уверены, что ты вернешься. То есть мы видели тебя в новостях и знали, что ты принимаешь участие в большом уголовном деле на востоке. Ной тоже об этом рассказывал. Он говорил, что твоя карьера продвигается очень хорошо. Он так гордился тобой, Бекка.

Чувство вины, горя, раскаяния и унижения охватило Ребекку со всех сторон. Горожане должны были рассматривать ее приезд как запоздалое возвращение блудной дочери. Это утвердило ее желание остаться и разобраться в случившемся. Лишь тогда она сможет надлежащим образом проститься с отцом и пожелать ему всего доброго.

– Да, я что-нибудь организую, – тихо сказала она. – Но сначала я должна кое-что выяснить.

Плюс к тому она не хотела, чтобы тело ее отца покинуло морг. Так,

просто на всякий случай.

Марси нахмурилась. Она отвела Ребекку в сторону, чтобы ее сотрудница за стойкой могла обслуживать других клиентов. Марси понизила голос почти до шепота.

– Была какая-то проблема со вскрытием тела? – заговорщицки поинтересовалась она. В *этом* Марси совсем не изменилась.

– У меня просто возникли некоторые вопросы.

Марси нахмурилась еще сильнее и наклонила голову:

– Думаешь, Ной этого не делал?

– Мне хочется верить, что нет.

Марси уставилась на нее. Ребекка видела быстрый ход ее мыслей.

– Что ты собираешься предпринять?

– Для начала я хочу заказать кофе и две яблочные пампушки. А потом я собираюсь посетить дом, вернее, то, что от него осталось.

Голубые глаза Марси широко распахнулись. Она повернулась и передала заказ о кофе и пирожках с яблоками. Пока пирожки разогревались в микроволновой печи, а девушка наливала кофе, Марси кивнула в сторону кабинки у окна.

– Видишь ту женщину и девочку?

Ребекка посмотрела туда. Миловидная женщина сидела за столом напротив темноволосой девочки одиннадцати или двенадцати лет. Они как будто горячо, но тихо спорили о чем-то.

– Это Оливия Уэст и Тори Бартон, – прошептала Марси. – Оливия унаследовала ранчо Броукен-Бар, которое должно было отойти Коулу и его сестре Джейн. Но нет, старый пердун Майрон Макдона все оставил этой женщине и ее собаке. Знаешь, это Коул позвонил первым, когда загорелся дом твоего отца.

Игла воспоминания пронзила Ребекку, пока она смотрела на женщину и девочку.

– Оливия, которая была Сарой Бейкер? Женщина, похищенная серийным убийцей Юджином Джорджем?

– Да, она самая. Ее держали закованной в кандалы в уединенной хижине, как животное, и насиловали долгие месяцы. Тори – ее дочь, плод изнасилования.

Все это было в новостях. Оливия Уэст и Тори Бартон были жертвами, – вернее, теми, кому удалось выжить. А Ребекка испытала внезапное и резкое отвращение к Марси. Такую же антипатию она испытала двадцать лет назад, когда Марси рассказала ей, что видела Уитни и Эша вместе в Девилс-Батт, где она тогда работала.

Марси вручила Ребекке горячий кофе и пакет с яблочными пирожками.

– Копы любят сладкое? – Она ухмыльнулась. – Можно все отрицать, но так оно и есть.

Ребекка не улыбнулась в ответ.

– Спасибо, но мне пора в дорогу. Я должна попасть туда до темноты.

Марси пожала плечами:

– Ну конечно. Только не забывай о нас, хорошо?

Когда Ребекка повернулась к выходу, Марси окликнула ее.

– Ной был здесь в тот день, – сказала она. – Вместе с Эшем.

Ребекка замерла на месте. Она сделала глубокий вдох и повернулась к Марси.

– В какое время?

– Думаю, вскоре после полудня. Эш заказал сэндвичи с курицей, но потом у них с Ноем вышла ссора прямо здесь, перед стойкой. Эш отменил заказ и вывел Ноя к своему автомобилю, стоявшему перед окном. – Она показала, где именно.

– Из-за чего они поссорились?

Теперь Марси выглядела довольной. Она забросила приманку и подцепила Ребекку на крючок. Нет, Марси ни капельки не изменилась.

– Понятия не имею. Но они все еще пререкались, когда Эш заставил твоего отца сесть в автомобиль.

– Заставил?

– Ну... – Марси откинула со лба прядь каштановых волос. – Не могу точно сказать, но он вел себя весьма агрессивно.

Глава 11

– Она вернулась в город. – Голос донесся через гарнитурную систему автомобиля.

– Знаю, – ответил водитель, твердо державший руки в перчатках на рулевом колесе. – Все нормально.

– Она задает вопросы. Массу вопросов. Не верит, что он сам это сделал. Теперь она поехала туда и будет искать.

Последовала пауза, когда водитель резко свернул с автострады на обочину и остановился рядом с сугробом. Это был признак психической усталости или необходимости уделять внимание разговору.

– Там нечего искать. Особенно после пожара.

– А если есть? Она знает, *как* нужно искать. Эта хитрожопая ищейка уже убрала со сцены нескольких крупных преступников. Упрямая, как ее отец, но более опасная, потому что не алкоголичка.

Водитель помолчал, обдумывая новый поворот в игре.

– Возможно, старик что-то ей рассказал, – настаивал звонивший. – Возможно, она *знает*.

– Нет, ни в коем случае, – тихо сказал водитель. – В таком случае она бы вернулась раньше. – Последовала короткая пауза. – Я отправлюсь туда и все проверю.

– Сделай это. Потому что, если она начнет болтать и сообщит о своих подозрениях в правоохранительные органы, дело заживет собственной жизнью. Ее нужно удержать, прежде чем это случится.

– Хорошо, я все понял. – Водитель дал отбой и тихо выругался, сменяемый гневом и беспокойством из-за неожиданного вмешательства в картину того, что выглядело как идеальное убийство.

Дело явно не закончилось. Никоим образом.

Минуту-другую водитель сидел в молчании и размышлял, а потом позвонил в другое место.

Глава 12

Ребекка ехала по автостраде на север до поворота к озеру Броукен-Бар на вершине плато. Оттуда она направится по грунтовым дорогам через заброшенный район для зимнего отдыха и лыжного кросса, а потом углубится в леса и земли уединенных ранчо.

Ребекка жевала яблочные пирожки, и сахарная пудра падала ей на колени. В салоне играла музыка. Радиостанция передавала ротацию лучших музыкальных хитов былого времени, и это лишь помогало Ребекке уходить еще дальше в собственное прошлое.

По обе стороны от извилистой ленты шоссе расстилались поблекшие и заснеженные фермерские угодья с редкими амбарами или приземистыми домами с дымом, выходящим над каминными трубами. Иногда попадались загоны, где кормился рогатый скот; над стадом поднимался пар от дыхания, а снег был втоптан в темно-коричневую земляную кашу.

Здесь лишь немного говорило о зажиточности и богатстве. И очень многое изменилось за последние двадцать лет.

Дорога пошла в гору. Городок, маячивший в зеркале заднего вида, почти совсем пропал. За Ребеккой, поддерживая неизменную скорость, следовал автомобиль темного цвета, но он находился достаточно далеко, и она не могла определить модель. На какой-то момент Ребекке показалось, что за ней установили слежку. Она выбросила эту мысль из головы и вытерла рот салфеткой, прежде чем взять телефон.

Ребекка знала, что потеряет сигнал мобильной связи, когда поднимется на вершину и свернет с автострады. Нужно позвонить доктору Берту Спайкеру, пока это еще возможно.

– Сержант Норд, – раздался в трубке гнусавый голос Спайкера. – Чем я могу вам помочь?

– Вы упоминали о состоянии легких моего отца. Не считая кровяных сгустков, можете ли вы сказать, что мой отец недавно снова начал курить?

– Минутку. Я должен проверить свои записи.

Ребекка ждала, пока не закончилась песня в стиле кантри и ведущий не принял запрос от очередного дозвонившегося слушателя. Спайкер вернулся к телефону.

– Давайте посмотрим... Там были кое-какие старые рубцы, но нет, ваш отец не курил уже много лет. – Спайкер немного помолчал. – А почему вы

спрашиваете?

– Проверяю кое-какую новую информацию. Спасибо, доктор Спайкер.

– Зовите меня Бертом, иначе мне придется называть вас «сержантом».

Ребекка улыбнулась, снова поблагодарила патологоанатома и закончила разговор. Она подумала о быстром звонке Лэнсу перед выходом из зоны мобильной связи. Ее непостоянный любовник-юрист не связывался с ней после того, как она сообщила ему о смерти своего отца и намерении вернуться домой. Если можно называть это место своим домом; она слишком долго не приезжала сюда. Но Ребекка не была уверена, что она может называть домом и свою стерильную арендованную квартиру далеко на востоке. Там ее жизнью была карьера, и Ребекка всегда была готова к немедленному отъезду, в зависимости от того, куда ее пошлет начальство. Даже Лэнс не был постоянной величиной в ее жизни, хотя недавно он предложил завязать более серьезные отношения.

Ребекка снова потянулась к телефону, но тут по радио заиграла песня, заказанная слушателем. Один из хитов конца 1990-х годов, группа «Хазмат Сьютс».

Все, что я хочу, – это пожить в Эл-Эй.

Прежде чем умру, хочу кутить в Эл-Эй...

Она с неожиданной злостью выключила радиоприемник. Да, это была самая популярная песня в то ужасное лето, песня, заставившая ее искать Эша и танцевать с ним вечером на фестивале родео.

На вершине холма появился указатель «Броукен-Бар». Ребекка включила поворотный сигнал и свернула с асфальтовой дороги. Старенький «сильверадо» затрясся на рифленом льду и заснеженных выбоинах. Когда Ребекка почувствовала, что шипованные покрышки начинают скользить на обледеневшей дороге, она включила полный привод и сбросила скорость.

Ребекка миновала поворот к заброшенному лагерю зимнего отдыха. Дорога сузилась у въезда в густой лес. Деревья плотно подступали к обочине.

Шум неровно работающего дизельного двигателя громко отдавался в салоне, когда Ребекка ехала по бесконечному заснеженному лесу, приглушавшему все внешние звуки. Внезапно далеко позади показался свет автомобильных фар.

Был ли это тот самый автомобиль, который держался за ней на автострате? Последовал ли он за ней на повороте?

Огни скрылись из виду за изгибом дороги. Но Ребекка преисполнилась

беспокойства и часто поглядывала в зеркало заднего вида. Это отвлекало ее. Когда она в очередной раз перевела взгляд на белую дорогу впереди, внезапно перед самым капотом автомобиля оказался олень.

Она ударила по тормозам. Машину занесло вбок, и остатки кофе выплеснулись из пластикового стакана. С резким толчком автомобиль остановился, развернувшись по диагонали.

Проклятье.

Ребекка посмотрела на дорогу, где только что был олень, и с тошнотворным ощущением поняла, что это примерно то же самое место, где более двадцати лет назад она увидела в грозу Эша, бредущего по дороге в полубессознательном состоянии. Сдавило грудь; кровь прилила к лицу. Воспоминания устремились по давно заброшенным нейронным цепочкам мозга и вернулись к жизни.

* * *

Она бежит через дождь и хватается за плечи, вода ручьями струится с них. «Эш! – кричит она, перекрывая раскат грома. – Поговори со мной! Ты в порядке?»

Молчание. Он весь дрожит. Она берет его за руку и ведет к своему пикапу. Поворачивается спиной к очередному заряду дождя и открывает дверь со стороны пассажира.

«Садись туда».

Эш повинуется. Он похож на зомби и не выражает никаких чувств.

Ребекка захлопывает дверь с пассажирской стороны и поспешно возвращается на место водителя. Усевшись в кресло, она протирает мокрое лицо и включает обогреватель. Потом роется в сумке на заднем сиденье, где должна быть чистая рубашка, ее он сможет прижать к кровоточащей ране на лице. Она скатывает рубашку в комок. «Вот, прижми это к ране и держи крепко». Она помогает ему и направляет его руку.

Наконец он смотрит ей в глаза, и она видит проблеск личности старого, знакомого Эша.

«Что случилось?» – спрашивает она.

«Лошадь, – шепчет он. – Молодой мерин. Взбрыкнул и сбросил меня. Нога застряла в стремях. Протащил меня по гравию».

«О боже. Я доставлю тебя в пункт «Скорой помощи». – Она подается вперед и переключает передачу.

«Нет!»

Она озадаченно смотрит на него.

«Только не в медицинский центр. Я... я не могу. Не туда».

«Но почему?»

«Просто помоги мне, ладно? – Он хватает ее за руку; его пальцы давят, как тиски. – Сделай это. Приведи меня в порядок. Ты же умеешь оказывать первую помощь. Просто заштопай меня, и все. Я знаю, ты можешь».

«Это первая помощь для животных, Эш. Я работаю ассистенткой не у врача, а у ветеринара, который занимается крупными животными. Тебе нужно наложить хорошие швы».

«Мясо есть мясо, Бекка. Рана выглядит хуже, чем на самом деле. Просто зашей края или наложи швы иглой-бабочкой...» – Он вжимается в сиденье, и его голос стихает.

Ребекка борется с паникой при виде его окровавленного лица. Ободранные и разбитые костяшки пальцев. Заплывший глаз. Почти бессознательное состояние. Должно быть, у него сотрясение мозга. Она упрямо отказывается признать, что по-прежнему любит его, хотя и ненавидит за все, что он с ней сделал. Она борется с собой. Какая-то ее часть хочет сказать: «Вот когда я тебе понадобилась? Отвали от меня!» Но другая часть не может этого сделать.

** * **

Стайка черных дроздов взмыла в небо, вытряхнув Ребекку из пелены воспоминаний. Она тихо выругалась, потому что остаточный эффект адреналинового шока заставлял ее дрожать. Стирая пролитый кофе с сиденья и со своих брюк, она снова выругалась. Тот небольшой контроль над эмоциями, которым она запаслась перед выездом на место пожара, исчез без следа.

Это место, холод и воспоминания – все уводило ее в темный лес прошлого и ледяной хваткой сжимало горло. На какой-то момент она испугалась, что окружающая глухомань обладает собственным разумом и послала оленя, чтобы остановить ее и напомнить о былом. Если это место вонзится в нее свои когти, то уже не отпустит. Ребекка посмотрела на дорогу за собой. Автомобиль как будто пропал.

Работая коробкой передач, она развернула «сильверадо» и заняла нужное положение на дороге. Она углублялась в лес и в пейзажи своей юности; руки в перчатках крепко сжимали рулевое колесо. Черные дрозды в небе роились и разлетались в стороны, образуя зловещие узоры.

Через двадцать минут она выехала из леса и приблизилась к дорожной развилке. Ребекка выбрала северную дорогу, преодолела подъем и

внезапно оказалась на месте.

Ребекка остановила автомобиль.

Посреди девственно-белого ландшафта, где когда-то стоял ее семейный дом, как будто взорвалась черная бомба. Ребекка оцепенело смотрела туда, пытаясь осознать масштаб опустошения, пока дизельный двигатель глухо урчал, а выхлопные газы облачками кристаллизовались вокруг машины.

Среди почерневшего и обугленного мусора на месте дома остались только каменный очаг и камин. Каминная труба поднималась над пепелищем прямо в небо, словно каменный палец, указующий вверх.

Высоко над камином парила хищная птица, широко раскинувшая мощные крылья. Но на земле ничего не шевелилось, кроме желтой полицейской ленты, трепетавшей на ветру.

А дальше, за уничтоженным домом, перед рощей осин с опавшей листвой, стоял низкий сарай, где Ной Норд готовил и хранил брагу. Горькая ирония ситуации не ускользнула от Ребекки. Слабость ее отца, его тайная страсть пережила его.

Теперь сарай принадлежал ей.

Глава 13

К тому времени, когда Ребекка пристроила автомобиль за рядом деревьев, некогда отгораживавших их дом от проселочной дороги, солнце опустилось за горизонт, и багряные тени медленно и коварно наползали на землю. Ветер с воем срывался с вершины холма и слегка раскачивал «сильверадо», когда Ребекка закрыла нос и рот широким шарфом, оставив лишь щель для глаз. Теплые клапаны охотничьей шапки-ушанки защищали уши. Она натянула поверх брюк утепленные зимние штаны отца.

Снарядившись для морозной погоды, она вышла из автомобиля и отперла оружейный шкафчик, лежавший в багажнике. Она нашла патроны, зарядила ружье быстро немеющими пальцами и закинула его за спину. Она не могла объяснить причину, но после недавнего инцидента с оленем и зловещего подозрения о том, что ее преследуют, она чувствовала себя обнаженной без штатного оружия.

Снова натянув большие перчатки, Ребекка отошла от автомобиля и попробовала сориентироваться между скользким льдом и рытвинами, оставленными пожарной машиной. Она почти сразу же поскользнулась и чувствительно приложилась о лед. Выругавшись, Ребекка медленно встала и с большой осторожностью двинулась туда, где когда-то находилась дверь кухни.

Картина опустошения на фотографиях Бака развернулась в реальном времени. Он был прав. На слое льда намерз иней в несколько дюймов толщиной, образующий искристые узоры. Он скрывал все, что могло таиться подо льдом. Оторвавшийся кусок желтой полицейской ленты шелкал на ветру.

Ребекка застыла и прислушалась. Окрестная глушь наполнилась свистящими и шипящими звуками ветра, пролетавшего над снегом и льдом и через голые, замерзшие ветви осин, тополей и ольхи. Шелестела бумажно-тонкая кора. Все звуки на морозе казались немного иными, более резкими. Ребекка посмотрела на гребень холма за пепелищем. Там росла еще одна осиновая роща. Внезапное ощущение, что за ней наблюдают оттуда, вызвало покалывание в затылке. Ребекка снова подумала об автомобиле, ехавшем за ней по грунтовой дороге. Страх понемногу просачивался в сознание.

Она отмахнулась от этого ощущения. Оно означало лишь смерть и

разрушение, погребенные во льду.

Но Ребекка не могла примириться с мыслью о самоубийстве отца, поэтому ей *приходилось* рассматривать гораздо более зловещие варианты.

Убийство.

Поджог.

Если здесь произошло убийство, его можно было связать с каким-то обстоятельством старого преступления, о котором стало известно ее отцу. Кто-то был готов убивать ради сокрытия улики.

Это означало, что хищник мог по-прежнему находиться поблизости. Тот, кто мог снова пойти на убийство.

Или нет.

Возможно, все было именно так, как выглядело на первый взгляд, и она заразилась отцовской паранойей, словно микробами, оставшимися на его одежде и в его автомобиле.

Ребекка повернулась спиной к пепелищу и посмотрела на сарай. Пока она стояла, тени удлинились, а небо потемнело. У нее оставалось мало времени. Но изменение угла падения света привело к тому, что в ледяной впадине возле двери сарая что-то заблестело.

Она пошла туда, хрустя свежавыпавшим снегом под сапогами. Это был новый висячий замок золотисто-бронзового цвета. Открытый.

Ребекка опустила на корточки и осмотрела его. На металле виднелись свежие царапины от какого-то острого инструмента. Она посмотрела на дверь и увидела металлическую пластинку с проушиной, где должен был висеть замок. Сняв перчатку, Ребекка достала из кармана мобильный телефон и сфотографировала замок там, где он лежал.

Еще какое-то время она сидела на корточках и размышляла. Ветер становился все холоднее, солнечный свет почти исчез. Кто-то взломал сарай, где ее отец хранил брагу? Когда? До или после пожара? Бак сказал, что полицейские забрали алкоголь и медный самогонный аппарат, но, возможно, какой-то искатель удачи, прознавший о смерти ее отца, решил поживиться спиртным.

Она подняла замок и внимательнее изучила его. В скважине определенно кто-то ковырялся. Она положила замок в карман отцовской куртки.

Дверь со скрипом отворилась, и Ребекка вошла в сарай. Внутри стоял полумрак. Она включила фонарик на своем смартфоне, но использование аппарата подобным образом имело свою цену: при низкой температуре батарейка могла разрядиться в любой момент. Ребекке уже не раз приходилось оказываться в такой ситуации.

Она посветила на полки. Все бутылки исчезли; остались лишь отпечатки в густой пыли на полках и стенах. Такие же отпечатки на деревянном столе показывали, где недавно стояло самогонное оборудование отца. А у задней стены, под крошечным окном стоял старый верстак, которым ее мать когда-то пользовалась как столиком для шитья. Фонарик высветил тонкий слой пыли и на этой поверхности.

Ребекка провела по верстаку рукой в перчатке. Пыль поднялась холодным облаком, навевая воспоминания. О матери. О том, что они всегда были одной семьей. Ребекка всегда верила, что она будет жить здесь, на ранчо. Как Мэри Эш. У нее перехватило дыхание от накативших чувств. Но когда Ребекка была уже готова отвернуться, она заметила свежие соскобы в пыли вдоль задней части верстака.

Ее пульс участился, и она посветила ближе. Отпечатки пальцев. Не руки в перчатках, а пальцы, которые хватались за край и проводили по нему. Как будто человек прятался за скамьей и наблюдал за дверью. Маленькие руки. Маленький человек. Вроде ребенка или миниатюрной женщины. Сердце забилося еще быстрее.

Ребекка поспешно сделала фотографии на тот случай, если кончится заряд в батарее.

Потом она осторожно провела лучом света за скамьей. В расщепленном дереве ножки стола застряли два длинных волоска, темно-каштановых, с легкой волной. Они были примерно двенадцати дюймов длиной и заколыхались в воздушном потоке, вызванном движением Ребекки. А на полу застыла лужица желтой краски, посреди которой находился полный отпечаток ладони и частичный отпечаток ботинка. Полицейские инстинкты ожили, и Ребекка быстро сделала еще несколько фотографий. Ее взгляд переместился на дверь сарая.

Могла бы миниатюрная женщина, исходя из предположения, что длинные волосы не принадлежали мужчине, прятаться здесь в укрытии? Тогда она заметила еще два частичных отпечатка испачканного в желтой краске ботинка на полу сарая, по направлению к двери.

Следя за тем, чтобы не наступить на них, Ребекка переместилась к стене, где были аккуратно развешаны инструменты отца. Там она нашла бумажные конверты, которыми отец пользовался для хранения разных мелочей и рыболовных крючков. Она вернулась к скамье, достала волосы, положила в конверт и спрятала в карман. Потом опустилась на колени и, пользуясь треугольником для масштаба, сфотографировала четкие отпечатки в засохшей краске. Папиллярные бороздки хорошо прорисовывались, как и частичный отпечаток носка ботинка.

Ребекка наклонилась вбок, чтобы лучше подсветить последний снимок. Луч фонарика упал на что-то белое и блестящее в дальнем конце скамьи. Это был карманный ножик с костяной ручкой, который угнездился в широкой трещине между половицами. Ребекка засняла его на месте, потом вытащила наружу и убрала в очередной бумажный конверт.

Фонарик погас, и тени сразу же ринулись на нее из углов сарая.

Проклятье.

Ребекка попробовала перезагрузить телефон. Бесполезно. Теперь в сарае наступила почти полная темнота. Придется вернуться завтра с лучшим снаряжением и убедиться, что она ничего не пропустила. Двигаясь вдоль стены, чтобы не наступать на желтые следы, ведущие к двери, Ребекка вышла из сарая.

В снегу догорали последние пурпурные отблески. Ветер усилился, и температура быстро падала.

Несмотря на сумерки, Ребекка могла различить два ряда глубоких следов, направлявшихся вверх по склону, к гребню холма. Те, кто оставил эти следы, должны были идти по мягкому снегу перед пожаром или во время него, потому что ночью все замерзло, что подтверждалось и сводкой погоды на тот день.

Теперь могло стемнеть в любую минуту. Она должна вернуться в город и утром выехать на место преступления. Но любопытство побуждало Ребекку изучить перед отъездом эти следы. Она не нарушит их, поскольку все основательно промерзло и останется в таком положении, пока не придет новый погодный фронт, который вытеснит холодный воздух из этих мест.

Но когда Ребекка подошла к остаткам дома сзади и взглянула на гребень холма, ее снова охватило странное беспокойство. Она замерла и осмотрела тени между призрачно-белыми деревьями, пытаясь различить движение в глубоких сумерках.

Послышался щелчок, потом хруст снега. Каждый нерв в ее теле напрягся до предела. Не сводя взгляда с деревьев, она медленно потянула ружье из-за плеча.

Глава 14

Он прижал к щеке холодный приклад «моссберга», держа палец в перчатке на спусковом крючке и целясь в вооруженного нарушителя у подножия холмистой гряды. Его дыхание было ровным и замерзало облачками вокруг лица.

Время растянулось. Клочки рваной коры шелестели на ветру. Его пес, карельская лайка Кибу, лежал на брюхе в слежавшемся снегу возле его ботинок, устремив взгляд на «добычу» внизу. Одно движение или резкий свист, и Кибу бросится в атаку. Он был бесстрашен, но еще молод. С ним предстояло еще много работы. А иногда пес убегал от него.

– Ш-шш, – прошептал он. – Место!

В тусклом свете он не мог как следует определить, что это за человек. Средний рост – примерно пять футов и десять дюймов, по его подсчету. Кожаная куртка – выцветшая и поношенная черная кожа. Она выглядела великоватой и скрывала очертания тела. Его походка на обледенелом снегу была осторожной и неуверенной. Лицо скрыто под шарфом или лыжной маской, охотничья шапка надвинута на уши. Вооружен и встревожен. Нехорошо, с какой стороны ни посмотри.

На холоде звук хорошо распространяется в воздухе. Он услышал приближение неисправного дизельного двигателя. Это обеспокоило его, и он выглянул из-за гребня, обнаружив, что нарушитель покинул сарай Ноя Норда. Со своего наблюдательного пункта он не мог разглядеть автомобиль, раньше привлечший его внимание. Но теперь его взгляд был прикован к нарушителю, который снял ружье с плеча и целился в его укрытие среди деревьев.

Кибу ощутил напряжение и заскулил, подползая по снегу, готовый броситься в атаку.

– Ш-шш, – прошептал он.

Налетел мощный порыв ветра. Ветка наверху треснула под весом выросшего льда.

Кибу превратился в вихрь шерсти, зубов, костей и пены. Пес стремглав убежал по обледеневшему склону, стремясь вцепиться в горло чужаку.

Человек заметил движение и крутанулся на месте. Прицелился в собаку.

Вот черт!

– Кибу! Стой! – завопил он, выскочив из-за деревьев. – Стой!

Грохот выстрела. Потом крик.

Звуки рикошетом отражались от мерзлой земли, снова и снова долетая эхом до отдаленных гор Марбл-Маунтинс.

Последняя вечеря

Карибу-Кантри, 8 января, вторник. Около недели назад

Эш приносит охапку дров, пока Ной зажигает керосиновые лампы в своей бревенчатой хижине. Прогноз предвещает наступление арктического фронта. Все снаружи замерзнет за считанные минуты, когда ударит мороз. Эш складывает дрова у камина и зажигает огонь. Пока он занимается растопкой, Ной шаркает и спотыкается на кухне.

Когда дрова начинают потрескивать, Эш отряхивает руки и штаны и идет на кухню. Его пес тем временем укладывается у камина на тряпичный коврик, который когда-то был разноцветным. Эш нежно относится к этому коврику. Пэйдж Норд, жена Ноя, привезла его из Мексики за год до своей смерти. Эш испытывал самые лучшие чувства к этой женщине. Она была доброй, сердечной и щедрой.

Между тем Ной наливает два стакана браги. Он включил газовую духовку. На плите стоит судок с едой в ожидании, пока духовка разогреется до нужной температуры. На столе находятся две белые тарелки и пачка сигарет «Денали плэйн».

Деревянная крышка стола многое повидала на своем веку. Когда Эш смотрит на старые узлы, вмятины и царапины, то мысленно возвращается в прошлое – в то время, когда ему было двенадцать лет.

Его отец, Олаф, взял Эша с собой, потому что хотел обсудить с Ноем какое-то дело в амбаре. Что-то насчет удобрений или корма для скота. Так или иначе, взрослые мужчины находились за пределами слышимости, пока Эш смотрел, как миссис Норд раскатывает тесто на этом самом столе. Бекка помогала ей; ее руки были обсыпаны мукой, розовые щеки разрумянились. Пятнышко муки осталось у нее на подбородке. Ей было одиннадцать лет, и она была самым красивым существом, которое он когда-либо видел. Вот такая это была сцена: Бекка и ее мама работают на теплой кухне, где пахнет дрожжевым тестом. Эш почти физически ощущал дух любви, царивший в этом доме, и это переполняло его юное сердце.

Какое-то время он просто стоял и смотрел на Бекку. Ее темные волосы были зачесаны на затылок; выбившиеся пряди вились вокруг лица. Россыпь веснушек на носу, щель между передними зубами. Ее глаза имели

оттенек темного меда. Она взглянула на Эша и улыбнулась. Улыбнулась ему.

Сейчас Эш ощущает эту улыбку, поразившую его прямо под дых, как снаряд, выпущенный над столом с мукой и тестом для выпечки. В ту самую минуту, когда его отец беседовал в амбаре с Ноем Нордом, Эш понял, что, хотя сейчас Бекке всего лишь одиннадцать, когда-нибудь он женится на Ребекке Джейн Норд, дочери полицейского и владельца небольшой фермы. По его представлению, все складывалось идеально. Однажды, когда его отца не станет, он унаследует отцовское ранчо. Бекка будет жить с ним и сделает его кухню уютной и теплой, – такой же, как эта. Его сердце уже изнывало в предчувствии этого момента.

«Хочешь задержаться еще немного, Эш? – спросила миссис Норд. – Первая порция выпечки будет готова через две минуты».

Эш подумал, что если Бекка вырастет хотя бы наполовину такой доброй и щедрой, как миссис Норд, он все равно будет рад жениться на ней. В глазах миссис Норд и в ее улыбке таилось волшебство, способное озарить целую комнату.

«Твое здоровье», – говорит Ной. Воспоминание рассыпается, как осколки разбитого зеркала, и Эш возвращается в зимнюю реальность.

Он встряхивается и берет стакан, протянутый Нордом. Опрокидывая жидкость в рот, Эш думает о том, что запах свежесвепеченного хлеба по-прежнему может отправить его в тот день, когда ему было двенадцать лет.

«Пойдем в гостиную», – предлагает Ной, наливая новую порцию выпивки.

«Спасибо, но я не останусь на ужин», – говорит Эш и подбородком указывает на тарелки.

«А я и не предлагаю. Давай сядем у огня. Мне нужно кое о чем с тобой поговорить», – речь Ноя звучит расплывчато. У него заплетался язык, когда Эш обнаружил его в круглосуточном магазине при автозаправке «Петрогаз».

«Я не могу остаться, мне...»

Взгляд Ноя пригвозждает его к месту. Внезапно старик становится почти трезвым и даже напористым. У Эша зарождается смутное беспокойство.

«Это важно», – говорит Ной.

Внутри веет теплом от разгоревшегося камина, и Эш вешает свою теплую куртку на крючок за кухонной дверью, рядом с оливково-зеленым оружейным сейфом Ноя. Он замечает, что ключ от сейфа торчит в

замке.

Эш следует за Ноем в гостиную.

Ной положил архивную папку на кофейный столик рядом с очагом. Сейчас старик тяжело опускается в кресло-качалку; при этом часть жидкости из стакана выплескивается ему на руку. Керосиновые лампы наполняют комнату неровным оранжевым светом. Ной слизывает пролитую брагу с тыльной части большого пальца, – похоже, на этой стадии опьянения он утратил многие признаки цивилизованности. Но даже после огромного количества спиртного, употребленного за сегодняшний день, старый коп остается в ясном уме и твердой памяти.

Эш устраивается на карнизе каменного очага, лицом к Ною.

«Ты солгал, Хоген».

«Прошу прощения?»

Ной сохраняет удивительную неподвижность, когда его взгляд снова приговораждает Эша к месту. Ной как будто что-то прикидывает про себя. Беспокойство еще сильнее проникает в мысли Эша. Это нехорошее предчувствие. Он наклоняется и чешет шею своему псу в ожидании, пока Ной не объяснит свои слова.

Ной указывает стаканом в сторону папки на кофейном столике.

«Открой и посмотри».

Эш хмурится.

«Давай же».

Он открывает папку. На стопке бумаг внутри лежит фотокопия декабрьского выпуска «Clinton Sentinel» двадцатилетней давности. Заголовок гласит: **«Мать пропавшей дочери опасается худшего».**

Под заголовком находится фотография Уитни Ганьон. Темные воспоминания словно чернила просачиваются в мозг Эша. Он сглатывает, медленно поднимает голову и встречается взглядом с Ноем.

«Что это значит?»

«Как ты на самом деле заработал тот шрам на лице?»

«Ты знаешь как. – Эш отодвигает фотокопию в сторону. Под ней находится его собственная фотография, сделанная вскоре после получения раны. Он держит под уздцы кобылу на аукционной распродаже скота. Тоже газетный снимок.

Следующей идет фотография, где они с Беккой стоят рядом со старым пикапом, которым он пользовался для работы более двадцати лет назад. Его настигает еще одно воспоминание, – о том, как он бросил чемодан Уитни на заднее сиденье этого пыльного и ржавого автомобиля, о гневе и ярости, владевшими им в тот день. Образы начинают темнеть,

звон в голове становится сильнее.

«Ты расскажешь мне, в чем тут дело, Ной?» – спрашивает он.

«Ты солгал, Хоген, – повторяет старик. – Солгал о своей ране».

На какой-то момент Эш испытывает крайнее смятение. Что-то темное скрыто глубоко под сводом его черепа, как сейф в подвале старого дома, и если он откроет его, то не сможет жить. Эш давно узнал, что единственный способ выжить – это выбросить ключ от подвала и от сейфа.

«Мать твою, Хоген, ты солгал! И Бекка тоже солгала. Теперь я хочу знать почему».

«Не знаю, о чем ты говоришь, – тихо отвечает Эш. Но он чувствует, как подспудная ярость закипает при малейшем намеке на запретное воспоминание. – Зачем тебе все это?»

«Я сплеховал с этими детишками. – Ной указывает стаканом на раскрытую папку и едва не проливает брагу. – С Уитни и Тревором. Я подвел их, потому что местные жители, особенно ты, что-то скрывали от меня. Я относился к тебе как к родному сыну. Хотел, чтобы ты женился на моей дочери. Но ты солгал мне, Хоген. И тогда я закрыл дело. Но теперь... теперь я в долгу у этих детей. По справедливости, я до сих пор у них в долгу».

«Ной, – спокойным тоном произносит Эш, поднимаясь на ноги. – У меня сегодня еще полно дел. Я ухожу. Увидимся, когда ты протрезвеешь и будешь соображать получше, чем сейчас».

«Почему не поехал в больницу?»

Эш щелкает пальцами, чтобы позвать собаку, и выходит на кухню за своей курткой. Голос Ноя, преследующий его, становится громче:

«Эш, ты входил в мой дом, пока меня здесь не было? Ты брал бумаги из моих записок по этому делу?»

Эш сердито надевает куртку.

«Кое-кто видел тебя, Хоген! На автобусной остановке «Ренегейт-лейн». С Уитни и Тревором. Он видел твою поножовщину с Тревором».

Эш испытывает настоящее потрясение. Прямо в куртке он возвращается в гостиную.

– Кто видел? – очень тихо спрашивает он. – Кто видел меня в тот день?

– Убирайся отсюда, поганый Иуда. Давай, выметайся отсюда. Вернешься, когда будешь готов сказать правду, мальчик. Ты и Бекка, чтоб я сдох.

Глава 15

Сердце Ребекки дало сбой. На мгновение ей показалось, что в нее попала пуля.

Ребекка стояла в напряженной позе, направив ствол на зверя в снегу, и обливалась потом, несмотря на холод. Эхо выстрела отдавалось в ее ушах.

Стрелок всадил пулю в сугроб прямо перед ее левым сапогом, и ледяная шрапнель полетела ей в лицо, укрытое полумаской из шарфа. Пес лежал на брюхе в нескольких шагах от нее и глухо рычал, скаля клыки со стекающей слюной. Прямо как бешеный волк.

Свет надствольного фонарика уперся в ее грудь, когда стрелок начал осторожно спускаться по обледенелому склону, по-прежнему целясь в нее.

– Положи ружье, – приказал стрелок. – Немедленно.

Ребекка не могла пошевелиться. Звон в ушах по-прежнему дезориентировал ее и выводил из равновесия, и она была убеждена в том, что если посмеет сдвинуться хотя бы на дюйм, то собака тут же бросится вперед и вцепится ей в горло. Ребекка продолжала направлять ствол точно между глаз животного.

– Опусти ружье. Положи его на землю, – прорычал стрелок примерно так же, как его пес. – Если ты застрелишь мою собаку, я убью тебя.

– Убери от меня эту чертову собаку, – хрипло прошептала она из-под шарфа. – Тогда я смогу положить оружие.

Стрелок резко свистнул: два коротких свистка, один длинный. Собака медленно поднялась и попятилась на несколько дюймов, по-прежнему рыча и капая слюной.

– Дальше, Кибу! Еще дальше!

Пес снова отступил назад.

– Теперь медленно положи ружье и оставь его на снегу. Потом отойди в сторону.

Ребекка колебалась. Ее внимание все еще было приковано к рычащей собаке.

– Сделай это, иначе я выстрелю. Ты нарушила границу с оружием в руках. Это частная территория.

Ребекка сглотнула. Она медленно наклонилась и аккуратно положила отцовское ружье на спрессованный снег. Потом осторожно двинулась в сторону, стараясь не упасть. Она была уверена, что если упадет в снег, ее

движение заставит пса сразу же наброситься и она не сможет защитить лицо и горло, растянувшись на обледенелом снегу.

С пересохшим ртом она отошла на несколько шагов от ружья.

Стрелок вышел вперед – темный силуэт в густой тени, светивший фонариком ей в лицо. У Ребекки заслезились глаза от яркого света, и она заморгала.

– Сними шапку и маску, – велел стрелок. – Держи руки на виду.

Она медленно подняла руки, сняла охотничью шапку и сдвинула шарф на подбородок. Ее распущенные волосы зашелестели от статического электричества.

Стрелок застыл. Тишина – глухая, зловещая тишина – ощутимо сгустилась вокруг него. Даже рычащая собака замолчала, почувствовав перемену в состоянии хозяина.

– Бекка? – хрипло прошептал он.

Тогда Ребекка поняла. Она физически почувствовала это, когда по позвоночнику пробежала дрожь, а к горлу подкатил комок.

Эш.

Она смотрела в дуло ружья Эша Хогена.

«Он лгал.

От чего ты защищала его в тот день?»

– Твою ж мать! – прошептал он, опустив оружие, но продолжая светить фонариком Ребекке в лицо, и подступил ближе, словно желая убедиться, что это в самом деле она. – Проклятье, Бекка, что за чертовщина здесь творится? Почему ты так нарядилась?

Сердце Ребекки молотом стучало в груди. Она начинала дрожать всем телом после резкого выброса адреналина. Но за дрожью поднималась сокрушительная волна гнева.

– Возьми собаку на поводок, – потребовала Ребекка. – А потом скажи мне, какого черта *ты* делаешь на *моей* земле.

Эш подозвал пса и отвел свет фонарика от ее лица. Он достал поводок из кармана куртки и одной рукой прикрепил карабин к ошейнику.

При косом освещении Ребекка смогла лучше разглядеть его. На нем были громадная стеганая куртка и теплые сапоги. Он был в перчатках, но без шапки. И казался выше и крупнее, чем она помнила.

И старше.

– Твое оружие на предохранителе? – спросила Ребекка.

– Да.

– Покажи мне лицо, чтобы я рассмотрела тебя, – сказала она.

Он повернул свет к лицу, и его черты обозначились резче. На какой-то

момент она затаила дыхание. При таком освещении его лицо выглядело особенно суровым и грубоватым. Через щеку по-прежнему тянулся длинный шрам.

Ее ковбой, которого она когда-то любила. Молчаливый, обветренный Уоллендер канадского севера. Ее Хитклифф из лесной глуши, некогда ее романтический возлюбленный. Человек, который в ее воображении играл роль каждого героя во всех историях, какие отец читал ей долгими вечерами после смерти матери, – историях с книжных полок ее матери, услышанных у камина. Человек, который был подвержен приступам угрюмой задумчивости и часто был вынужден уходить в лес и оставаться в одиночестве.

Ребекка всегда думала, что знает Эша так хорошо, как никто другой. Что она понимает его. Но, возможно, она вообще не знала его.

Ребекка пыталась совладать с приливом жарких, противоречивых чувств, накипевших за все эти годы. Внезапно она снова почувствовала себя семнадцатилетней девушкой, движимой старыми силами и побуждениями.

– Немало воды утекло, Ребекка. Я не думал, что ты вернешься теперь, когда его не стало.

– Что ты здесь делаешь? – резко спросила она. – Зачем ты выслеживал меня из-за деревьев?

– Полагаю, то же самое, что и ты. Я шел по следам от сарая.

Ее удивление быстро сменилось сердитой подозрительностью.

– Ты говоришь, что пришел сюда в темноте, чтобы пройти по следам, оставленным на частной территории, где совсем недавно побывала полиция, – на участке человека, которого ты последний видел живым?

– Именно это я и сказал.

Глава 16

– Мы с Кибу охотились на рысь, когда наткнулись на след от снегохода, ведущий от задней стороны участка твоего отца, – сказал Эш.

Под порывами холодного ветра, в густых сумерках зимнего вечера Ребекка слушала объяснения Эша. Он убивал или отпугивал крупных хищников по контрактам с департаментом по охране окружающей среды или с частными лицами. По его словам, это называлось «контролем над популяцией хищных видов» – медведей, пум, волков и рысей. Иногда, если животное нападало на человека, правоохранители поручали ему найти и уничтожить опасного хищника. Для этой цели он использовал несколько карельских лаек, натасканных на медведей, или метисов блаухаунда.

– Судя по глубине и расположению санного следа, снегоход мог проехать там как раз во время пожара, – сказал Эш. – Это заинтересовало меня.

– Почему?

– Потому что я не думаю, будто твой отец в тот вечер вдруг решил застрелиться.

Ее сердце пропустило удар и забилось с новой силой.

– Продолжай, – прошептала она.

– Похоже, снегоход остановился за рощей, вон там. – Он указал на гребень холма за спиной. – Потом два человека спустились по склону от гребня. – Он указал на заснеженный склон над сараем. – Но когда они вышли из сарая, то направились к кухонной двери Ноя, на какое-то время задержались там, а потом побежали сюда. – Эш указал на глубокие следы, по которым шла Ребекка.

– На этом отрезке пути они начали падать и двигались беспорядочно. По меньшей мере один из них еще раз упал, когда они пробирались между деревьями. Когда они забрались на снегоход, то поспешно уехали на юго-запад. Поэтому я начал двигаться в обратную сторону, от санного следа к пешим следам, когда услышал звук старого дизельного мотора, приближавшийся к дому Ноя. С учетом времени суток и этих причудливых следов я держался очень настороженно. Я вернулся посмотреть, кто приехал, и увидел тебя: неопознанного вооруженного человека, который шарится в темноте там, где недавно побывали полицейские, – как ты и сказала.

– Куда ведет обратный санный след? – спросила Ребекка, стараясь не стучать зубами. Она обмоталась шарфом и надела охотничью ушанку, но холод проникал повсюду.

– Я добрался до пограничной линии ранчо Броукен-Бар. Собираюсь вернуться туда завтра на рассвете.

Ребекка задрожала, когда ветер еще усилился и завыл над замерзшим ландшафтом. На небе высыпали звезды.

– Послушай, – сказал Эш, заметив ее дрожь. – Погода будет только ухудшаться, причем быстро. У меня на ранчо Хогена есть комнаты для гостей. Давай вернемся в тепло и поговорим, а утром я покажу тебе следы.

Ребекке *нужно* было поговорить с ним.

У нее было много вопросов.

Она хотела своими глазами увидеть эти следы.

Но ей нужно сделать все это на *своих* условиях. Ребекка была совершенно выведена из равновесия такой внезапной встречей и его властным присутствием, как будто он по-прежнему мог управлять ее чувствами и ее разумом. Ей нужно было время, чтобы обдумать не только встречу с ним, но и зрелище сгоревшего отцовского дома, обгоревшего тела отца в морге. Сейчас Ребекка была слишком уязвима, чтобы провести ночь в доме Эша после стольких лет уклонения от него, ненависти к нему, любви к нему.

– Нет, – твердо ответила Ребекка. – Завтра на рассвете я буду у двери твоего дома. Тогда ты покажешь мне следы.

Он немного помолчал, взвешивая ее слова.

– Ты уверена?

– Абсолютно.

– Отлично, – тихо сказал он. После некоторого колебания добавил: – Хочешь, я провожу тебя до автомобиля?

– Нет.

– Как угодно. – Он свистнул, подзывая собаку, направил свет фонарика на деревья и пошел вверх по склону. Луч света долго мотался из стороны в сторону, потом исчез за деревьями.

Вокруг Ребекки сомкнулась темнота. Она выругалась.

При свете звезд и восходившей луны, отражавшейся от снега, она побрела через снег и лед к старому «сильверадо», огибая место пожара, и несколько раз поскальзывалась и падала на жесткий наст.

К тому времени, когда Ребекка добралась до отцовского автомобиля, она так сильно стучала зубами, что боялась сломать их. Ворочая онемевшими пальцами, она сделала несколько попыток отпереть дверь со

стороны водителя и испытала настоящее облегчение, когда добилась успеха.

Ребекка забралась внутрь, положила ружье на пассажирское место, проверив предохранитель, и наполовину повернула ключ в замке зажигания. Включился свет на приборной панели; тогда она повернула ключ до конца.

Двигатель кашлянул, провернулся и заглох. Она попробовала снова, сперва дождавшись впрыска, который должен был завести старый двигатель. Когда снова зажегся свет на приборной панели, она повернула ключ до упора. На этот раз послышались лишь слабый кашель, перестук и тишина.

Ребекку охватил первобытный страх. Она попробовала еще раз, с таким же результатом.

Стуча зубами и трясаясь не только от холода, но и от нервного возбуждения, она пробовала снова и снова, хорошо понимая, что с каждым разом истощает аккумуляторную батарею, едва ли полностью заряженную с самого начала.

Двигатель не заводился.

Ребекка протянула вверх дрожащую руку и нащупала выключатель верхнего света. Когда она посмотрела на панель при лучшем освещении, то испытала приступ паники.

Указатель топлива находился на нуле.

На мгновение Ребекка ошеломленно замерла. Это невозможно. Она наполнила бак в Клинтоне. Может, в топливном баке «сильверадо» имелась протечка, и поэтому он был практически пустым, пока находился на полицейской стоянке. Ребекка пошарила в отделении для перчаток, надеясь найти фонарик. Пусто.

Она перебрала остатки вещей на заднем сиденье; там тоже не было фонарика. Свет постепенно тускнел, по мере уменьшения заряда батареи. Нет ни печенья, ни шоколадных батончиков, ни свечей, ни спасательного одеяла. Ничего. Только отцовская одежда, которая уже на ней.

На каком-то уровне Ребекка понимала, что у нее уже наступила гипотермия. Она довольно долго находилась на морозе, а потом вспотела под огнем Эша и при нападении собаки. Ее влажная кожа в сочетании с холодом еще больше понизила температуру тела. Тонкая двигательная координация уже не работала.

Вероятно, способность к рациональному мышлению тоже начала угасать, что больше всего пугало Ребекку.

Она еще несколько раз попробовала завести «сильверадо», несмотря на

то что датчик топлива показывал пустой бак. Она пыталась внушить себе, что не проверила указатель после заправки; возможно, датчик был неисправен, и на самом деле в баке осталось топливо. У нее возникли проблемы с зажиганием на полицейской стоянке, так что, наверное, ситуация повторилась. Ребекка знала, что когда холодает не по сезону, некоторые дизельные двигатели испытывают трудности с запуском из-за формирования кристаллов парафина, забивающих топливные фильтры и топливопроводы.

Свет мигнул и погас. Аккумуляторная батарея разрядилась.

Вокруг «сильверадо» со свистом проносился ветер. Луна поднялась выше и озаряла пейзаж призрачным светом. Приступы дрожи у Ребекки стали неконтролируемыми. Ей показалось, что она видит темную тень,двигающуюся в снегу. Заяц? Лиса?

Ребекка проверила свой телефон. Тот уже отключился. Даже если бы она могла согреть его, чтобы включить систему, здесь все равно не было сети.

И слишком далеко идти пешком до ближайшего места, где ей могли бы помочь. Ночью на проселочной дороге обычно нет ни души.

Наверное, не стоило быть такой упрямой, надо было уехать вместе с Эшем.

Пожалуй, она все-таки кого-нибудь встретит, если просто пойдет по дороге.

Или это мозг нашептывает ей разные глупости?

К глазам подступили слезы. Ребекка откинулась на спинку и подголовник сиденья.

«Проклятая ирония судьбы.

Я вернулась домой и приехала в эту глушь вечером, во время рекордного мороза, чтобы умереть. Последовать в могилу за своим отцом. Эй, папа, эта шутка не в твоём духе? Это твой способ наконец заставить меня провести с тобой достаточно много времени? Например, целую вечность? Слушай, наверное, тогда мы повстречаемся с мамой...»

«Он солгал, Бекка. Вы оба лгали».

«Это был твой голос, папа?»

Перед ее мысленным взором предстала живая картина: Эш и Уитни выходят из амбара.

«Он изуродовал себе лицо не после падения с лошади, не так ли?»

Из-за оттока крови от мозга и конечностей для согрева и защиты жизненно важных органов разум начал выкидывать разные фокусы. Ребекка подумала о фарах автомобиля, который следовал за ней. Мог ли

кто-то совершить диверсию в «сильверадо», пока она находилась в сарае, где ее отец готовил и хранил самогон?

Мог ли Эш сделать это, а потом вернуться кружным путем?

Или это был Бак на полицейской автостоянке, еще до ее отъезда?

«Его автомобиль оснащен хорошими зимними колесами с шипованными покрышками. Это тебе понадобится, если ты собираешься отправиться туда».

Или дело было в отце, не позаботившемся о починке проржавевшего топливного бака?

Но мысль о диверсии завладела вниманием. Она черной тенью поднялась на периферии сознания и начала разрастаться, со всех сторон вторгаясь в мысли и принося с собой еще более глубокую тьму, пока Ребекка не почувствовала, как соскальзывает в чернильную пустоту.

Глава 17

Бывают ночи, когда волки молчат и воет только луна... где Ребекка слышала эти слова? Она смотрела через заиндевевшие окна, как волки материализовались из лесной черноты. Их тени медленно подкрадывались к «сильверадо» по освещенному луной снегу. Или это были тени, созданные ветром? Ребекка изо всех сил старалась сохранять сознание. Ей жарко, слишком жарко. Может быть, нужно снять отцовскую куртку, вообще избавиться от одежды? Потом на фоне тьмы она увидела силуэт своего отца. Он приближался по снегу. Ее большой папочка, полицейский. Он держал в руке фонарик, и волки отступили в темный лес, испугавшись его.

«Папа?»

Ребекка услышала голос своего отца.

«Бекка, Бекка, очнись».

Она открыла глаза. Ее отец пропал. Она по-прежнему находилась в автомобиле. Одна. Она попыталась сосредоточиться.

На подъеме появился свет. Она заморгала. Свет был размытым из-за морозных узоров, выросших на ветровом стекле.

Свет мелькал между деревьями, становился ярче, потом свернул в сторону и направился прямо к ее автомобилю. Пока свет прыгал и дергался, он разделился и превратился в два близко посаженных глаза. Она услышала рокот двигателя и поняла, что глаза были фарами снегохода.

Страх вонзил когти в ее грудь. Диверсант вернулся? Он дожидался того момента, когда она останется одна и лишится сил?

Ребекка старалась прояснить голову. Она протянула руку в перчатке к заряженному ружью на пассажирском сиденье, но пальцы не слушались. Металл выскользнул из перчатки, и приклад стукнулся об пол. Если бы не предохранитель, оружие могло бы сработать, и Ребекка получила бы пулю в голову, как и ее отец.

Снегоход приближался, разбрасывая снег в стороны. Он затормозил напротив «сильверадо» и резко остановился. Яркие фары светили ей прямо в лицо через филигрань ледяных папоротников на стекле.

Ребекку охватила паника. Она старалась открыть примерзшую дверь. В просветах между морозными узорами она видела темную фигуру в шлеме, идущую к ней.

Ледяная корка треснула, и дверь наконец распахнулась. Ребекка оперлась на нее и вывалилась наружу, на промерзшую землю.

– Бекка! – Фигура подняла козырек шлема и склонилась над ней. – Это я, Эш.

Она ощутила, как его сильные руки помогли ей подняться на ноги. У нее подогнулись колени, но он подхватил ее.

– Авль... – выдавила она, с трудом ворочая языком. – Не з-звелся...

– Боже, у тебя переохлаждение. Ты можешь чуть-чуть пройти? Я доведу тебя до моего снегохода, хорошо? Попробуй, ладно?

Она кивнула. Ее ноги казались онемевшими обрубками. Но движение и чувство облегчения от того, что она все-таки получила помощь и что она не умрет, придали ей сил. Она опиралась на Эша, который поддерживал ее и помог доковылять до снегохода с работающим двигателем. Тогда она заметила, что его пес сидит сзади на салазках, и замерла.

– Кибу будет хорошо себя вести, – твердо сказал Эш. – Я обещаю. Он набросился на тебя только потому, что я выслеживал тебя так же, как крупных хищников, а он натаскан для такой работы. На снегоходе сиденья с подогревом. Кроме того, у меня есть спасательное одеяло и термические подкладки для твоих сапог и перчаток. Мы доберемся до моего дома, если ты сможешь держаться за меня. Ну как, нормально?

Она кивнула.

Боже, она скучала по этому голосу. Низкому, басовитому и уверенному. Он открыл набор первой помощи, активировал химические нагревательные подкладки и сунул их ей в перчатки и сапоги. Потом закутал ее в спасательное одеяло с аккумуляторным обогревом, снял с нее шапку и заменил ее на запасной шлем, – большой, плотный и защищающий от ветра. Когда он опустил козырек, сразу стало теплее.

Эш оседлал машину, взял руки Ребекки и обвил их вокруг своего пояса.

– Держись за меня, вот так. – Он продел свою правую руку над ее запястьем. – Сможешь удержаться?

Ребекка кивнула.

– Прижмись теснее, ладно?

Она кивнула.

– Хорошо?

Она снова кивнула.

Эш опустил козырек шлема и дал газ. Снегоход с рычанием рванулся с места, и они заскользили и завияли по плотно слежавшемуся снегу обратно в лес, где она увидела свет фар и подумала, что это отец с фонариком спешит ей на помощь, отгоняя злых волков.

Глава 18

Ребекка ощущала тепло. Она была окутана теплом. Она слышала потрескивание сухих дров и отдаленный лай собак. Запах... запах пламени.

Ее глаза распахнулись, сердце учащенно забилося.

Эш сидел рядом с ней на стуле у очага и смотрел на нее своими льдисто-голубыми глазами. Она находилась в его гостиной; освещение было приглушенным. Мерцающий огонь пламени в камине резко подчеркивал суровые черты Эша. Шрам на его щеке выглядел как узловатый нарост. Старый темно-рыжий пес с поседевшей мордой дремал на коврике перед очагом. Он был похож на ретривера, которого когда-то держала ее мать. Кибу спал на стуле рядом с Эшем.

До Ребекки снова донеслись лай и поскуливание собак на улице.

Она расставляла по местам фрагменты головоломки, сражаясь с туманом в голове и пытаясь вспомнить, как попала сюда. Свет фар, преследовавший ее. Пепелище на месте отцовского дома и следы, оставленные в сарае возможными свидетелями пожара, которые потом бежали оттуда. Эш, выстреливший в нее. Ее автомобиль, оставшийся без топлива. Страх смерти. Возвращение на ранчо Хогена и неуклюжие попытки избавиться от отцовской верхней одежды в прихожей у Эша. Он помог ей дойти до гостиной в своем семейном гнезде – огромном бревенчатом доме, построенном его дедом. Устроил ее на диване в полулежащем положении.

Ребекка медленно выпрямилась и постаралась сосредоточиться. Ее закутали в одеяло с подогревом, поверх которого было наброшено пуховое одеяло. От пододеяльника пахло недавней стиркой. Да, вспомнила Ребекка: когда Эш привел ее сюда, огонь в очаге уже горел. Потом Эш напоил ее горячим чаем с медом и дал теплую шерстяную одежду, большую, не по размеру. Потом снова был чай.

Эш посоветовал пока ничего не говорить. Разговор может подождать.

Ребекка встретила с его взглядом и ощутила первобытную связь между ними в этой сумрачной комнате. Она впервые по-настоящему увидела Эша за все эти годы.

Возлюбленный времен ее юности заметно постарел. Впрочем, как и она сама. Но его мужская зрелость выглядела привлекательно; он не был симпатичным красавцем, скорее суровым, обветренным, с бронзовым

загаром и задумчивым взглядом. Ребекка снова посмотрела на шрам, пересекавший его левую скулу и щеку от глаза до челюсти. За прошедшие годы он мог сделать пластическую операцию, но явно не захотел. Ребекка мысленно вернулась в тот день, когда она попыталась зашить рану с помощью дорожной аптечки и скудных знаний, полученных во время работы ассистенткой ветеринара.

«Он лгал...»

Она посмотрела на его руки. На костяшках пальцев тоже остались мелкие шрамы.

«От чего ты защищала его в тот день?»

Она хорошо помнила кровь, запекшуюся на его разбитых костяшках. Почему Ребекка не сказала своему отцу, что не уверена в рассказе Эша о падении с лошади, протащившей его по гравию?

Почему тогда, в шестнадцать лет, она не смогла критически отнестись к его отказу обратиться к врачам из «Скорой помощи»? Какие глубинные побуждения заставили ее закрыть глаза на более мрачную правду?

Может быть, в тот бурный год, когда она начала встречаться и спать с Эшем, она сознательно предпочла не думать о фактах, вызывавших когнитивный диссонанс между реальностью и потребностью верить ему? Доверять, как прежде?

Возможно ли, что ее поступки в тот день сформировали нынешнюю реальность? Но тогда... могла ли она в какой-то мере быть причастной к смерти своего отца?

И почему, – о боже, *почему* Эш до сих пор вызывает у нее такие чувства? Он обладал некой животной притягательностью; именно поэтому она все эти годы избегала его общества. Сила влечения ослепила Ребекку и не дала понять, что этот мужчина ей совсем не подходит. Он был лжецом. Дважды лжецом, и более того.

Ребекка кашлянула, чтобы прочистить горло.

– Сколько времени? – спросила она.

– Почти полночь. Как ты себя чувствуешь? Мне нужно отвезти тебя в Клинтон?

Поездка от его ранчо займет почти час – в темноте, по плохой дороге. И пункт «Скорой помощи» будет закрыт. Им придется звонить в 911 и договариваться о вызове врача. Это напомнило Ребекке о том, что здесь каждый должен сам заботиться о себе.

– Я... должно быть, я вырубилась.

Кривая улыбка.

– Ты спала как младенец. Должно быть, сильно устала.

В Ребекке всколыхнулось желание все рассказать Эшу. О том, каким нелегким было ее возвращение домой через снежные бураны. О том, как она едва не утратила власть над собой при виде тела своего отца. О том, насколько измученной она была в эмоциональном отношении. Но она удержалась, когда вспомнила обстоятельства и причины своего появления здесь, в его доме.

– Эш, что заставило тебя вернуться на ранчо моего отца? Как получилось, что ты нашел меня?

– Я иногда поднимаюсь на холм-останец с плоской вершиной возле Броукен-Бар. В ясные холодные вечера там открывается потрясающий вид на долину. – Эш немного помолчал. – Мне нужно было подумать.

«После встречи с тобой». Невысказанные слова повисли в воздухе между ними.

– Я хотел подняться повыше. Потом, когда взошла луна, я увидел блеск металла рядом с бывшим домом твоего отца. Мне показалось, что это автомобиль, и я решил проверить до возвращения домой. – Он сделал короткую паузу. – Ты могла там умереть.

Ребекка тяжело сглотнула, когда этот факт камнем упал внутрь.

– Ты сидел там и наблюдал за мной в темноте?

– Я беспокоился, – сказал Эш и тихо добавил: – И я рад видеть тебя... после стольких лет.

Ребекка еще больше выпрямилась и плотнее запахнулась в одеяло, насторожившись, но испытывая противоречивые чувства. Собаки замолчали, и только ветер стонал в застрехах дома.

– Я слышала, что ты женился, – сказала Ребекка, гадая о том, кто развел огонь, горевший во время их приезда, и поставил цветы в вазе на столе.

Он кивнул, но промолчал. Сердце Ребекки странно заныло, и она одернула себя; возможно, его жена сейчас находилась в доме и недавно лежала на этой кровати.

– А я слышал, что у тебя есть партнер по имени Лэнс, – сказал Эш. – Юрист по страхованию от крупного ущерба.

При упоминании о Лэнсе ее пульс участился. Его имя в устах Эша, осведомленность в ее интимных делах, – это казалось посягательством на ее личную жизнь.

– Откуда ты знаешь о Лэнсе?

– Твой отец часто и очень подробно рассказывал о тебе, Бекка. Ной гордился тобой. – Эш сглотнул. – Мне будет его не хватать.

– Как ее зовут?

Он вопросительно изогнул бровь.

– Твою жену.

Эш тихо фыркнул, потом кивнул, словно что-то понял.

– Ясно... Полагаю, хотя Ной все мне рассказывал о тебе, он мало что рассказывал тебе обо мне, так?

– Я просила его этого не делать. Но не после того, как узнала о твоей женитьбе.

Ее слова повисли в воздухе. Эш внимательно смотрел на нее, и что-то неуловимо изменилось в его лице. Он облизнул губы, посмотрел на свои руки, потер ладони и вздохнул:

– Ее зовут Шона. Она художница. Мы познакомились, когда она приехала сюда с группой начинающих художников. Я был у них проводником во время короткой экспедиции на природу.

Он помедлил, как бы взвешивая, о чем еще можно рассказать. Треснувшее бревнышко упало на зольную решетку, и в камине полыхнул огонь.

– В итоге у нас ничего не вышло, – сказал Эш. – Мы развелись шесть лет назад. Наш брак продолжался семь лет.

У Ребекки зачастило сердце. Он посмотрел ей в глаза.

– Почему? – спросила она.

Он удержал ее взгляд во властной, почти обвиняющей манере. Как будто Ребекка была виновата в том, что его супружеские отношения сложились неудачно.

– Наверное, из-за меня. Я... просто я мало что мог ей дать. Меня часто не было дома, – в смысле, я часто уезжал в глушь и занимался своей работой. Знаю, иногда со мной бывает трудно поладить. А она... она нуждалась в большем. Потом она завела роман, хотя, полагаю, я напрашивался на это. На окончательный развод понадобилось почти столько же времени, сколько мы прожили вместе.

В его глазах мелькнуло страдальческое выражение. Ребекка знала, что это такое: боль измены. Когда-то Эш причинил ей такую же боль. Она посмотрела на цветы, стоявшие на столе. Эш как будто прочитал ее мысли; впрочем, он и раньше имел привычку угадывать, о чем она думает.

– Домохозяйка, – сказал он. – Она получает свежие цветы у торговца в Клинтоне и следит за домом. – Он улыбнулся, но одними губами. – А как у тебя с юристом по страхованию? Это серьезно?

Судя по тону, он с таким же успехом мог бы сказать: «А как у тебя с профессиональным кляузником?»

Ребекка пристально смотрела на Эша, ощущая подступающий гнев. Она приветствовала это чувство. Гнев очистил разум, вернул ее к поставленной

цели и причине для разговора с Эшем. Оставив его вопрос без внимания, она сказала:

– По словам Бака, ты был последним человеком, видевшим моего отца в живых до его предположительного самоубийства.

«Или убийства».

– Расскажи мне, что произошло в эти последние часы, Эш. Почему ты сказал, что не думаешь, будто мой отец мог застрелиться?

Эш снова облизнул губы.

– В тот день я обнаружил его в магазине на автозаправке «Петрогаз». Он был изрядно пьян и, надо думать, сделал большой крюк пешком от «Лося и Рога» под предлогом визита к своему старому другу Клайву Додду. Потом он собирался тем же путем вернуться к своему автомобилю, стоявшему возле «Карибу-Лодж», – это был фокус, рассчитанный на возможность ускользнуть от бдительного ока Солли, – но в таком состоянии Ной просто не мог управлять машиной. Я предложил отвезти его домой.

Ребекка слышала нотки искреннего участия в его голосе. Это выводило ее из равновесия.

– В какое время это произошло?

– В полдень. Мы приехали к нему около четырех часов дня.

– Поездка занимает сорок пять минут, максимум час. Что произошло в промежутке?

– Значит, ты изображаешь копа и устраиваешь допрос?

– Я и есть коп. А он – мой отец. Я хочу знать, что случилось.

Эш покосился на нее:

– Ты расследуешь махинации в высоких сферах. – Он выразительно помолчал. – Это совсем другое, по сравнению с убийством, Бекка.

– Значит, это убийство?

Слово повисло в воздухе между ними. Мерно потрескивал огонь в очаге.

Эш отвернулся, выругался вполголоса и провел пальцами по волосам – таким же густым и темным, как во время их последней встречи, но пронизанным серебряными нитями у висков. Впрочем, это его красило.

– Не знаю, как еще это можно назвать, Бекка. Правда не знаю. Но, на мой взгляд, это точно не было самоубийством.

У нее что-то сжалось в груди.

– Тогда расскажи мне, Эш. Проведи меня по этому дню, шаг за шагом. Пожалуйста.

– По пути из Клинтона мы остановились на ранчо Оупен-Серкл, чтобы

выгрузить припасы. Мэгги недавно овдовела, и я помогаю ей как могу. – Он пожал плечами. – Мне нетрудно выгрузить припасы или доставить ей нужные вещи по пути в город или обратно. Ной заснул на подъезде. Он спал почти всю дорогу после того, как мы выехали из города. Проснулся, когда мы прибыли к его избушке.

Ребекка взглянула на него:

– А потом?

– Я помог ему занести дрова. Развел огонь в очаге. Немного выпил с ним, как у нас принято... было принято время от времени. А потом я уехал. Приближался холодный фронт, и мне нужно было проверить собак и заплатить за разные вещи. – Он подался вперед, положив локти на бедра и сцепив руки. – Но вот что странно. Ной включил духовку. Он поставил две тарелки на кухонный стол и положил рядом пачку сигарет. Он не курил. Значит, он ждал кого-то к ужину, Бекка. Все это ничуть не похоже на поведение человека, который собирается покончить с собой.

Ее сердце забилось быстрее.

– Сигареты марки «Денали плэйн»?

Он слегка отпрянул.

– Откуда ты знаешь?

– Я поговорила с Маликами на автозаправке. Они сказали, что он купил пачку «Денали плэйн».

Его лицо на мгновение омрачилось, когда он понял, что подвергается перекрестному допросу.

– Клайв Додд курит? – поинтересовалась Ребекка. – Бак сказал мне, что отец собирался заглянуть к Додду. Он мог купить сигареты для Додда?

– Додд сидит на кислородной подушке и умирает от эмфиземы. Эти сигареты предназначались для кого-то еще.

– Ты сообщил Баку и коронеру Дикси о сигаретах и о том, что мой отец ожидал к ужину гостя?

– Я сказал Баку.

– Он расследовал это обстоятельство? Определил и допросил человека, который должен был приехать к ужину?

– У меня нет ответа на этот вопрос. Я знаю лишь, что дело было передано в офис coronera, поскольку Бак не обнаружил свидетельств преступления.

– При мне Бак не упоминал о том, что мой отец ждал гостя. По его словам, все указывало на депрессию и суицидальные настроения.

Эш молча изучал ее лицо, словно прикидывая, чем он может поделиться. Стоны ветра снаружи усилились до зловещего воя над

замерзшим пейзажем.

– Бекка, я не уверен, что Бак – подходящий коп для расследования этого дела, – тихо сказал Эш.

– Почему? – удивленно спросила она.

Эш потянулся и почесал брюхо Кибу, слегка отвернувшись от нее. Ребекка поднаторела в методике допроса, и для нее это был явный признак. Эш собирался солгать.

– Я не доверяю ему, – тихо произнес он.

Ребекка подумала о том, как Бак смотрел на флаг, хлопавший на холодном ветру, и о его словах:

«Его автомобиль оснащен хорошими зимними колесами с шипованными покрышками. Это тебе понадобится, если ты собираешься отправиться туда».

Она снова подумала о вероятности того, что автомобиль был испорчен умышленно.

– Почему? – вслух спросила она.

Эш покачал головой:

– Просто... я ему не доверяю.

Она ждала дальнейших объяснений, но их не последовало. Поэтому она отложила вопрос в сторону, собираясь разобраться попозже.

– Если вернуться к выпивке с моим отцом, в каком настроении он находился? О чем он говорил?

– Он был... энергичным, почти воодушевленным. Увлеченным одним из своих новых исследований – тех дел, которые давно были закрыты.

– Что за дело? – с внезапной тревогой спросила Ребекка.

Эш колебался; пожалуй, слишком долго.

– Дело об исчезновении Уитни Ганьон и Тревора Бьючемпа.

Ее сердце дало сбой. Она догадывалась об этом, но слышать эти старые, давно забытые имена из уст Эша... это было больно. Воспоминания взорвались, как мина замедленного действия.

Она почти ощущала запах попкорна, висевший в жарком воздухе тем поздним вечером на фестивале родео. Она снова видела выражение глаз Эша, когда застала его выходящим из амбара вместе с Уитни. Сглотнув, Ребекка плотнее запахнулась в одеяло.

– Почему именно это дело? – очень тихо спросила она. – Почему теперь?

Эш провел языком по зубам.

– Ной нашел человека, который видел, что Уитни в тот день высаживалась на автобусной остановке.

Ребекка нахмурилась:

– Ну, и в чем дело? Мы знаем, что в тот день Уитни и Тревор были на остановке автобусной линии Renegade Buses. Что в декабре того года нашлась свидетельница, утверждавшая, что она видела, как на той остановке, еще до прибытия автобуса, Уитни и Тревор садились в белый фургон с орегонскими номерами.

Взгляд Эша потемнел, его губы сжались в прямую линию. Он рассеянно почесал живот Кибу. Судя по всему, Эш переоценивал свои действия и принимал какое-то важное решение. У Ребекки зародилось недоброе предчувствие.

Он сделал глубокий вдох и встретился с ней взглядом.

– Ной считал это большой проблемой, поскольку человек, высадивший Уитни, ввязался в драку с Тревором, который достал нож.

Очередная пауза, усугубленная гнетущим предчувствием. Хлопнула ставня, и что-то задребезжало на крыльце.

– А еще потому, что этим человеком был я, Бекка.

Жирный Бакки в амбаре

Карибу-Кантри, фестиваль родео в Клинтоне. Суббота, 11 июля, более двадцати лет назад

Гнетущая жара. Уже 22.00, и все еще светло, но небо приобретает злоеший оранжево-бурый оттенок, и дым от лесных пожаров нависает над городом тяжким, удушливым маревом.

*Все, что я хочу, – это пожить в Эл-Эй.
Прежде чем умру, хочу кутить в Эл-Эй.
Веселье всю ночь, пока она не сгинет прочь
И солнце не взойдет над Эл-Эй...*

В то жаркое лето хитовая песня «Хамзат Сьютс» гремела повсюду. Разгоряченные тела вращаются и потеют на грунтовой танцплощадке. Над ними, на ветру от лесных пожаров, раскачиваются китайские фонарики. Но родео – это чисто западная тема. Почти все население городка собралось на этом крупном ежегодном шоу. Люди надели ковбойские шляпы и кожаные жилеты с бахромой, джинсы и лучшие летние платья с ковбойскими сапогами. Карнавальные клоуны надувают воздушные шары для чумахих детей, а ловкие фигляры танцуют с быками. Запах хот-догов, корн-догов^[3] и горячего попкорна со сливочным маслом плавает в густом, дымном воздухе. Натужные смешки сопровождаются обжиманием по темным углам и топаньем копыт в пыли, пока взрослые нелепо кривляются и выпендриваются друг перед другом и думают, будто выглядят так же, как в восемнадцать лет. Или в двадцать.

В большом амбаре, построенном к фестивалю в качестве временной конюшни, Эш и Уитни – липкие от секса, потные от жары, выдохшиеся и покрасневшие после растроченной похоти – натягивают и застегивают сброшенную одежду.

Эша мутит от того, что случилось.

Он только что запустил свою сперму в дырку городской потаскушки, и хотя ему отчаянно хотелось это сделать – трахнуть женщину, любую женщину, – он представлял это совсем иначе.

Он хотел, чтобы этой женщиной была Бекка, но она постоянно

отвергала его неуклюжие заигрывания. Она вбила себе в голову несуразную мысль, что до своего семнадцатилетия и последнего года в средней школе следует воздерживаться от секса. Как будто это был личный марафон на выдержку и терпение, пока регулярные ласки, объятия и поцелуи доводили Эша до белого каления.

На прошлой неделе он попытался выяснить свои отношения с Беккой в более агрессивной манере. Очередной ее отказ взбесил его. Он не может признать причину своей ярости, потому что его побуждения заперты глубоко в подвале души, где темно, как в гробу, и холодно, как в объятиях ведьмы. Они находятся там, где ему не приходится изучать их или открывать кому-либо, даже самому себе.

Уитни смеется и виляет задницей, натягивая трусики на белые ляжки. Он вытирает член и возносит немую молитву, чтобы Бекка не узнала об этом. Потому что... этого больше не случится. Это была ошибка.

Уитни неожиданно замирает и к чему-то прислушивается. Она резко поворачивается и прикрывает глаза козырьком ладони, вглядываясь в тени среди тюков прессованного сена, высоко наложенных вдоль стены амбара.

– Вот дерьмо, – шепчет она и хватается свою юбку, а потом вдруг громко говорит:

– Эй, Баки! Я тебя ви-ижусь! Ну-ка выходи из-за сеновала, гадкий мальчишка!

Эш в ужасе разворачивается и видит Бака Джонстона, стоящего в пыльной тени за тюками сена, рядом со стойлом для лошадей. Его ширинка расстегнута, и он держит в руке затвердевший член.

К горлу Эша подкатывает желчь.

Тот подвал его души, где заперты дурные вещи, широко распахивается, и в голове нарастает глухой рев.

Бак исчезает в мгновение ока. Эш смотрит туда, где видел его. Было ли это на самом деле? Действительно ли Бак Джонстон подглядывал за ними и мастурбировал, пока они трахались?

Уитни продолжает одеваться.

Уличные звуки врываются в амбар вместе с запахами и с ощущением внешнего мира, который вращается за пределами тускло освещенного амбара. При мысли о Бекке Эша настигает короткий приступ паники.

– Ты видела, чем он занимался? – шепчет Эш Уитни.

– Извращенец, – говорит она, застегивая пуговицы джинсовой куртки на своей объемной груди. – Наверное, он забился в угол, чтобы додрочить.

Уитни протягивает руку и гладит Эша между ног, потом выпрямляется и одаряет его слюнявым поцелуем. От ее шепота в его ухе

вееет теплом и запахом пива:

– Ты хорошо трахаешься, Хоген.

К откровенному ужасу Эша, его член снова выпрямляется под давлением ее ладони. Уитни мурлычет, довольная его реакцией, и кричит, повернувшись в темное нутро амбара:

– Хочешь снова увидеть, как он входит в меня? Эй, Бакки-бой, Жирный Бакки, которого никто не хочет трахать!

Эш вздрагивает, и Уитни берет его за руку.

– Давай, пошли отсюда. Там играют мою песню, и мне нужно еще выпить.

– Уитни...

Она останавливается, смотрит на него и замечает его беспокойство.

– Послушай, это всего лишь Бак Джонстон. Он любит за всеми подглядывать. Кроме того, он серьезно запал на меня... и не только на меня. Другие девушки рассказывали, как он заглядывает к ним в окна по вечерам. Он подглядывает через дырки в душе и в школьной раздевалке. И что с того?

Уитни тянет его за собой, но он упирается.

– Тебе все равно?

– То, что я ему нравлюсь? Эй, но тебе я тоже нравлюсь! Я люблю нравиться людям. Пошли, а то песня закончится.

Эш все еще колеблется. И тут до него доходит. Уитни Ганьон предпочитает быть городской потаскушкой, потому что любит нравиться другим людям. Она нуждается во внимании. И она путает буйство подростковых мужских гормонов с нежностью и привязанностью.

Ему становится еще хуже.

Они выходят из амбара, и Эш застывает как вкопанный. Его сердце ухает вниз, когда он замечает Бекку, стоящую неподалеку. Она видит, что Уитни держит его за руку. Их взгляды встречаются, и лицо Бекки становится смертельно бледным от потрясения.

Он резко выпускает руку Уитни.

Все, что я хочу, – это пожить в Эл-Эй.

Прежде чем умру, хочу кутить в Эл-Эй.

Веселье всю ночь, пока она не сгинет прочь

И солнце не взойдет над Эл-Эй...

Бекка разворачивается и исчезает в толпе. Он устремляется следом.

– Бекка! Бекка!

Но Бекки уже нет. Она пропала среди разгоряченных, потных танцующих тел, среди дыма от лесных пожаров и запаха подгоревшего масла.

Пока Эш отчаянно ищет ее, он ощущает это: начало конца. Конец той жизни, которую он видел для себя.

И все потому, что он в амбаре трахнул Уитни.

Глава 19

Эш наблюдал за выражением лица Бекки. Ее взгляд изменился, стал бесстрастным и непроницаемым. Эш резко встал и заходил взад-вперед, сжимая и разжимая кулаки. Кибу наострил уши, почуяв волнение хозяина.

– Почему? – Ее тон был опасно мягким и спокойным. – Почему ты отвез Уитни на автобусную остановку?

С сильно бьющимся сердцем Эш развернулся лицом к Бекке.

– Потому что она сказала, что ей нужно уехать. А я хотел увериться, что она уедет из города. Я хотел, чтобы она *уехала*.

Ее лицо оставалось бесстрастным. Оно не выдавало никаких эмоций, и ее монотонный голос с демонстративным отсутствием намеков на чувства указывал на полицейскую выучку, которую Эш уже видел раньше. Их тренировали для таких случаев. Бекка относилась к нему как к подозреваемому. И когда он смотрел в ее непроницаемые глаза медового оттенка, у него мелькнуло воспоминание об одиннадцатилетней Ребекке, помогавшей своей матери готовить выпечку. Теперь Бекка казалась ему не менее прекрасной. Эш никогда не переставал желать того же, что представлял в тот день.

Э

– Почему ты подрался с Тревором?

– А как ты думаешь?

– Ты не сказал мне об этом. Почему?

Эш *не хотел* заново переживать этот момент вместе с ней. Это бы лишь глубже вбило клин между ними. Еще совсем недавно он заметил крошечный огонек интереса в ее глазах, когда рассказывал ей о Шоне и о своем разводе. Это зародило слабую искру надежды, что, может быть, в глубине души он все-таки ей не безразличен. Что между ними еще что-то возможно.

«Ты идиот. Долбанный идиот, если ты думаешь, что у тебя еще может что-то быть с Беккой».

Скоро Бекка вернется к Лэнсу, к своему юристу по страхованию недвижимости. К своей многообещающей карьере по борьбе с финансовыми махинациями. У нее не будет возможности поговорить с Эшем начистоту, не говоря уже о приезде сюда, когда она продаст отцовскую землю.

Не стоит и стараться, чтобы заново переживать жуткие воспоминания давнего прошлого вместе с Беккой. Он совсем не обязан выдавать свою вину или раскрывать свои тайны перед тем, что становилось похожим на расследование убийства. Но это был путь, который они оба должны были пройти, потому что у него появилось гнетущее ощущение, будто его тогдашняя измена с Уитни теперь, более двадцати лет спустя, была как-то связана со смертью Ноя.

«Я сплеховал с этими детишками, с Уитни и Тревором. Я подвел их, потому что местные жители, особенно ты, что-то скрывали от меня».

Эш перестал расхаживать по комнате и повернулся к Бекке:

– Мы подрались, поскольку Тревор знал, что я переспал с ней, пока он был в отъезде. Так оно и было, Бекка. Я переспал с *его* девушкой, я собирался посадить ее на автобус и не ожидал, что Тревор решит отправиться с ней в Лос-Анджелес.

– Что тебя так расстроило? То, что она вернулась к Тревору?

«Твою мать».

– Я не хочу это обсуждать.

– Но тебе придется это сделать. То, что случилось тогда, могло стать причиной смерти моего отца.

Он знал это. Она это знала. Но они не знали, почему это случилось. Они находились на противоположных сторонах конфликта, но оба участвовали в нем. Так или иначе, им приходилось возвращаться в собственные варианты прошлых событий.

– Почему ты никому не сказал, что отвез ее на автобусную остановку?

– А какой смысл? Она оставила записку для своей матери. Тревор сказал друзьям, что собирается в Лос-Анджелес вместе с Уитни и навсегда покидает этот дерьмовый городок. Это его собственные слова. И они уехали. Никто не беспокоился до декабря, пока мать Уитни и ее лучшая подруга Ариэль не получили от нее даже открытки на Рождество. Тогда они нажали на твоего отца. Он занялся этим делом и узнал, что в автобусной компании не сохранилось сведений о том, что Уитни и Тревор сели в тот автобус. И не было никаких признаков, что они пересекли границу США. – Эш глубоко вздохнул, освобождаясь от напряжения, которое ощущал глубоко внутри с семнадцати лет. – Тогда мать Уитни и Ариэль стали расклеивать плакаты с объявлениями о поисках Уитни. Это было в конце декабря, и тогда появилась свидетельница, утверждавшая, что она видела, как Тревор и Уитни садились в белый фургон.

– Ты очень хорошо помнишь все детали.

– После разговора с Ноем незадолго до его смерти я много думал об

этом.

– Значит, ты можешь все подробно рассказать.

– Господи, Бекка!

– Ты ведь ничего не сказал моему отцу в 1998 году, хотя знал, что он начал расследование?

– Опять-таки, в чем смысл, если они сели в белый фургон с орегонскими номерами? То обстоятельство, что я привез Уитни на остановку, стало совершенно неважным, когда они уехали на автомобиле вместо автобуса. Мы все знали, что они собираются пересечь границу и уехать на юг, в Калифорнию.

Она молча смотрела на него.

Эш тяжело опустился на кушетку и провел ладонями по лицу, ощущая крайнюю усталость. Какое-то время он слушал потрескивание огня, шум ветра и шелест ледяных кристаллов на оконном стекле, стараясь принять и осознать тот факт, что Бекка Норд вернулась и находится в его доме. Потом он медленно поднял голову.

– Хочешь правду, Бекка? Гребаную правду, и ничего, кроме правды? Я не хотел говорить об этом, потому что не хотел ранить тебя. Мне хотелось вернуть тебя, – тогда я думал, что у меня еще есть шанс. – Эш пытался удерживать чувства, чтобы они не овладели его голосом. – Я *не мог* отпустить тебя. Ты должна была стать моей жизнью, но Уитни все испортила.

– Ты сам все испортил. – К ее щекам вдруг прилила краска, глаза заблестели жидким огнем. – Это ты продолжал встречаться с ней после фестиваля родео. Марси раструбила об этом по всему городу. Но ты вернулся и сказал, что все кончено; ты умолял меня поверить тебе. Говорил... что любишь меня. – Ее голос пресекся. – И я поверила, и мы...

Кровь отхлынула от лица Эша. Ребекка сделала небольшую паузу, кашлянула и почесала нос.

– Итак, почему мой отец сказал, что ты солгал ему? Из-за твоей драки с Тревором и твоего появления с раной на лице в тот самый день? Он догадался, что Тревор порезал тебя?

– Он проверял эту версию.

– Но почему? Ему нужно было иметь что-то более солидное, чем свидетельские показания об автобусной остановке и твоей драке с Тревором. Этого недостаточно, чтобы открыть... какое-то старое, давно забытое дело. Может быть, Тревор и Уитни все эти годы держались ниже травы по какой-то другой причине. Может быть, они ушли в подполье из-за неприятностей с законом по ту сторону границы. Может быть, они

живут под вымышленными именами где-то в Южной Америке. Зная Тревора, это не выглядит неправдоподобным. Бог знает, может, они оба умерли в Мексике! – Она покраснелась, глядя на него. – Так что же пробудило интерес моего отца к этой старой загадке? Что такого нового он узнал, чтобы возобновить расследование? Он боялся... да, Эш, он был испуган. Он позвонил мне в день своей смерти, позвонил из «Люся и Рога». До того как отправился на заправку «Петрогаз» и встретился с тобой.

Эш удивленно взглянул на нее:

– Он не упоминал об этом.

– Так что он нашел?

– Не знаю. Ной держался настороженно.

Она смотрела на него так, словно он лгал ей.

– Тогда кто же тебя видел на автобусной остановке?

– Опять-таки, я не знаю. Он держал свои козыри при себе.

Ребекка выпрямилась и встала. Придерживая одеяло на плечах, она подошла к раздвижной стеклянной двери и уставилась во тьму через собственное отражение.

– Конечно, он держал свои козыри поближе к телу, если думал, что ты имеешь отношение к тайне исчезновения Уитни и Тревора. – Ребекка повернулась к нему. – Что это за чертова тайна? Пока что я даже не пойму, как ваша с Тревором драка могла повлиять на исход событий. Они же все равно уехали из города.

Он покачал головой:

– Информация об этом могла находиться в досье, лежавшем на кофейном столике в гостиной Ноя. А она сгорела или же материалы дела пропали из папки еще до пожара, поскольку он спросил, не заходил ли я к нему во время его отсутствия и не забирал ли что-нибудь из его дома. А если разоблачительная информация действительно была украдена, то вор знает о том, что было известно Ною.

Ребекка смерила его долгим и жестким взглядом.

– Это Тревор порезал тебе лицо?

– Нет. Мы обменялись несколькими тычками, и на этом все закончилось. Я ушел оттуда.

– Тогда как ты повредил лицо?

– Я же говорил! – Эш не скрывал раздражения. – Я упал с лошади.

– Почему ты отказался ехать в пункт «Скорой помощи», где тебе бы наложили нормальные швы?

– Наверное, у меня было сотрясение мозга, и я не мог нормально соображать.

– Ну да, конечно.

– Господи, Бекка! – Он снова вскочил на ноги. – Я хотел быть *с тобой*. Ты была нужна мне. Я хотел, чтобы ты прикасалась ко мне, вытирала кровь, облегчала мою боль, будь оно все проклято! Твоя забота... мне нужна была твоя забота. Уитни наконец уехала. На самом деле я хотел встречаться с тобой, и только с тобой.

Его глаза заблестели от нахлынувших чувств. Бекка смотрела на него, оставаясь совершенно неподвижной. Он отвернулся, сделал несколько шагов и развернулся к ней.

– Она уехала. Я был весь на нервах после драки с Тревором. Мне нужно было поскорее выпустить пар и забыть об этом, поэтому я решил отправиться на прогулку верхом. Но я был слишком зол, невнимателен и находился в расстроенных чувствах. В результате я выбрал неподходящую лошадь и поскакал сломя голову перед началом грозы. Одного удара грома было достаточно, чтобы лошадь взбрыкнула от испуга и выбила меня из седла.

Бекка медленно вернулась к дивану и села. Ее пальцы слегка дрожали, к глазам подступили слезы. Она отвела взгляд от Эша и долго смотрела на огонь. Его старый пес Гризли ворочался и потягивался на коврике.

Кровь громко стучала в ушах Эша. Он почувствовал, что сам начинает дрожать.

– А как же ты, Бекка? – тихо спросил он. – Если в тот день у тебя были сомнения по поводу моей раны, почему ты ничего не сказала своему отцу?

Ребекка очень медленно подняла голову и встретила с ним взглядом.

– Потому что я хотела поверить, – прошептала она. – Потому что... – Она замолчала.

Эш тяжело задышал. Он изнывал от желания обнять и утешить ее. Совершить прыжок в прошлое и изменить тот самый июльский вечер на фестивале родео, в то жаркое лето лесных пожаров. Ему приходилось сдерживаться изо всех сил, чтобы не подойти ближе, не прикоснуться к ней. Он громко вздохнул.

– А теперь, – продолжала Ребекка, – теперь... я по-прежнему хочу верить, Эш. Черт побери, вот я и сказала это. Я все еще хочу верить тебе.

Его сердце пропустило удар и забилось с новой силой. Ребекка сглотнула.

– Но я не могу. Не сейчас. Судя по тому, что сказал по телефону мой отец, что бы ни случилось с ним потом, это как-то связано с тем, что произошло между нами. Мне нужно выяснить, что это такое, прежде чем я смогу доверять тебе. Я собираюсь заново открыть расследование моего

отца. Я собираюсь поговорить с Баком...

– Только не с Баком.

– Почему? – снова спросила она.

– Я не доверяю ему в этом деле.

– Тебе придется объяснить, Эш.

Его замутило при мысли о необходимости воскресить в памяти сцену в амбаре.

– Бак был без ума от Уитни, – сдавленно произнес Эш. – Он таскался за ней, пялился на нее. Подглядывал.

Ребекка фыркнула:

– Откуда ты знаешь?

– Она мне сказала, – ответил Эш. Его лицо горело как в огне.

«Хочешь снова увидеть, как он входит в меня? Эй, Бакки-бой, Жирный Бакки, которого никто не хочет трахать!»

Эш боролся с желанием рассказать ей правду, но потом решил, что расскажет все. Столько, сколько сможет вынести. Если не ради Бекки, то ради Ноя.

Эш набрал в грудь воздуха и почесал шею.

– Бак Джонстон был в амбаре в тот вечер на фестивале родео. Он видел нас... меня и Уитни. Он следил за нами и мастурбировал.

Последовала долгая пауза; потом Ребекка резко встала на ноги.

– Мне нужно лечь в постель.

Она вышла из гостиной и пошла по коридору к гостевой спальне, которую он показал ей раньше, сгорбив плечи, закутанные в одеяло. Эш остался один, глядя в пустой коридор. Он медленно подошел к раздвижной стеклянной двери и посмотрел на снег, мягко сиявший в свете белой луны. Голые ветви раскачивались на ветру.

То, что началось в тот вечер на ярмарке, еще не закончилось. Далеко не закончилось.

Глава 20

Карибу-Кантри, 15 января, вторник

Утро было морозным и ясным. Завернувшись в шерстяной плед, Ребекка стояла у панорамного окна с видом на белую лужайку, полого опускавшуюся к небольшому пруду. За ее спиной в очаге потрескивали дрова. Она держала в ладонях кружку свежесваренного кофе. Эш ушел раньше и оставил на кухне записку вместе с корзиночкой теплых круассанов и полным кофейником.

«Вернусь, как только позабочусь о животных.

Послал механика, который присмотрит за автомобилем Ноя. Мы поедем туда на снегоходе, встретимся с ним и узнаем его вердикт.

Потом пройдем по следу от сарая до границы Броукен-Бар и посмотрим, куда он ведет оттуда.

Эш Х.»

Какое-то время Ребекка смотрела на букву «Х». Ее мысли и чувства находились в полном беспорядке. Прошло несколько дней с тех пор, как звонил ее отец, и они казались очень долгими. Но она крепко поспала несколько часов и до некоторой степени восстановила нормальное состояние. Вчера вечером ей первым делом хотелось сказать Эшу, чтобы он держался подальше от ее расследования. Но, с какой стороны ни посмотри, он был ключевым свидетелем, вероятно, заинтересованным в смерти ее отца.

Однако при этом она верила его словам насчет Бака.

Она верила многому из того, что сказал Эш, но чувствовала, что он скрывает нечто важное. Она решила, что с учетом обстоятельств будет лучше держать его поближе к себе и использовать его, вместо того чтобы полностью отстраняться от него. Если она будет вести расследование через него, а не вокруг него, то сможет узнать гораздо больше. Он может проговориться. Кроме того, в отличие от нее, у него есть полезные связи в городе.

Поэтому с утра Ребекка поставила цель работать вместе с Эшем и найти что-то такое, что даст ей основание привлечь настоящую группу по расследованию тяжких преступлений. Это означало, что придется

действовать через голову Бака Джонстона, но в его служебные обязанности и не входило расследование убийств. В случае убийства на его территории протокол, так или иначе, требовал от него вызова специализированного подразделения.

Отхлебывая из кружки, она наблюдала за фигурой Эша, появившейся в отдалении за изгородью. Он был в ковбойской шляпе и фермерской куртке и держал в руке небольшое ведро. Свора собак – черно-белых карельских лаек, натасканных на медведей, – прыгала и резвилась вокруг него. Снег сверкал и искрился на солнце.

Это была очень красивая сцена, словно предназначенная для открытки с приглашением на ранчо. У Ребекки зануло сердце. Она тосковала по такой жизни, как бы ни старалась отрицать это. Это было частью ее души, ее семейных корней.

Она отпила еще кофе и мысленно вернулась к отпечаткам обуви возле отцовского сарая, которые вели к следу от снегохода и, по словам Эша, к ранчо Броукен-Бар. Потом ее мысли перескочили на «Пончиковое кафе Додда», где она видела Оливию Уэст и ее дочь Тори Бартон, сидевших в кабинке у окна. Девушка с длинными темными волнистыми волосами, жившая на ранчо Броукен-Бар.

Она подумала о волосах, обнаруженных в сарае. О размере отпечатков ладоней и следов обуви. У Ребекки возникло ощущение, что она уже знает, кто побывал в сарае.

Но если это Тори Бартон, кто был ее спутником? Почему они с другом убежали оттуда? Могли ли они увидеть что-то, сильно напугавшее их? Или хуже того, могли ли они каким-то образом быть причастными к случившемуся? Она сомневалась в этом. Скорее всего, дети пришли туда, чтобы украсть брагу. Но Тори Бартон была «трудным ребенком». Оставалась возможность, что она способна на темные дела, подобно своему отцу. Тем не менее самоубийство отца Ребекки, выглядевшее театрально и неестественно, говорило о чем-то совершенно ином.

Ребекка пошла на кухню и взяла второй круассан из корзинки. Держа его в одной руке, а кофе в другой, она подошла к книжной полке, где стояли фотографии в рамках. Откусив кусок круассана, она стала рассматривать снимки.

На одной фотографии были изображены Эш и женщина, стоявшие перед водопадом. Женщина была в белом платье. Ребекка перестала жевать.

Шона?

День их свадьбы?

Она с трудом проглотила кусок и запила кофе, испытывая смешанные чувства. Там был другой снимок той женщины: она смеялась, сидя в красном каноэ на спокойной глади бирюзового озера.

Эш мог развестись, но не стал изгонять из своей жизни воспоминания о Шоне и об их супружестве. Ребекка покачала головой и перешла к следующей фотографии. Эш с двумя карельскими лайками и сотрудником заповедника в форменной одежде сидел на корточках перед массивной тушей усыпленного гризли. Медвежьи когти были такими же длинными, как человеческие пальцы. На другом снимке Эш стоял рядом с усыпленным кугуаром, а рядом снова находились его собаки. Это, как она поняла, был его вариант охотничьих трофеев. Не считая того, что он выпускал этих животных на волю подальше от людей, столкновение с которыми и было причиной их неприятностей.

Ребекка допила кофе и доела круассан. Продолжая жевать и держа в ладонях еще теплую кружку, она подошла к следующей фотографии и вздрогнула.

Эш с ее отцом на рыбалке. Примерно в то время, когда Эшу было четырнадцать лет. Ребекка сама сделала этот снимок. Она тоже была там, вместе с ними. Кровь застучала у нее в ушах, пока она смотрела на своего отца. В желудке образовалась сосущая, болезненная пустота. Горечь утраты. Ощущение усиливалось, пока она рассматривала его загорелое, обветренное лицо. Она резко выдохнула и посмотрела на следующий снимок.

Снова ее отец. Он гордо стоял в парадном мундире, при всех регалиях: красная саржевая куртка, высокие коричневые сапоги, бриджи для верховой езды, офицерский поясной ремень с плечевым ремешком и стетсоновская шляпа. За ним развевался красно-белый канадский флаг. Снимок был сделан на одном из ежегодных парадов в День Канады в Клинтоне.

Эш сохранил его. Почему?

Ребекка поставила кружку на стол и взяла фотографию в рамке. Чувства омывали Ребекку со всех сторон, образуя сложную смесь боли и вины, любви и утраты. К глазам подступили слезы, и теперь, в одиночестве, Ребекка не стала удерживать их. Она вообще не смогла бы этого сделать. Ей так не хватало отца. Она так тосковала по нему. Знать, что он навсегда покинул этот мир...

– Ты можешь забрать эту фотографию.

Она перевела дыхание и обернулась. Эш стоял в комнате.

– Я... я не слышала, как ты вернулся. – Ребекка сконфуженно вытерла

слезы. – Ты сохранил ее, – добавила она, глядя на фотографию. Это было глупо; доказательство находилось у нее в руках. Эш явно был человеком, который хранил воспоминания. О своей жизни, о своей жене, об отце Бекки. А Ребекка ничего не сохранила. Она целенаправленно избавилась от всего, что напоминало о старой Бекке Норд, сельской девчонке с мальчишескими ухватками, которая любила ездить верхом и помогала матери копать темную землю в огороде, работала ассистенткой ветеринара и свято верила, что выйдет замуж за Эша Хогена и тогда у нее будет много животных и свой сад с огородом.

Вместо этого она стала полицейским. Детективом, расследовавшим коммерческие преступления в мире высоких технологий, а не обычным провинциальным копом, как ее отец. Женщиной, жившей в стерильной квартире и неспособной полностью довериться какому-либо мужчине. Или провести хоть какое-то время со своим одиноким отцом. Что с ней случилось?

Присутствие Эша давило на нее; безмолвные вопросы тяжело висели в воздухе.

– Возьми ее, – повторил он. – У меня есть другая, почти такая же.

Ее пульс участился, но она аккуратно поставила фотографию на полку.

– Все в порядке, она твоя. У тебя есть причина для этого. – Ребекка еще секунду смотрела на фотографию, прежде чем повернуться к Эшу. – Но что за причина, Эш? Почему ты хранишь снимки моего отца?

– Я тоже любил его. Вообще любил твоих родителей.

– Да, я знаю. – Ребекка посмотрела на него. – А как насчет твоих родителей? Здесь нет их фотографий.

Он грустно улыбнулся. Улыбка изменила его лицо и подействовала на Ребекку как тычок под дых.

– Я предпочитаю твоих предков.

– Почему? – допытывалась она.

– Ох, ты же знаешь моих родителей. Холодные люди, поборники жесткой дисциплины. – Он пожал плечами. – Когда я был маленьким, мне часто хотелось перебраться к вам домой и стать приемным сыном в вашей семье. – Его губы изогнулись в насмешливой улыбке. – Я даже взял к себе Гризли, когда увидел, как он бродит возле пруда, потому что он очень похож на старого пса твоей матери. Я просто не мог оставить его там.

Ее сердце гулко стучало в груди. Ребекка глубоко заглянула ему в глаза и внезапно увидела мальчишку, которого когда-то знала. И подростка. Она снова почувствовала то, что испытывала в одиннадцать, двенадцать, четырнадцать и шестнадцать лет. Слезы снова подступили к глазам, и она

поспешно отвернулась. Это было уже слишком.

– Возьми ее, Бекка. – Он снял с полки фотографию в рамке и отдал ей. – Все фотографии Ноя сгорели при пожаре. Тебе нужно иметь что-то, напоминающее о нем. Пожалуйста, храни ее у себя.

Ребекка снова посмотрела на своего отца в форменной куртке из красной саржи. Он выглядел таким гордым. Капрал Ной Норд. Ребекка кончиками пальцев прикоснулась к его лицу. Чего бы она ни отдала, лишь бы снова обнять его, еще раз увидеть его суровое морщинистое лицо! Она судорожно вздохнула.

– Спасибо, – прошептала она. – Я сохраню ее.

Глава 21

Ребекка рывком освободила ото льда полосу желтой ленты, огораживавшей место преступления. Она протопала к сараю, хрустя снегом, и закрепила ленту поперек двери отцовского сарая, воспользовавшись строительным степлером, полученным от Эша.

Эш одолжил ей теплую зимнюю одежду и отвез на ранчо ее отца на своем снегоходе.

Механик уже проверил старый «сильверадо» и вернулся за тягачом на ранчо Хогена. Его прибытие ожидалось скоро. Ребекка воспользовалась паузой, чтобы опечатать сарай полицейской лентой, оставшейся от Бака после осмотра места пожара.

Яркие цвета, блистающие сугробы и свежий, бодрящий воздух зимнего утра казались нереальными по контрасту с жуткими обугленными руинами бревенчатой хижины, покрытыми толстой ледяной коркой. Высоко в небе кружила хищная птица.

Эш передал Ребекке еще один отрезанный кусок полицейской ленты.

– Спасибо. – Ребекка опустила на корточки и прикрепила ленту крест-накрест над входом.

– Ты больше не рассматриваешь возможность привлечь Бака, правда? – поинтересовался Эш, наблюдая за Ребеккой.

– Я просто хочу опечатать сарай на тот случай, если потом нам понадобится привлечь группу криминалистов. Я собрала некоторые годные улики, но для суда нам понадобится оформить это официально. Ты можешь освободить вон тот кусок?

Он захрустел по снегу и отрезал еще один кусок ярко-желтой пластиковой ленты, хлопавший на ветру.

– Спасибо.

– Значит, ты собираешься прыгнуть через голову Бака?

Ребекка вогнала скрепку в деревянную доску, закрепив очередной кусок ленты и неуклюже ворочая пальцами в толстых перчатках.

– Зависит от того, найду ли я достаточно улик, чтобы привлечь к делу группу по расследованию убийств. Впрочем, если это и впрямь убийство, то Бак все равно будет обязан это сделать.

Казалось нелепым даже говорить такое о своем отце. То, что они с Эшем работали здесь вместе, выглядело еще абсурднее.

Сидя на корточках, Ребекка посмотрела на Эша. Его дыхание паром вырывалось изо рта, глаза приобрели льдисто-голубой оттенок. Нордическое наследие. Ребекка сознавала, что в ней снова пробуждается физическое влечение к нему, и это беспокоило ее. Но таков был риск совместной работы с ним в этом расследовании. Ребекке не хотелось снова без памяти влюбиться в Эша Хогена, особенно если окажется, что он скрывает нечто криминальное. Особенно потому, что далеко на востоке Лэнс ждал ее возвращения. Нужно быть осторожной, чтобы снова не обжечься.

Тыльной стороной перчатки она вытерла нос, потекший от холода.

– С учетом того, что ты рассказал мне о Баке, у него возникает явный конфликт интересов.

– А разве у тебя нет конфликта интересов? Ведь Ной – твой отец.

– Я занимаюсь этим неофициально. Пока что. А если я что-то найду, то свяжусь с независимой группой, как и говорила.

Ребекка рывком поднялась на ноги и протянула степлер.

– Какие годные улики ты нашла в сарае? – спросил Эш. – Кроме отпечатков ног на желтой краске?

Ребекка заколебалась, раздумывая, как много она может ему сообщить.

– Отпечатки пальцев, – ответила она и натянула теплую варежку поверх перчатки. – И отпечаток ладони на пролитой краске. Еще пару волос.

– Что за волосы?

– Длинные, темные, с легкой волной. – Ребекка немного помолчала. – Как у Тори Бартон.

Его льдисто-голубые глаза встретились с ее глазами.

– Тебе известно, кто она такая?

– Да. Отпечатки ладони и размер обуви как раз подходят для девочки ее возраста. Кроме того, ты сказал, что лыжня от снегохода ведет к границе ранчо Броукен-Бар. Моя рабочая теория состоит в том, что Тори Бартон побывала здесь вместе со своим другом.

Теперь он выглядел обеспокоенным, что привлекло ее интерес.

– Что-нибудь еще? – спросил Эш.

Она смирив его взглядом.

– Взломанный висячий замок. Он лежал вон там. – Она указала место. – И я нашла инструмент, который мог быть использован для взлома. Нельзя доказать, что он не лежал под верстаком, прежде чем эти юнцы не вломились в сарай, но им могли воспользоваться.

Солнце выглянуло из-за холма, и золотистые лучи пробежали по ландшафту, окрашивая все вокруг в мягкие оттенки золотого и желтого и

высекая серебристые искры из наледей. Вдали слышался звук работающего двигателя.

Ребекка и Эш смотрели, как темно-синий тягач катится вперед, переваливая через рытвины проселочной дороги.

– Ты не сказал, что у тебя с моим отцом вышла перебранка в «Пончиковом кафе Додда» в день его смерти, – задумчиво сказала Ребекка.

– Почему ты думаешь, что мы поссорились?

– Марси. Она сказала, что вы с ним поцапались. Ты вытащил его на улицу еще до того, как принесли сэндвичи с курицей, и запихнул в свой автомобиль.

– Марси! – Эш тихо выругался.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что силиконовые губки Марси Фоссам готовы выдавать любые помойные сплетни.

Его резкость поразила Ребекку.

– Я не ссорился с Ноем, – жестко сказал он. – Твой отец натыкался на все углы. Я попытался удержать его. Он заявил, чтобы я не лез к нему и шел куда подальше. Ной был пьян в стельку, раздражен, и, наверное, ему нужно было срочно подкрепиться, именно поэтому я с самого начала заказал эти чертовы сэндвичи с курицей. Он вышел на улицу. Поэтому я отменил заказ и поспешил следом, чтобы упаковать его. Он почти сразу заснул в автомобиле и проснулся в гораздо лучшем состоянии.

Темно-синий тягач подкатил ближе, хрустя большими покрышками по снегу и льду. Он был покрыт дорожной солью и грязью, а на его борту белела надпись курсивом: *«Ремонтная служба Карибу-Кантри»*.

– В лучшем состоянии, – холодно повторила Ребекка, глядя на маневры тягача перед старым отцовским «сильверадо». – До тех пор, пока он не сунул ствол себе в рот.

Глава 22

– Это Уэс Стил. – Эш представил высокого мужчину около тридцати, который прыгнул с пассажирского сиденья тягача и подошел к ним. – Уэс, это Бекка Норд, дочь Ноя.

– Ребекка, – поправила она, протянув руку в перчатке.

– Сожалею о вашей утрате. – Уэс пожал ее руку. – Я слышал, что дочь Ноя стала сыщиком? – Он обаятельно улыбнулся. – Ной много, много раз говорил об этом. Он чрезвычайно гордился вами. Я даже гадал, не выдумка ли это, потому что мы ни разу не видели вас.

Ребекка закипала от раздражения. Должно быть, весь этот город считал ее бессердечной сукой.

Уэс мотнул головой в сторону ее автомобиля.

– Когда я отбуксирую «сильверадо» на ранчо и поставлю его над гаражной ямой, то получу лучшее представление о возможности ремонта топливного бака. – Уэс посмотрел на автомобиль. – Но, судя по тому, что я уже видел, вам лучше поискать новый бак.

Раскрылась дверь тягача со стороны водителя. Мужчина примерно шестидесяти лет прыгнул на лед и приземлился с тихим стоном. Внушительный и грузный в теплой рабочей одежде, с сутулыми плечами, он побрел к ним, оставив двигатель работать на холостом ходу и извергать клубы белого дыма.

– Гонзало Макгиган, – представился он и протянул обветренную руку без перчатки. Его лицо под охотничьей шапкой-ушанкой поросло седой щетиной. – Все зовут меня Гонзо.

– Ребекка. – Они обменялись рукопожатием.

– Кажись, вы не помните меня, когда я был... э, молодым симпатичным парнем?

– Ты никогда не был молодым и симпатичным, Гонзо, – сказал Эш.

Гонзо ухмыльнулся и сдвинул шапку со лба. Ребекка заметила, что его указательный и средний палец были покрыты желтыми пятнами от никотина, как у человека, который курит сигареты без фильтра. Она взглянула на Гонзо пристальнее.

– Зато Ной много рассказывал про вас. – Его голос был похож на рокот гравия в дренажной трубе. – Хреново, что он вот так ушел от нас.

Гонзо посмотрел на сожженную хижину и немного помолчал.

– Пожалуй, нам нужно было это предвидеть, – тихо сказал он. Потом откашлялся и ткнул пальцем в сторону «сильверадо»: – Ладно, пора браться за дело.

Гонзо побрел к своей машине.

– Вы хорошо знали моего отца? – окликнула Ребекка.

Он остановился и повернулся к ней.

– Не хуже, чем все, кто жил поблизости. Время от времени пропускал несколько стаканчиков с Ноем в «Лосе и Роге».

– А вы приезжали сюда, к нему домой? – спросила она, думая о сигаретах «Денали плэйн» и о пальцах Гонзо, пожелтевших от никотина.

– Нет, – ответил Гонзо. – Думаю, немногие приезжали в гости к Ною.

Он вернулся в кабину, взял пару толстых рабочих перчаток с водительского сиденья и шаркающей походкой направился к задней части своего тягача. Оттуда донесся громкий лязг разворачиваемых цепей.

– Похоже, что дыра в топливном баке образовалась в результате износа? – обратился Эш к Уэсу, который молча стоял рядом.

– Износ? Ничего подобного. Большая часть топлива вылилась на лед за несколько минут. Судя по всему, бак проткнули острым инструментом. Поганый способ красть топливо, что ни говори. Некоторые подростки занимаются этим для перепродажи. Они пробивают дырку в бензобаке, сливают топливо, сколько влезет в канистру, а остальное вытекает на землю.

Ребекка нахмурилась:

– Могло ли это произойти в Клинтоне, а остатки топлива вытекли по пути? После смерти моего отца автомобиль несколько дней провел на автостоянке, практически без присмотра.

– Никаких шансов. – Порыв ветра взъерошил соломенно-желтые волосы на непокрытой голове Уэса. – Дыра такого размера? Повторяю, топливо вылилось за несколько минут. Вы бы и мили не проехали, если бы отправились сюда с такой пробойной после заправки на «Петрогаз». Диверсия произошла здесь.

По спине Ребекки пробежал холодок. Она машинально посмотрела на деревья, скрывавшие «сильверадо» из виду. Должно быть, она находилась в сарае, когда это случилось. Она снова услышала слова отца:

«Позавчера вечером кто-то следовал за мной в темноте до самого дома. Думаю, он знает то, что известно мне».

Она опять подумала о фарах автомобиля, который вчера следовал за ней на автостраде, сохраняя дистанцию, и о свете фар, снова показавшемся сзади, когда она едва не столкнулась с оленем.

– Хорошо, что Эш вовремя нашел вас. – Уэс посмотрел на север, прищурившись от ярко блестящего снега и льда. – С этим арктическим фронтом вы превратились бы в ледышку еще до утра. Вас пришлось бы выковыривать из этого «сильверадо» вместе с сиденьем.

– Хо, Уэс! – крикнул Гонзо, вернувшийся в кабину тягача. – Готов покрутить лебедку?

– Глас свыше. – Уэс широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами. У него было приятное, открытое лицо. Помедлив, он повернулся к Ребекке: – Если вы решите продать этот «сильверадо», я буду рад вам помочь. Полагаю, землю вы тоже собираетесь продавать?

– Еще не решила, – ответила Ребекка.

Эш покосился на нее.

– Ладно, я дам знать, во что выльется ремонт, когда поставлю этого старичка на подъемник. Возможно, вам все-таки стоит от него избавиться.

Уэс трусцой побежал к тягачу. Они смотрели, как старый «сильверадо» несколько раз дернули лебедкой, пока он не освободился ото льда с металлическим стоном и протестующим скрежетом. Потом Уэс закрепил цепи и забрался обратно в кабину.

Гонзо помахал им и стал разворачивать тягач. При этом Ребекка заметила на заднем стекле кабины наклейку с надписью «Scott's MotorSports & Repair Shop».

– Что это за название? – поинтересовалась Ребекка.

– Специализированный магазин в Девилс-Батт. – Эш указал подбородком в сторону удалявшегося каравана. – Дядюшка Уэса является его владельцем. – Уэс работает у него по совместительству, а если честно, то всякий раз, как у него есть свободное время. Он любит возиться с автотехникой, делает декоративные накладки и наклейки для мотоциклов и снегоходов, занимается всякой всячиной. Техобслуживание автомобилей на местных ранчо – это его хлеб с маслом. Все остальное он делает для удовольствия.

– Он долго работал на тебя?

Эш слегка нахмурился и посмотрел на нее.

– Пожалуй, около трех лет... для партнерского бизнеса «Хоген и Дуглас».

– А что это за партнерство?

– Я сдаю почти две трети своей земли скотоводческому хозяйству Дугласа, в основном для выпаса. Это приносит нормальные деньги и позволяет мне сосредоточиться на природоохранных делах, моем основном бизнесе. – Он помедлил. – А почему ты спрашиваешь? Уэс – хороший

парень.

– Ты говорил Уэсу, что я заправлялась на «Петрогаз», прежде чем приехать сюда?

Он нахмурился сильнее прежнего.

– Нет... Но, наверное, он догадался, поскольку это единственная заправка на северной окраине города.

– Тогда ему пришлось бы догадаться, что я вообще там заправлялась. – Она прикрыла глаза козырьком ладони, глядя, как старый отцовский автомобиль тащится к далекому повороту дороги. Окончательность этого события ранила ей сердце.

Тягач одолел поворот и скрылся из виду. Стая черных дроздов взмыла в ясное небо и начала роиться, принимая причудливые формы. Ворон, потревоженный их бегством, вспорхнул с высокой ветки и приземлился на вершине каминной трубы, поднимавшейся к небу из застывшего пепла.

Карр!

Ребекка вздрогнула, когда звук тягача стих в отдалении и вокруг сгустилась зловещая тишина.

Глава 23

Ребекка пристроилась за спиной Эша на его снегоходе, пока они с ревом неслись по спрессованному снегу, подпрыгивая на твердом насте. Воздух был чистым и прозрачным. Поля сверкали белизной, и солнце рисовало на снегу мягкие оранжевые, желтые, персиковые и розовые узоры, сгущавшиеся до синевы в глубокой тени. В мозгу Ребекки как будто просыпались старые, полузабытые нейронные контуры. Она соприкоснулась с собой в юности, а ее мир на востоке страны превратился в расплывчатую альтернативную реальность, ею овладело чувство необузданной свободы, а перегрузки воспринимались как вызов внешних сил.

Эш сбросил скорость, по-прежнему скользя вдоль замерзшей лыжной колеи, ведущей от ранчо ее отца. Они достигли ограды ранчо Броукен-Бар. Здесь след поворачивал, недолго шел вдоль ограды, а потом направился через проем на территорию Броукен-Бар. Эш остановил снегоход перед проемом. Ребекка подняла шлем и прикрыла глаза козырьком ладони, прослеживая путь до плотного снега на подъездной дорожке, ведущей к дому.

– Хочешь поговорить с ними? – Эш поднял козырек своего шлема. – Сегодня вторник; Тори должна быть в школе.

– Да, – громко ответила Ребекка, перекрывая рокот двигателя, работавшего на холостом ходу. – Наверное, лучше сначала поговорить с ее матерью.

Они остановились перед большим крытым крыльцом. Резная фигура медведя, покрытая льдом, стояла на страже у подножия лестницы. Ребекка сняла шлем вместе с шерстяным подшлемником. Статическое электричество потрескивало в ее волосах, подхваченных ветром с озера. Она спешила, пытаясь вспомнить, когда последний раз посещала этот дом. Должно быть, это была вечеринка в честь дня рождения Коула, когда она училась в десятом классе. Ее отец и Майрон Макдона, отец Коула, находились в прохладных отношениях. Судя по словам ее отца, у Майрона ни с кем не было теплых отношений после смерти его жены.

Эш тоже спешил и снял свой шлем. Из дома доносился собачий лай. Сегодня Эш оставил Кибу дома, поскольку они собирались поехать в Броукен-Бар. Он сказал Ребекке, что Кибу плохо ладит с большинством

других собак. Это было особенностью его породы, с которой Эшу приходилось считаться. Но Эйс, по его словам, представлял особую проблему для молодого охотничьего пса.

Эш постучался в большую деревянную дверь. Кресло-качалка без подушек, стоявшее на крыльце, поскрипывало на ветру. У стены рядом с дверью стояло несколько пар теплых сапог.

Эш постучал громче. Ребекка прикоснулась к его плечу и указала на утепленные ботинки с высокой шнуровкой.

– Эти примерно совпадают по размеру, – тихо сказала она. Наклонившись, Ребекка подняла ботинки и осмотрела рисунок протектора на носках. *Желтая краска*. Она показала ботинок Эшу. – Сходный рисунок и краска на мыске, – прошептала она.

Дверь распахнулась, и Ребекка резко выпрямилась, по-прежнему с ботинками в руках.

Оливия Уэст – женщина из «Пончикового кафе Додда» – смотрела на нее; потом ее взгляд упал на ботинки, которые Ребекка держала в руках. Оливия была одета в облегающие джинсы и флисовый жакет. Ее густые блестящие волосы падали на плечи. Вокруг шеи извивался уродливый шрам, похожий на тонкую удавку.

Оливия перевела взгляд на Эша:

– Эш? Что здесь происходит?

– Лив, это Ребекка Норд, дочь Ноя.

Собака, немецкая овчарка, о которой упоминал Эш, – подошла к двери, подволакивая задние ноги, но явно желая увидеть посетителей.

Оливия нагнулась и потрепала овчарку по голове, словно успокаивая себя. Потом повернулась к Ребекке.

– Я видела вас у Додда, – сдержанно сказала Оливия. – Должно быть, это очень тяжело для вас, и я сожалею о Ное, но... Что здесь происходит?

Она снова посмотрела на бутсы, испачканные желтой краской, потом на снегоход Эша, стоявший у крыльца. За ее спиной появился мужчина, и Ребекка испытала мгновенную вспышку узнавания. Коул Мадона.

– Бекка? – произнес он. – Мать... *это ты?*

– Коул.

– Боже, прошла целая вечность. – Он посмотрел на Эша, потом на Оливию, потом на женские ботинки в руках у Ребекки. Выражение его лица изменилось, но Коул быстро оценил ситуацию. И что-то в его реакции, особенно в том, что они с Оливией ничего не спросили о ботинках, подсказало Ребекке, что они ожидали этого, – или, во всяком случае, предчувствовали это.

– Заходи, заходи, – сказал Коул. – Поговорим у огня.

Они вошли в дом. Оливия поспешно взяла у Ребекки ботинки с высокой шнуровкой и поставила их в шкаф. Ребекка и Эш обменялись взглядами. Коул взял их верхнюю одежду и повесил куртки на вешалку из оленьих рогов.

Массивная голова лося смотрела на них из арочного проема, ведущего в гостиную и столовую с баром, явно предназначенную для гостей дома.

Коул повел их в гостиную. Ребекка на мгновение замерла при виде Тори Бартон, сидевшей на кушетке перед камином. Она играла в шахматы с румяным мужчиной лет тридцати с небольшим. Они одновременно подняли головы, и Тори побледнела. Она вскочила на ноги, панически озираясь по сторонам. Оливия поспешила к дочери и ласково положила руку ей на плечо.

– Иди наверх, Тори, – тихо сказала Оливия.

– Вообще-то мне хотелось задать Тори несколько вопросов, – сказала Ребекка и выступила вперед. – Мы не ожидали, что она будет дома. Я...

– Сегодня я разрешила ей не ходить в школу, – сухо ответила Оливия. – Она плохо себя чувствовала. Тори, иди наверх.

Тори замешкалась, словно олень, застигнутый врасплох ярким светом фар. Она как будто не могла двинуться с места.

Ребекка смотрела на девочку. Она пришла сюда, чтобы узнать, побывала ли Тори в сарае ее отца, где хранилась брага. Судя по всему, она уже получила ответ от желтой краски и рисунка протектора на ботинках, стоявших перед дверью. Кроме того, у Ребекки были волосы и отпечатки маленьких ладоней. Теперь оставалось выяснить, с кем была Тори в сарае, что стало причиной их бегства и чему они могли быть свидетелями.

– Садитесь, пожалуйста, – любезно предложил Коул, но его глаза оставались серьезными. – Это Дэйв Бранниган, наш помощник на ранчо. – Он указал на партнера Тори по игре в шахматы. – Это он оповестил всех о пожаре и собрал добровольцев, которые отправились туда.

Мужчина встал и обменялся рукопожатием с Ребеккой.

– Рада познакомиться с вами, Дэйв, – сказала она. – И спасибо вам.

– Зовите меня Бранниганом, как все остальные. Жаль, что нам мало что удалось сделать. Огонь уже полыхал всюду, и мы могли лишь дожидаться приезда пожарных из Клинтон. Это был тяжкий удар для нас, но не могу и представить, как тяжело вам.

– Я ценю ваши усилия, – сказала Ребекка, снова охваченная глубоким чувством. Резкие перепады настроения были непривычны для нее и оставляли ощущение пустоты внутри.

Бранниган засунул руки в карманы рабочих штанов.

– Значит, в пожаре было что-то подозрительное? По словам следователя, огонь вспыхнул случайно, из-за упавшей лампы, но в городе я слышал, что у вас есть какие-то сомнения.

«Маленькие городки. Нужно быть осторожнее».

– Я лишь пытаюсь восстановить полную картину, чтобы немного успокоиться. – Ребекка слегка покашляла, изображая неловкость.

– Мы хотели бы поговорить наедине, – обратился Коул к Браннигану.

– Нет проблем. Я все равно собирался помочь Рошен с одеждой для стирки. – Он кивнул Ребекке: – Мне действительно жаль. Если мы что-то можем сделать для вас...

– Спасибо.

– Садитесь, пожалуйста, – повторил Коул и опустился на диван рядом с очагом. Он держался с непринужденной властью, так же, как Майрон Макдона, которого Ребекка помнила с детства.

– Ты тоже садись, Тори, – твердо сказал Коул.

Оливия быстро взглянула на него, и он ответил ей многозначительным взглядом.

Она облизнула губы и устроилась бок о бок с Тори на большой кушетке. Эйс уже посапывал на выцветшем персидском коврик перед камином. Ребекка и Эш сели рядом на диване.

– Тори, – произнес Коул. – Ты знаешь Эша, верно?

Тори кивнула, не поднимая головы и заламывая пальцы.

– А это Бекка Норд, дочь Ноя. Она тоже служит в полиции.

Тори напряглась и плотно сцепила руки перед собой в защитной позе.

– О чем ты хотела спросить Тори, Бекка? – поинтересовался Коул.

Ребекка подалась вперед, стараясь говорить спокойно и доброжелательно.

– Тори, ты можешь рассказать нам о колеях от снегохода, ведущих от дома моего отца к этому ранчо? Эш – отличный следопыт. Судя по состоянию снега и погодным условиям, он пришел к выводу, что эти следы были оставлены во время пожара.

Ребекка сделала паузу, глядя на девочку, которая, казалось, была готова упасть в обморок.

– Эш также утверждает, что два человека небольшого роста – в сущности, дети – выбежали из сарая, где мой отец готовил и хранил брагу. Потом они подошли к кухонной двери моего отца. Потом они бегом поднялись по склону холма за избушкой. Они несколько раз падали в глубокий снег, пока бежали к осинам, растущим на гребне холма за домом

моего отца, и наконец уехали на снегоходе прямо сюда, к дверям этого дома.

Последние слова она произнесла с легким нажимом, ожидая реакции.

Никакой реакции не последовало. Тори оставалась застывшей и отказывалась встретиться с ней взглядом. Но Оливия заметно побледнела.

– Значит, вы все-таки считаете, что пожар был подозрительным? – спросила она.

– До сих пор у нас нет свидетельств, указывающих на поджог, – ответила Ребекка. – Как и на что-то иное, кроме смертельной раны, нанесенной моим отцом самому себе из дробовика. Но у меня есть некоторые вопросы. Например, кто был в сарае моего отца вместе с Тори, и почему она убежала вместе со своим другом? – Ребекка помедлила, почти жалея девочку. – Дело в том, Тори, что мне *нужно* узнать точные обстоятельства смерти моего отца. И я считаю, что ты или твой друг видели что-то такое, что могло бы помочь мне. – Еще одна короткая пауза. – Я *могу* доказать, что ты побывала в том сарае. Но будет гораздо легче, если ты просто скажешь нам, что видела.

Тори полыхнула взглядом на Ребекку.

– Меня там не было! – Щеки девочки стали пунцовыми. – Меня там не было! Я ничего не видела!

Оливия положила руку ей на колено.

Ребекка запустила руку в карман и достала свой мобильный телефон и три коричневых конверта. Она разложила их на кофейном столике перед собой.

– В этом конверте... – она указала, где именно, – находятся длинные темные волосы с легкой волной, очень похожие на твои волосы, Тори. И у нас есть технология, которая может это доказать.

Ребекка прикоснулась ко второму конверту с заметной выпуклостью внутри.

– А в этом конверте лежит навесной замок, взломанный с целью проникновения в сарай. – Она взяла третий конверт и раскрыла его, показывая Тори, что находилось внутри. – А здесь мы имеем карманный нож с костяной ручкой, использованный для взлома замка.

Тори сглотнула. Эш наклонился, чтобы получше рассмотреть нож. Ребекка почувствовала, как он напрягся при виде матовой ручки.

– Ты узнаешь этот нож, Тори?

– Нет. – Ответ последовал слишком быстро; Тори даже не посмотрела в ту сторону. Она начала покачиваться, обхватив руками колени. – Меня там не было.

– Криминалистика помогает определить воздействие металлических инструментов на замок, так что мы в любом случае это докажем, – сказала Ребекка. – Еще у меня есть фотографии.

Она включила телефон и выбрала из фотогалереи снимок отпечатка ботинка на подсохшей желтой краске. Когда она показала его Тори, потом Оливии, Коул тоже наклонился посмотреть. Он обменялся взглядами с Оливией.

– Эта краска осталась на твоих зимних ботинках, которые стояли перед входной дверью, Тори. Рисунок протектора тоже совпадает, как и размер обуви.

Она перешла к следующей фотографии и показала Тори и Оливии отпечатки ладоней.

– Это называется скрытыми отпечатками, но при соприкосновении с вязкой средой, такой, как краска, они легко различимы. Каждый человек имеет уникальные папиллярные узоры на ладонях и кончиках пальцев, которые можно сравнить с отпечатками. – Еще одна пауза. – Дело в том, что человек повсюду оставляет следы. Они могут быть незаметными для неопытного глаза, но специалисты знают, где нужно искать. Наука может доказать, что ты была там, Тори. Это называется принципом Локара^[4].

Взгляд Тори отскочил, как пуля, к ряду фотографий в рамках на стене возле бара. Ребекка посмотрела туда; Тори сосредоточилась на портретной фотографии офицера конной полиции при полных регалиях. Стало ясно, что девочка уже знает о принципе Локара. Ее приемный отец, Гейдж Бартон, был ведущим детективом из отдела по расследованию убийств. Очевидно, Тори была знакома с основами криминалистики. Это был портрет Гейджа Бартона.

Ребекка поднялась на ноги и подошла к портрету и несколькими снимкам меньшего размера, развешанным вокруг.

На небольших фотографиях – сцены торжественных похорон сержанта Гейджа Бартона: члены RMCP в парадной форме, традиционных куртках из красной саржи, с офицерскими ремнями, стетсоновскими шляпами, медалями и траурными ленточками. Восемь человек, которые несли гроб, сопровождалась морем офицеров в красной униформе. Почетный караул и троекратный салют холостыми патронами над могилой. И скорбный образ сидящей Тори, которой преподнесли безупречно сложенный канадский флаг в честь ее приемного отца. Оливия и Коул сидели по обе стороны от девочки, а немецкая овчарка лежала у ее ног. На последнем снимке был изображен офицер конной полиции, игравший на волынке в утреннем тумане.

У Ребекки перехватило горло. Она подумала о фотографии в доме Эша, о фотографии ее собственного отца в парадном мундире, о гордом выражении его лица, о его выправке. И неожиданно испытала острую боль при мысли о том, как бесславно он ушел из жизни.

Он никогда не будет похоронен с воинскими почестями, как сержант Гейдж Бартон. В груди Ребекки вспыхнула ярость.

Она собиралась доказать, что ее отец *не покончил с собой*. Она собиралась предоставить несомненные доказательства, что ее отец погиб в результате расследования давно закрытого дела, которое он никогда не забывал и собирался раскрыть. Что он фактически был убит при исполнении служебного долга. И будь она проклята, если не сможет обеспечить ему мемориальную церемонию, которой он мог бы гордиться. Прощание с героем. Потому что в ее глазах он *был* героем, даже если она ни разу не говорила ему об этом. А волынки... что же, она наймет волынщика. Ребекка хорошо помнила, как звуки гимна «О, благодать», исполняемого одиноким волынщиком, однажды довели отца до слез.

Она сделала глубокий, дрожащий вдох, почти опасаясь повернуться лицом к комнате. Опасаясь, что все увидят ее безраздельную любовь к отцу, почувствуют ее боль и уязвимость.

По-прежнему не оборачиваясь, Ребекка тихо спросила:

– Это твой отец, Тори?

Молчание. Ребекка повернулась к ней.

– Это действительно прекрасная церемония. Ты должна гордиться им.

У Тори задрожали губы. Ребекка вернулась к Эшу и опустилась на диван рядом с ним.

– Я хочу, чтобы мой отец смог получить такую похоронную службу, которой он мог бы гордиться. Он был офицером полиции, как и твой отец.

– На самом деле Гейдж не был моим отцом, – пробормотала Тори.

– Конечно же был. Есть много разных способов быть отцом... или ребенком.

Тори уставилась на нее.

– Я хочу узнать, застрелился мой отец или же погиб при расследовании уголовного дела, над которым он работал. То есть на боевом посту. – Ребекка откашлялась. – Мой отец не будет удостоен почетного воинского погребения, как сержант Гейдж Бартон, но я хочу почтить его память так, чтобы отец мог гордиться этим. Поэтому я должна выяснить все обстоятельства его смерти.

Оливия и Коул обменялись резкими взглядами.

– Меня там не было, – прошептала Тори и зажмурилась. В уголках ее

глаз показались слезы.

Ребекка кивнула:

– Тяжело терять родителей в таком возрасте. Я знаю, потому что потеряла свою маму, когда мне было двенадцать лет. Она скорострельно скончалась от рака, и, думаю, это навсегда изменило меня. А теперь моего отца тоже нет, и мне остается только сожалеть об этом, потому что я не приезжала домой так часто, как было нужно, и не говорила, как я люблю его. Я... – Она вдруг охрипла и еле слышно добавила: – Я слишком редко обнимала его. Не понимала, как ему тяжело и одиноко.

Эш положил руку ей на колено. Жест был теплым и утешительным, и Ребекка не оттолкнула его. Вместо этого она почти рефлекторно, словно нуждаясь в подсознательном утешении, накрыла его руку своей в знак молчаливой благодарности.

– Я никого и ни в чем не обвиняю, Тори, – мягко сказала Ребекка. – Мне известно, что ты была там. Я просто хочу знать, что ты видела.

Тори вздрогнула как от удара.

– *Меня там не было!*

– Кто был с тобой?

Девочка начала дрожать; ее лицо было призрачно-белым.

– Никто. Я же сказала. Никто. Меня там не было.

Оливия вскочила на ноги:

– Вам нужно уйти. Вы травмируете мою дочь.

– Лив... – начал Коул.

– Нет, Кол, они должны уйти. Сейчас же. Если у них будут новые вопросы к Тори, они могут вернуться с официальным ордером, предписанием или чем-нибудь еще. Тори, немедленно иди наверх! – Когда Оливия повернулась к Ребекке, ее глаза сверкали от гнева. – Я не позволю так обращаться с ней. Только не теперь, после всего, что ей пришлось пережить. Прошу вас уйти.

Они встали, но перед самым уходом Ребекка повернулась и тихо обратилась к Оливии:

– Я понимаю, что вы хотите защитить ее. Действительно, понимаю. Но если Тори была там, то игра в прятки – не лучший способ уладить дело. Есть доказательства. Вам нужно помочь ей, чтобы она нашла в себе силы все объяснить.

Оливия не ответила. Решительно поджав губы, она молча ждала, пока Ребекка и Эш выходили на улицу. Потом она со щелчком захлопнула дверь за ними.

Глава 24

Ребекка подхватила свой шлем, лежавший на сиденье снегохода, и подняла его, собираясь надеть на голову. Эш остановил ее руку.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Нет, не в порядке, – отрезала Ребекка. Ветер хлестнул прядью волос по ее лицу.

– Я знаю, каково тебе, Бекка. Я сам...

– Ни черта ты не знаешь. Правда, Эш, мой отец... он работал над делом, которое ему так и не удалось раскрыть в прошлом. Когда отчаявшаяся мать пришла к нему и спросила: «Где моя дочь?» Ее вопрос угнетал его все эти годы. Это могла быть одна из тысяч мелочей, которые заставляли его ощущать безнадежность жизни и говорить людям в пабе, что он чувствует себя неудачником. Моя мать безвременно ушла из жизни и покинула его. Ему пришлось самостоятельно растить меня и холить, чтобы я была довольна жизнью, но мне все равно было больно, так больно, что я *не видела* собственного отца. Я не понимала его и не знала настоящего человека, каким он был глубоко внутри. Того мальчишку, которым он когда-то был, те мечты, которые у него еще оставались. Я не задумывалась о том, как он страдает и как тяжело ему приходится, потому что он всегда надевал на лицо улыбку ради меня, и...

– Она отвернулась, смаргивая слезы под клинками ледяного ветра, налетавшего с озера.

– А теперь... эта позорная смерть...

– Нельзя так говорить о самоубийстве. Это...

– Это не самоубийство! Я никогда не поверю, что он мог покончить с собой. Его застрелили и подстроили все таким образом, чтобы это выглядело как самоубийство. А потом сожгли вместе со всеми уликами, какие у него были. И все это произошло в уединенном доме, далеко от города. Никаких воинских почестей. Никакого полицейского братства, красных мундиров и прощального салюта над гробом. Я... – Она подняла лицо к небу, как будто сила тяготения могла удержать слезы. Дыхание облачком пара поднялось изо рта. – Я не возвращалась домой из-за тебя, Эш.

Она встретила с ним взглядом.

– Из-за тебя и того, что случилось с Уитни. А теперь он мертв, его

больше нет. И все по-прежнему выглядит так, как будто убийство связано с тобой и с Уитни. И со мной. Это убило его. Каким-то образом это погубило его жизнь.

– Послушай. – Эш взял ее за руку. – Это не...

– Перестань. – Ребекка рывком высвободила руку. – Только не говори, что это несправедливо. Это все, что остается в сухом остатке, и мы оба знаем об этом.

Эш обхватил ее за плечи и с силой привлек к себе. Он обнял ее своими сильными руками и крепко прижал к груди. Некоторое время они просто стояли, прижавшись друг к другу под порывами ветра. Эш сделал это, потому что уже пересек черту, когда положил руку на ее колено, и она позволила это сделать. И накрыла его руку своей.

Эш понимал, что все причинявшее Ребекке боль каким-то образом вращается вокруг него. Она до сих пор была равнодушна к нему, и, наверное, так было всегда. И она не знала, что с этим поделать, потому что причина их расставания теперь подталкивала их друг к другу ради решения загадочного убийства ее отца. Роковое ощущение было тем более тяжким, что в глубине души Ребекка понимала: Эш тоже утаивает от нее что-то важное. Когда она узнает, что это такое, то может окончательно порвать с ним и со своими чувствами.

Прошлое создает настоящее, а настоящее создает будущее, и эта последовательность не может быть нарушена.

– Все в порядке, – пробормотал он, прижимаясь щетинистой щекой к ее холодной и гладкой щеке. – Все будет в порядке.

Ребекка прислонилась к нему и пожелала, чтобы так оно и было. Но глубоко внутри она сознавала, что это хорошо не кончится.

* * *

Оливия смотрела из окна на Эша, утешавшего Ребекку. Ее одолевал гнев пополам с тревогой.

С тех пор как Оливия освободилась от позорного плена – после всех бесчеловечных вещей, которые садистские наклонности Юджина Джорджа могли изобрести для нее, – она не позволяла себе носить ярлыки, изображать жертву и подвергаться осуждению за свою порочность и испорченность. Члены собственной семьи пытались навязать ей эту роль, когда сторонились ее общества. Ее муж больше не прикасался к ней после того, как она вернулась домой. Она едва не сломалась. Едва не покончила с собой. Но она нашла Эйса. Она нашла собственный путь и покинула город. Изменила имя. А потом нашла это ранчо и Майрона Макдона, который дал

ей работу, позволявшую держать при себе любимого пса. В свое время она познакомилась с Коулом, сыном Майрона, который оказался замечательным мужчиной. А потом к ней вернулся ее ребенок.

Теперь Оливия отказывалась навешивать ярлыки на свою дочь. Она будет матерью-тигрицей. Она покажет дочери образец для подражания в лице женщины, подвергнутой унижению и преследованию. Будь она проклята, если Тори придется покинуть этот город по обвинению в наследственности от ее биологического отца.

Если Тори побывала в том сарае, Оливия найдет способ, чтобы она рассказала об этом на своих условиях, когда придет время.

Коул подошел к ней, когда Эш и Ребекка наконец уехали на снегоходе. Он положил руку ей на плечо.

– Первым делом они вспомнят, что она дочь серийного убийцы, – сказала Оливия, глядя в сухую снежную дымку, взвихренную уезжающим снегоходом.

– Полегче, Лив. Ребекка всего лишь прошла по следу, который привел сюда. Вместе с уликами, о которых она рассказала.

Молчание.

– У нее свое горе, – продолжал Коул. – Ты видела ее реакцию на фотографии с похорон Гейджа.

– Она слишком сильно надала на Тори. Это несправедливо. Мне нужно было вмешаться пораньше.

– Сейчас ты не можешь ясно думать. Тебе отчаянно хочется защитить то, что ты считала потерянным двенадцать лет назад. И ты не хочешь снова потерять это. – Коул оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что Тори не может их слышать, и тихо добавил: – Ты *знаешь*, что с ней что-то случилось тем вечером. Мы оба знаем, что перед пожаром она была с Рикки. – Он сделал паузу. – Нам нужна активная стратегия на тот случай, если начнется полицейское расследование и копы начнут стучаться к нам, требуя объяснений.

Оливия круто развернулась к нему:

– Думаешь, это не было несчастным случаем? Ты и впрямь думаешь, что Тори причастна к этому? – Ее страх был физически ощутимым. – Думаешь, она что-то видела?

«Ты думаешь, это кровь ее отца дает о себе знать?»

– Лив, ты говорила, что ей снятся кошмары. И еще есть бутылка браги, которую ты нашла в ее комнате.

Оливия с силой провела пальцами по волосам.

– Я даже не хочу обсуждать, что в ней могут однажды проснуться гены

ее отца. Никогда. Но я вынуждена сомневаться, Коул, сомневаться в несомненном.

– Иди наверх и попробуй еще раз поговорить с ней.

Оливия неторопливо поднялась наверх. Дверь комнаты Тори была закрыта. Оливия немного замешкалась, потом тихо постучала.

– Тори?

– Уходи, – отозвался приглушенный голос из-за двери.

– Тори, мне нужно с тобой поговорить.

Молчание.

Оливия повернула ручку. К ее облегчению, дверь оказалась не заперта. *Маленькие шаги, шаг за шагом.* Оливия вздохнула и спокойно спросила:

– Я войду, ладно?

Снова молчание. Она вошла в комнату.

Тори сидела на ковре, обнимая Эйса. Она подняла голову, и Оливия увидела, что дочь плакала, уткнувшись в собачью шерсть. У Оливии сжалось сердце. Она хорошо знала, как это бывает, когда собака дарит утешение человеку.

Усевшись на полу рядом с ними, Оливия погладила Эйса.

– Тори, у них есть доказательства, что ты была там.

Девочка шмыгнула носом.

– И я знаю, что у тебя была бутылка браги из его сарая.

Тори оцепенела.

– Мы знаем, что ты приехала с Рикки на том снегоходе. Ты вернулась домой сразу же после начала пожара, а потом была очень расстроена, встревожена и плохо спала.

Молчание.

– Поговори со мной, Тори. Разреши помочь тебе, пока дело не зашло слишком далеко. Но чтобы помочь тебе, я должна знать все, от начала до конца. Почему вы убежали? Что вы с Рикки видели в тот вечер?

– Я... меня там не было. Не было, – сдавленно повторила она. – Это все ложь. – По ее щекам потекли слезы, и она ткнулась лицом в шерсть Эйса. – Неправда, – пролепетала Тори, вцепившись в собачью шерсть. – Это *не может* быть правдой.

* * *

Когда Оливия вышла из ее спальни, Тори еще долго лежала, обнимая Эйса. Она была уверена, что ее вот-вот стошнит. Она не знала, что делать. Рикки увезут прочь, и она навсегда расстанется с ним. А если она признается, что побывала в сарае Ноя, чтобы украсть брагу, а потом вошла

в его дом и устроила пожар, а потом убежала и не попыталась помочь, разве ее не отправят в колонию для несовершеннолетних, как Рикки? Разве ее не заберут вместе с ним?

Тори была испугана. По-настоящему испугана. Но она не была испорченной девчонкой. Ей *хотелось* довериться Оливии. Ей было очень жаль Бекку – ту женщину из полиции, потерявшую своего отца. Она не знала, что у старика есть дочь, тем более настоящий офицер полиции, как Гейдж. Не знала, что он был достоин такой чести, как мемориальная служба в присутствии его коллег, и Бекка тоже должна была получить сложный флаг.

Тори очень хорошо знала, что значит потерять любимого отца. Она выросла в окружении рядовых полицейских, детективов и их помощников, поэтому изначально доверяла блюстителям правопорядка. Потому что копы избавляли мир от плохих парней. Как ее отец, который отправился на охоту за Юджином Джорджем, хотя никто не верил, что тот до сих пор в стране. Но при этом Тори любила Рикки. Он был для нее всем. Неужели он тоже оказался плохим парнем?

Она покачивалась, обняв колени. Все не так-то просто, да? Хорошее и плохое. Ей всегда казалось, что это просто.

Ей не хватало Мелоди, ее приемной матери. Тори ощущала это как дыру в сердце. Потому что Мелоди умела разбираться в таких вещах. У нее всегда были ответы.

Страж

Карибу-Кантри, полтора года назад

Эш сидит рядом с Саймоном Бегущим Ветром на вершине плоского холма. Долина и озера внизу выровнены отступающими ледниками. Отсюда, с этого наблюдательного пункта, Эш может чувствовать кривизну земли, бесконечность пространства.

Но острее всего Эш ощущает здесь течение времени. Времени и безвременья. Люди подобны муравьям, которые считают, что занимаются важными делами, но их жизнь и труды – всего лишь мгновение в контексте геологических эпох. Более того, это мгновение, взятое взаймы. Земле стоит лишь повести плечом в своей дреме, как все люди и их постройки рассеются по ее лику и выжившие устремятся в убежища.

Они с Бегущим Ветром безмолвно созерцают просторы, расстилающиеся внизу, ни слова не звучит между ними.

Бегущий Ветер неторопливыми, размеренными движениями обстругивает кусок серебристой березы. Он пользуется карманным ножом с полупрозрачной костяной ручкой, инкрустированной крошечной золотой головой лошади. Ножик снабжен несколькими складными инструментами, в том числе пробойником для лошадиных копыт.

Эш смотрит на руки Саймона. Его кожа имеет орехово-коричневый оттенок. Длинные черные волосы пронизаны серебряными прядями. У Саймона прямой нос с патрицианской горбинкой, похожий на орлиный клюв. Широкий лоб нависает над глубоко посаженными глазами.

Несмотря на возраст, у него мало морщин, но годы жизненного опыта, печалей и радостей отражаются в его взгляде. Белки глаз уже тронуты стариковской желтизной.

Эш ощущает ход времени.

Солнце начинает опускаться, и перемена температуры приносит легкий ветерок.

«Скоро пойдет снег», – говорит Бегущий Ветер, не глядя на Эша.

Тот кивает. Пока он ждет, в нем нарастают нетерпение и желание узнать, почему Бегущий Ветер предложил ему подняться сюда сегодня вечером. Но Эш научился не торопить старика и доверять его методам

подачи информации.

Однажды Эш повстречал индейского траппера, который обходил линию своих капканов в лесу. Тогда Эшу было одиннадцать лет. Он набил свой рюкзачок одеждой, комиксами, сэндвичами и ушел, чтобы жить в лесной глуши, – так он объяснил Бегущему Ветру.

Траппер просто кивнул. Он не пытался остановить мальчика или повернуть его обратно. Даже не спросил, куда он направляется.

Чувствуя себя немного испуганным и одиноким, Эш следовал за траппером, обходившим капканы, свежеевавшим и разделывавшим свою добычу. Ночью траппер спал под деревьями без навеса и не разрешил Эшу спать слишком близко к нему. Он не стал предлагать маленькому Эшу и свою еду. А потом у Эша закончились сэндвичи, и он промок под холодным дождем. Он попросил у траппера немного еды.

Бегущий Ветер предложил ему поохотиться и объяснил, что так поступают все, кто живет в лесной глуши. Он сказал, что если Эш на самом деле хотел уйти из дома, то должен был все заранее спланировать, усвоить некоторые навыки и лучше подготовиться. Природа не терпит неподготовленных юнцов, сказал он. Если Эш действительно хочет отправиться на поиск силы и стать настоящим мужчиной, то он не только должен научиться языку дикой природы, но и подготовить свой разум. Лишь тогда он сможет охотиться на большого медведя.

В конце концов инстинкт выживания одержал верх над устремлениями юного Эша, и он вернулся домой. Но после того путешествия он регулярно искал встреч с загадочным Бегущим Ветром, расставлял капканы и охотился вместе с ним. Саймон Бегущий Ветер научил Эша слушать, наблюдать и разговаривать с глушью. И быть следопытом. Эш научился мастерски отслеживать как животных, так и людей.

Бегущий Ветер сдувает стружку с березовой палочки.

«Этот шрам, Эсбьорн. – Он не называл Эша полным именем с тех пор, как впервые встретил его в лесу. – Ты мог сделать операцию и подправить или лучше скрыть его».

Эш напрягается.

«Однако ты этого не сделал. Ты решил носить его как отметину молодого воина, который повстречался с большим медведем. Как те медведи, которых ты ловишь теперь, чтобы заработать на жизнь».

Эш смеется, но его смех звучит неискренне. Беспокойство шепчет ему в уши. Он берет камешек и бросает его с откоса. Камешек стучит и подпрыгивает по пути вниз. Он бросает следом другой камешек, сильнее,

чем предыдущий.

«Почему ты охотишься на хищников – на волков, медведей и больших кошек? Почему тебе нужно, чтобы фермерские телята и овцы оставались целы по ночам, Хоген?»

Молчание. Напряжение продолжает расти. Эшу кажется, будто черные чернила переливаются между отдельными ящиками, запертыми в его разуме.

Бегущий Ветер смотрит на него.

«Почему ты носишь этот шрам?»

Эш бросает еще один камень, с удвоенной силой. Он прыгает по склону и вызывает маленькую лавину песка и гравия, устремляющуюся вниз.

«Для того, чтобы помнить? В знак наказания? Как клеймо собственника на боку у коровы – чтобы показать, что ты отвечаешь за дело, совершенное в прошлом? Или это доказательство, что ты можешь победить медведя?»

Черт бы его побрал, вместе с его загадками и метафорами. Эш вскакивает на ноги, прежде чем ящики и перегородки в его мозгу разрушатся и сольются в ядовитую черную трясину, которая затопит разум и способность контролировать свою жизнь.

«Садись», – велит Бегущий Ветер.

Эш моргает при звуках его властного голоса.

«Я должен кое о чем тебя попросить. Мне нужна твоя помощь. С моим внуком».

Эша окатывает волна удивления.

«Рикки?» – говорит он.

«Садись».

Эш осторожно опускается на землю. Бегущий Ветер указывает березовой палочкой ему в лицо.

«Я не хочу, чтобы Рикки носил клеймо, как ты носишь свой шрам, Эсбьорн. Мне нужно, чтобы ты присмотрел за ним вместо меня. Следующей зимой ему исполнится тринадцать лет. Перед ним лежит тернистый путь. Я пристроил его в программу восстановительного правосудия, но... он приближается к опасной черте. Переход между юностью и зрелостью. Люди из его окружения... они оказывают сильное влияние на него. Если он снова оступится, его исключат из программы. Тогда он окажется далеко от дома, за бетонными стенами и колючей проволокой, среди плохих больших парней, и для него все будет кончено. Как это было с его отцом. Но мы можем еще несколько лет удерживать его на тропе...» – Его голос стихает.

«В чем дело?»

Бегущий Ветер отводит глаза и смотрит на холмы, озера и белые горные вершины на горизонте.

«Думаю, ты знаешь, в чем дело, Эсбьорн», – тихо говорит он.

Пульс Эша учащается. Он смотрит на профиль Бегущего Ветра – на агрессивную линию носа, гордо выпирающий подбородок. Широкий рот, кожа цвета полированного ореха. Теперь Эш понимает. Сроки близятся; Бегущий Ветер скоро умрет.

«У тебя есть семья, – говорит Эш. – Другие друзья».

«Я думаю, что ты понимаешь, почему мне нужно, чтобы это был ты».

Потому что Бегущий Ветер однажды заглянул в глаза одиннадцатилетнего мальчика и увидел там правду, которую не видел никто другой. Или другие отказывались ее видеть, потому что она была слишком неудобной. Потому что если бы они признали эту правду, то им пришлось бы столкнуться с собственными темными отражениями в зеркале и увидеть чудовищ, глядящих им в глаза.

От этой мысли к горлу подступает тошнотворная горечь.

«Да», – это все, что может сказать Эш.

«Да?»

«Я присмотрю за ним».

Бегущий Ветер внимательно изучает его глаза.

«Обещаю, я сделаю это. Я проведу Рикки по этой тернистой тропе. Я умру на этом холме ради тебя».

В уголках стариковских глаз с пожелтевшими белками собираются морщинки, когда Бегущий Ветер улыбается.

Он указывает березовой палочкой на широкую долину внизу.

«Когда-то вся эта долина была покрыта зарослями полыни. Ничего, кроме полыни. До тех пор, пока один маленький бобер не запрудил маленький ручей».

Он замолкает. Ветер шелестит в осенней траве.

«Один небольшой поступок, который преобразил будущее, – тихо говорит Саймон и смотрит на Эша. – Прошлое не всегда определяет будущее».

** * **

Эшу позвонили через две недели после того, как он встретился с Бегущим Ветром на вершине плоского холма. Останки его старого учителя были обнаружены в свежевыпавшем снегу в отдаленной части

леса, у одной из его традиционных линий капканов и ловушек.

Судя по всему, старый траппер умер через три дня после того, как попросил Эша присмотреть за его внуком, но его труп нашли только через десять дней.

Его нашел охотник, который заметил орлов и ворон, круживших высоко над поляной. Волки побывали у тела траппера, как и лисы, куницы, птицы, грызуны и другие мелкие существа. От него осталось совсем немного. Бегущий Ветер считал бы такой конец подобающим для себя: его тело было переработано и вернулось к лесу, к животным и к земле его народа.

Он ушел в мир с собой, зная о том, что Эш сдержит свое обещание. Это было лучшее, что Бегущий Ветер мог сделать для Рикки Саймона.

Теперь дело было за Эшем.

Глава 25

– Вы знаете кого-то, кто курит такие сигареты? – Ребекка положила пачку «Денали плэйн» на кофейный столик.

Клайв Додд сидел в инвалидном кресле напротив нее, подключенный к портативному кислородному аппарату. Тонкие трубки обвивали его морщинистые щеки и заходили в ноздри. Эш отвез Ребекку в город после того, как они вернулись на ранчо Хогена, сменили снегоход на автомобиль и взяли с собой Кибу. Ребекке нужно было купить кое-какую одежду. Она хотела принять горячий душ. Она хотела позвонить Лэнсу и восстановить душевное равновесие. Она нуждалась в некотором расстоянии между собой и Эшем, чтобы ясно сформулировать свои следующие шаги.

Его присутствие и его властная аура слишком сильно нарушали ее покой. Ребекке нужно было отступить в сторону и собраться с мыслями.

Но когда они приблизились к заправке «Петрогаз», она попросила его сначала остановиться возле круглосуточного магазина. Там она купила сигареты, и они проехали по задней аллее к дому Додда, куда, предположительно, собирался зайти ее отец в тот роковой день, пока не вмешался Эш, который отвез его домой.

Перед окнами Додда, покрытыми морозными узорами, уже выросли длинные темные тени. Пронизывающий ветер, налетавший с севера, стучал в его ставни, поднимая облачка сухого снега, и гонял мусор по тротуарам, превращая Клинтон в призрачный город, где вместо жары и перекасти-поля царствовали холод и лед.

Эш сидел на стуле со спинкой, увешанной грязной одеждой, а Кибу лежал у его ног. Ребекка ощущала на себе взгляд Эша. Ей казалось, что она чувствует давление его мыслей. Она заставила себя снова посмотреть на Додда, ради которого приехала сюда. Вернее, ради сведений о своем отце.

– Как ты жестока, Ребекка Норд, – произнес Додд, глядя на голубую пачку с наклейками, предупреждавшими о вреде для здоровья. Он открыл рот, чтобы снова заговорить, но вместо этого захрипел и закашлялся. Когда он промокнул уголки рта носовым платком, Ребекка обратила внимание на его пальцы, пожелтевшие от никотина.

Додд слабо улыбнулся.

– Пачка «Денали плэйн» в день – это мой бывший грех. – Он снова закашлялся. – А теперь посмотри на меня! Эмфизема. Легкие ни к черту.

Ты и впрямь искушаешь меня этой штукой.

– Но вы время от времени позволяете себе выкурить одну? – поинтересовалась она. – Может быть, мой отец иногда покупал их для вас, когда приходил сюда?

Он рассмеялся, но почти сразу захлебнулся в очередном приступе кашля и хрипа, заставив Эша и Ребекку тревожно переглянуться. В уголках его рта собралась слюна. Додд промокнул губы носовым платком, но в его слезящихся глазах искрилось веселье, и Ребекка на короткий момент увидела того мужчину, которым когда-то был Клайв Додд.

– Возможно. – Он погрозил ей пальцем. – Но если ты скажешь Торе, мне придется убить тебя.

– Кто она такая?

– Торалайн Баттерсби? Моя сиделка и кровавая диктаторша. Ты смотрела кино «Пролетая над гнездом кукушки»? Так вот, она сестра Рэтчет. Работала в центре охраны здоровья в Клинтоне до ухода на пенсию. Потом, как и большинство из нас, была вынуждена вернуться к подработкам, чтобы сводить концы с концами. Теперь она работает сиделкой. Ей около семидесяти, но она до сих пор не прочь выпороть нас, старичков. Ты ее не помнишь?

– Я... наверное. – Ребекка порылась в памяти, но не смогла отыскать эту женщину. Она взглянула на Эша. – А ты?

– Я знаю, кто это, – ответил он неожиданно резко, заставив Ребекку призадуматься. Она сделала мысленную пометку, чтобы потом вернуться к этой теме.

– Ну да, – сказал Додд. – Я всегда говорил, что тебе везет, Бекка. Ты выбралась отсюда. Городок чахнет, все катится под гору быстрее, чем раньше. Люди продают землю немцам, зарубежным инвесторам, китайцам, разным южным компаниям, которые не жалеют средств. Думаешь, они приезжают сюда и вкладывают деньги в город? Ничего подобного. Мелкий бизнес умирает. Даже старым магазином у заправки теперь управляют беженцы. Скоро фермеры и владельцы ранчо начнут носить чертовые тюрбаны. Говорю тебе: старожилов вытесняют еще до того, как мы оказываемся одной ногой в могиле. Каждый раз, когда твой отец оплакивал твое отсутствие, я говорил ему, что ты умница и что тебе повезло. Хорошо, что ты вовремя убралась отсюда.

Он немного помолчал, тяжело отдуваясь.

– Но он тосковал по тебе, Бекка. Что верно, то верно. – Старик углубился в воспоминания, и его отекавшее лицо приобрело грустное выражение. Он кивнул, как будто соглашаясь со своими мыслями или

видениями. – Знаешь, если Ной о чем-то сожалел в своей жизни, так это о том, что он не заслужил твою любовь.

– Я любила его, – сдавленно сказала Ребекка и быстро покосилась на Эша. – Поэтому сейчас я здесь и не собираюсь уезжать, пока все не закончу.

Клайв Додд снова захлебнулся хлюпающим кашлем. Эш поспешно налил ему стакан воды из кувшина на столе. Додд взял стакан дрожащей рукой, отпил несколько глотков и осторожно поставил на столик.

– Господи, я буду скучать по Ною, как душа в аду. Кто теперь будет приходить ко мне, кроме сестры Рэтчет? Ха... – Он снова потянулся за стаканом и отхлебнул воды. – Наверное, скоро я встречу с ним, поскольку точно не попаду на небеса. – Додд помолчал. – Мне жаль, Бекка. Мне очень жаль. Я правда верил, что отдам концы раньше, чем он.

Ребекка сделала медленный вдох.

– Когда вы последний раз видели его, Клайв?

– Пожалуй, недели две назад.

– Как он выглядел?

– Ты хочешь сказать, выглядел ли он как человек, который собирается вынести себе мозг из ружья? Ни хрена подобного. Нет.

– Вы собирались встретиться с ним в день его смерти?

– В том-то и дело, что собирался. Он позвонил мне из «Лося и Рога». Судя по голосу, он был на нервах и беспокоился из-за какого-то дела. У него сохранились старые привычки. Он брал какое-нибудь старое дело, или дело пробирало его до печенок, и он размышлял до тех пор, пока не утомлял свои старые серые клетки. Тогда он приходил ко мне, и мы устраивали мозговой штурм. Ной сказал, что хочет снова заняться этим. Он сказал, что ему нужна дружеская помощь, и я был рад этому, поскольку в последнее время его внимание находилось где-то далеко, и на мою долю почти ничего не оставалось, особенно зимой. Поэтому я ждал, но он так и не пришел. Я подождал еще, а потом подумал, что, наверное, он снова напился и уснул за столом в пабе. Но... потом я услышал новости.

– Значит, он собирался принести вам сигарет?

– Нет. Брагу – это да, но курева он не приносил. – Додд посмотрел на пачку. – Ты оставишь их мне?

– Я не могу... или могу?

Он пожал плечами и протянул дрожащие руки ладонями вверх.

– Я все равно помираю, верно? Может быть, мне осталось несколько дней, недель или месяцев. Если бы у меня был выбор, то что бы я сделал? В смысле, где мои удовольствия? *Он отошел в мир иной, занимаясь*

любимым делом, – мне всегда нравилось это слышать, когда кто-то помирал. А когда ты можешь только ходить под себя, какое в этом достоинство?

Ребекка посмотрела на Эша. Тот пожал плечами. Она помедлила, потом толкнула пачку «Денали плэйн» через кофейный столик в сторону Додда.

– О, ты ангел. – Он наклонился вперед, протянул дрожащую руку, словно артритную клешню, и жадно схватил голубую пачку с грозными предупреждениями о вреде для здоровья.

– Мне нужно спрятать их от нее, – сказал он. – Она конфискует их, если найдет. Проклятая лицемерка! Наверное, она отбирает у меня сигареты, чтобы не покупать самой. – Он засмеялся и закашлялся одновременно. – Честно говоря, не знаю, что твой отец в ней нашел.

– Мой отец? Тора?

Додд выглядел удивленным. Потом кивнул, как будто признавая, что Ребекка ничего не знала о собственном отце.

– Ной встречался с ней. С Торалиной. *С сестрой Рэтчет.*

У Ребекки зачастило сердце. Она посмотрела на Эша, но он выглядел не менее изумленным.

– Просто для ясности, – сказала она. – Вы утверждаете, что мой отец встречался с Торой Баттерсби, то есть он...

– ...ухаживал за ней. Да. У нее с твоим отцом кое-что началось около месяца назад. Он встречался с ней прямо здесь, у меня дома. Конечно, Ной давным-давно был знаком с ней, но тогда он был женат. Потом она с мужем на несколько лет уехала из города для работы по контракту. Но Тора вернулась сюда после того, как овдовела, бог знает почему. Некоторые места удерживают людей без разумных причин.

Шокирующая новость звенела в голове Ребекки, отодвигая в сторону все, что она знала до сих пор. Ее отец снова ухаживал за женщиной? Она никогда не думала о нем в подобном контексте – как о мужчине, нуждавшемся в женской любви. Если не считать ее матери. Сконфуженная и опечаленная, она тихо спросила:

– Как долго мой отец увлекался своим новым исследованием, Клайв?

Он поджал губы, любовно поглаживая голубую пачку «Денали плэйн».

– Трудно сказать. Три или четыре недели.

– Он рассказывал, что это за дело?

– Дело о пропавших детишках, дело более чем двадцатилетней давности. Он узнал что-то новое по этому поводу.

– Он говорил, что именно?

– Ни слова. Но в тот день он как раз собирался поговорить об этом.

Глава 26

– Рикки! – крикнула его младшая сестра из маленькой гостиной. – Тебя к телефону!

Он встал с кровати и побрел в гостиную.

– Твоя *подружка*, – насмешливо сообщила сестра, держа трубку на отлете.

Он быстро потянулся и выхватил трубку.

– Да?

– Это Тори. – Ее шепот был таким тихим, что он наклонился, как будто это помогало лучше слышать.

– Тори? У тебя все в порядке?

– Мне нужно встретиться с тобой... очень нужно. Я не знаю, что делать. *Они все знают*.

Рикки пронзило беспокойство, и он оглянулся на сестру. Она как будто сосредоточилась на огромном пазле, разложенном на столе перед телевизором, но Рикки знал, что она внимательно прислушивается к его словам. Просто потому, что она была его младшей сестрой.

Мать Рикки была занята приготовлением ужина на кухне, а малыш сидел у нее на бедре – ребенок, зачатый от пьяного неудачника, коротавшего дни в двух жилых фургонах от них. После того как отец Рикки сгинул в тюремной драке, мать заводила одного любовника за другим. Но этот, последний, особенно беспокоил Рикки. Он ударил Рикки кулаком в лицо после того, как тот отказался слушать его дерьмовые поучения.

Рикки повернулся спиной к телевизору и понизил голос:

– Ты можешь выбраться на улицу?

– Думаю, да. Но попозже, после ужина, когда они уйдут в библиотеку.

– Встретимся на северо-западной окраине озера, за амбаром, около въезда в кемпинг примерно в половине девятого. Ты сможешь? Я буду ждать тебя там. Мы отправимся к пустующим домикам на ранчо Хогена. Туда никто не ходит. Там мы сможем поговорить.

– Хорошо, – прошептала Тори.

– Оденься потеплее, ладно? На улице холод собачий.

Рикки повесил трубку. В крошечной спальне, которую он делил со своей сестрой Пэйшенс, он облачился в термобелье. Когда Рикки проходил

через гостиную с ботинками в руках и Пэйшенс увидела его, он приложил палец к губам.

– Куда идешь? – прошептала она.

Он уже собирался ответить: «Не твое цыплячье дело». Но когда он посмотрел в ее темные глаза, глядевшие на него над фрагментами пазла с видом Парижа, что-то надломилось в его сердце. Ее лицо было уже не вполне детским, а предстоящая жизнь не обещала ничего хорошего. Он понимал, что никто о тебе не позаботится, если ты сам не позаботишься о себе и о своем дерьме. А Патти... ей тоже был нужен кто-то. Возможно, дружба с Тори и взгляд на мир ее глазами сделали его более мягким. Или жестким – с какой стороны посмотреть.

– Я собираюсь встретиться с другом. Ш-шш, будь паинькой.

– С каким другом? С Тори?

– Да. – Рикки опустился на край дивана и натянул обувь.

– Мне нравится Тори.

– Мне тоже, – прошептал он.

Она улыбнулась. У Рикки и его сестры был общий отец. Его арестовали за контрабанду наркотиков через два дня после рождения Пэйшенс. Рикки больше никогда не видел его, но угадывал самого себя в лице Патти, в ее темных, немного раскосых глазах, высоких скулах и смуглой, гладкой коже. Что-то шевельнулось у него внутри. Это было скорее физической реакцией, а не сознательной мыслью. Побуждением защитить ее.

– Ты собираешься к домикам старого летнего кемпинга?

Он нахмурился и с деланой строгостью посмотрел на сестру:

– Это наш секрет, верно?

Она кивнула. Когда он надел куртку и натянул шерстяной подшлемник, Патти прошептала:

– Когда ты вернешься?

Рикки взял перчатки.

– А вот это не твое дело. Веди себя хорошо.

На улице было совсем темно. В это время года обычно начинало темнеть после четырех часов дня. Но сегодня вечером из-за ясного неба луна и звезды окрасили все вокруг голубовато-белым сиянием. Голые ветви деревьев покачивались на ветру. Он уловил в воздухе запах марихуаны. Вероятно, тот паршивец, любовник его матери. Здесь собрались все местные паршивцы и ублюдки. Но Рикки не знал, как выбраться отсюда. И был испуган тем, что услышал от Тори.

Под навесом он забрался на свой старенький снегоход, надел шлем и напряженно осмотрелся по сторонам. Никого. Рикки завел двигатель,

который чихал и кашлял, и унесся в ночь в облаке выхлопных газов. Адреналин заструился по жилам. Рикки быстро оглянулся на свой старенький жилой автофургон с облезшим сайдингом и утеплителем, засунутым под треснувшее и заклеенное окно. Ему показалось, что он видит маленькое лицо Патти, смотревшей вслед.

Снегоход мчался вперед, подпрыгивая на ледяных выступах и изрыгая белые облачка, быстро уплывавшие назад. Рикки направлялся к колеям, проходившим через лес на возвышенность, к границам дальних ранчо на озере.

* * *

В таких местах вести разлетались быстрее ветра. Новость о двух свидетелях в сарае у Ноя Норда, когда начался пожар. О том, что они уехали на снегоходе. Одной из них была Тори Бартон, у которой не было снегохода. Другим, по всей вероятности, был Рикки Саймон. Все, кто знал Рикки, знали и о том, что он влюблен в Тори Бартон.

По ветру носился и другой слух: дочь Ноя, тоже работавшая в полиции, посетила Тори на ранчо Броукен-Бар. Бранниган и Рошен знали об этом и помнили, что говорила Ребекка. Бранниган поведал об этом своим приятелям в пабе; некоторые из них выезжали на пожар в доме Ноя Норда. Рошен сказала об этом одной из подруг, которая рассказала другой подруге.

Именно поэтому сейчас он сидел в глубокой тени на снегоходе недалеко от дома Рикки Саймона.

Он посмотрел, как Рикки уезжает по заснеженному полю за трейлерным парком на стареньком двухтактном снегоходе, еще раз затянулся «косяком» и выбросил окуроч в снег. Выдохнув, опустил козырек шлема. Он долго ждал на морозе, пока Рикки оседлает свою машину. В какой-то момент это должно было произойти. Его цель заключалась в том, чтобы застать пацана одного в укромном месте и устроить ему несчастный случай. *Минимизировать ущерб.*

Судя по тому, что говорили люди, дети еще не проболтались. Никто не знал, что они видели или почему сбежали оттуда. Важно было сделать так, чтобы все оставалось по-прежнему.

Он завел двигатель, отозвавшийся ровным и тихим рокотом. Хорошо отрегулированный четырехтактный движок с увеличенной мощностью. Он покати следом за лучами фар, огибая деревья и подножия холмов за убогим поселком из трейлерных фургонов. Судя по всему, маленький Саймон решил проехать по старым тропам для лыжного кросса. Дальше

были только перелесок и окраина ранчо Броукен-Бар. Яркая луна предвещала удачу сегодня вечером. Если все пойдет, как задумано, маленький засранец встретится с дочерью серийного убийцы. Все равно что сбить двух пташек одним камнем.

* * *

Человек на снегоходе остановился на гребне холма перед шеренгой высоких елей. Он не включал фары.

Далеко внизу, у въезда в кемпинг Броукен-Бар, Рикки Саймон сидел на своей машине с работавшим двигателем и включенными фарами. Мальчишка чего-то ждал.

Маленькая тень с фонариком в руке выбежала из-под прикрытия деревьев. *Тори Бартон.*

Он смотрел, как Тори оседлала снегоход за спиной Рикки. Потом расстегнул куртку и достал телефон. Мороз куснул руки, когда он снял шлем и теплые перчатки, чтобы сделать звонок. На территории вокруг ранчо имелся устойчивый прием мобильного сигнала. Леди Удача сопровождала ему в эту морозную ночь.

Засвистел ветер, и он увидел, как луна скрылась за тучами, пока слушал гудки.

– Они вместе, – сообщил он, когда абонент взял трубку. – На его снегоходе.

– Где именно?

– На северо-западной оконечности озера Биг-Бар. Похоже, он направляется к южной дороге, а она поворачивает на восток. В другую сторону только лесная глушь.

– Не теряй их из виду, но держись незаметно. Держи меня в курсе. Я подъеду с восточной стороны.

Водитель убрал телефон и опустил козырек шлема. Он завел двигатель, думая о том, как будет забавно, если дети направятся к заброшенному летнему кемпингу. Частная собственность, которая никогда не использовалась по назначению. Что за ирония судьбы!

Но это пугающее совпадение, подумал он, приближаясь к линии водопада на берегу. Старое место было заколдованным. Она просто исчезла здесь, растворилась в воздухе. Или превратилась в проклятого оленя – вот на что это было похоже.

Он всегда испытывал тайный страх, что она все еще лежит где-то там. Ее темные кости. В ожидании того, чтобы восстать из праха.

И добраться до них.

С крошечной капелькой страха в душе, с шепотком недоброго предчувствия в груди, он следовал за Рикки Саймоном, держась на безопасном расстоянии, с выключенными фарами, скользя по призрачному белому следу среди замерзшего леса. Деревья, как белые стражи, все плотнее смыкались по обе стороны.

Как будто она призывала их всех к себе.

Он передернул плечами. Это всего лишь ночной лес, деревья и причудливые коряги. Но ему все равно было жутко.

Глава 27

Эш остановился перед «Карибу-Лодж». Был ранний вечер, но небо уже потемнело и нахмурилось. Оторвавшийся баннер хлопал на ветру, и небольшая группа мужчин собралась на крытом дворе покурить. В универсаме за соседней дверью горели желтые лампочки.

Клайв Додд дал им адрес Торы Баттерсби. Эш и Ребекка отправились к ней, но в ее квартире над лавкой скобяных товаров никого не было.

Какое-то время Ребекка просто сидела, глядя на окна универсама. В салоне автомобиля Эша было тепло, и она собиралась с силами для того, чтобы снова выйти на холод. Она выглядела усталой и опустошенной; горе утраты было коварным демоном. Эшу казалось, что она только сейчас начинает осознавать бесповоротность смерти своего отца. Он полагал, что попытка раскрыть тайну вокруг этого события была способом уберечься от душевной боли. Ребекке нужно было чем-то заниматься, но чувство вины из-за того, что ее не было рядом, когда Ной нуждался в помощи, оказалось тяжким бременем. Вероятно, худшее еще впереди.

Ребекка перегнулась назад, забрала свои вещи и взялась за дверную ручку.

– Я дам тебе знать насчет «сильверадо», когда Уэс позвонит и скажет, можно ли отремонтировать автомобиль, – сказал Эш. – Так или иначе, я приеду сюда завтра утром.

– Не стоит, Эш. У меня еще остается «приус», который я взяла напрокат.

– У этих прокатных автомобилей нет нормальных зимних покрышек.

– Если мне понадобится снова выбраться в глушь, я найду что-нибудь еще.

Его сердце забилося чаще; он чувствовал, как Ребекка отдаляется от него. Тогда, на ранчо Броукен-Бар, они пересекли Рубикон. Они прикоснулись друг к другу. Она позволила ему обнять ее, и теперь все казалось хрупким и трепетным, как тончайшие кристаллы. Он не хотел их разбить, потому что глубоко внутри его существа горела крохотная искра надежды.

– Тори будет говорить, это лишь вопрос времени, – сказал он, меняя тему, чтобы сохранить ее внимание. – Полагаю, что Оливии и Коулу нужно лишь найти правильный подход к ней. Завтра я отправлюсь туда и

попробую еще раз поговорить с Оливией.

– Лучше это сделаю я.

Он посмотрел Ребекке в глаза. Она все еще не доверяла ему.

– Эш, ты узнал тот нож, который я показала Тори? – вдруг спросила она.

У него перехватило дыхание. Он слишком долго колебался перед ответом, и она заметила это.

– Похоже на марку «Трапперфрост», – сказал он. – Одна из первых серий.

– Но ты его раньше не видел, правда? Ты не знаешь, кому он принадлежит?

Вот дерьмо.

– Есть много таких ножей, Бекка. С годами появлялись разные модификации.

Она пристально смотрела на него. Автомобиль слегка покачивался под порывами ветра. Он *должен* был поговорить с Рикки, прежде чем выдавать его Бекке и полицейским, должен был выслушать его объяснения. Если паренек снова попадет в жернова карательной системы, с ним будет покончено. Разумеется, когда Эш увидел нож с костяной ручкой, у него не осталось сомнений в том, что Рикки находился рядом с Тори в сарае Ноя.

– Позвони мне, если узнаешь что-то еще. – Ребекка открыла дверь.

– Бекка...

Она повернулась. Эш смотрел на нее, обуреваемый противоречивыми чувствами.

– Что?

– Думаю, мне известно, кто видел, как в тот день я отвез Уитни на автобусную остановку.

Она закрыла дверь в ожидании ответа. Эш неловко потер шею, понимая, что поставил себя в неловкое положение.

– Эш?

Он откашлялся.

– Раньше Тора и ее муж Джейк Баттерсби жили на той же улице, где жила Уитни со своей матерью. Их дома стояли напротив друг друга, через дорогу.

Ребекка заморгала и словно оцепенела.

Эш отвел глаза в сторону и посмотрел вперед через ветровое стекло. Двое в теплых пальто перешли улицу и устремились по лестнице в теплую прихожую мотеля. Он глубоко вздохнул.

– В то утро, когда я подъехал забрать Уитни и отвезти ее на автобусную

остановку, Джейк готовил свой грузовик для работы, он возил бревна по контракту на севере. Он видел, как я остановился перед домом Уитни, где она ждала меня со своим багажом. Было раннее утро, на улице тишь да гладь. Я положил чемодан Уитни в багажник, и Джейк видел, как она садится в автомобиль. Он помахал мне, и я помахал в ответ. Потом мы доехали до автобусной остановки. Поскольку Джейку предстоял долгий перегон на север, то он, скорее всего, отправился на заправку «Петрогаз». Бензоколонка расположена по диагонали от того места, где находилась остановка автобусов Renegade Lines, рядом с «Пончиковым кафе Додда».

Он посмотрел на Ребекку. Она прищурилась, и от ее подозрительного взгляда у Эша защемило сердце. Он понимал, что, когда вся правда выйдет наружу, огонек надежды угаснет окончательно и бесповоротно.

– Продолжай, – бесстрастно сказала она.

– Поскольку Клайв Додд сообщил, что Ной начал встречаться с Торой лишь три или четыре недели назад, я думаю, что это она рассказала Ною о том, что Джейк видел меня в тот день. Бог знает, почему эта тема вообще могла появиться на свет. – Эш сделал глубокий вдох. – Но это кое-что объясняет.

Казалось, Ребекка старается подобрать правильные слова, но в итоге она покачала головой и сказала:

– Ладно. Мне нужно поговорить с ней.

– Не делай этого без меня, хорошо?

Ее глаза вспыхнули, но он удержал ее взгляд.

– Пожалуйста, – попросил Эш. – Никуда не ходи и никого не расспрашивай без меня. Хотя бы до тех пор, пока мы не узнаем, что случилось с твоим автомобилем. Если это было злонамеренное действие, то преступник знал, что ты могла умереть вчера ночью. Тебе угрожает опасность.

– Я большая девочка, Эш. Если понадобится, то я смогу позаботиться о себе.

– Кто-то пытался убить тебя, Бекка. Они могут сделать это еще раз.

Ребекка отвернулась и облизнула губы. Очередной порыв ветра качнул автомобиль, и холод запустил тонкие щупальца из всех щелей и отверстий.

– Я *хочу* доверять тебе, Эш. Но я не могу отделаться от ощущения, что ты о чем-то умалчиваешь.

У Эша горело лицо. Он потянулся к ее руке в теплой перчатке, но Ребекка быстро отодвинулась и открыла дверь. Ветер ворвался внутрь, и Бекке пришлось крепко держать ручку, пока она выбиралась наружу вместе с вещами.

Охваченный внезапной тревогой, Эш перегнулся через пассажирское сиденье.

– Бекка, подожди...

Ребекка помедлила и обернулась. Ледяной ветер залетал в салон вместе с редкими снежинками. У нее уже слезились глаза и покраснел кончик носа.

– Что? – спросила она.

– Я... завтра...

– Что завтра?

Эш заколебался. Это было глубоко личное дело, возможно, никак не связанное с гибелью Ноя, и он сознавал, что его слова могут ранить ее еще глубже, чем все, что произошло раньше. Но наступил момент, когда не рассказать Бекке о том, что еще случилось между ним и Уитни, пожалуй, еще хуже, чем откровенность. Тем не менее все его существо противилось этому. Мысль о том, что придется заговорить и предать огласке то, что он держал в секрете уже более двадцати лет, была мучительной.

– Мы поговорим завтра, – наконец сказал Эш.

Ребекка окинула его взглядом и захлопнула тяжелую дверь. Через заиндевшее окошко Эш видел, что Бекка еще секунду смотрела на него, потом отвернулась и зашагала к магазину.

Эш видел, как она остановилась перед входом в универсам, посмотрела на вывеску, потом вошла внутрь. Стеклянная дверь закрылась, но Эш еще смог заметить, что Ребекка направилась в одежную секцию.

Проклятье. Он с силой провел пальцами по волосам.

Это не могло хорошо закончиться, с какой стороны ни посмотри.

Глава 28

Ребекка обсушивала волосы полотенцем, стоя в купальном халате перед окном своей комнаты в мотеле. Стекла покрылись морозными узорами, и новые кристаллы нарастали на старые прямо у нее на глазах. Нечто похожее разрасталось и в груди, пока она смотрела на темную центральную улицу.

Новое снаряжение, приобретенное в универсаме, было разложено на кровати. Она не ожидала найти ничего особенно модного в магазине, который стоял на этом перекрестке, сколько она себя помнила. Так и оказалось. Но купленного хватит с лихвой: термобелье, шарф-труба, варежки, перчатки, теплые носки, фланелевые рубашки, шапка, пуховик и зимние ботинки. Сейчас ей были нужны теплота и функциональность.

Ребекка повесила полотенце на спинку стула, включила обогреватель и стала срезать этикетки с новой одежды.

Она натянула теплые шерстяные носки серого цвета с красной полоской наверху, за которыми последовали кархартские брюки с утепленной подкладкой, довольно жесткие и неуклюжие. На верхнюю половину комплекта термобелья с длинными рукавами Ребекка надела фланелевую рубашку. Досушив волосы феном, она сложила грязные вещи в мешок, предназначенный для прачечной мотеля. Двигаясь по комнате, Ребекка уловила свое отражение в зеркале и остановилась посмотреть еще раз. На нее смотрела старая Бекка – отголосок того ребенка, которым она когда-то была. Никакого макияжа. Фермерская одежда, предназначенная для работы под открытым небом. Это потрясло ее. Ощущая внезапное одиночество, как будто недавнее прошлое осталось позади, Ребекка потянулась к телефону и набрала номер Лэнса.

Звук его голоса должен вернуть ее к реальности.

Пока в трубке раздавались гудки, Ребекка повернулась к окну. Она слегка улыбнулась, когда представила Лэнса в безупречно обставленной квартире, с юридическими бумагами, разложенными на столе и на кофейном столике.

– Ребекка?

Его голос был едва слышен из-за шума: Лэнс находился в каком-то многолюдном общественном месте. Он заговорил громче:

– Эй, Ребекка, подожди минутку. Здесь слишком шумно; я найду место,

где можно будет поговорить.

Она ждала, а он пошел искать более тихое место. На заднем плане она услышала отчетливый женский голос, обращавшийся к Лэнсу. Она знала, кто это. Хизер Уайтхолл, младший партнер в его юридической фирме.

– Прошу прощения. – Он вернулся к разговору. – Здесь у нас небольшое торжество; сегодня фирма выиграла дело.

За его спиной снова раздался женский голос.

Ребекка услышала, как Лэнс тихо ответил «я сейчас вернусь», вероятно прикрыв ладонью микрофон. Она испытала странное ощущение ускользающей перспективы, как будто ее связь с другим концом страны истончилась до нити, готовой лопнуть.

– Это была Хизер? – спросила Ребекка.

Лэнс немного замешкался, но пауза все равно была слишком долгой. Тогда Ребекка все поняла, как может понять только женщина, слишком долго игнорировавшая тревожные признаки.

– Да, мы все здесь собрались, – жизнерадостно отозвался он. – Но мне интересно, как продвигаются твои дела? Как ты там, держишься? Когда вернешься? Дата поминальной службы уже назначена?

Ребекка почувствовала, как замыкается в себе. Мир ее отца, пейзажи юности и ее собственные противоречивые чувства по этому поводу – все это не имело отношения к Лэнсу и к показным проявлениям его интереса. Ее прежняя часть, прежняя Бекка находилась здесь, в «Карибу-Лодж». Ее место здесь. Она должна была самостоятельно искупить вину перед отцом.

– Еще не знаю. Есть некоторые осложнения.

– Например?

– Я... мне просто нужно кое в чем разобраться. Его смерть была не слишком очевидной.

Лэнс уловил перемену в ее настроении.

– Хочешь, я приеду к тебе, Ребекка? Тебе нужно...

– Нет, – ответила Ребекка, сама удивившись неожиданной убежденности, прозвучавшей в ее голосе. – У меня все в порядке, правда.

Она снова услышала голос Хизер на заднем плане. Знакомое ощущение измены было похоже на холодный камень в животе.

– Я позвоню, когда у меня будут новости и даты, – бодро сказала Ребекка. – Поздравляю с выигранным делом.

– Ребекка...

Она повесила трубку, оцепеневшая и отчужденная. Какой-то момент смотрела на свое искаженное отражение в заиндевавшем оконном стекле. На улице стало еще темнее. Может быть, как и на душе.

Ее непостоянный любовник Лэнс спал с другой женщиной. Ребекке не следовало удивляться этому. Он предлагал ей замужество, но она не торопилась с ответом. А теперь отношения, о которых ей следовало бережно заботиться, безнадежно зачахли, и Лэнс начал зондировать почву в другом месте и обращаться к другим со своим желанием близости. Ребекке снова жестко продемонстрировали, что без внимания и заботливости, без настоящей любви любые отношения разрушаются. Они увядают и умирают.

Ребекка провела рукой по волосам. Что в ней было плохого? Как она дошла до этого? До неспособности полностью довериться другому человеку?

Но где-то глубоко внутри она уже знала ответ.

Что-то надломилось в ней тем жарким летом много лет назад. Вероятно, это случилось даже раньше, когда ее мать покинула этот мир. Когда Ребекке было двенадцать лет. С тех пор она поклялась, что станет неуязвимой для такой душевной боли. И это было глупое решение. Другие люди тоже теряли родителей в раннем возрасте и оказывались преданными молодыми любовницами, которые при этом были их лучшими подругами. Но они как-то смогли справиться с этим.

Ребекка посмотрела на часы. Она проголодалась и надеялась на то, что при достаточном везении найдет Солли Мичем на ее посту в баре.

Ребекка уложила волосы в небрежный и все еще слегка влажный узел и надела новые ботинки. Перед уходом из номера она рассовала по карманам куртки бумажник, телефон и ключ-карту. Спустившись вниз, Ребекка направилась в сторону шума, доносившегося из бара «Лось и Рог».

Теперь она не могла повернуть назад; оставалось только пройти весь путь до конца. Она решит эту загадку. Она похоронит своего отца так, чтобы он мог гордиться прожитой жизнью. И одна из путеводных нитей может находиться в баре, где выпивал ее отец в то утро, когда позвонил ей, а вечером умер с ружейным стволом во рту.

Глава 29

Ребекка вошла в «Лось и Рог» через темную деревянную дверь. Внутри было тепло и оживленно, а в воздухе витали спиртные пары – настоящий уголок дружелюбного общения вдали от темных и пустынных мерзлых улиц.

В баре работал мужчина лет тридцати, в старомодной белой рубашке с подтяжками и галстуком-бабочкой. Он склонился над старинным кассовым аппаратом. Ребекка прошла к середине длинной стойки, отодвинула высокий табурет и села, оглядываясь вокруг.

За стойкой над рядами бутылок находились выцветшие цветные фотографии со сценами из недавней истории города. Ребекка с легким изумлением обнаружила, что на одной фотографии были изображены ее родители и она сама, совсем крошечная, на каком-то городском празднике. Ее отец был при мундире, а мать в красивом летнем платье, она удерживала маленькую Ребекку на одном колене.

Ее сердце забилося чаще, пока она глядела на фотографию. Какая-то частица ее существа находилась в этом баре, вместе с остальными реликвиями городского прошлого. Несмотря на то, что она пыталась убежать от прошлого и забыть о нем.

Бармен подошел и протянул меню с приложенным списком особых коктейлей.

– Только позовите, – сказал он.

Ребекка взяла меню и повернулась на табурете, чтобы получше рассмотреть помещение. Со своего наблюдательного пункта она могла видеть вход в соседний стейк-хаус «Красный Бык». Громкое клацанье бильярдных шаров, сопровождаемое смехом и одобрительными возгласами, привлекло ее внимание к бильярдному столу в дальнем конце зала. Вокруг стола собралась группа мужчин, расступившихся перед фигуристой амазонкой с ирокезом из обесцвеченных волос. Она была в облегающих джинсах и черных мотоциклетных бутсах. Ребекка увидела, как женщина наклонилась над столом, тщательно прицелилась и нанесла удар. Вокруг снова раздались одобрительные выкрики. Мужчина, стоявший рядом с ней, положил руку ей на копчик и стал что-то шептать на ухо, поглаживая по ягодицам. Женщина откинула голову и рассмеялась.

Но тут, словно почувствовав на себе взгляд, мужчина замер и

повернулся. Ребекка моментально узнала его.

Бак Джонстон.

В гражданской одежде.

Бак окинул ее долгим взглядом. Люди рядом с ним тоже стали поворачиваться, чтобы посмотреть, что привлекло его внимание. С легкой дрожью Ребекка опознала лысого здоровяка рядом с ним, это был тот байкер, который вошел в круглосуточный магазин при бензоколонке «Петрогаз». Другими игроками были Уэс Стил, Дэйв Бранниган и темноволосый мужчина, которого она не знала. Ребекка кивнула им.

Бак неопределенно отсалютовал ей двумя пальцами, а Уэс поднял пивную бутылку в знак приветствия. Ребекка вспомнила, что ей так и не сообщили, можно ли будет починить отцовский автомобиль. Они вернулись к игре, но мужчины сблизили головы, как будто что-то тихо обсуждали. Наверное, Бак что-то сказал о Бекке, потому что блондинка вызывающе уставилась на нее.

На Ребекку снизошло странное спокойствие. Она чувствовала себя посторонней, намеренно изолированной от стада.

– Могу я что-нибудь принести для вас? – Она вздрогнула, но голос принадлежал бармену. Ребекка повернулась на табурете и увидела, что по-прежнему может наблюдать за компанией у бильярдного стола в зеркале.

Бармен улыбнулся:

– Я не хотел вас испугать. Вы недавно в городе? Или только проездом?

– Вроде как давно жила здесь и теперь вернулась.

Он снова улыбнулся. Ей понравилось его открытое лицо. Неужели она и ее сверстники когда-то выглядели такими молодыми и доброжелательными? Она быстро просмотрела меню, вспомнив о голоде.

– Я возьму лосиный бургер и чипсы из сладкого картофеля, – сказала она. – И бокал «Гиннеса».

В честь отца. Он любил «Гиннесс», хотя обычно сопровождал пиво стопкой виски.

– Солли здесь сегодня вечером? – поинтересовалась Ребекка, протягивая бармену меню.

– Да... а вы знаете Солли? – Он вынул из-под крана полный бокал.

Ребекка улыбнулась и сразу почувствовала себя лучше.

– Если вы родом отсюда, то, конечно, знаете Солли. Спасибо, – добавила она, когда он поставил пиво с шапкой пены на пробковый кружок перед ней.

– Солли! – позвал бармен через раздвижную дверцу, ведущую на кухню, когда продиктовал заказ.

Солли вышла за стойку в фартуке с логотипом «Лося и Рога» на линялых джинсах, в рубашке с открытым воротом и кожаном жилете. Джинсы были небрежно запиханы в выдавшие виды ковбойские сапоги.

Ребекка испытала резкий толчок полузабытого чувства близости. Солли Мичем осталась такой же, но вместе с тем стала другой. Она была почти на восемь лет старше Ребекки, но годы обошлись с ней суровее, чем Ребекка думала о самой себе. Впрочем, разве так бывает не всегда? Ты ежедневно смотришься в зеркало и со временем замечаешь мелкие перемены. Но если ты кого-то долго не видела и не замечала никаких перемен, то новая встреча может стать потрясением. У Солли были изможденные черты заядлой курильщицы. Ее когда-то густые светлые волосы песочного оттенка выглядели сухими и ломкими и были коротко острижены.

Но улыбка была очень широкой.

– Ну, черт меня побери, – произнесла Солли, вытирая руки о фартук. – Смотрите-ка, кого занесло в мой бар! Бекка Норд! Возвращение блудной дочери.

– О-ох, – протянула Ребекка.

Солли хрипло и дружелюбно рассмеялась.

– Как поживаешь, Сол? – спросила Ребекка. Мать Солли немного сдвинулась на природе, луне и звездах, поэтому назвала свою дочь Саммер Солстайс^[5]. Но сколько Ребекка себя помнила, все звали ее Солли.

Солли смерила Ребекку долгим взглядом, отмечая ее рабочую одежду и неряшливый узел на затылке.

– Ха, только посмотри на себя. Девушку можно забрать в город из сельской глуши, но нельзя вытравить из нее фермерский дух, а Бекка? А я-то думала, что ты теперь похожа на лощеного детектива из большого города. Как там это называется? Охотница за белыми воротничками?

Ребекка фыркнула:

– Коммерческие преступления. Но, думаю, это место каждому может напомнить, откуда он родом.

Улыбка Солли померкла, когда между ними возникла невысказанная причина возвращения Ребекки.

– Мне очень жаль Ноя, Бекка. Нам всем жаль. Будь оно проклято, что все так вышло. Ты в порядке? Собираешься устроить поминальную службу? Потому что мы уже обсуждали это дело между собой, если ты не... – Выражение ее лица изменилось, когда она осознала смысл сказанного. – Я... Господи, мне так жаль. Просто Эш говорил, что ты участвуешь в каком-то громком судебном процессе, который освещается в прессе и по телевидению, что ты являешься важной свидетельницей и,

возможно, не сможешь приехать сюда просто из-за формальной обязанности присутствовать на суде. По крайней мере, не сразу.

– Эш сказал тебе об этом?

Солли выглядела так, словно ступила на минное поле.

– Он... Думаю, он интересовался, как идут твои дела. Я хочу сказать, он часто заезжал в гости к Ною, а тот всегда рассказывал, чем ты занимаешься.

Бармен принес еду, и Солли облегченно вздохнула. Но у Ребекки пропал аппетит.

Позади раздался очередной треск сталкивающихся бильярдных шаров, сопровождаемый бурными возгласами. Певица закончила свой номер, и немногочисленные клиенты вежливо захлопали. Она начала очередную композицию из репертуара Кэтрин Ланг.

– Я организую поминальную службу, когда получу тело отца.

– Какие-то проблемы?

– Я просто... стараюсь связать концы с концами.

Солли нахмурилась.

– Отличные фотографии, – заметила Ребекка, откусив кусок гамбургера и глотнув пива. – Тут есть даже я вместе с родителями.

Солли повернулась и посмотрела.

– Да, это со старого парада на Первое июля. – Она кивнула в сторону фотографии. – Просто не верится, насколько ты стала похожа на свою маму.

Эти слова огорошили Ребекку. Полузабытые воспоминания о матери вдруг стеснились в ее голове, обретая новую жизнь. Новые цвета. Она никогда не думала о том, что похожа на свою мать. Это наполнило Ребекку теплом и странным ощущением принадлежности к дому, к этому месту.

– Да, я получила фотографии из музея и городского фотоархива. Это была идея Льюиса. Реконструкция на историческую тему. А еще здесь есть старая киноафиша «Охоты на бешеного» по книге Коула Мадона. Это был памятный вечер. Майрон зашел за пивом и лосиными бургерами, но принес с собой DVD и экземпляры книги на подпись. Мы все смотрели фильм на большом экране прямо здесь, в баре. – Солли встретила взглядом с Ребеккой. – Майрон даже пригласил твоего отца, можешь себе представить? – Солли рассмеялась. – Прошло не более получаса, как между ними началась перебранка. На это стоило бы посмотреть, если бы сохранилась запись.

Ребекка невольно улыбнулась.

– Как поживает Льюис? – спросила она, имея в виду мужа Солли. – По-

прежнему все время занят мотелем или немного отошел от дел?

Льюис управлял мотелем «Карибу-Лодж» в интересах своего отца, а Солстайс Саммер Хобсон работала официанткой в «Красном Быке», когда Ребекка оканчивала среднюю школу. В то время Льюис Мичем считался чертовски хорошей добычей для покладистой Солли, которая выросла вместе со своей разведенной матерью в обшарпанной квартирке в Девилс-Батт. В роду Мичемов были потомственные скотоводы с огромными стадами, которым привалило богатство еще в XIX веке, когда предок Мичема нашел золото на Хорсфлай-Ривер. Отец Льюиса Мичема когда-то владел половиной всех деловых заведений на Мейн-стрит и построил «Карибу-Лодж». Расчетливый и чрезвычайно прижимистый, даже когда речь шла о его собственных детях, он в конце концов передал свои дела Льюису и его младшему брату Микки, а вскоре ушел в мир иной.

– О да, мы оба занимаемся делом. Только посмотри на меня! – Солли опустила руки, демонстрируя свой фартук, и издала хриплый смешок. Ребекка заметила пачку сигарет в кармане фартука. – Льюис оставил дела на ранчо на попечении Микки, но все, так или иначе, идет в семью. Что, твой бургер невкусный?

– Нет, просто я не очень голодна, – Ребекка подцепила листик жареной картошки. Пиво ударило в голову, наложившись на пустой желудок и долгую бессонницу... а также на горе, стресс, чувство вины и собственной неполноценности. Внезапно почувствовав слабую тошноту, Ребекка отодвинула тарелку.

– Расскажи о моем отце, Сол. Бак сказал, что он был здесь утром в день своей смерти.

Солли потянулась за тряпкой и вытерла пятнышко, замеченное на стойке.

– Да. Когда Ной приезжал в город, то всегда останавливался здесь. В тот день он ждал у двери, когда мы откроемся.

– Полагаю, это было необычно?

Тыльной стороной ладони Солли убрала прядь волос, упавшую на лоб, и рассеянно кивнула нескольким посетителям, которые пришли с мороза и потирали руки, стараясь согреться.

– Типа того. – Она помедлила. – Почему бы нам не сесть в той кабинке? Там будет потише. Хэнк, принеси мне кофе, ладно?

Ребекка взяла свое пиво вместе с тарелкой, и они перешли в маленькую кабинку, отгороженную деревянной стенкой. Перед Солли поставили большую кружку кофе, и она отхлебывала оттуда, пока Ребекка задавала вопросы.

– Ты говорила с ним в тот день?

– Да, конечно. Я производила опись в баре. Он сидел за стойкой и смотрел телевизор. Мы немного поболтали.

– Он говорил, зачем приехал в город тем утром?

– Он сказал, что рано утром ездил в Кэш-Крик встретиться с кем-то насчет старого закрытого дела, которое он взялся расследовать. Но не сказал, с кем именно. Или что это было за дело... но ходили слухи, будто он расследует давнее исчезновение Уитни Ганьон и Тревора Бьючемпа, поэтому у меня сложилось впечатление, что он встречался с женщиной. Боюсь, он был уже под мухой. Тот человек, с которым он хотел встретиться, накануне попал в ужасную катастрофу. То ли обледенелая трасса, то ли еще что. Автомобиль упал в реку с берега каньона.

У Ребекки зачастило сердце.

– Она выжила? Что сказал мой отец?

– Судя по всему, скончалась на месте. Дорожная авария без свидетелей. Правда, в очень плохом месте. Ной не знал о ее гибели, пока не приехал туда. Так что он вернулся и пришел сюда, наверное, чтобы успокоить нервы, а потом слишком глубоко залез в бутылку, как с ним обычно бывало.

Кровь горячо пульсировала в жилах Ребекки. Она вспомнила слова Дикси, произнесенные в морге.

«Кроме того, Ной публично заявлял о разочаровании в жизни... В пабе «Лось и Рог». Не менее трех раз за последние несколько месяцев. Это выяснилось в ходе полицейского опроса. По словам бывших начальников и друзей, он утверждал, что считает себя полным неудачником в качестве полицейского и отца».

– Он выглядел угнетенным или подавленным?

– Наоборот. Он казался... нервным и возбужденным. Или это было похмелье, потому что он немного успокоился после пары стаканчиков. – Солли помолчала. – Он был хорошим человеком, Бекка. Просто очень много пил, а это бьет по мозгам, понимаешь? У него всегда была куча безумных теорий и забот, и он казался одержимым старыми делами, которые, пожалуй, с самого начала не стоили выеденного яйца.

Ребекка нахмурилась, вглядываясь в лицо Солли и напряженно размышляя. С кем хотел встретиться отец в Кэш-Крик и какое отношение это имело к его расследованию? И почему он был вынужден уехать так рано для разговора с этим человеком? За этими вопросами скрывалось нечто темное и глубокое.

«Он был в моем домике и забрал кое-какие бумаги из моего досье...

Позавчера вечером кто-то следовал за мной в темноте до самого дома».

Была ли гибель этого человека перед визитом ее отца обычной случайностью? Или чем-то более зловещим?

– Значит, ты рассказала Баку об этом свидетеле из Кэш-Крик? – спросила Ребекка.

– Да, конечно. – Солли отпила кофе. – Но, повторяю, твой отец часто нес чепуху о своих проектах. Со временем у него появилась мания преследования, и он беспокоился из-за любой мелочи. А в тот день он уже около полудня был пьян в стельку. Люди в городе поговаривали, что мы должны были предвидеть такой конец. Да, мы ожидали чего-то в этом роде. Мне просто жаль, что я лично ничего не сделала для него. Но погляди на половину мужиков, которые приходят сюда. Я продаю им выпивку. Их жизнь вращается вокруг этого простого удовольствия. Что я могла ему сказать? «Эй, старина, соберись с силами и перестань тратить деньги в этом месте?»

– С кем еще он разговаривал в «Лосе и Роге» в то утро?

– Ну, я не помню всех, кто приходил или уходил. Он обращался к каждому, кто подходил к стойке бара.

– Выходит, все знали, что он хочет раскрыть тайну исчезновения Уитни и Тренора?

– Очень многие. Он конкретно расспрашивал меня об Уитни, потому что она работала здесь по выходным на полставки. В то самое лето, пока не уехала из города.

– То есть он задавал конкретные вопросы?

Солли скорчила недовольную гримасу и задумалась.

– Например, помню ли я, как часто она встречалась с Тревором до отъезда. – Последовала еще одна пауза. – Или видела ли я ее с другим парнем. Его особенно интересовало, видела ли я ее с Эшем.

Ребекка сделала медленный вдох и кивнула.

– Что-нибудь еще?

– Например, выглядела ли Уитни чем-то обеспокоенной или встревоженной. Он как будто хотел составить картину ее жизни в том году. Он спрашивал, говорила ли она о своем намерении уехать в Лос-Анджелес, и не возникало ли у меня подозрения, что в ее жизни происходит что-то плохое.

– Какой-нибудь из твоих ответов вызвал у него особенный интерес?

Солли тихо фыркнула:

– Двадцать лет – это долгий срок, и я сказала ему об этом. В том году мне особенно запомнилось, что Уитни на какое-то время отправилась на

одну из экскурсий с лагерем для проблемной молодежи, которые организовывал доктор Миллер.

Ребекка снова нахмурилась:

– Не помню такого.

– Тем не менее так оно и было. Ах да: еще я рассказала ему, что Уитни видели вместе с Эшем в баре для байкеров в «Девилс-Батт» за несколько месяцев до ее отъезда с Тревором.

– Да, – тихо ответила Ребекка. Ей было хорошо известно об этом.

«Я хотела, чтобы она уехала».

Судя по всему, в расследовании ее отца был один явный подозреваемый. Эш. Но нашел ли отец какие-то улики или доказательства? Это донимало Ребекку.

– Еще я сообщила Ною, что Уитни сама начала болтать о предстоящей поездке в Лос-Анджелес. Она сказала, что теперь у нее *наконец-то* есть деньги для этого. Но я не думала, что она сделает это вместе с Тревором.

– Деньги? Что ты имеешь в виду?

Солли пожала плечами:

– Говорю же, Бекка, это было очень давно. Мы с Льюисом тогда только поженились, и моя голова была забита планами о постройке нового дома. Я не обращала особого внимания на болтовню официанток насчет их ухажеров и намерений. Но все же у меня сложилось впечатление, будто у нее завелись неплохие деньги.

– Сколько?

– Не знаю, но довольно прилично.

– Наличные деньги?

– Правда не знаю. Это могли быть деньги Трево́ра. Он работал по контрактам на севере и на нефтеносных песках. Там можно было крупно заработать. Кроме того, Тревор занимался мелкой торговлей легких наркотиков, стимуляторов и тому подобных вещей. Со своей стороны, могу лишь сказать, что в один прекрасный день она ушла и больше не вернулась на работу. Потом мы услышали, что она оставила записку своей матери, а Тревор сказал друзьям, что уезжает из города.

– Каким друзьям?

– Боже мой, это было двадцать лет назад! Понятия не имею.

Пока Солли говорила, Ребекка увидела группу из нескольких человек, пришедших пообедать в соседнем ресторане. Она узнала Дикси. Та была вместе со своим мужем, доктором Бобом Маккракеном, который выглядел гораздо старше, чем помнила Ребекка. Дикси заметила ее и помахала рукой. Ребекка кивнула, ощущая позабытую клаустрофобию,

возникающую от жизни в маленьком городке. Здесь все знали друг друга и сплетничали друг о друге, что вызывало чувство, похожее на удушье.

Солли посмотрела через плечо и увидела, что привлекло внимание подруги.

– Ох, мне пора. У Маккракенов намечается большая праздничная вечеринка в честь дня рождения, и мы подготовили специальное меню, которое мне нужно проверить. Ты знаешь, что в прошлом году его выбрали мэром? Слава богу, Клейтон Форбс вовремя исчез со сцены. Перед Рождеством его арестовали по обвинению в мошенничестве. Дело еще не дошло до суда, но с тех пор его не видели в городе.

Солли нетерпеливо заерзала на месте.

Внимание Ребекки по-прежнему было сосредоточено на группе посетителей стейк-хауса «Красный Бык». Она вспомнила, что в детстве, когда Боб Маккракен был их семейным врачом, она недолюбливала его, сама не зная почему.

– Маккракен сохранил свою семейную врачебную практику после того, как стал мэром?

– Он сократил свою клиентуру до нескольких пациентов. Его бывшей практикой занимается новый врач и специалисты, которые приезжают время от времени. Прошли те времена, когда он лечил всех и каждого.

Солли как будто собралась встать, но помедлила.

– Ты ведь не считаешь, что Ной... покончил с собой?

Внезапная тревога заставила Ребекку снова обратить внимание на Солли.

– Почему ты так говоришь?

– Из-за твоих вопросов. По городу поползли слухи. – Она кивнула в сторону компании, собравшейся за бильярдом; те как раз собирались уходить. – А еще эти ребята. Уэс сказал, что он отбуксировал автомобиль Ноя для ремонта и что ты осмотрела место пожара и заклеила дверь сарая. По словам Браннигана, ты приехала на ранчо Броукен-Бар и расспрашивала о свидетелях пожара.

По спине Ребекки пробежал холодок страха. Меньше всего ей хотелось выставить ту девочку на всеобщее обозрение или подвергнуть ее опасности. Нужно было срочно что-то предпринять, а главное – быть более осторожной.

Она смотрела, как Бак уходит из бара вместе со своими друзьями. Солли поднялась на ноги.

– Ты в порядке? Может, я попрошу Хэнка принести что-нибудь еще?

– Пожалуйста, Солли, еще один вопрос. Это не займет много времени.

Ты знаешь, что мой отец связался с женщиной?

– С Торой Баттерсби? Ну да. Вот она – в дальнем конце бара, сидит с Доном Бартоном и Джерри Фиббсом.

Ребекка посмотрела туда. Женщина около семидесяти пила вино с двумя мужчинами того же возраста. По телевизору перед ними шла трансляция хоккейного матча. Они разразились одобрительными возгласами, когда игрок забил шайбу в ворота.

– Это Тора?

Солли скорчила гримаску.

– Хорошему пьянице нужен хороший собутыльник, – тихо сказала она. – Тора была собутыльницей Ноя.

Глава 30

Эш подъехал к дому Рикки Саймона; шипованные покрышки захрустели на блестящем льду. Эш выключил двигатель. Лунные тени тянулись между обшарпанными жилыми фургонами на колесах, и снежные кристаллики висели в воздухе, создавая фантомные гало вокруг включенных фонарей. Он обратил внимание, что снегоход Рикки исчез из-под навеса.

Эш вышел из автомобиля, оставив Кибу спать на овчине, разложенной на заднем сиденье, и приблизился к двери. Кусок пластика, наклеенный на окно, развевался на ветру, словно призрачная рука. Какое-то существо завожилось под крыльцом, скребя когтями по льду.

Эш посветил туда фонариком и увидел отблески стеклянных бутылок. Животное зарычало, когда луч фонарика высветил его глаза. Бродячая собака, которая надеялась найти теплое логово для ночлега. Эш подобрал бутылку, перевернул ее и посветил фонариком на дно. *NN-06-18*. Это был шифр, которым пользовался Ной для датировки порций своей браги. *NN* – это «Ной Норд», плюс дата бутилирования.

Это подтверждало догадку Эша. Рикки Саймон крал выпивку у Ноя. А еще Эш знал, что Саймон Бегущий Ветер подарил своему внуку Рикки старый нож «трапперфрост» перед тем, как отправиться в глушь и умереть там. Не оставалось никаких сомнений, что паренек был в сарае вместе с Тори Бартон, когда начался пожар.

И вместо того чтобы позвать на помощь, Рикки и Тори просто сбежали оттуда.

Эш полагал, что он знает причину. Он вспомнил слова Бегущего Ветра, услышанные на вершине холма.

«Если он снова оступится, его исключат из программы. Тогда он окажется далеко от дома, за бетонными стенами и колючей проволокой, среди плохих больших парней, и для него все будет кончено. Как это было с его отцом».

Эш беспокоился о том, что если Бекка найдет убедительные доказательства и вызовет группу по расследованию тяжких преступлений, то Рикки заберут как основного свидетеля, и он окажется бессилем что-либо сделать. Ни секунды Эш не думал, что Рикки застрелил Ноя. Но парень мог что-то видеть, и эта информация поможет Эшу уладить дела

с Беккой, прежде чем все зайдет слишком далеко.

«Обещаю, я сделаю это. Я проведу Рикки по этой тернистой тропе. Я умру на этом холме ради тебя».

Эш поднялся по деревянным ступеням и стукнул рукой в перчатке по двери с облупившейся краской. Дверь открылась, пропустив в ночь полоску желтого света. На пороге стояла мать Рикки, держась за ручку и подбоченившись другой рукой. Ее темные волосы были собраны в длинный хвост за спиной, глаза налились кровью и блуждали по сторонам. На высоком стульчике за ее спиной сидел ребенок с пластиковой миской оранжевой лапши. Рот младенца был перепачкан оранжевым, как расплывшийся клоунский грим. На столе стояла еще одна бутылка из коллекции Ноя и стакан с брагой. Эш стиснул зубы. Рикки крал брагу для своей матери. Вместо того чтобы служить опорой для ребенка, она использовала его для удовлетворения своей болезненной привычки. Эш выругался про себя.

– Где Рикки? – спросил он.

– А зачем он понадобился?

– Мне нужно поговорить с ним. Это срочное дело. Куда он уехал?

– Слушайте, я не знаю, что делать с этим парнем. Он пользуется нашим домом как чертовой гостиницей. Пожалуй, ему пора завязать со школой и найти работу, чтобы хотя бы платить за аренду.

Эш заметил девочку, которая появилась в гостиной. Патти. Она напряженно следила за разговором, поблескивая темными глазами. На телеэкране за ее спиной разворачивалась сцена автомобильных гонок со стрельбой.

– Можно мне задать Патти несколько вопросов? – сказал Эш. Рикки тепло относился к своей младшей сестре; может быть, Патти знала нечто такое, что ускользнуло от внимания пьяной матери.

– Тогда снимай свои снегоступы, ранчер. Заходи и закрой дверь, пока мы все не умерли от холода по твоей милости. – Она побрела на кухню, взяла стакан, отхлебнула глоток браги и стала помешивать варево в кастрюле, кипевшее на плите.

Эш вошел внутрь и закрыл дверь. Разувшись, он протопал в крошечную гостиную.

– Привет, Патти. – Он присел на корточки рядом с девочкой. – Ты сложила классный пазл.

– Спасибо.

– Это Эйфелева башня?

– Угу.

– Должно быть, ты неделями трудилась над ней.

Девочка застенчиво улыбнулась:

– Всего лишь несколько дней. После школы и домашних занятий.

На кухне с лязгом упала крышка кастрюли, и Патти нервно посмотрела в ту сторону.

– Ты знаешь, куда ушел Рикки, правда? – Эш забросил крючок наугад, но интуиция подсказывала, что девочка, по крайней мере, знает больше, чем ее мать.

– Ему позвонили, – тихо сказала Патти.

– Кто? – спросил Эш.

– Не знаю. – Она покосилась на свой пазл.

– Патти, я же вижу, что ты знаешь. Все в порядке, у Рикки не будет никаких неприятностей, во всяком случае, от меня, понимаешь? Мне просто нужно кое-что ему сказать.

Патти бросила взгляд на кухню. Эш протянул руку и вставил на место выпавший фрагмент пазла.

– Вот теперь все в порядке, – сказал он.

Девочка улыбнулась. Эш подождал, пока ее мать не скрылась из виду за фанерной перегородкой между кухней и гостиной, и тихо спросил:

– Он собирался встретиться с другом? Может быть, с Тори?

Глаза Патти заблестели, а губы сжались в плотную линию, как будто она боялась, что ответ может выскочить наружу без ее согласия.

– Я тебе кое-что скажу, Патти. Ты же знаешь, что твой дедушка попросил меня присматривать за Рикки? Вроде как стать большим ангелом-хранителем для него.

Патти подняла голову. Ее темные влажные глаза встретились с глазами Эша. У нее были высокие скулы и гладкая смуглая кожа, как у старшего брата. Настоящая маленькая красавица. Какие шансы у нее в подобном месте? Эш подумал об Уитни и ощутил угрызения совести. Уитни росла в похожих условиях. И каждый молодой, накачанный тестостероном самец, желавший потрахаться без проблем, отзывался на ее безмолвный крик, на ее жажду внимания. Уитни следовала своим желаниям и послушно раздвигала ноги, а потом ее заклеямили как шлюху. Ей пришлось носить это клеймо, потому что прошлое предопределило ее настоящее и будущее. И Эш ненавидел себя за то, что тоже был причастен к этому. Так он потерял Бекку. Если в его жизни и было что-то такое, что он хотел бы вернуть и полностью искупить, то произошло это уже давным-давно.

Он понизил голос:

– По правде говоря, сегодня вечером твой старший брат может попасть

в беду. Мне нужно сделать все возможное, чтобы этого не случилось.

Эш подвинул еще один фрагмент пазла. Взгляд Патти следовал за его пальцами, когда он вставил уголок в основание Эйфелевой башни. Эш добился ее внимания.

– Но мне нужно знать, куда он ушел, чтобы я смог выполнить обещание, данное Бегущему Ветру, и уберечь Рикки от неприятностей с полицией, понимаешь?

Патти быстро взглянула на его лицо, словно пытаясь оценить признаки искренности, потом коротко кивнула.

– Он взял снегоход. – Еще один быстрый взгляд в сторону кухни. Эш заметил синяк на шее Патти и ощутил закипающий гнев. Он напомнил себе, что потом нужно будет вернуться сюда, чтобы разобраться и с этой ситуацией. Прежде чем Патти постигнет участь Уитни и она получит несмываемое клеймо.

– У него есть особое место, где он любит встречаться с Тори?

– Пэйшенс! – крикнула из кухни мать. – Ужин!

– Там... там есть заброшенные домики летнего лагеря, – быстро заговорила Патти. – Иногда они встречаются там.

По спине Эша пробежал холодок, и он тяжело сглотнул. На дальнем конце его собственного ранчо? Что за странная, извращенная ирония судьбы! Он никогда не ходил туда. Он окружил эту часть своего поместья мысленной оградой и надеялся, что лес в конце концов поглотит руины.

– Спасибо, Патти. Ты хорошая девочка. – Он достал бумажник и вытащил купюру в двадцать долларов, которую положил на стол рядом с пазлом. – Купи себе что-нибудь хорошее, ладно? Ш-шш! – Эш приложил палец к губам. – Пусть это останется между нами.

Он вышел из фургона с тяжелым сердцем.

* * *

Эш и Кибу возвращались на ранчо. Он предполагал, что Рикки отправился на снегоходе прямо к холмам за трейлерным парком, но на автомобиле пришлось выбрать долгий кружной путь. Пока Эш ехал, он чувствовал, как тьма смыкается вокруг, подобно удушающему черному дыму, словно некая злая внешняя сила пыталась вернуть их всех в то жаркое лето лесных пожаров, где они будут вынуждены снова пережить прошлое. Потому что в первый раз все было сделано неправильно, и рана продолжала гноиться.

Глава 31

– Тора Баттерсби? – спросила Ребекка.

Женщина удивленно огляделась по сторонам. Она покраснелась, а ее яркие глаза были слегка не в фокусе. Дон Бартон и Джерри Фиббс, сидевшие рядом с ней, сразу замолчали. Тора смерила Ребекку долгим взглядом. Тора явно была навеселе, и перед ней на столе стоял полный бокал белого вина. Между ее бокалом и пивными кружками мужчин лежала пачка сигарет «Денали плэйн», придавленная зажигалкой «зиппо». Пальцы Торы были покрыты желтыми пятнами, как у заядлой курильщицы. Ребекка быстро подмечала детали своим натренированным взглядом. Оставалось лишь гадать, кто *не курит* в этом захолустном городке.

– Я – Ребекка Норд, дочь Ноя.

– Боже мой, деточка, я должна была узнать тебя по фотографиям. – Определенно, она под мухой. – Я... Это Джерри и Дон. Они тоже знали твоего отца. Мы все старые друзья.

Ребекка кивнула. Эта женщина вовсе не казалась расстроенной гибелью своего последнего возлюбленного.

– Мы могли бы немного поговорить наедине, хотя бы вон в той кабинке? – Ребекка указала туда, где она оставила свое пиво и тарелку с недоеденным бургером и где все еще стояла кофейная кружка Солли.

Тора обменялась неопределенными взглядами с двумя мужчинами.

– Ну да, конечно. – Она слезла с высокого табурета и едва заметно покачнулась. На ней были джинсы, ковбойские сапоги и свитер. Вино она взяла с собой, но сигареты оставила на столе.

Они уселись в кабинке, и Ребекка отодвинула в сторону тарелку с едой.

– Я очень сожалею о твоей утрате, Ребекка, – сказала Тора, когда устроилась поудобнее и быстро отхлебнула вина.

– Я не знала, что мой отец с кем-то встречался в последнее время.

Тора покосилась на мужчин. Нервничает или просто чувствует себя неуютно в присутствии дочери своего мертвого любовника?

– Должно быть, это было страшное потрясение, – сказала Ребекка.

– Вот так покончить с собой? Боже мой, да. Но потом... наверное, я *должна* была это предвидеть. Я до сих пор задаюсь вопросом, были ли какие-то признаки. – Тора помедлила, то ли решая, откуда начать, то ли

собираясь с мыслями после выпитого вина. – Но я не знала его *настолько* хорошо. Мы недолго были вместе, наверное, около месяца. И я должна признать, Ребекка, что это обычно происходило в обществе, где люди пили и болтали друг с другом. Ничего особенно личного. Просто хорошо было иметь... друга, понимаешь? Человека, с которым приятно провести время перед камином холодными вечерами. Жизнь становится одинокой. Мы заполняли потребность друг в друге.

«Значит, собутыльник с дополнительными нежными свойствами», – подумала Ребекка. Она покосилась на двух мужчин. Возможно, Тора проводит отбор кандидатов на замену?

– Мой отец был более угнетенным, чем обычно? Я хочу сказать, у него были признаки тяжелой депрессии?

– Нет, на самом деле нет. Он был увлечен своим новым исследованием, но такие вещи бывают обманчивыми. Я какое-то время работала медсестрой в «Скорой помощи». И... часто такое происходит с людьми, от которых меньше всего этого ожидаешь, которые *не говорят* о намерении покончить с собой. Темные лошадки. Вот они-то и могут удивить вас. – Она подняла свой бокал, как будто собираясь произнести тост. – Алкоголь не помогает. – Она отхлебнула глоток и поставила бокал на стол. – Но, бог ты мой, время от времени так и хочется выпить.

– Возможно, мой отец ждал вас на ужин в тот вечер, когда погиб?

Тора застыла и опустила глаза. Ее щеки покраснелись еще сильнее.

– Да, – тихо ответила она. – Иногда мне кажется, что если бы я приехала... то все сложилось бы по-другому.

– Вы отменили встречу?

– Да, я попросила его перенести нашу встречу. Позвонила где-то без пятнадцати пять.

«Сразу после отъезда Эша и незадолго до того, как Бранниган сообщил о пожаре».

– Но почему?

– Я плохо себя чувствовала.

Ребекка оценивающе посмотрела на Тору, взвешивая ее слова.

– Он расстроился?

– Нет, не думаю. Судя по его голосу, он уже пропустил несколько порций и был не прочь выпить еще в одиночестве.

– Вы курите, Тора?

Она удивленно моргнула:

– Да.

– Он когда-нибудь покупал вам сигареты?

Печальная улыбка.

– Да, время от времени. У меня туговато с деньгами. Я вышла на пенсию, но это сущие крохи. Пришлось вернуться на работу в соцслужбу. У меня есть несколько клиентов, но денег все равно не хватает. – Тора глубоко вздохнула. – Это маленький городок.

– Клиентов вроде Додда?

Она тихо фыркнула:

– Да, вроде Клайва Додда. Я встретила с твоим отцом или, вернее, познакомилась с ним через Клайва.

– Мой отец обсуждал с вами подробности своего недавнего расследования?

В ее взгляде мелькнуло подозрение.

– А в чем дело? Думаешь, он умер при странных обстоятельствах?

– Я просто хочу точно знать, что произошло, Тора. Иначе мне не будет покоя. Понимаете, что я имею в виду?

Она кивнула:

– Я понимаю. И если ты хочешь спросить, обсуждал ли он со мной исчезновение Уитни и Тревора, то да, он говорил со мной об этом.

Ребекку охватило острое предчувствие, и она подалась вперед.

– Тора, вам известно, что рано утром в день своей смерти он поехал в Кэш-Крик, чтобы встретиться с человеком, имевшим отношение к его расследованию?

– Я знала, что он собирался туда. В тот день мы не встречались. Как я сказала, мы собирались поужинать вместе, и я предполагала остаться у него, но потом отменила встречу.

– Вы знаете, что тот человек, к которому он поехал в Кэш-Крик, накануне погиб в автомобильной аварии?

Тора побледнела, черты ее лица неумовимо исказились.

– Ты серьезно? – тихо спросила она.

– С кем он собирался встретиться?

Тора потеряла лоб и сглотнула, не поднимая головы. Потом посмотрела на Ребекку.

– Он собирался поговорить с женщиной, которая видела, как Уитни Ганьон и Тревор Бьючеп сели в белый автомобиль с орегонскими номерами у автобусной остановки Renegade Lines двадцать седьмого сентября, больше двадцати лет назад.

По телу Ребекки пробежала дрожь нервного возбуждения. Она припоминала, что в то время появилась какая-то свидетельница, но не знала, кто это был.

– Как ее звали?

– Я не помню и не уверена, что он называл имя, – ответила Тора. – Но оно сохранилось в документах того времени. Ной установил, где она живет, и связался с ней по телефону. – Она сделала паузу и серьезно добавила: – Эта женщина сказала Ною, что солгала ему двадцать лет назад.

Ребекка заморгала.

– Что?

– Она не видела, как их забрали.

– Что это значит?

– Эта свидетельница никогда не видела, как Уитни Ганьон и Тревор Бьючемп садились в автомобиль с орегонскими номерами.

Ребекка ошеломленно уставилась на Тору.

– Она *солгала*?

– Похоже на то.

– Она сказала Ною, почему сделала это?

– Потому что кто-то попросил ее. Она заключила какую-то сделку, думаю, за деньги. Или за наркотики. Она призналась, что в то время была наркоманкой. Еще она сказала, что была готова на все, лишь бы сравнять счет.

– Кто предложил ей солгать? Кто ей заплатил?

– Не знаю. Ной хотел, чтобы она уточнила подробности под запись.

– Но почему сейчас? – пробормотала Ребекка, не в силах собраться с мыслями. – Зачем вдруг признаваться сейчас?

– Потому что Ной нашел ее и связался с ней. Он говорил, что так иногда случается с нераскрытыми делами. Люди и обстоятельства меняются, и если раньше они молчали, то в конце концов могут дать показания. Она сказала ему, что повернула свою жизнь в другую сторону. Начала с чистого листа. Обрела веру. Это вроде искупления грехов или программы «Двенадцать шагов» для алкоголиков и наркоманов. И часть этой программы заключалась в возмещении ущерба для тех, кто пострадал из-за нее.

У Ребекки гулко забилось сердце.

– Кто еще знал об этом? – очень тихо спросила она. – Баку рассказали?

Тора вертела ножку своего бокала.

– Нет, не думаю. – Тора посмотрела на Ребекку с настоящей болью в глазах. – Ной думал, что он напал на важный след, поэтому внезапно перестал рассказывать обо всем Баку и даже мне. Он держал карты при себе. – Тора испустила дрожащий вздох. – Я списывала это на его теории заговоров, на его паранойю, на его желание восстановить свое

достоинство, раскрыв старое преступление после того, как все давно уже списали его со счетов. Я... он как будто хотел заполнить огромную черную дыру у себя в груди, стараясь что-то исправить в прошлом.

Тора ненадолго замолчала. В баре заиграла бодрая ковбойская песня в западном стиле.

– Старая медсестра, которая живет во мне, полагала, что это какая-то подсознательная психологическая игра, но вполне безобидная. – Тора встретила взгляд Ребекки. – Думаешь, там было что-то более важное? – Тора выглядела обеспокоенной. – Думаешь, он действительно что-то обнаружил?

– Повторяю, мне просто хочется уложить все это у себя в голове, – ответила Ребекка, но ее сердце бешено стучало в груди. Это все меняло. – Тора, – тихо продолжала она. – Мой отец говорил что-нибудь еще об этой свидетельнице из Кэш-Крик, которая отказалась от своих показаний?

Тора поджала губы и задумалась.

– Может быть, Ренни Прайс из «Клинтонского часового» что-то знает? У Ренни, в его так называемом «морге», хранятся подшивки «Часового» за последние тридцать лет. Твой отец узнал имя свидетельницы из этих газет, поскольку старые архивы с данными о пропавших людях давно отправлены в утиль. Я хочу сказать, что, когда эта парочка уехала из города, это даже не считалось преступлением! Уитни оставила записку для матери и рассказала своей подруге, что собирается сесть на автобус. А Тревор сообщил о своем отъезде друзьям, насколько я понимаю.

– А вы кому-нибудь рассказывали, что эта свидетельница солгала?

Тора быстро отвернулась, и Ребекка поняла, что знает ответ.

– Я... должно быть, я упоминала об этом в баре.

– Когда?

– Кажется, за день до того, как Ной уехал отсюда.

– Кто был в баре?

– Обычная публика. Я сидела на том же месте, рядом с Доном и Джерри. Вокруг было полно народу. Наверное, каждый мог это услышать и рассказать кому-нибудь еще.

Ребекка напряглась.

– Ведь это ваш муж, Джейк, видел, как Эш в тот день отвез Уитни на автобусную остановку?

Тора кивнула:

– Это с самого начала привлекло внимание Ноя. Мы пили, веселились и болтали всякую ерунду. Я рассказывала ему о лесозаготовках, где работал Джейк, и как он подолгу уезжал на контрактные работы. А потом всплыла

эта тема: наши старые соседи, Уитни и ее мать, которые жили напротив нас.

– И Джейк видел, как Тревор и Эш подрались на автобусной остановке?

– Да. Джейк заправлялся на «Петрогаз», когда увидел этих двух петушков у автобусной остановки, наискосок по дороге от бензоколонки. Тревор достал нож. Но к тому времени, когда Джейк заправил свой лесовоз, Эш уже уехал, а Тревор и Уитни выглядели нормально – просто стояли на остановке с сумками и чемоданами и ждали автобуса. Так что он поехал дальше.

Кровь стучала в висках Ребекки. Напряжение возросло, когда она перенеслась в прошлое не только мысленно, но и всеми чувствами. Тора опустила голову и повертела свой бокал во влажном круге, оставшемся на столешнице. Ребекка чувствовала, что Тора собирается сказать что-то еще.

– Что такое, Тора? О чем еще вы не сказали?

– Я... я знаю, что не стоило говорить твоему отцу... – Она подняла голову и встретила взгляд Ребекки. – Но я была навеселе, и в контексте нашего разговора – Эш, Уитни, Тревор, драка на автобусной остановке – я упомянула о том, что работала тогда в центре здравоохранения. За несколько недель до этого Уитни пришла туда для ультразвукового обследования.

Кровь отхлынула от головы Ребекки. Звуки в ушах приобрели жестяной оттенок.

– Вы хотите сказать...

– Уитни была беременна.

К горлу подступила тошнота.

– Как... как далеко это зашло? – прошептала она.

– Точно не помню. Я лишь вспомнила, что Тревор до этого полгода проработал на нефтеносных песках, так что он не мог быть отцом ребенка. Разумеется, я не спрашивала Уитни, а она сама ничего не сказала. Но когда Эш подобрал ее с вещами на улице в то утро двадцать лет назад и я увидела их через окно на кухне, у меня появились подозрения...

Чудовища среди нас

Карибу-Кантри, 27 сентября, воскресенье. Немногим более двадцати лет назад

Эш наклоняет голову и бросается на Тревора, как разъяренный бык. «Говнюк!» – Уитни распахивает дверь автомобиля и бежит следом за Эшем.

Но Тревор – ушлый парень. Он быстро отступает в сторону, пропуская Эша, который слепо проносится мимо, увлекаемый собственной инерцией. Пока Эш спотыкается в пыли, пытаясь сохранить равновесие, Уитни обеими руками хватается за его рубашку.

«Прекрати это!» – кричит она и пытается оттащить его от Тревора.

Но внимание Эша по-прежнему сосредоточено на Треворе: парень достал нож. Тревор со щелчком раскрывает клинок. Держа нож перед собой лезвием вверх, Тревор раскачивается из стороны в сторону, готовый к новому броску Эша.

Эш стряхивает руки Уитни и снова устремляется на Тревора. Тот взмахивает ножом. Эш уклоняется вбок, выпрямляется и с треском бьет Тревора в скулу. Тревор кряхтит. Он пытается развернуться и сделать выпад ножом, но плохо соображает после удара в лицо.

Эш снова бьет его в скулу. Кулак встречается с костью и едва не застревает внутри. Голова Тревора отлетает в сторону. Из его носа струится кровь. Нож падает на дорогу, поднимая маленький клуб пыли.

«Эш! Прекрати немедленно!» – истерически вопит Уитни. Она прыгает Эшу на спину, обвивая руками его шею и обхватывая ногами за бедра. Это сковывает его движения. Тревор пользуется моментом, чтобы сильно ударить под лопатку. Эш складывается пополам и падает, жестко придавленный весом Уитни. Она с глухим стуком приземляется рядом в придорожной пыли.

Все трое ошеломленно молчат и не двигаются. Мимо проезжает автомобиль.

«Господи, Эш!» – Слезы проделывают дорожки на пыльном лице Уитни.

Эш боится, что она могла пострадать. Он поднимает ладонь,

останавливая Тревора. Тот пятится и ругается, вытирая кровь с лица.

«Ты в порядке, Уитни? – Эш опускается на четвереньки. Потом поднимается на ноги, пошатываясь от головокружения, и протягивает ей руку.

«Пошел ты на хрен!» – Уитни отказывается от помощи и неуклюже встает. – Что с тобой стряслось? В чем дело, ты, паршивый неудачник?»

«Что он здесь делает?» – спрашивает Эш, указывая подбородком на Тревора.

«Он едет со мной в Лос-Анджелес, вот что он делает!»

Она шагает к багажнику автомобиля и пытается самостоятельно вытащить чемодан. На боку ее футболки налипла рыжая грязь, джинсы покрыты пылью. Волосы в полном беспорядке. Уитни удается перевалить чемодан через край багажника, и тот с глухим стуком падает на обочину.

«Я серьезно. Что тебе с того? Ничего. Вправь себе мозги, Эш Хоген». – Уитни берет свой CD-плеер и сумочку с пассажирского сиденья, потом открывает сумочку и протягивает Тревору пачку гигиенических салфеток.

Он промокает окровавленный нос и грозно смотрит на Эша, но держится в стороне. Теперь Уитни контролирует положение.

«Кто оплатил его билет? – требовательно спрашивает Эш. – Я?»

«Не твое дело, как я трачу свои деньги».

«Это мои деньги, Уитни. Это мои чертовы деньги! Все, что я заработал и отложил на колледж. Ты это знала? Я заплатил за то, чтобы ты уехала из города, и это значит, что я застрял здесь до конца моей проклятой жизни, на ранчо, как и хотел мой отец. – Он буквально трясется от гнева. – Ты получила каждый пенни, который я заработал с двенадцати лет, но только по одной причине. Для того, чтобы обо всем позаботиться».

Она окидывает его взглядом, и ее лицо становится жестким. Она выпрямляется и кладет руку на выставленное бедро. Желтые лучи утреннего солнца играют в ее длинных золотистых волосах и окружают ее золотым сиянием, похожим на ангельский нимб. Эш различает ее соски под белой футболкой.

«Может быть, я и не буду заботиться об этом».

«Что ты имеешь в виду?»

«Может быть, я сохраню все как есть».

«Уитни, – тихим, опасным голосом произносит Тревор. – Прекрати это, немедленно».

Досада и ярость, которую Эш не может вытерпеть или даже

выразить, раздувается внутри, как воздушный шар. Ему хочется вцепиться в эту бледную шею и задушить Уитни. Просто для того, чтобы все это закончилось, чтобы она наконец исчезла.

Тревор смотрит на него из-за комка гигиенических салфеток, прижатых к носу.

«Она позаботится об этом», – говорит он.

Эш гневно смотрит на него.

«А тебе-то что за дело?»

«Не беспокойся, старина, она это сделает, – повторяет Тревор. – Она обо всем позаботится».

Глава 32

Ребекка сидела на краю кровати в мотеле и смотрела на схему места преступления, которую прилепила к стене. Слова Торы эхом отдавались у нее в голове.

«Уитни пришла туда для ультразвукового обследования... Когда Эш подобрал ее с вещами на улице в то утро двадцать лет назад и я увидела их через окно на кухне, у меня появились подозрения...»

После «Лося и Рога» Ребекка вернулась в универсам, где приобрела листы белой бумаги, клейкую ленту и маркеры разного цвета. Ей нравилось визуальное восприятие. Она оставалась поборницей старомодной «белой доски» для картирования связей и хода расследования, куда можно было добавлять новые мысли и детали.

Но прежде чем приклеить к стене соединенные листы бумаги, Ребекка провела поиск в интернете насчет автокатастрофы в Кэш-Крик. Она нашла крошечную статью в онлайн-газете, освещавшей события в районе Кэш-Крик и Эшкрофта. Жертвой аварии была некая Уна Феррис. Ее ближайшей родственницей была тетка по имени Хлоя Кеннеди. В статье эта женщина утверждала, что не сможет жить без своей племянницы, которая оказывала ей материальную поддержку с тех пор, как она стала инвалидом.

Ребекка решила, что завтра свяжется с тетей Уны Феррис и посетит ее.

Она снова прокрутила в памяти свой разговор с Торой.

«Мой отец говорил что-нибудь еще об этой свидетельнице из Кэш-Крик, которая отказалась от своих показаний?»... «Может быть, Ренни Прайс из «Клинтонского часового» что-то знает? У Ренни, в его так называемом «морге», хранятся подшивки «Часового» за последние тридцать лет. Твой отец узнал имя свидетельницы из этих газет, поскольку старые архивы с данными о пропавших людях давно отправлены в утиль».

Ребекка задавалась вопросом, было ли что-нибудь еще в этих старых газетах, что могло привлечь внимание ее отца к Уне Феррис и к ее показаниям двадцатилетней давности. Завтра она посетит Ренни Прайса и редакцию «Клинтонского часового».

В верхней части схемы Ребекка черным фломастером выписала и подчеркнула имена жертв.

Уитни Ганьон, Тревор Бьючепп, сержант Ной Норд

Под именем Уитни шел список:

- *Беременна*
- *Получила значительную сумму денег перед исчезновением?*
- *Как? Откуда? Почему?*

Ребекка составила другую колонку под названием «Заинтересованные лица». Под этим заголовком она выписала несколько имен.

Эш Хоген

- *Переспал с Уитни 11 июля (фестиваль родео в Клинтоне, ежегодно во вторую неделю июля).*
- *Отец ребенка Уитни?*
- *Несколько раз был с Уитни после 11 июля в баре в Девилс-Батт до ее исчезновения 27 сентября.*
- *Эш отвез Уитни на автобусную остановку утром 27 сентября.*
- *Эш признал, что желал ее отъезда.*
- *Эш подрался с Тревором. Тревор достал нож. Впоследствии Эша видели в грозу босым на дороге. Он находился в полубоморочном состоянии, был окровавлен и травмирован.*

Ребекка потянулась за пластиковой чашкой и глотнула кофе. Ей не хотелось останавливаться на своих чувствах. Сейчас она сосредоточилась на вопросах. Это был ее способ блокировки, изгнания мысли о том, что Уитни могла носить ребенка от Эша.

Но оставался гораздо более зловещий вопрос. Если на автобусной линии не было никаких сведений о Треворе и Уитни и если они не уехали из города в белом автофургоне, то куда они пропали? И каким образом?

Они вообще уехали из города?

Оставалась ли вероятность, что кто-то сделал с ними что-то ужасное и они по-прежнему могут быть где-то здесь? Где-то в окрестностях?

Не это ли хотел выяснить ее отец?

По мере того как Ребекка изучала свою схему, у нее не оставалось сомнений: Эш Хоген находился в центре всех событий. У него был мотив. Вероятно, Уитни забеременела от него. Эта информация представляла его драку с Тревором в совершенно новом свете.

А если Тревор знал о ребенке?

Ребекка снова отпила кофе, который давно остыл, но ей было все равно. Ей нужно было подумать: если Эш напал на Уитни и Тревора, а потом ее отец начал копаться в прошлом и задавать Эшу неудобные вопросы, то у Эша имелся серьезный мотив причинить вред ее отцу, хотя бы для того,

чтобы заткнуть ему рот. Эш был последним человеком, который видел ее отца в живых.

Мотив, возможности и средства. У Эша имелось и то и другое.

Это выглядело отвратительно. Ребекка почувствовала тошноту. Она поставила кружку на стол и провела рукой по волосам.

Неудивительно, что отец позвонил в Оттаву и обратился к ней с вопросами. Теперь все кусочки вставали на свои места. А еще ее отец был озадачен тем, почему она поддержала историю Эша о падении с лошади.

В тот день Ребекка хотела поверить Эшу, и все. Так глупо и так просто.

Иногда самые близкие люди не видят чудовищ, которые живут рядом с ними.

Она *все еще* хотела верить ему.

Ей *все еще* казалось почти невозможным, что Эш убил ее отца. Он любил ее отца, и она искренне верила в это. Достаточно было увидеть те фотографии в его доме. Или он сохранил их из-за чувства вины? Люди – очень сложные существа. Ребекка многократно убеждалась в этом за годы своей работы в полиции.

А что, если страх расплаты, судебного приговора и тюремного заключения был слишком большой платой за любовь? Да, так обычно и бывало.

И ей приходилось учитывать возможность, что убийца ее отца – кем бы он ни был – знал и о свидетельнице из Кэш-Крик, готовой опровергнуть свои ложные показания, которые она дала двадцать лет назад.

Ребекка вскочила на ноги и заходила по комнате.

Какие еще возможности можно рассмотреть?

Она развернулась, взяла черный маркер и вписала другое имя в колонку «Заинтересованные лица».

Капрал Бак Джонстон

- *Любит подглядывать.*
- *Следил за Уитни Ганьон?*
- *Следил за другими?*
- *Видел, как Эш и Уитни занимались сексом на фестивале.*
- *Его травили в школе.*
- *Одним из первых прибыл на место преступления.*

Ребекка отступила назад и глубоко задумалась. Бак возглавлял первичное расследование обстоятельств смерти ее отца. Он мог без труда инсценировать самоубийство, он был полицейским и знал, как это делается. Кроме того, он знал, какие признаки будут искать коронер и

патологоанатом. Он мог оперативно передать расследование в офис коронера, не предоставив Дикси изобличающих улик или косвенных доказательств. К примеру, проверил ли Бак утверждение Эша, что на столе у ее отца были две тарелки и пачка сигарет? Почему Бак не сказал о том, что вечером в день своей смерти ее отец ожидал к ужину гостя?

Возможно, двадцать лет назад Бак проехал мимо Уитни и Тревора, стоявших на автобусной остановке после отъезда Эша. Возможно, предложил подбросить их туда, куда они направлялись. Бак мог заставить женщину из Кэш-Крик дать ложные показания о белом фургоне.

Что могло толкнуть его на злой умысел против Уитни в сентябре того года? Месть за отказ от секса? За то, что она насмеялась над ним? Тайная страсть, которая со временем превратилась в нечто более темное и опасное?

Это было возможно.

Тогда жизнь Бака, вернее, его нынешнее положение могло оказаться в серьезной опасности, если отец Ребекки, который был его наставником, рассказал ему о своем расследовании нераскрытого дела с новыми свидетелями и подозреваемыми.

У Бака тоже был мотив, возможности и средства. Как для исчезновения Уитни и Тревора, так и для смерти Ноя.

Ребекка написала на своей схеме:

Тори Бартон

- *Была в самогонном сарае примерно в то время, когда начался пожар.*
- *С кем?*
- *Почему она убежала?*
- *Она видела что-то важное?*

Она пожевала кончик маркера. Тори играла ключевую роль. Ребекка больше не могла играть в доброго следователя, пытаясь расколоть эту девчонку. Ей нужно было знать, с кем была Тори и что она видела. Завтра она нанесет очередной визит в Броукен-Бар и более жестко побеседует с Оливией и Коулом.

Когда Ребекка сосредоточила внимание на схеме, в памяти всплыли слова Солли Мичем, на которые она почти не обратила внимания:

«В том году мне особенно запомнилось, что Уитни на какое-то время отправилась на одну из экскурсий с лагерем для проблемной молодежи, которые организовывал доктор Миллер».

Доктор Миллер. Почему это имя звучит так знакомо? И тут она

вспомнила. Дикси упомянула о докторе Миллере, когда говорила о депрессии Ноя.

«Да, Боб направил его к психотерапевту, доктору Рио Миллеру из Клинтон. Кроме того, Ной публично заявлял о разочаровании в жизни... В пабе «Лось и Рог»... Он утверждал, что считает себя полным неудачником в качестве полицейского и отца».

Существует ли какая-то связь между доктором Рио Миллером, который сопровождал «трудных подростков» в туристическом походе двадцать лет назад, и ее отцом – пациентом, который мог рассказать доктору Миллеру о том, что происходит в его жизни, включая подробности своего расследования?

Это выглядело натяжкой, потому что Ребекке не хватало информации, но она внесла доктора Миллера в свой список как человека, который знал Уитни и до сих пор жил в этих местах. А также был, так или иначе, связан с ее отцом.

Ребекка подалась вперед и записала вопрос под именем доктора Миллера:

- Зачем Уитни понадобилось отправляться в туристический поход с доктором Миллером?*

Если Ребекка будет задавать вопросы этому врачу, то он вряд ли станет разглашать личную информацию о своих пациентах. Но можно попробовать.

Она постучала маркером по ладони.

Да, многие могли слышать, что ее отец нашел свидетельницу, солгавшую двадцать лет назад. Но кто мог знать, что он собирался встретиться с ней утром того рокового дня?

Разумеется, Тора Баттерсби знала о поездке Ноя в Кэш-Крик. Тора знала много других вещей об этом деле. Она послужила спусковым крючком, побудившим Ноя вновь открыть старое расследование об исчезновении подростков.

Ребекка добавила ее имя.

Тора Баттерсби

- Побудила Ноя заново открыть старое расследование, когда упомянула о том, что она и ее муж Джейк видели, как Эш отвез Уитни на автобусную остановку в тот день, когда она исчезла.*

- Знала о свидетельнице из Кэш-Крик, которая солгала и получила плату за это.*

- *Знала, что Ной собирался встретиться с этой свидетельницей.*
 - *Жила со своим мужем на другой стороне улицы от дома Уитни.*
 - *Собиралась приехать на ужин к Ною в день его смерти.*
- Утверждает, что отменила визит. Могла ли она солгать? Была ли она в тот вечер в его хижине?*

Существуют регистраторы телефонных звонков. В своей официальной должности Ребекка могла запросить данные о звонках абонента и определить, звонила ли Тора ее отцу, чтобы отменить визит.

Но какой мотив мог быть у Торы для убийства?

Ребекка замерла, когда в ее голове зародилось темное подозрение, которое превратилось в цепочку мыслей. Медицинская сестра вроде Торы имела доступ к наркотическим препаратам, таким, как бензодиазепины. Эш сказал, что перед его уходом отец выглядел сосредоточенным и трезвомыслящим человеком. Мог ли кто-то приехать и подмешать ему в выпивку транквилизатор, так что он отключился в своем кресле и было легко инсценировать самоубийство?

Ребекка посмотрела на часы. Было уже поздно. Должно быть, патологоанатом Берт Спайкер давно ушел с работы. Ребекка подумала о возможности позвонить Дикси, но внезапно испытала приступ паранойи. Теперь она, как и ее отец, испытывала потребность держать свои карты в рукаве, особенно в этом городе, где все знали друг друга и слухи распространялись быстрее ветра.

Словно отвечая на ее мысли, ветер швырнул в оконное стекло заряд снежных кристаллов. Ребекка инстинктивно вздрогнула, и в крови забурился адреналин. Она смотрела на свое отражение в темном стекле, и страх, подобно волчьей стае, рыскавшей на окраине леса, начал подкрадываться к ней.

Если ее отец действительно был убит и если свидетельница из Кэш-Крик тоже была убита, то пробитый топливный бак старого отцовского «сильверадо» вписывался в этот леденящий контекст. Кто-то на самом деле попытался убить ее. Может быть, потому, что она начала с того места, где закончил ее отец.

Эш был прав. Возможно, ей угрожает опасность. Они могут повторить попытку.

Может ли она доверять хотя бы доктору Спайкеру?

Ребекка снова заходила по комнате, потирая руки и ощущая холод, проникающий до мозга костей. Или она просто стала жертвой невроза, как и ее отец, запертая под ледяным куполом, как в романе Стивена Кинга^[6],

отгородившем ее от здравого смысла и самообладания, оставшихся далеко на востоке?

Она *должна* спросить Берта о токсикологических тестах, которые он собирался провести. Судя по тому, что ей было известно, он не так давно приехал сюда. Его не было здесь, когда пропала Уитни.

Ребекка потянулась за телефоном; возможно, если он дома, то возьмет трубку. Она набрала номер. Пока шел вызов, она обдумывала варианты действий.

У нее были теории. У нее были обстоятельства. У нее имелись мотивы, средства и возможности. Не было только прочных доказательств. Несмотря на это, возможно, пришло время связаться с региональным отделом по расследованию тяжких преступлений, хотя бы для того, чтобы открыть линию общения с коллегами, которые поймут ее заботы.

И ради собственной безопасности.

Берт Спайкер ответил на звонок.

– Ребекка? – послышался его высокий, гнусавый голос. – Все в порядке?

– Извините за поздний звонок, Берт, но у меня есть вопрос о наличии других препаратов в организме моего отца. Я знаю, что собирались провести стандартное токсикологическое тестирование, но могло ли в ваших тестах быть выявлено что-то вроде кетамина или бензодиазепинов? Какое-нибудь вещество, усугубляющее воздействие ранее принятого алкоголя?

Какой-нибудь препарат, который может оказаться в руках у медицинской сестры...

Берт объяснил, что он еще не получил все результаты из лаборатории.

– Разумеется, пока они не придут, мы не можем завершить отчет о вскрытии. Но, хотя другие препараты могли оказать дополнительное воздействие, на данный момент я уверен, что причиной смерти является выстрел в рот из дробовика.

– Вы можете ускорить получение результатов?

– Я... Есть какие-то вопросы, Ребекка? – спросил патологоанатом.

– По разным причинам у меня возникли определенные сомнения. Я понимаю, что прошу о многом, но, если не возражаете, могли бы вы предоставить мне результаты так скоро, как это будет возможно? И пока что никому не говорить о моей просьбе?

Молчание. Только приглушенное завывание ветра за окном.

– Ребекка, я не имею полномочий...

– Берт, – сказала Ребекка, – как официальный представитель органов

правопорядка, я прошу сохранить мой интерес к результатам токсикологического анализа между мною и вами. Послушайте, это не моя юрисдикция, но завтра я свяжусь с отделом тяжких преступлений по причинам, которые пока что не могу раскрыть. Мне нужны эти результаты, и если вы *не* будете упоминать об этом до того, как мы получим убедительные доказательства, это облегчит работу группе следователей, которые возьмут дело в свои руки. Я уверена, что они оценят это по достоинству, – добавила она в попытке преодолеть его нерешительность.

Он кашлянул и произнес своим странным голосом:

– Нет проблем. Постараюсь.

Ребекка поблагодарила его и отключилась.

Луна снаружи висела над далекими заснеженными холмами, заливая пейзаж призрачным серебристым светом. Маленькие снежные бураны плясали на пустынной центральной улице, огибая дорожные знаки и светофоры.

Возможно, где-то там лежали погребенные останки двух подростков. И нерожденного младенца, ребенка Эша.

Ребекка скрестила руки на груди, подавленная, рассерженная и еще более решительно настроенная довести дело до логического завершения.

Глава 33

Тори крепко сцепила руки на поясе Рикки, пока они мчались под луной по южной дороге вдоль озера. Он принес ей шлем ярко-розового цвета. По его словам, он «приобрел» этот шлем для нее. Тори не хотелось размышлять над смыслом сказанного, хотя очевидная незаконность ярко-розового «приобретения» приятно возбуждала ее. Как и тот факт, что Рикки сделал это ради нее. Он выглядел массивно и солидно в своем зимнем снаряжении; впрочем, Тори тоже позаботилась о теплой одежде. Несколько слоев белья, утепленные брюки, свитер и лицевая маска под шлемом.

Двигатель старого снегохода кашлял и выплевывал клубы едких газов. Обледеневшие дорожные колеи были жесткими, заставляя их трястись, вибрировать и раскачиваться там, где остались борозды от покрышек снегоуборочной машины. Тори стиснула зубы, наслаждаясь ощущением скорости. Она находилась в приподнятом настроении. Сейчас, хотя бы ненадолго, она была свободна, обнимала Рикки Саймона и видела рисунок черепа на его хулиганском шлеме, поблескивавший в серебристом лунном сиянии.

Лес стал гуще по обе стороны дороги. Деревья высились, как воины с черными пиками, устремленными в лунную ночь, и все ближе обступали их по мере сужения дороги. Темно-фиолетовые тени поглотили путь впереди. Лесовозная дорога внезапно свернула от озера и пошла высоко над извилистой рекой, приближаясь к ответвлению, ведущему к заброшенному летнему лагерю на дальнем краю ранчо Хогена.

Тори и Рикки уже несколько раз бывали там. Еще раньше кто-то приколотил куски фанеры на старые руины, превратив их в подобие садовых беседок. В этом месте снег почти не проникал сквозь плотный лесной полог. Оно было похоже на защищенную гавань, и здесь всегда было теплее в плохую погоду из-за отсутствия ветра. Деревья как будто сомкнули руки вокруг этого места и бдительно надзирали за ним.

У Рикки были свечи, сложенные в тайнике, и зажигалка в кармане. И Тори различала жесткие очертания бутылки браги под его курткой.

Внезапно деревья закончились, и они выехали на отрезок дороги с каменистой насыпью слева от них и отвесным обрывом над рекой справа. Страх развеял восторг Тори, и она крепче вцепилась в Рикки. Эта часть

дороги всегда заставляла ее нервничать.

Но Рикки это нравилось. Он держал скорость, пока дорога не пошла по широкой дуге. Но когда они обогнули излучину, он резко затормозил. В темноте появились фары, надвигавшиеся на них. Сердце Тори тревожно забилося.

Фары были очень яркими. По мере их приближения Тори увидела, что они принадлежат большому автомобилю, как и ряд поисковых прожекторов, ослепительно сверкавших на вершине кабины.

Вместо того чтобы притормозить при виде их снегохода, автомобиль как будто ускорился и поехал прямо по центру заснеженной дороги. Но водитель, конечно же, видел их? Рикки снова сбросил скорость.

Автомобиль продолжал приближаться. Теперь он находился на их стороне дороги. Утес справа уходил в темное ничто. Никакого ограждения. У Тори пересохло в горле. Она заморгала, словно крот, выбравшийся на солнце, ощущая тело Рикки, закаменевшее от напряжения.

Как водитель этого монстра мог не замечать их?

Но нет, он продолжал ехать, причем быстро. Дорога сузилась, и Рикки попытался прижаться ближе к краю.

Нет, нет, нет...

Прожектора внезапно потускнели, и Тори задрожала от облегчения. Водитель наконец-то увидел их!

Автомобиль поравнялся с ними. Большой, черный, блестящий, с наклейкой на борту. Дальше все развивалось как в замедленной съемке. Водитель вывернул руль и жестко ударил по снегоходу. Толчок встряхнул позвоночник Тори, прошел через ее челюсть и гулко отдался в черепной коробке.

Ударная волна сотрясла тело.

Снегоход развернулся. Тори ударилась ногой о борт автомобиля. В колене вспыхнула резкая боль. Тори слышала рев двигателя и ощущала теплоту выхлопных газов. Крик звенел в ее ушах. Это Рикки? Или она сама кричала?

Лыжи снегохода налетели на камень, на мгновение застыли в воздухе и перевалили через край обрыва. Тори почувствовала, что летит в свободном падении. Она с глухим стуком врезалась в обледеневший выступ и заскользила вниз, беспорядочно размахивая руками, пытаясь найти хоть что-нибудь, что могло бы остановить неотвратимое скольжение по крутому склону к замерзшей реке далеко внизу.

Наконец ее руки в перчатках нашли опору в виде молодого деревца, выросшего между камнями. Тори крепко ухватилась за ствол, тяжело

дыша. Она слышала тяжелые удары и металлический лязг снегохода Рикки, который кувыркался и катился вниз по склону, пока с грохотом не проломил лед внизу. После этого все стихло.

Наступила мертвая тишина.

Но холод никуда не делся. У Тори дрожали руки. Звон в ушах продолжался вместе с глухой пульсацией крови. Привкус крови ощущался и во рту. Рикки?

– Рикки! – закричала Тори. Шлем приглушал звук. – *Рикки!*

Молчание.

Ее глаза наполнились слезами. Рикки погиб?

Он долетел до дна?

Время растянулось. Наверху в небе высыпали звезды. Стало холоднее. Ее руки и ноги онемели. Она не знала, сколько еще сможет продержаться. Внутри все болело.

Наверху раздался звук двигателя. Глухие удары пульса превратились в кузнечный молот. Приближался автомобиль... или возвращался?

Возможно, они вернулись, чтобы убедиться в том, что Рикки и Тори мертвы. Потому что водитель преднамеренно пытался убить их. Она была уверена в этом. Из-за того, что они видели в хижине Ноя Норда.

Она должна была сказать Оливии. Она должна была сказать той женщине-полицейской, дочери старого Норда.

Машина остановилась где-то высоко на дороге. Двигатель продолжал работать. Осторожно, чтобы не соскользнуть дальше по ледяному склону, Тори отодвинула голову, чтобы посмотреть вверх. Но край шлема мешал видеть ясно. Она могла различить лишь свет фар. Наверху хлопнула дверь.

Луч фонарика заметался и запрыгал по склону. Они искали ее и Рикки.

Она услышала громкий мужской голос. Звук под шлемом был приглушенным. В ее ушах по-прежнему громко звенело.

Луч фонарика заскользил ближе. На какое-то мгновение он остановился на ней, и она плотно зажмурилась, изо всех сил желая, чтобы они не заметили ее.

«Нет, пожалуйста. Нет, нет, нет».

Снова крики. До нее донеслись обрывки слов. *«Найди их! Покажи мне! Давай же, ищи!»*

Свет приблизился. Камешки и льдинки запрыгали вокруг нее, когда кто-то задвигался сверху.

Тори начала отключаться. Она изо всех сил старалась не терять сознание и держаться.

«Найди их!»

Она снова отрубилась. Или нет?

Рикки?

Где же Рикки?

О господи. Она готова была сделать все что угодно, лишь бы исправить это. Лишь бы вернуть его и узнать, что с ним все в порядке.

Время еще больше замедлилось и исказилось; Тори почувствовала, как темнота смыкается вокруг нее со всех сторон.

Движущаяся тень вернула ее к действительности. Ее глаза распахнулись. Она слышала шорох и посапывание. Ей было так страшно, что она застыла в полной неподвижности. Сопение приближалось.

– Найди их!

Они взяли собаку, чтобы выследить их! Боже мой, нужно было хоть кому-то рассказать о старике и пожаре, потому что теперь им конец и никто даже не узнает почему.

Собака приблизилась к Тори. Обнюхала и склонилась над ее шеей. Тори почувствовала язык, лизнувший ее под воротником куртки. Теплый и влажный. Потом собака громко и сердито залаяла. Потом снова лизнула ее. Тори заплакала. Она услышала мужской голос.

– Кибу, что там? Что ты нашел, Кибу?

Снова гавканье и прикосновение шершавого собачьего языка.

Глава 34

– Ладно, ребята, игры закончились, – обратился Эш к Рикки и Тори, которые свернулись на диване у камина в его гостиной. – Теперь речь идет о жизни и смерти. Вы оба должны сознаться во всем, что произошло в тот день, когда вы находились рядом с хижинкой. *Во всем.*

Тори сидела с приподнятой ногой и ледяным компрессом на распухшем колене. Оба подростка были исцарапаны, покрыты синяками и шишками, но, как выяснил Эш, дело обошлось без переломов. Им повезло, что их обоих выбросило из снегохода, прежде чем он успел перевернуться и раздавить их перед падением в реку.

Рикки отлетел на обочину и смог подняться на ноги, когда приехал Эш. Тори находилась дальше на склоне, уцепившись за дерево, которое росло среди камней. Кибу нашел ее, и Эшу удалось вытащить ее наверх и отнести в машину.

Он осмотрел их травмы, насколько это было возможно при свете фонарика, потом закутал ребят в спасательные одеяла и включил обогреватель. Его дом был ближе, чем ранчо Броукен-Бар, поэтому Эш поехал туда, снова оценил их состояние и решил, что не нужно обращаться в 911. Вместо этого он позвонил Коулу и Оливии. Оливия сообщила, что Коул находится в городской библиотеке и проводит беседу о своих книгах, но сама она готова выехать немедленно. Потом Эш несколько раз пробовал дозвониться Ребекке, но она была либо недоступна, либо не отвечала на его звонки. Так или иначе, это расстроило его.

Дети были изрядно потрясены случившимся. На бледном лице Рикки, покрытом синяками, глаза казались темными площадками. Он не сводил взгляда с Тори. Он сильно испугался, что она могла серьезно пострадать по его вине. Тори постоянно гладила и ласкала Кибу, а Гризли свернулся рядом с Рикки. Животные помогали им успокоиться.

– Это был просто несчастный случай, – сказал Рикки, по-прежнему глядевший на Тори широко распахнутыми глазами.

– Тогда мне придется вызвать полицию, – сказал Эш. – Потому что я видел огни большого автомобиля и снегохода на месте происшествия. Когда я подъехал ближе, то увидел силуэты людей, которые двигались в свете фар. У них были поисковые прожекторы, и они что-то искали на склоне. Когда они заметили меня, то поспешно скрылись. Это уголовное

преступление.

Рикки оторвал взгляд от Тори и уставился на Эша, стиснув зубы.

Эш достал из кармана телефон и стал набирать номер.

– Подождите! – сказал Рикки.

– Почему?

Молчание. Только потрескивание дров в очаге.

– Этот инцидент имеет отношение к тому, что вы находились в сарае Ноя Норда во время пожара? – спросил Эш.

Тори расплакалась. Лицо Рикки искажилось от паники.

– Послушай, Рикки, – сказал Эш. – Если это связано с пожаром, то вы в глубоком дерьме. И вам нужно беспокоиться не только насчет полиции. Вы едва не погибли. Тебе чертовски повезло, что ты успел отлететь в сторону, когда снегоход опрокинулся. Иначе ты пролетел бы всю дорогу вниз, проломил лед и попал бы в реку с быстрым течением.

Рикки как будто онемел. Эш перевел взгляд на Тори.

– Тори, это имеет отношение к пожару?

Она начала громко всхлипывать. У Эша защемило сердце. Зная, сколько пришлось пережить этой девочке, ему не хотелось давить на нее. Он почти ничего не знал о детской психологии. Возможно, будет лучше оставить расспросы на усмотрение Оливии и дать ей решить, стоит ли завтра обратиться за медицинской помощью. Но маленький упрямец Рикки – это другое дело.

– В этом автомобиле было что-то необычное, Рикки?

– Просто гребаный автомобиль, – отрезал Рикки.

– Цвет?

– Может быть, он не видел нас, – сказал Рикки. – Возможно, водитель был пьян, говорил по телефону или еще что-нибудь. И это был просто дурацкий несчастный случай.

– Он был черный и блестящий, – вдруг выпалила Тори. – И еще наклейка на борту, над задним колесом.

Рикки напрягся и впился в нее горящими глазами.

– И он видел нас. Со всеми этими прожекторами на крыше. Он видел нас, он ехал по нашей стороне дороги и *специально* бортанул нас.

Сердце Эша учащенно забилося.

– Что за наклейка, Тори?

– Типа волчьей головы. Волк с оскаленной пастью. – Она вытерла слезы со щек. – Еще там была большая серебристая решетка на бампере с приваренной трубой спереди.

– Защитная дуга, – сказал Эш. – Рикки, ты смог определить марку

автомобиля?

– Нет... не смог. – Теперь Рикки выглядел неуверенно, смущенный неожиданным признанием Тори. – Я был занят тем, чтобы не полететь с обрыва, а свет фар бил прямо в лицо.

– Тебе тоже кажется, что он специально ударил вас?

Рикки посмотрел на свои руки и кивнул.

– Ты разглядел буквы или цифры на номерной табличке?

– Нет, – тихо ответил он.

Эш немного подождал, позволяя детям обдумать положение.

– А теперь расскажите, что случилось возле хижины Ноя, – предложил он.

Оба напряглись. Рикки сверлил взглядом Тори, как будто предупреждая ее. Она отвела глаза и стала дергать нитку, выбившуюся из одеяла.

– Послушайте, ребята, водитель того автомобиля пытался убить вас. И он был не один, потому что когда я подъезжал к месту, то увидел другой снегоход рядом с автомобилем. Я видел как минимум двух человек, и они действовали согласованно, как по плану. По какой-то причине эти люди хотели вашей смерти, вы понимаете?

Тори всхлипнула. Рикки уперся в Эша свирепым взглядом.

– Они задержались, чтобы закончить дело, потому что если бы они собирались спасать вас, то не стали бы убегать, заметив мое приближение. – Он сделал паузу, по-прежнему меряясь взглядом с Рикки. – Рикки Саймон, ты и твоя подруга живы *только потому*, что за вами наблюдал твой дед.

Тот заморгал. Тори подняла голову.

– Бегущий Ветер просил меня присмотреть за тобой, чтобы ты не закончил жизнь так же, как твой отец. Именно поэтому я отправился к тебе домой после того, как увидел нож, который Ребекка Норд нашла в сарае своего отца. Нож, которым ты вскрыл замок на двери сарая. И если бы я не отправился на поиски, вы бы уже давно сгинули в этой глуши, тем более в такой мороз.

– Патти проболталась, – сквозь зубы процедил Рикки.

– И правильно сделала. Она тебя любит. Точно так же, как и твой дед.

Его глаза заблестели, рот скривился в презрительной усмешке.

– Я и впрямь закончу так же, как мой отец, если вы расскажете копам, что я был в том сарае, – отрезал Рикки.

– Дерьмо собачье!

Он снова заморгал. Эш наклонился вперед.

– Если ты сейчас не разберешься с этим, как положено мужчине, и не

примешь ответственность за свои поступки, ты не только закончишь *точно так же*, как твой отец, но и навредишь людям, которые тебя любят, а те, кто тебе не безразличен, вообще могут погибнуть. Подумай-ка об этом, мелкий засранец. – Он жестко провел ладонью по рту и указал пальцем на Рикки. – Речь идет не только о тебе. Речь идет о Тори. О Ное Норде и о его дочери Ребекке, которая оплакивает своего отца. Речь идет об офицере конной полиции, которому нужны справедливые и достойные похороны. Речь идет о том, что, скорее всего, кто-то убил Ноя и может убить кого-то еще, если ты будешь защищать его своим молчанием. Ты больше не имеешь права молчать, Рикки Саймон!

Рикки был заметно ошарашен. Но потом он вздыбился, как сжатая и распрямившаяся пружина.

– Бегущий Ветер просто ушел и умер из-за меня! – В его глазах блестели слезы. – Он ушел и покончил с собой на линии капканов. Ему было вовсе не обязательно делать это.

– Он был болен, Рикки. Он умирал. Ему нужно было встретиться с создателем на своих условиях, когда настало его время. Ты думаешь, что ему было бы лучше, если бы он позволил подключить себя к медицинским аппаратам? Месяцами валяться в стерильной клинике и высасывать из вашей семьи деньги, которых у вас все равно нет? Он ушел туда отчасти ради себя, а отчасти ради тебя, Рикки. Ради тебя, твоей матери и Патти.

По щекам Рикки заструились слезы. Тори сидела в мертвой тишине, комкая одеяло.

– Бегущий Ветер вручил тебе этот нож как тотем, как память о себе. А не для того, чтобы вскрывать сарай у несчастного старика и красть его брагу.

Рикки шмыгнул носом и утерся рукавом.

– А тебе-то что с того, ранчер? – спросил он, цепляясь за жаргон своей матери и пользуясь им как щитом.

– Твой дед много значил для меня. – Эш на мгновение отвернулся, затем просто сказал: – Я любил его как отца.

Рикки замер.

– Когда мне было одиннадцать лет он вроде как спас меня. А когда он понял, что скоро умрет, я дал ему клятву. Я пообещал ему, что буду оберегать тебя от всякого дерьма, которого так много в нашей жизни. И это обещание, мой мальчик, я собираюсь сдержать во что бы то ни стало.

К глазам Рикки снова подступили слезы. Он взглянул на Тори.

– Мы были в сарае, – сказала она. – Рикки видел мужчину.

Рикки вскочил на ноги.

– Тори!

– Послушай Эша, Рикки! Тот плохой парень *знает* – все знают, что мы там были. И Ребекка тоже. У нее есть доказательства. Оливия и Коул тоже знают.

– К черту! – Рикки решительно направился к выходу, но Эш схватил его за руку и удержал на месте. – Отпусти, придурок!

– Сядь на место. Я собираюсь помочь тебе. Я – это все, что у тебя есть, Рикки. Я и дух Бегущего Ветра – это все, что стоит между тобой и прямой дорогой в ад.

Рикки сглотнул.

– Садись.

Он медленно подчинился.

– Тори! – Эш повернулся к девочке. – Расскажи мне.

Тори смахнула слезы и начала:

– Мы находились в сарае, когда услышали, как кто-то на улице направляется к хижине Ноя. Сначала мы испугались и решили, что Ной идет в сарай, поэтому спрятались за верстаком. Мы немного подождали. И когда я решила, что снаружи все спокойно и можно выходить, мы услышали выстрел. Потом кто-то побежал по мокрому снегу прочь от дома.

Эш напрягся.

– Этот человек пробежал через осиновую рощу за сараем. Мы слышали, как хрустят ветки в кустах. Потом он забрался на снегоход и быстро уехал.

– Ты его видела?

– Рикки его видел.

– Рикки?

Паренек угрюмо смотрел на языки пламени, пляшущие в камине. Прошло полминуты. Ветер свистел в карнизах крыши и вокруг каминной трубы.

Наконец Рикки повернулся к Эшу:

– Он был в утепленном и водонепроницаемом зимнем костюме черного цвета, – тихо сказал Рикки, усмиранный, как буйный молодой жеребец в загоне. – И на голове ярко-оранжевый шлем с изображением большого черного паука. – Он сглотнул. – Козырек был опущен, поэтому я не разглядел его лицо.

– Рост? Телосложение?

Паренек покачал головой:

– Здоровенный, но это из-за зимнего снаряжения. Хотя довольно высокий. Он двигался быстро, как спортсмен. А рисунок на его снегоходе

был таким же, как на шлеме. Большой черный паук с разинутыми жвалами и строчка адреса в интернете. Это была новая модель, ярко-оранжевая, с бескомпрессорным двигателем. Очень ровный ход. – Он выглядел так, словно его могло вырвать в любой момент.

Настроение в комнате ощутимо изменилось.

– Что случилось потом? – спросил Эш.

– Тори хотела убежать, но мы слышали выстрел, и я беспокоился за старика. Я хотел проверить, как он там.

Эш смотрел на парня, и в его груди затеплилась искра надежды. Рикки был хорошим человеком; Бегущий Ветер знал это.

– Поэтому мы пошли туда и заглянули в заднее окно. Я увидел его тапочки и выпивку, расплесканную на полу. Он не шевелился. Тогда я заподозрил плохое и сказал Тори, что нам нужно посмотреть изнутри. – Рикки откашлялся. – Странно, но дверь кухни была открыта. На столе стояла зажженная лампа. Я прошел в гостиную, и... – Он замолчал, подыскивая слова. – ...и он был там. В кресле-качалке, с дробовиком между ног и с простреленным затылком. Он был мертв.

– А потом?

– Потом я запаниковал. Я попытался удержать Тори, чтобы она не увидела, зацепил лампу, и она загорелась на полу.

– Это неправда, – сказала Тори.

Эш посмотрел на нее. Она сердито уставилась на Рикки.

– Это была я, – пояснила она. – Я взмахнула рукой, когда Рикки пытался оттащить меня в сторону, чтобы я не увидела мертвеца. Это я устроила пожар в хижине.

Искра надежды, теплившаяся в груди Эша, загорелась ровным пламенем. Рикки Саймон даже сейчас пытался защитить свою подругу, а ведь это могло очень дорого обойтись парню, однажды уже арестованному за мелкий поджог.

– Все загорелось очень быстро, – сказала Тори. – Тогда мы убежали.

– Почему вы не обратились за помощью? – спросил Эш.

– Потому что тогда бы они узнали, что мы воры, – ответила Тори. – И что мы устроили пожар и сожгли Ноя. Тогда Рикки бы отправился в настоящую тюрьму... – Ее голос пресекся. – И... и тогда бы он уже не вернулся обратно.

Эш медленно кивнул. Его мозг бешено работал.

– Кто мог знать, что сегодня вечером вы поедете по этой дороге? – спросил он. – Конечно, кроме Патти.

– Клянусь, Рикки, я никому не говорила, – сказала Тори.

– А я сказал только Патти. Но, думаю, какое-то время кто-то следовал за мной по пути в Броукен-Бар. Я видел свет, мелькавший за деревьями. Потом я съехал на боковую трассу, и огни исчезли.

В этом есть смысл, подумал Эш. В городе уже поползли слухи о том, что они с Ребеккой посетили ранчо Броукен-Бар. Бранниган знал об этом, как и домохозяйка, которая бродила вокруг. Каждый из них мог рассказать об этом своим знакомым.

Эш потер лоб, ощущая растущее напряжение.

– Почему вы решили отправиться к заброшенному кемпингу на моем участке?

– Потому что туда никто не ходит, – ответил Рикки. – Там есть крытые постройки, где можно посидеть и хорошо провести время.

– И это все?

– Да, это все.

Эш взвесил его слова и вспотел, когда подумал о руинах кемпинга и о давно прошедших событиях.

Они услышали звук подъехавшего автомобиля; покрышки скрипели и хрустели на льду. Эш встал.

– Ну вот. – Он протянул Рикки свой телефон. – Позвони своей маме. Скажи, что у тебя все в порядке и что на какое-то время ты останешься у меня. Если ты ей понадобишься, она может позвонить мне. Дай ей мой номер и скажи, что она может звонить в любое время.

Эш вышел встречать Оливию.

Глава 35

Эш открыл дверь, и Оливия вошла в дом, на ходу снимая куртку, так что шрам на ее шее сразу бросился в глаза.

– Где она? – Она сдернула вязаную шапочку, и волосы взлетели вверх, подхваченные статическим электричеством. Ее щеки покраснелись, взгляд был пронзительным и настойчивым.

– В гостиной. Она почти в нормальном состоянии, Лив. Несколько шишек да разбитое колено, которое может потребовать медицинского осмотра. Я наложил ледяной компресс.

Оливия устремилась в гостиную и замерла при виде своей дочери, лежавшей на диване.

– Тори? – как-то неуверенно произнесла она.

– Мама!

Глаза Оливии наполнились слезами. Она поспешила к дочери, и Тори распахнула руки навстречу матери. Оливия крепко прижала ее к себе. Обе молчали; они просто обнимали друг друга. У самого Эша запершило в горле, он готов был прозакладывать последний доллар за то, что Тори впервые назвала Оливию своей мамой.

Он жестом показал Рикки, что нужно следовать за ним, чтобы Тори и ее мать могли хотя бы ненадолго остаться наедине. Рикки заколебался, посмотрел на Тори, потом на Оливию, но наконец встал и пошел за Эшем к двери спальни.

Эш открыл дверь.

– Пока что это будет твоя комната. Там есть дверь, ведущая в ванную. Мыло, шампунь – там есть все, что тебе может понадобиться.

Рикки устался на большую двуспальную кровать, пуховое одеяло, телевизор на стене. Потом недоверчиво посмотрел на Эша.

У Эша что-то сжалось в груди. Сейчас Рикки был похож на ребенка... но, в сущности, он и *был ребенком*. Неоперившимся подростком, который нуждался в отце. Таким же ребенком, каким был сам Эш, когда понял, что хочет жениться на Ребекке Норд. Эта мысль вернула ему подростковое восприятие мира, потому что он прекрасно помнил себя в этом возрасте.

– Я найду для тебя пару пижам, – мягко сказал Эш. – Прими теплую ванну или горячий душ, и тебе сразу станет лучше. Кроме того, ты сможешь выспаться; мы получим для тебя освобождение от школьных

занятий на несколько дней. Я оставлю пижаму на кровати.

Рикки отвел взгляд и посмотрел на свои ноги.

– Спасибо, Эш, – тихо произнес он.

– Можешь поблагодарить своего деда.

Рикки кивнул и вошел в комнату.

Он плакал и не хотел, чтобы Эш видел это.

* * *

Когда Эш вернулся в гостиную, Оливия и Тори уже собрали вещи и готовились к выходу. Оливия отвела свою хромавшую дочь в прихожую. Пока Тори обувалась, Оливия отвела Эша в сторону.

– Как вы думаете, это был несчастный случай? – тихо спросила она.

– Нет, – ответил он. – Судя по их описанию событий и по тому, что я видел своими глазами, это не было случайностью. Присмотрите за ней, хорошо? Лучше будет на какое-то время освободить ее от школы, пока мы не разберемся в этом.

– Думаете, это потому, что она могла что-то видеть при пожаре?

– Да, они видели какого-то человека возле дома Ноя Норда. Она сама расскажет подробности, но дело выглядит плохо.

– Вы собираетесь обратиться в полицию?

Эш помедлил с ответом.

– Сначала я постараюсь дозвониться до Ребекки. Она говорила о привлечении независимой группы следователей из-за тесных знакомств и потенциального конфликта интересов в маленьком городе.

– Вы хотите сказать, что у *Бака* может быть конфликт интересов?

Эш пожал плечами:

– Кто знает? Так или иначе, если речь идет об убийстве, то ему придется передать дело в руки следователей из отдела тяжких преступлений. Поэтому, по возможности, лучше ограничить общение с местными копами, пока Бекка не вызовет специалистов. Пусть они проведут следствие. Все, что я собираюсь сделать завтра утром, это подать заявление о дорожном инциденте и бегстве нарушителя с места аварии. Есть шанс, что это не связано с пожаром в доме Ноя. – Впрочем, он сомневался в этом. – Дети дали описание автомобиля.

Оливия нахмурилась.

– Послушайте, Лив: если связь существует, то маловероятно, что напавшие на детей сделают это снова у всех на виду. Особенно если мы сообщим об инциденте. Наши противники потеряли возможность действовать анонимно. Теперь, когда мы знаем об их существовании, они,

скорее всего, затаятся. Или ударятся в бега. Они будут беспокоиться о том, что дети уже все рассказали.

– Значит, там не один человек?

– Я видел как минимум двоих.

Оливия тихо выругалась и усмехнулась:

– По крайней мере, Тори с больным коленом будет лежать дома, где я смогу присматривать за ней. В сущности, можно даже сказать, что мне повезло. – Она помедлила. – Вы дадите знать, как продвигаются дела?

– Обещаю, что буду держать в курсе вас с Коулом.

– А как насчет Рикки?

– Он пока останется здесь, у меня. Я постоянно буду рядом с ним.

Она положила ладонь на его руку.

– Спасибо, Эш. Вы добрый друг и хороший сосед.

Эш улыбнулся, провожая их на улицу. Он стоял у двери и смотрел, как тормозные огни коротко мигнули в конце подъездной дорожки. И когда он отвернулся от морозной ночи к теплу, идущему из прихожей, то почувствовал, как в нем просыпаются охранительные родительские инстинкты. Но к ним примешивалось более глубокое и сложное чувство сожаления... и отзвуки темных воспоминаний.

Он запер дверь и снова попробовал позвонить Ребекке.

Нет ответа.

Он подошел к окну и уставился во тьму, снова и снова поворачивая телефон в руке. Потом позвонил еще раз.

На этот раз Эш оставил голосовое сообщение.

«Бекка, тут произошел неожиданный поворот событий. Мне нужно поговорить с тобой, это срочно. – Он немного помедлил. – Кроме того... я кое-что должен тебе рассказать. – Он кашлянул. – Позвони мне. Если я не услышу тебя, то первым делом с утра приеду в мотель».

Глава 36

Карибу-Кантри, 16 января, среда

Было 7.35 утра, когда Эш привел Рикки в «Лось и Рог». Лишь немногие посетители сидели в кабинках и завтракали – в основном строители, ехавшие на утреннюю работу. На кухне работала газовая плита, и внутри приятно пахло хорошим кофе и беконом. На дежурстве находилась одна официантка, незнакомая Эшу. Солли стояла за стойкой бара и проверяла запасы.

Она посмотрела на Эша и Рикки, когда они вошли.

– Эй, ребята, что случилось? Заскочили позавтракать перед школой?

– Рикки сегодня останется со мной, – сказал Эш. – Присмотри за ним несколько минут, пока меня не будет, ладно, Солли? Мне нужно подняться и поговорить с Ребеккой.

Она нахмурилась:

– Все в порядке?

– Все нормально. Мне нужно лишь знать, что он останется тут. У тебя есть меню для нас?

Солли улыбнулась, но улыбка не достигла ее глаз. Она считала настроение Эша, и, разумеется, ей было любопытно. Она нагнулась над стойкой и протянула Эшу меню.

Эш проводил Рикки в кабинку перед заиндеветыми окнами. Это место можно было хорошо видеть отовсюду в зале.

– Посиди здесь, – велел Эш и положил меню на стол. – Закажи себе что хочешь.

– Серьезно? – спросил паренек. – Все что угодно?

Эш улыбнулся:

– Да, но постарайся, чтобы там было побольше белка.

Рикки ухмыльнулся в ответ.

Эш вернулся к стойке бара и попросил Солли сделать два кофе. Пока она готовила, он снова позвонил Ребекке.

По-прежнему нет ответа.

Тревога вонзила в Эша свои когти, он прервал звонок. Так или иначе, она должна была получить его голосовое сообщение.

– Прошу. – Солли принесла им кофе.

– Ты знаешь, в каком номере остановилась Ребекка? – как бы невзначай спросил Эш.

Она смерила его взглядом и наклонила голову. Эш улыбнулся и поднял две чашки.

– Мне хотелось бы приятно удивить ее качеством обслуживания.

Солли назвала ему номер комнаты.

* * *

Уравновесив две чашки кофе в левой руке, Эш постучался в дверь правой.

Тишина.

Он снова постучался.

– Обслуживание в номере! – слащаво пропел он.

Дверь приоткрылась, и Ребекка выглянула наружу. Она была в гостиничном халате, с всклокоченными волосами. Она выглядела неестественно бледной. И явно только что проснулась. Теплота и непрощенное желание затопили Эша, когда он увидел ее такой беззащитной и уязвимой.

Но ее лицо тут же изменилось, едва она узнала его. Она взглянула на кофе, отчего прядь темных волос упала ей на лицо, но ничего не сказала. Что-то было не так.

Тревога еще глубже запустила когти в грудь Эша. Он уже находился на грани, он был готов признаться. Теперь он как будто ступал по яичным скорлупкам. Он едва не отступил. Едва.

– Можно войти?

– Эш, я...

– Это срочно. Ты получила мое сообщение?

– Послушай...

Он протолкнулся мимо нее и вошел в комнату. Но застыл как вкопанный при виде бумаг, прилепленных к стене.

Она скрепила клейкой лентой несколько листов белой бумаги, образовывавших прямоугольник над столом. На бумаге были списки с именами и вопросами, выписанными черными, красными и зелеными маркерами, а также соединительные линии.

Эш стоял, забыв про кофе. Ребекка тихо закрыла дверь за его спиной и пошла убирать постель.

В верхней части схемы находились имена Ноя, Уитни и Тревора под надписью «Жертвы».

Но внимание Эша сосредоточилось на собственном имени. И на том,

что Бекка написала внизу.

- *Отец ребенка Уитни?*

– Ты знаешь, – хрипло прошептал он.

Молчание.

Он развернулся.

Она стояла там – белая, как призрак. И такая прекрасная. Да, она знала: это было написано на ее лице и читалось в ее откровенном взгляде. Сердце Эша разбилось на миллион осколков.

Глава 37

– Как? – спросил Эш. – Как ты узнала?

Она плотнее запахнулась в халат и сложила руки на груди.

– Тора. Она работала медсестрой в центре здравоохранения в Клинтоне, когда Уитни обратилась туда для ультразвукового обследования.

Кровь отхлынула от его лица.

– И Тора сказала Ною? Это стало причиной его расследования? – Эш махнул чашкой кофе в сторону схемы преступления.

– Это всплыло в разговоре между ними. Как и тот факт, что ты отвез Уитни с ее вещами на автобусную остановку, где подрался с Тревором. Это оживило интерес моего отца к загадке, которую он так и не смог решить.

Ее взгляд был непроницаемым, губы плотно сомкнуты.

Ощущая внезапную слабость в ногах, Эш поставил кофе на стол и опустился на край кровати.

– Почему, Эш? – спросила Ребекка. – Почему ты скрывал это? Почему не рассказал мне?

– А как ты думаешь? Насколько мне известно, Уитни с Тревором сели в попутку и уехали. С какой стати мне было возвращаться к этому после их отъезда? Она должна была в Калифорнии сделать аборт. Она потребовала деньги, чтобы это сделать. Я отдал ей все, что имел. У меня ничего не осталось, Ребекка, кроме последней надежды помириться с тобой. Но потом Марси Фоссам загубила и этот шанс.

– Ты сам все испортил. Это ты встречался с Уитни после того, как сказал мне, что все кончено.

– Только потому, что она сообщила о своей беременности. Я должен был встретиться с ней. Я не знал, что делать. Я даже предложил «сделать все правильно» и жениться на ней.

Бекка резко отвернулась и уставилась в окно. Эш провел рукой по губам, чувствуя, как пылает его лицо.

– Сначала она согласилась, – тихо продолжал он. – И я подумал: да будет так. Моя жизнь кончилась. Но потом она вдруг изменила свое решение и сказала, что хочет избавиться от ребенка, но для этого ей нужно много денег. Поэтому я еще несколько раз встретился с ней, чтобы все устроить.

Бекка не поворачивалась к нему.

Эш глубоко вздохнул. Вот оно: конец игры. Они с Ребеккой наконец прошли путь до конца, и теперь она навсегда исчезнет из его жизни.

– Это была ошибка, Бекка, – тихо сказал Эш. – И я много лет платил за нее.

Ребекка медленно повернулась. Черты ее лица были напряженными, под глазами залегли глубокие тени.

– А в декабре, двадцать лет назад? Когда мой отец стал искать Уитни по запросу ее матери? Тогда ты им тоже ничего не сказал.

– Беременность Уитни не отменяла того факта, что она уехала из города вместе с Тревором. Не имело значения, появится она в США, в Мексике, в Никарагуа или бог знает где еще.

Она пристально смотрела на него.

– Ты должен был рассказать мне раньше, Эш, а не теперь. Ты мог бы рассказать об этом после смерти моего отца. После того как он начал задавать вопросы. После его возможного убийства.

– Но я собирался! Я звонил тебе вчера вечером, черт побери, и я собирался... черт, мне *было нужно* поговорить с тобой об этом. Я знал, что должен это сделать.

Бекка сглотнула:

– Ты сказал, что дал ей деньги?

– Все, что я имел. Каждый пенни, который я заработал и сэкономил с двенадцати лет. Все мои сбережения на учебу в колледже. Мои родители определенно не собирались выделять средства на мое образование. Отец не считал нужным учить меня, поскольку я должен был унаследовать его ранчо. Он резко возражал против учебы. Как ты думаешь, почему я так и не поступил в колледж? Почему я так и не получил ту степень по экономике и организации сельского хозяйства, о которой столько талдычил тебе? Я тоже хотел выбраться из этой глуши. Я хотел расширить свои горизонты и создать возможности *для нас*, Бекка. У меня были мечты, большие, прекрасные мечты. А потом я совершил одну ужасную ошибку. И вся моя жизнь ударила по мне. – Он сглотнул. – И по тебе тоже. Поэтому мне так жаль.

Черты ее лица исказились от непередаваемых чувств. Ее глаза блеснули.

– Ты... ты уверен, что это был твой ребенок?

– Она так говорила. Тревор несколько месяцев был в отъезде. Она совсем запуталась, и мы оба были испуганы. Никто из нас этого не хотел. Мне было семнадцать лет. Ей почти семнадцать. Мой отец был... в общем, я не знал, что делать. – Он провел руками по лицу и немного посидел в тишине. – Я не хотел *ее*. Просто так получилось. Я хотел тебя. Когда ты

уехала, Бекка, мне хотелось умереть.

– Она могла бы сделать аборт и здесь, – невозмутимо сказала Бекка.

– Только не здесь. Ей нужно было отправиться в Ванкувер, а тогда это было не так просто. И она все равно хотела уехать в Лос-Анджелес. Но ей нужны были деньги, чтобы добраться туда. Тревор вернулся, и теперь, задним числом, – с учетом того, что он ждал ее на автобусной остановке, – я понимаю, что, возможно, он рассчитывал избавиться от «проблемы Эша» и заодно прикарманить мои деньги. Можешь поверить, от меня не ускользнула ирония этой ситуации, и он тоже был в курсе: это я спонсировал *его* новую жизнь в США.

– Тогда почему ты подрался с ним?

– Именно поэтому. Я хотел убить его.

Она прищурилась.

– Одного намерения недостаточно для убийства.

– Но ты был вне себя от ярости. Ты *мог* убить его.

Он уставился на нее.

– Это плохо выглядит, Эш, с какой стороны ни посмотри. Ты хотел, чтобы Уитни исчезла, и ты хотел убить Тревора. – Она помедлила. – Сколько денег ты ей дал?

– Почти одиннадцать тысяч. Все, что я имел.

Она кивнула. У него было ощущение, что она знает больше, чем говорит.

– Наверное, это плохо выглядит, Бекка, но я честен с тобой. Да, я был рассержен. Честно говоря, я был готов убить их обоих. Кажется, я дважды врезал Тревору, прежде чем пришел в себя. Но потом я уехал, и это чистая правда. Как бы плохо это ни выглядело, они сели в тот автофургон и самостоятельно уехали из города. А я попытался похоронить все это дерьмо и жить дальше.

Ребекка взвешивала его слова в долгом, почти зловещем молчании, потом медленно опустилась на стул напротив него.

– Эш, – тихо сказала она, наклонившись вперед и сцепив руки. – Я снова должна спросить тебя, потому что это был главный вопрос моего отца... как ты повредил лицо? И руки?

Эш тихо выругался.

– Как я тебе и говорил, уже много раз. Я был в полном расстройстве из-за того, что случилось Тревором и Уитни. Я оседлал недавно обьеженного жеребца и находился в очень дурном настроении. Он не хотел иметь ничего общего с тем, что ощущал во мне. И мне пришлось заплатить за это, вот и все. – Он отвернулся, но потом резко развернулся к ней.

– Знаешь, что меня гложет, – и я не ожидаю сочувствия с твоей стороны, – но я часто думал... что, если она сохранила моего ребенка? Что, если где-то там, где-то в большом мире у меня есть ребенок? Сын или дочь. Тогда, на автобусной остановке, она гнусно высказалась по этому поводу, и я подумал, что она просто хотела ранить меня. Ей это удалось. Потому что я никогда не забывал об этом. Что, если где-то на свете живет мой ребенок, который не знает, кто его настоящий отец? Сейчас этот ребенок мог бы поступить в колледж. Целая жизнь, прожитая и потерянная для нас обоих. А когда твой отец снова начал поиски... я почти *хотел*, чтобы он нашел ее, чтобы я узнал наверняка.

– Эш. Я не думаю, что у тебя есть ребенок.

Он замер при звуках ее голоса. Их взгляды встретились.

– Я не думаю, что Тревор и Уитни вообще уехали из города. Кажется, они до сих пор здесь.

Глава 38

– Что ты имеешь в виду? – Эш вперился взглядом в Ребекку.

– Уитни и Тревор никогда не садились в тот белый фургон с орегонскими номерами, – сказала она. – Свидетельница, выступавшая в декабре того года, солгала.

– Я... не понимаю.

Ребекка смерила его холодным, оценивающим взглядом. Она искала любые признаки того, что Эш уже знал об этом. Его лицо пылало.

Она потянулась за резинкой для волос и затянула волосы в тугий узел, словно для того, чтобы сделать выражение лица более жестким и суровым.

– Когда мой отец возобновил расследование, он искал свидетельницу, – сказала она. – И нашел ее в Кэш-Крик. Раньше эта женщина была наркоманкой, потом как будто испытала божественное откровение. Она покончила с прошлым и считала своим долгом рассказать правду. Поэтому, когда мой отец стал расспрашивать про Уитни и Тревора, она призналась, что солгала во время давнего расследования. Кто-то заставил ее это сделать – либо за наркотики, либо за деньги на их покупку.

– Но кто мог ее заставить? Зачем?

– Это большой вопрос. Похоже, она ничего не сказала моему отцу по телефону. Он поехал на встречу с ней рано утром в день своей смерти.

Бекка смотрела на Эша, и у него снова возникло ощущение, что она ждет, когда он даст слабинку и покажет, что уже знал об этом.

– Но когда мой отец приехал в Кэш-Крик, то узнал, что за несколько часов до этого она погибла в автокатастрофе, ее занесло на льду и выбросило через ограждение над ущельем. Так мне сказали. Сегодня я собираюсь расследовать это дело и выяснить подробности.

– Как звали эту свидетельницу?

– Уна Феррис.

– Копы сказали, что это несчастный случай?

Она посмотрела ему в глаза.

– Это я тоже собираюсь проверить.

Эш испытывал легкое головокружение. Все это время он был совершенно уверен, что Уитни и Тревор уехали из города. Но теперь... это подрывало основу его убеждений – всего, на чем он строил свою жизнь в течение последних двадцати лет.

Бекка взяла одну из принесенных им чашек и отошла к окну. Она отхлебывала кофе и глядела на сумрачное утро, повернувшись спиной к Эшу. Он любовался формой ее плеч, ее талией, линией шеи. У него щемило сердце. Он любил ее. Ребекка действовала решительно, но он видел, как ей больно от многих вещей. Она устала от этого почти так же сильно, как и он сам.

– Если они так и не уехали из города, – тихо сказала она, по-прежнему не поворачиваясь к нему, – то это значит, что их останки находятся где-то поблизости. Все это время они могли пролежать здесь. – Она помолчала. – Они и останки плода.

Эша замутило.

– Может быть, Тревор что-то сделал с ней? – сказал он. – Может быть, он убил Уитни и забрал мои деньги?

– Потому что она изменила ему и носила *твоего* ребенка? – Ребекка повернулась к нему. – А потом что? Он ушел в подполье, сменил имя и живет в каком-то укрытии? Я думала об этом. Но Тревора здесь нет, и он не мог инсценировать самоубийство моего отца.

Эш услышал звук пылесоса, заработавшего в коридоре. Он жестко потер щетину на подбородке.

– Я не могу в это поверить, – заявил Эш. – Не могу поверить, что они все еще здесь.

– Не можешь или не хочешь?

– Они *должны* были уехать, Бекка. Возможно, они сменили имена, но... только не это.

Ребекка сдула парок, поднимавшийся над чашкой, и сделала еще один глоток кофе.

– Да, – тихо сказала она. – Что угодно, лишь бы это выглядело удобнее. Это лучше, чем думать, что твой отпрыск гниет где-то неподалеку.

Гнев вспыхнул и охватил его, как жар белого пламени. Эш впился в Ребекку взглядом. Звук пылесоса раздавался уже где-то за дверью. Ощущение клаустрофобии сдавило горло. Эш чувствовал приближение паники и острую потребность убираться куда-нибудь подальше, пока еще не произнес слова, которые не сможет взять назад. Потом он подумал о Рикки, который ждал внизу.

И о своей клятве.

Он подумал о Бегущем Ветре, невозмутимо сидевшем рядом с ним на плоской вершине холма: ветер трепал его темные волосы, а нос был похож на клюв хищной птицы, когда он выстругивал березовую палочку. Это успокоило.

Вред уже был причинен.

Это произошло в тот вечер, когда Эш выпил слишком много пива и устроил дурацкую возню на сеновале, потому что любимая девушка отказалась спать с ним, и это поставило под угрозу его трепетное ощущение собственной мужественности по причинам, которые он был не готов признать.

А теперь побочный ущерб от этого ужасного жаркого вечера отозвался на них спустя много лет. Как бы Эшу ни хотелось, он не мог вернуться в прошлое и отменить тот момент. И ему приходилось прощать Бекке ее острый язык, потому что при виде замечаний, которые она написала на своей схеме, можно было подумать, что он виновен абсолютно во всем, что произошло.

Эш мог только двигаться вперед. Распутать этот клубок ради Ноя. Воздать ему по заслугам. И Бекке, если это еще возможно.

Ради Рикки. Ради Тори, Коула и Оливии. Ради того, чтобы дети остались в безопасности.

Эш набрал в грудь побольше воздуха.

– Я не знаю, как объяснить мои чувства в связи с этой последней новостью... когда я узнал, что мой ребенок мог... – Его голос надломился. Эш отвернулся, сглотнул и попробовал снова. Но не смог закончить фразу.

– Все, что я знаю, Бекка, единственная истина, единственная постоянная величина в моей жизни... – он смотрел ей в глаза, в эти глаза цвета темного меда, которые он впервые увидел на кухне в тот день, когда миссис Норд пекла хлеб, – ...это моя любовь к тебе. Всегда.

Ребекка напряглась.

– Пожалуйста, Эш, только не надо...

– Но я должен. Что я еще могу сказать? У меня больше ничего нет, кроме этого. – Эш развел руками. – Я даже не смог устроить свой брак с Шоной, потому что рядом всегда был твой призрак. Нерешенное прошлое. Ты. Ощущение того, что самое главное не нашло своего естественного завершения.

– Я... я не могу этого сделать, Эш. Не сейчас. Никогда.

– Я и не прошу тебя. Я просто сказал это: я люблю тебя. И моя вина перед Уитни теперь возросла десятикратно, поскольку я уверен, что мои поступки привели к убийству твоего отца – человека, которого я глубоко уважал. Возможно, они также привели и к смерти свидетельницы из Кэш-Крик.

Тон его голоса заставил Ребекку замереть на месте.

– Почему ты так уверен, что это было убийство?

– Потому что кто-то *действительно* был в доме твоего отца, когда раздался выстрел, – ответил Эш. – Мужчина, который уехал на снегоходе. Рикки заметил его – только костюм, шлем и его снегоход. Дети наконец заговорили после того, как кто-то попытался убить их вчера вечером.

– *Что?*

– Я пробовал дозвониться до тебя. Несколько раз. Автомобиль столкнул снегоход Рикки с дороги на крутой склон над рекой. Точно так же, как произошло с твоей свидетельницей. Тот же *modus operandi*^[7]. Детям повезло, что их выбросило из снегохода, прежде чем он пошел под откос. И что я приехал вовремя. Если бы они не погибли при падении, то замерзли бы до смерти, прежде чем их смогли бы найти в том уединенном месте.

Бекка медленно опустилась на стул. Какое-то время она молча смотрела на Эша; кровь отхлынула от ее лица, и Ребекка казалась призраком.

– Поэтому ты пытался позвонить?

– Именно поэтому.

– Они ранены?

– Шишки, синяки, ушибленное колено. Они здорово перепугались, но в целом в порядке. Зато эта встряска помогла им рассказать о том, что случилось в сарае.

Эш рассказал Бекке о своих поисках на месте преступления, передал описание автомобиля с наклейкой в виде волчьей головы, полученное от Тори, и показания Рикки о том, что ему удалось разглядеть через окошко сарая.

Ребекка прищурилась, когда Эш упомянул про наклейку с головой волка.

– Ты сообщил об аварии и бегстве с места происшествия? – спросила она.

– Еще нет. Рикки сидит внизу, под присмотром Солли. Я решил, что он должен пойти со мной и рассказать Баку, что случилось.

Глава 39

Ребекка была вне себя от волнения. У нее наконец-то появились свидетели и описание снегохода, на котором подозреваемый уехал от хижины ее отца. И если нападение на детей было связано с убийством ее отца, у нее имелось описание автомобиля плюс доказательство того, что преступников было как минимум двое. Но она все равно не могла полностью избавиться от предыдущих подозрений. Эш о чем-то умалчивал.

– Как получилось, что ты прибыл на место сразу же после того, как пострадали дети? – навскидку спросила она.

– Когда я расстался с тобой, я отправился искать Рикки. Ты была права: я узнал тот нож, который ты нашла возле сарая. Бегущий Ветер Саймон, дед Рикки, подарил его своему внуку незадолго до смерти.

– Черт побери, Эш! – Она резко поставила чашку на стол, не совладав с нахлынувшими чувствами. – Почему ты ничего не сказал... да что с тобой такое?

– Потому что сначала я должен был поговорить с Рикки. Послушай, Бекка, это все равно стало бы известно – либо от Тори, либо от меня, – но сначала мне нужно было выслушать рассказ Рикки, потому что этот парень нуждается в помощи. Если бы Баку сразу сообщили о его краже и возможной связи с поджогом, то парня бы выперли из программы восстановительного правосудия и отправили бы в жернова системы. Я знаю, что он не убивал твоего отца...

– Ах, вот как?

– Ради всего святого! Он не совал «моссберг» в рот твоему отцу и не инсценировал самоубийство. Он просто крал брагу. И...

Ребекка открыла рот, собираясь заговорить, но Эш поднял руку:

– Нет, выслушай меня... Перед кончиной Бегущего Ветра я дал ему обещание. Я поклялся, что буду присматривать за Рикки и проведу его по тернистой тропе в подростковые годы. Он живет в тяжелых условиях, но он не плохой человек. Просто совершал мелкие проступки, но это может заклеить его на всю жизнь, если не наставить парня на верный путь. И что бы там ни было, я намерен выполнить свое обещание. Пойми, я хотел только поговорить с ним и показать ему наилучший способ выхода из положения. Подумай об этом. Ты. Бак Джонстон. Полиция. Вы хотите

сохранить работу, хотите следовать правилам и букве закона. Вы не оставляете места для серого в промежутке между черным и белым. Я не хотел ставить тебя в положение, когда ты все знаешь о Рикки, и я прошу тебя притвориться, будто ты не знаешь.

Ребекка уставилась на него. Что за поразительный человек! Этот человек, вокруг которого вращалась ее жизнь, временами был замкнутым и суровым, иногда страстным и совсем не чистосердечным, и она понятия не имела, можно ли доверять ему, когда он утаивал от нее такие вещи. Но искреннее чувство в его голосе, яркий свет в его глазах, отцовское отношение к какому-то пропащему мальчишке, потому что он дал обещание его деду, – все это возбуждало ее любопытство... и грело сердце.

– Откуда такие страсти, Эш? Из-за этой клятвы? Почему Бегущий Ветер именно тебя попросил позаботиться о нем?

По его лицу пробежало выражение, от которого Ребекку пробрал мороз по коже, но оно так быстро исчезло, что она усомнилась в своем восприятии.

– Он... однажды помог мне. Когда мне было одиннадцать лет.

– Как?

Эш едва заметно пожал плечами, отвернулся и посмотрел на ее импровизированную схему, приклеенную к стене. Когда он снова заговорил, его голос звучал отстраненно.

– Однажды я убежал из дома. Бегущий Ветер нашел меня в лесу, и... словно какой-то чертов волшебник, он вернул меня домой своими словами. С тех пор он был моим наставником. Он научил меня охотничьему мастерству, поэтому сейчас я такой хороший следопыт. Я отслеживаю хищников и охочусь за ними.

– Ты никогда об этом не рассказывал.

– Это мужские дела.

Ребекка изучающе смотрела на его профиль, на морщины печали и напряженности вокруг рта.

– Это имеет какое-то отношение к исчезновению Уитни? – спросила она.

– Никакого. – Эш глубоко вздохнул и повернулся к ней. – Хочешь пойти к Баку вместе с нами и сообщить об инциденте?

Она закусила губу. Он менял тему.

«Это мужское дело».

Ребекка отмахнулась от его слов и обдумала вопрос. Сообщение о нападении просто как о дорожном инциденте могло сыграть ей на руку. Поведение Бака тоже могло рассказать о многом. Если между Баком и

преступлениями существовала какая-то связь, то любое неосторожное движение могло выдать его.

– Хорошо, – тихо сказала Ребекка. – Мы сообщим об инциденте, но я хочу сохранить в тайне показания Рикки и Тори о том, что они видели на участке моего отца. Этим займется независимая следственная группа. Они захотят все услышать непосредственно от детей. А лично ты теперь должен отступить от этого, Эш. Далеко, далеко в сторону. Если речь пойдет об убийствах, то ты должен понимать, что предстаешь в невыгодном свете. Ты по шею увяз в этом. От Уитни и Тренора до моего отца и, возможно, свидетельницы из Кэш-Крик. У детективов в первую очередь возникнет интерес к тебе, и они не станут церемониться. И бога ради, я надеюсь, что ты больше ничего не скрываешь, поскольку...

Эш встал, обошел вокруг и прикоснулся к ее плечу. Она напряглась.

– Не надо, – прошептала она. – Пожалуйста... не надо.

Он убрал руку. Ребекка хмыкнула и продолжила:

– По статистике, когда женщина исчезает при подозрительных обстоятельствах, как это произошло с Уитни, к этому причастен ее ухажер, муж или любовник. Такова будет их первая предпосылка. – Она повернулась к нему. – И это прямо относится к тебе, Эш.

– Да.

– А между нами все кончено, и ты знаешь это. Все кончено уже давным-давно.

Его глаза потемнели и заблестели, а выражение его лица заставило ее сердце сжаться от боли. Но он промолчал.

– Ты приглядишь за Рикки, пока не приедут следователи. Коул и Оливия позаботятся о Тори. А мы с тобой прекратим любое общение. Я возьму Рикки, чтобы он доложил Баку о дорожном инциденте. Хочу понаблюдать за реакцией Бака и посмотреть, что он предпримет.

– Рикки не пойдет без меня.

– Эш...

– Прошу прощения, Бекка. Здесь я должен подвести черту. Я пообещал, что буду рядом с ним и прикрою его спину. Он очень боится полиции, боится Бака. Его откровенность дорого стоит. Кроме того, я сам был на месте. Мне тоже нужно сообщить о том, что я видел и сделал.

Ребекка внимательно посмотрела на него.

– Одевайся, – холодно сказал он. – Мы будем ждать тебя внизу, в «Люсе и Роге». Мы поедем вместе.

Он помедлил и бросил взгляд на схему, где его имя было обведено красным кружком. И ушел.

Дверь за ним закрылась с резким щелчком.

Глава 40

Ребекка вошла в «Лось и Рог» и увидела Эша, сидевшего в кабинке у окна рядом с жилистым пареньком с кожей цвета лесного ореха, высокими скулами и гладкими иссиня-черными волосами. Солли в фартуке о чем-то болтала с ним.

Заметив приближение Ребекки, мальчик замер и уставился на нее. В его глазах читалось тревожное предчувствие.

– Привет, ребята, – с улыбкой сказала она. Это далось не без усилия, но она хотела успокоить Рикки Саймона. Ей понадобится его добровольное сотрудничество.

Перед Рикки стояла тарелка с недоеденными овсяными блинчиками, половиной сардельки и беконом, щедро сдобренными кленовым сиропом. Бутылочка сиропа стояла на столе рядом с тарелкой.

– Доброе утро, Бекка. – Солли смерила Ребекку взглядом. – Что тебе принести? Эш заказал полное специальное меню для ранчеров.

Ребекка осознала, что сильно проголодалась.

– Спасибо, Сол, мне то же самое. И большой кофе.

– Само собой. – Солли отошла в сторону, и Ребекка опустилась на стул напротив Эша и Рикки. За морозными узорами на окнах ветер гнал снежные порывы, мешая утреннему уличному движению, если это заслуживало такого названия.

Ребекка достала из сумочки записную книжку, карандаш и маркеры, когда Эш обратился к Рикки:

– Это сержант Бекка Норд, дочь Ноя.

Ребекка подняла глаза и еще раз улыбнулась.

– Эй, Рикки, Эш сообщил мне, что вы с Тори можете помочь с кое-какой информацией.

Он смотрел на нее с настороженностью маленького дикого зверька. Его тело было напряженным, как будто он в любой момент был готов сорваться с места.

Ребекка раскрыла записную книжку.

– Я собираюсь помочь тебе пройти через это, понимаешь? Никто не хочет неприятностей для тебя. Если ты расскажешь мне все, что знаешь, то я постараюсь оградить тебя от *любых* неприятностей. Ты понимаешь?

Взгляд Рикки переместился на Эша. Он как будто спрашивал: «Она

серьезно? Я могу ей верить?»

Эш кивнул.

Ребекку поразила эта безмолвная связь между Эшем и подростком. На короткий момент она представила Эша в роли отца. Человека, который потерял собственного ребенка и страдал от отчужденности последние двадцать лет. Она собралась с силами и переоценила свои текущие представления о нем. Возможно, он по шею увяз в преступлениях, совершенных вокруг Уитни Ганьон, но вчера вечером он не пытался убить Тори Бартон и Рикки Саймона. Он спас Рикки вчера и пытался спасти его прямо сейчас.

Теплота и сочувствие сдавили грудь. Ребекка покашляла, пощелкала ручкой и огляделась по сторонам. Стулья в кабинках имели высокие спинки, а соседние отделения пустовали. Шумный говор, доносившийся из ресторана, должен был послужить гарантией от подслушивания.

– Рикки, – тихо сказала Ребекка. – Ты можешь шаг за шагом рассказать мне, что произошло в тот вечер, когда сгорел дом моего отца?

Рикки повертел в руках ножик и кивнул.

– Начни сначала. С того момента, как вы решили поехать туда.

Еще один нервный взгляд в сторону Эша.

– Мы с Тори хотели украсть немного браги у старика... Ноя, из его сарая. Я знал его привычки. Знал, что он вечером носит дрова в дом и больше не выходит на улицу. Поэтому мы ждали на гребне холма, пока он выйдет.

Рикки замолчал, пока Ребекка вела записи в своей книжке.

– Продолжай, – бесстрастно сказала она.

Рикки пересказал ряд событий, которые видели и слышали они с Тори.

– Ты уверен, что это был ружейный выстрел?

– Да. Звук был именно такой.

Ребекка сделала пометку в своей книжке.

– И ты уверен, что у того снегохода был четырехтактный двигатель?

– Черт, это точно. Я знаю разницу. Судя по звуку, это был отличный новый двигатель: легкий старт, хороший глушитель.

– Ты раньше видел этот шлем или этот снегоход?

Он покачал головой.

Солли принесла еду, и все замолчали. Она посмотрела на них, как будто что-то почувствовала.

– Все в порядке?

– Все хорошо, – с деланой улыбкой отозвался Эш.

– Зовите, если что понадобится. – Солли взглянула на записную книжку

и маркеры на столе, но ничего не сказала.

Ребекка потянулась за кофе и отпила глоток. Эш принялся за свой завтрак, но она явно хотела закончить, пока свидетель давал показания.

– Почему ты не позвал на помощь, Рикки?

– Я был слишком испуган. Он... ваш отец... уже умер. Это точно. А меня уже сажали раньше. Я не мог... я...

Она кивнула:

– Все понятно. Эш объяснил мне твое положение дел.

Плечи Рикки облегченно поникли, глаза наполнились слезами. Явно смущенный, он быстро смахнул их. У Ребекки сложилось впечатление, что Рикки Саймон никогда не плакал, во всяком случае перед другими людьми. Ему было очень тяжело.

– Ты отлично справляешься Рикки, – заверила она. – Спасибо тебе.

Он сглотнул и потерял невидимую точку на столе.

Ребекка разложила перед Рикки цветные маркеры и листы белой бумаги.

– Пусть красный маркер будет оранжевым, – сказала она. – Ты можешь изобразить рисунок на шлеме и раскраску на снегоходе?

Рикки закусил губу и взял черный маркер. Ребекка и Эш ели, наблюдая за быстрыми движениями его рук. Потом обменялись взглядами. Парень рисовал очень хорошо; у него явно был талант к этому.

Рикки подтолкнул к Ребекке законченную работу.

Похожий на тарантула паук с острыми жвалами на фоне паутины украшал оранжевый шлем. Такой же рисунок был и на капоте снегохода.

– Хорошо, Рикки, очень хорошо. Ты много рисуешь?

Рикки покачал головой.

– А следовало бы.

Он вдруг смутился.

– Это Патти любит рисовать, – прошептал он. – Мой отец был настоящим мастером: он рисовал для меня комиксы, когда я был маленьким. До того как его не стало.

Эш отодвинул пустую тарелку и взялся за кофе.

– А та машина, которая следила за тобой, когда ты ехал на ранчо Броукен-Бар за Тори... она была похожа на эту? – Эш кивком указал на рисунок.

– Не могу сказать. Я видел лишь проблески фар за деревьями.

Ребекка вложила рисунок Рикки в свой блокнот, застегнула обложку и убрала блокнот и маркеры в свою сумку.

– Что будет теперь? – спросил Рикки.

– Я собираюсь связаться со следователями из отдела убийств в Ванкувере, – сказала Ребекка. – В полиции есть специальное подразделение, которое занимается расследованием убийств в других административных районах. Наверное, они заведут дело, для начала пошлют сюда кого-нибудь из следователей, а потом приедет следственная группа, но это зависит от результатов. – Она посмотрела ему в глаза. – Только ты должен помалкивать об этом, ясно?

Рикки кивнул.

– От вас с Тори понадобится полное сотрудничество со следствием. По закону, они должны допрашивать тебя в присутствии родителей или опекуна. Твоя мать...

– Я хочу, чтобы это был Эш.

Она взглянула на Эша.

– Мы попробуем организовать это. Тебе и Эшу будет полезно побеседовать с адвокатом. И запомни: тот факт, что ты находился в сарае, не грозит тебе неприятностями, не в данном случае. Главное, что это поможет следствию. Это поможет раскрыть убийство моего отца.

Итак, теперь предстояло официальное расследование убийства. Она позвонит в Ванкувер, когда подтвердит историю свидетельницы Уны Феррис из Кэш-Крик, чем собиралась заняться сразу же после оформления заявления об аварии и бегстве с места происшествия у Бака Джонстона.

– А теперь мы все отправимся в полицейский участок и сообщим о происшествии, – сказала Ребекка.

Рикки заметно напрягся.

– Все будет хорошо, Рикки. Ты просто расскажешь обстоятельства инцидента. Пока что нет никаких доказательств, что он был связан с пожаром или со стрельбой.

Глава 41

Ребекка пристально наблюдала за Бак, выискивая любые признаки и намеки на то, что он уже знал об инциденте. Но Бак оставался сдержанным и деловитым, сидя за металлическим столом и записывая показания Рикки и Эша.

Когда они закончили, Бак закрыл свой блокнот и сказал:

– Спасибо, что пришли. Я разберусь с этим. Наверное, какие-то парни спьяну накуролесили и решили убраться подальше, когда увидели приближение другого автомобиля.

– Это все равно преступление, – сказал Эш. – Вождение в пьяном виде и бегство с места происшествия.

– Да. Я же сказал, нужно разобраться с этим. – Бак посмотрел на часы и встал. – Пьяные балбесы на здоровенном автомобиле с передней защитной дугой? Может быть, им показалось, что они сбили оленя? Лишь немногие водители проезжают там в это время года, особенно в темноте.

– Вот именно, – сказала Ребекка, тоже поднимаясь на ноги. Эш и Рикки последовали ее примеру; металлические ножки стульев заскребли по полу.

Бак покосился на Эша:

– А что вы сами там делали, ребята, в такой поздний час?

– А какое отношение это имеет к дорожному происшествию? – мрачно отозвался Эш. Напряжение между ними почувствовал даже Рикки, который отступил к двери. – Это вторжение на мою землю, – добавил Эш.

– На неиспользуемую землю. – Бак подошел к двери кабинета и распахнул ее перед ними. – Я дам вам знать, если что-то выясню.

Эш и Рикки пошли по коридору, но Ребекка задержалась.

– Бак, на чем ты едешь, когда не пользуешься служебным автомобилем?

Бак сердито сверкнул глазами. Она чувствовала энергию, пульсировавшую в его теле. Бак был раздражен: его отношения с Эшем Хогеном никогда не были особенно теплыми. Это можно было понять с учетом его бывшего увлечения Уитни Ганьон и рассказа Эша о том, как молодой Бакки наблюдал за их совокуплением в амбаре. Бак помнил, что Эш видел, как он смотрел и мастурбировал. Темная память о том вечере связывала их обоих негласным обетом молчания.

«Ох уж эти взаимные секреты, которые мы храним ради личной

выгоды», – подумала Ребекка, глядя в ясные зелено-голубые глаза Бака Джонстона.

– У меня пикап «форд F-350», – буркнул он. – Как и у половины мужиков в этом городе. Другая половина водит «дженерал моторс», «додж» или «сильверадо».

– У тебя автомобиль черного цвета?

Он прищурился.

– На что ты намекаешь, Бекка?

– Это он был припаркован на стоянке рядом с «сильверадо» моего отца, когда я в первый раз приехала к тебе и забрала отцовский автомобиль?

Молчание.

Красно-белый флаг с кленовым листом хлопал за окном на ветру, чистый и яркий на фоне светло-голубого неба, как это было и во времена ее отца.

– Это охраняемая общественная стоянка, – сказал Бак, проследивший за ее взглядом. – Ею пользуются работники муниципалитета и пожарные. И да, в тот день я приехал на работу на своем «форде».

В ее сознании возник образ автомобиля, стоявшего рядом со старым «сильверадо»: новенький черный «форд F-350» с блестящей хромированной решеткой, защитными дугами, гидроусилителем руля и другими аксессуарами, включая наклейку на заднем стекле с изображением оскаленной волчьей головы.

Судя по описанию Эша, Тори видела точно такую же наклейку на автомобиле, который столкнул с дороги ее и Рикки.

– Эта наклейка с волком на заднем стекле твоего автомобиля... что она означает? – спросила Ребекка.

Глаза Бака блеснули.

– Охотничий клуб «Волчья стая».

– Где его штаб-квартира?

Он снова недобро прищурился.

– Нигде. Мы просто встречаемся для охоты. У нас есть онлайн-группа, и мы общаемся по электронной почте. А в чем дело?

– Кто состоит в клубе?

Он уперся в нее тяжелым взглядом.

– Некоторые люди оберегают свою личную жизнь. Я не вправе говорить об этом.

– Но должен быть главный контактный адрес.

– Можешь поискать. А теперь прошу прощения. – Бак снова посмотрел на часы. – Мне скоро нужно проводить презентацию для городского

совета.

– Сегодня твоего автомобиля нет на стоянке, – заметила она, выходя из кабинета.

– Потому что я приехал на работу на патрульной машине. Бекка...

Она остановилась и повернулась к нему.

– Тебе нужно кое-что запомнить. Рикки Саймон набит дерьмом. Он неисправимый лгун. Более того, – и я это чую, – он до сих пор что-то утаивает от меня или от нас. Либо *ты* не вполне откровенна со мной. – Бак удержал ее взгляд. – Поберегись.

– Кого?

Бак не ответил и захлопнул дверь у нее перед носом.

* * *

Эш и Рикки ждали в автомобиле, большом темно-сером «GM» с поисковыми прожекторами над кабиной. Ребекка подумала, что Бак прав: почти все мужчины в городе ездят на больших автомобилях темного цвета. Но на автомобиле Эша не было наклейки с волком.

Она забралась на пассажирское место. Рикки сидел сзади. Двигатель работал, и внутри было тепло.

– Что там было? – поинтересовался Эш, включая передачу.

– Я спросила Бака насчет его автомобиля. Думаю, там есть такая же наклейка, какую видела Тори, и он черного цвета. С прожекторами. – В этот момент зазвонил ее телефон. – Это Берт Спайкер, – сказала Ребекка, посмотрев на экран. – Я просила его в ускоренном порядке провести токсикологическую экспертизу.

Она приняла вызов и поднесла телефон к уху, когда Эш вырулил с автостоянки.

– Берт? Что-то уже готово?

– Как вы и просили, я провел тесты в ускоренном порядке. – Спайкер немного помолчал. – Вы оказались правы.

Ее сердце билось как сумасшедшее, пока она слушала объяснения Берта. Эш с любопытством взглянул на Ребекку, прежде чем сосредоточиться на дороге.

Ребекка отключилась и некоторое время сидела в молчании, стараясь успокоиться.

– Что он сказал? – поинтересовался Эш, когда свернул с главной дороги.

– Кетамин, – тихо ответила Ребекка. Ее мозг вертел и переставлял фрагменты головоломки, как при сборке кубика Рубика. – Анализ выявил

высокий уровень кетамина в образцах из бедренной артерии и аорты моего отца. Концентрация в аорте была более высокой. Он сказал, что разная концентрация согласуется с неполным распределением вещества в организме. Так происходит, когда препарат вводят внутривенно или внутримышечно.

Она повернулась к Эшу:

– Берт добавил, что инъекция кетамина, в отличие от перорального употребления, оказывает действие в течение нескольких секунд. – Ребекка посмотрела на него. – Выстрел, убивший моего отца, произошел вскоре после инъекции, отсюда и неравномерное распределение. У кетамина короткий период полувывода из организма. Это значит, что он действует очень быстро, а затем выводится, так что следов почти или вовсе не остается. Но в данном случае кетамин остался в его крови, потому что сердце перестало биться, а образцы были взяты достаточно быстро и должным образом законсервированы.

– Это совпадает с рассказом Рикки, – сказал Эш, когда они остановились перед светофором. – Убийца был подготовлен и действовал быстро, когда проник в дом Ноя.

– Возможно, мой отец знал этого человека и не ожидал, что ему сделают инъекцию. При совмещении с алкоголем наркотик должен был обездвижить его. Тот, кто сделал укол, без труда мог усадить его в позу самоубийцы и нажать на спусковой крючок.

– Это не Тора? – тихо спросил Эш.

Ребекка откинулась на спинку сиденья.

– Как медсестра, Тора могла иметь доступ к препаратам вроде кетамина. Но я не думаю, что она приехала туда на снегоходе. Ее нельзя назвать физически подготовленной и проворной женщиной, которая могла бы двигаться так быстро, как рассказывал Рикки. – Ребекка перебрала варианты. – Убийца должен был знать о ружье в его сейфе, а еще он понимал, что все остальные легко поверят в его самоубийство.

Эш остановился у мотеля «Карибу-Лодж».

– Что теперь? – спросил он.

– Теперь ты будешь держаться подальше от этого, пока я навещу тетушку Уны Феррис в Кэш-Крик и обращусь к местной полиции за подробностями той аварии. Потом я позвоню детективу из отдела расследования убийств. Кстати, каков вердикт насчет отцовского «сильверадо»?

– По словам Уэса, тебе нужен новый автомобиль. Он полагает, что эта старая колымага останется ненадежной после любого ремонта. Бекка, если

ты собираешься ехать в Кэш-Крик на «приусе» из проката, то лучше я отвезу тебя. На дорогах по-прежнему много налелей...

– Нет. Ты должен отступить, Эш. Сейчас мне не нужно твое участие.

– Но покрышки не...

– Они всесезонные, а дорога обработана реагентами. Не беспокойся, на этот раз я не собираюсь ездить по проселкам.

Их взгляды встретились. Эш беспокоился за нее. Она помнила его руку у себя на плече сегодня утром, помнила его слова.

«Все, что я знаю, Бекка, единственная истина, единственная постоянная величина в моей жизни – это моя любовь к тебе».

Где-то, когда-то они пересекли черту.

Ребекка облизнула губы, обуреваемая новым беспокойством. Как бы она ни старалась оттолкнуть Эша, его слова и прикосновения взломали ее защитный панцирь. Чувства просочились наружу. Возникли невысказанные возможности. Она не могла этого допустить. Но она не могла и запихнуть все обратно в трещины своей брони. Ребекка боялась, что Эш может совершить нечто ужасное, потому что он до сих пор скрывал от нее нечто темное и глубокое.

Она с трудом сглотнула.

– Спасибо, – просто сказала она и вышла из автомобиля.

Глава 42

Рикки сидел сзади и смотрел, как сержант Ребекка Норд поднимается по ступеням ко входу в «Карибу-Лодж».

Она ему нравилась, хотя и работала в полиции. Рикки никогда не встречал блюстителей порядка, похожих на нее. Он полагал, что все они более или менее похожи на Бака, а следовательно, являются врагами.

Она была красивой, крутой и вроде как неприкасаемой. Не то что некоторые женщины, среди которых он вырос, женщины, которые притворялись двадцатилетними девушками, хотя на самом деле были алкоголичками и наркоманками и валялись в беспамятстве, пока их дети играли с проводами за телевизором. Как в тот раз, когда Патти едва не изжарилась заживо.

Ребекка говорила ласково; у нее были добрые золотистые глаза и густые волосы цвета темного шоколада. В ее присутствии Рикки чувствовал себя важной персоной, как будто он на самом деле что-то значил. Возможно, Ребекка даже уважала его. Это вообще казалось нереальным. Никто еще не относился к Рикки с уважением.

– Хочешь сесть впереди, приятель? – спросил Эш.

Рикки перебрался на переднее сиденье рядом с Эшем и пристегнул ремень безопасности. Какое-то время они просто сидели и смотрели, как она уходит. Тяжелая двустворчатая дверь захлопнулась за ее спиной.

– Она хорошая, – пробормотал Рикки.

– Да, хорошая, – согласился Эш.

– Она ваша подруга?

– Была, давным-давно.

– Но не теперь?

– Никаких шансов, приятель. – Он тронулся с места.

– Что случилось?

Эш посмотрел на Рикки. Глаза Хогена иногда были похожи на глетчерный лед, примерно такой, какой можно видеть, когда смотришь через снежную дыру в ледяную трещину. Иногда они были угрожающими. Его взгляд врезался в тебя, словно он обладал какой-то сверхъестественной способностью.

– Я все просрал, – ответил Эш.

Рикки удержал взгляд собеседника, гадая о том, следует ли продолжать

расспросы, но потом решил, что лучше не надо.

Эш выехал на дорогу и проехал через главную улицу, чтобы вернуться на север, к ранчо Хогена.

– А что там было насчет «К-штуки» и Ноя Норда? – спросил Рикки.

– «К-штука»?

– Кетамин.

Эш посмотрел на него. Рикки догадывался, что он решает, чем может поделиться с ним, если вообще захочет. В нем всколыхнулось возмущение, поскольку он понимал, что к нему снова отнесутся как к маленькому ребенку, которому нельзя доверять.

– Ты знаешь про кетамин?

– Само собой. Я все знаю насчет «К-штуки». Ею пользуются врачи и ветеринары, а иногда ее продают для кайфа.

– Кто продает?

Рикки внутренне напрягся. Дилеры, торговавшие рецептурными препаратами, пугали его. Если он заговорит о них, ему поджарят задницу. Они уже дважды избили его, когда он не принес им обещанную порцию краденой браги. Один из них угрожал прийти за Патти. Возможно, они даже убьют его.

– Просто парни, которые ведут дела с байкерами, следопытами из Девилс-Батт.

Эш остановился на красный свет.

– Что еще за байкеры-следопыты?

– Не знаю, старина. Они просто... ну, продают кайф. Я даже не знаю, кто они такие. – Сердце Рикки билось очень быстро. Он не хотел лгать Эшу, но еще и очень не хотел говорить об этих парнях. К его облегчению, Эш не стал развивать тему.

Свет сменился зеленым, и они какое-то время ехали в молчании, под тихую музыку из радиоприемника. Отличный салон, подумал Рикки. Когда-нибудь нужно будет обзавестись новыми колесами. Кожаные сиденья с подогревом и все такое. Он покрутил регуляторы кресла, то наклоняясь вперед, то откидываясь назад.

– Сержант Норд собирается остаться в городе после расследования? – Он подвигал свое кресло вверх-вниз.

Молчание.

Он посмотрел на профиль Эша, где на подбородке пульсировала мелкая мышца. И тогда Рикки показалось, что Эш Хоген очень серьезно относится ко всему, что связано с сержантом Норд.

– Нет, – наконец сказал Эш. – У нее есть другая жизнь.

– Там, на востоке?

– Да.

– Она там работает детективом?

Эш кивнул.

Пока они ехали, Рикки захотелось найти такой способ, чтобы Ребекка Норд смогла бы остаться. Ради Эша. Рикки внезапно захотелось, чтобы Эш почувствовал себя лучше. Нужно было исправить много вещей, самых разных вещей. Всю дорогу до ранчо Хогена Рикки провел в размышлениях об этом.

Но когда Эш повернул на дорогу, которая вела к ранчо Броукен-Бар вместо развилки на ранчо Хогена, Рикки резко выпрямился.

– Куда мы едем?

– К Тори. Ты можешь какое-то время побыть там и узнать, как ее дела.

Он задрожал, как отпущенная струна.

– Но...

– Оливия позвонила мне и пригласила тебя.

– *Она позвонила?*

– Да. Они с Коулом решили, что ты можешь остаться и поужинать с ними. Потом я заберу тебя. Это даст мне возможность провести кое-какую работу на ранчо.

Сердце Рикки забилося с удвоенной силой.

– Оливия хочет, чтобы я приехал? – снова спросил он.

Эш покосился на него.

– Да, парень. Она думает, что раз уж вы с Тори так близки, то пора лучше познакомиться с тобой.

– Вот дерьмо, – прошептал Рикки и осел на сиденье. Отчасти он был напуган. Отчасти ему хотелось плакать. Еще никто и никуда не приглашал Рикки Саймона, не говоря уже о шикарном ранчо.

Глава 43

– Ной часто приезжал сюда за последние годы, чтобы найти те или иные вещи, – сказал Ренни Прайс, наблюдавший за тем, как Ребекка перелистывает подшивку еженедельника за 1998–1999 годы. Издатель «Клинтонского часового» вынес архивный том из своего «морга» и положил на стол в маленькой комнате для совещаний, лишенной окон. Он с нескрываемым любопытством наблюдал за Ребеккой.

После визита в полицейский участок с Эшем и Рикки Ребекка вернулась в мотель, забрала «приус» и поехала в редакцию газеты. Она обнаружила Ренни, склонившегося над клавиатурой в хищном репортерском стиле.

– Значит, он интересовался этим томом, когда последний раз приезжал сюда? – спросила Ребекка.

Ренни кивнул:

– Да. Ной искал имя этой свидетельницы в связи с загадочным исчезновением Уитни Ганьон и Тревора Бьючемпа двадцать лет назад.

Ребекка посмотрела на него:

– Мой отец рассказал вам об этом?

Он кивнул.

– Что еще он сказал?

Ренни почесал окладистую бороду и задумался. Ему было немного за шестьдесят; он имел плотную седую шевелюру и открытое, дружелюбное лицо со стрелками морщинок вокруг голубых глаз. Он определенно любил свою работу – издание местной газеты, даже притом, что его предприятие давно дышало на ладан. Сколько Ребекка себя помнила, он был редактором, а потом издателем «Клинтонского часового».

– Ной объяснил, что он снова заинтересовался этой старой загадкой; он часто брался то за одно, то за другое нераскрытое дело. – Ренни грустно улыбнулся. – Думаю, это как-то помогало ему коротать время. Я буду скучать по его визитам. Мы обычно пили кофе и болтали, пока я делал фотокопии интересных для него статей.

– Вы помните, какие статьи он просил скопировать во время своего последнего визита?

– Ну да, конечно. Он просил копию передовицы о двух подростках в рождественском выпуске, где мы освещали парад Санта-Клауса.

Ребекка быстро перелистала страницы, пока не нашла рождественский выпуск, о котором говорил Ренни. Заголовок был набран внизу, у разворота, под цветной фотографией Санта-Клауса на колесной платформе.

Мать ищет дочь, пропавшую с осени

В текст была вставлена школьная фотография Уитни Ганьон – блондинки со светло-золотистыми волосами и с нежной улыбкой, скрывавшей жизненные сложности. На Уитни была обтягивающая белая футболка, а в ушах поблескивали длинные серебряные сережки в форме узких листьев. Ребекка просмотрела статью.

Свидетельница Уна Феррис, восемнадцати лет от роду, услышала о беспокойстве Джанет Ганьон по поводу местонахождения ее дочери и сообщила, что она ехала на автобусе Renegsde Lines рано утром 27 сентября, когда увидела Уитни Ганьон и Тревора Бьючемпа, голосовавших на дороге. Когда она проезжала мимо, белый фургон с орегонскими номерными знаками свернул на обочину и подъехал к ним. По словам Феррис, подростки со своим багажом забрались в автомобиль и уехали.

Ренни покачал бородой и сказал:

– Ваш отец запросил копии этой статьи; кроме того, он интересовался другой статьей от сентября того же года.

– Вы знаете, какой именно?

– Так уж вышло, что знаю. Хотя и не представляю, что там могло заинтересовать его. – Он перегнулся над столом, перелистал экземпляры и нашел маленькую заметку в «подвале» седьмой страницы, рядом с еженедельной полицейской сводкой.

– Вот эта. – Ренни постучал по тексту указательным пальцем.

Ребекка наклонилась и внимательно прочитала статью.

Это было сообщение природоохранного департамента о выстрелах, прозвучавших в районе, который был закрыт для охоты в это время года. Согласно заметке, житель Клинтон по имени Барнаби «Барнс» Хатфилд ехал на автомобиле по главной лесовозной дороге, когда в окно со стороны пассажирского сиденья влетела пуля, застрявшая в подголовнике кресла. Его сын Фрэнк Хатфилд в тот момент находился на пассажирском месте и чудом избежал гибели. Ребекка стала читать дальше:

По словам Хатфилда, он ударил по тормозам. Он и его сын увидели что-то, бежавшее по лесу. Они подумали, что это олень, но подлесок был очень плотным, поэтому у них не было полной уверенности.

«Конечно, мы были потрясены, – сказал Хатфилд-старший. – Мы вышли из автомобиля и увидели следы крови рядом с дорогой. Кто-то был тяжело ранен, но мы не заходили в кусты из опасения, что еще одна шальная пуля может полететь в нашу сторону. Такие браконьеры опасны не только для животных, но и для людей».

Ребекка посмотрела на дату инцидента. Воскресенье, 27 сентября: тот самый день, когда пропали подростки.

Она нахмурилась. В статье утверждалось, что сотрудник природоохранного департамента на следующий день провел расследование, но вскоре после инцидента прошел сильный ливень, и все следы крови были смыты водой. Пуля, застрявшая в подголовнике, была тридцатого калибра. Типичный боеприпас для охоты на крупную дичь, например на оленей.

– Можно сделать фотокопию этой заметки? – спросила Ребекка.

– Разумеется. – Ренни протянул руки и с кряхтением оторвал толстый том от стола. Он положил том на тележку и отвез к копировальному аппарату. Ребекка пошла за ним и посмотрела, как он делает копии.

– Вы знаете Барнаби Хатфилда? – спросила она.

– Да, мы были знакомы. Он умер два года назад в возрасте восьмидесяти лет. До конца был славным охотником.

– Спасибо, – сказала Ребекка, когда он передал ей копии.

– Но его сын Фрэнк по-прежнему живет в наших краях, – добавил Ренни. – Ему сейчас около шестидесяти. Они с женой держат магазин скобяных товаров в Девилс-Батт. Унаследовали хозяйство от его отца.

* * *

Воспользовавшись громкой связью, Ребекка позвонила в отделение полиции в Эшкрофте, пока ехала на арендованном «приусе» в Кэш-Крик, – городок, расположенный примерно в получасе езды на юг от Клинтона. Кэш-Крик находился под юрисдикцией полиции Эшкрофта.

Волнистые белые поля заснеженного кустарника расстилались по обе стороны от дороги, пока Ребекка ждала, когда ее соединят с офицером, занимавшимся делом Уны Феррис.

Перед отъездом из Клинтона Ребекка нашла номер в телефонном справочнике и связалась с Хлоей Кеннеди, теткой Уны Феррис. Договорилась о встрече. Потом позвонила в юго-восточный отдел по расследованию тяжких преступлений, расположенный в Келоуне, и объяснила ситуацию. Ей сказали, что сержант Грейс Паркер, работавшая

детективом по расследованию убийств, перезвонит позже.

– Добрый день, капрал Джей Мохаммед на линии, – раздался голос из микрофона.

Ребекка объяснила, кто она такая, и попросила описать подробности аварии с Уной Феррис в прошлый понедельник.

– Одинокaя автомобильная авария, белый «субару аутбэк» 2016 года, – сказал Мохаммед, сверившись со своими записями. – Свидетельства указывают на то, что автомобиль потерял управление, когда выехал на гололед. Его занесло на гравийную обочину, потом он проломил дорожное ограждение и упал в реку. Инцидент произошел примерно в 18.15. В это время часы покойной остановились. Время согласуется с оценкой времени смерти, проведенной патологоанатомом. Покойная ехала одна.

– Значит, нет никаких признаков участия другого автомобиля? – спросила Ребекка. – Никаких указаний на то, что автомобиль подвергся внешнему воздействию и был вытолкнут с дороги?

– Выглядит как несчастный случай. Это печально известный отрезок дороги, – сказал Мохаммед. – Разумеется, машину сильно помяло, когда она свалилась с утеса. Но наши следователи не обнаружили признаков другого автомобиля: ни следов краски, ни следов от других покрышек.

Ребекка задумалась. Может, это на самом деле был несчастный случай. Но ее полицейская интуиция утверждала обратное. Возможно, другой автомобиль не сталкивал Уну Феррис с дороги, но ее могли запугать до такой степени, что она потеряла управление на опасном и обледеневшем повороте дороги. Однако в таком случае вряд ли удастся что-то доказать.

– Никаких свидетелей?

– Нет. Супружеская пара сообщила об инциденте примерно в два часа ночи во вторник.

За несколько часов до того, как ее отец предполагал встретиться с Уной Феррис.

– Эти супруги остановились возле обзорного пункта неподалеку: они хотели сфотографировать ночной вид или северное сияние. Потом увидели что-то блестящее на льду реки и заметили сломанное ограждение. Они позвонили в 911. Уна Феррис скончалась на месте происшествия. Ее автомобиль вытащили на следующее утро.

Ребекка поблагодарила Мохаммеда, отключилась и продолжила путь в городок Кэш-Крик.

Глава 44

Женщина, открывшая дверь, была согнута вперед под углом шестьдесят градусов и тяжело опиралась на палку. Ее волосы серо-стального цвета были собраны в жесткий узел на голове, на лице застыла болезненная гримаса. Судя по виду, ей было немногим более семидесяти.

– Я – сержант Ребекка Норд, – представилась Ребекка. – Спасибо, что согласились встретиться со мной.

– Заходите, – сказала Хлоя, с трудом попятившись, чтобы освободить место в крошечной прихожей. Хлоя поморщилась. – Проклятый артрит.

– Сожалею о вашей утрате, – сказала Ребекка, когда сняла парку и разулась. Слова прозвучали шаблонно. Этот рефрен она сама постоянно слышала в Клинтоне с тех пор, как вернулась домой.

– А я – о вашей.

Ребекка кивнула и поблагодарила женщину. В телефонном разговоре она уже рассказала о смерти своего отца и о том, почему она просит о встрече.

– До сих пор не могу поверить, – сказала Хлоя, проходя в маленькую, тускло освещенную гостиную с обшарпанной мебелью. Судя по всему, с деньгами у хозяйки было негусто.

Хлоя опустилась в коричневое кресло и жестом предложила Ребекке занять место на коричневом диване напротив себя. Из-за тюлевых занавесок на окне открывался вид на служебный вход ресторана «Дэйри Куин».

– Полагаю, в свое время я смогу это осмыслить, но все так неожиданно. Вы говорили, что у вас есть вопросы.

Ребекка села на диван.

– Как я уже говорила, мой отец собирался лично встретиться с Уной в прошлый вторник. Не знаю, рассказала ли она вам, о чем он собирался побеседовать с ней.

– Уна сказала, что капрал Норд задавал ей вопросы в связи со старым делом о пропавших людях. По ее словам, она солгала ему двадцать лет назад, будто видела, как молодая женщина и ее дружок сели в белый фургон. Она призналась ему в этом во время телефонного разговора. Она хотела помочь ему и была действительно рада встретиться с ним, чтобы снять этот груз со своей совести. Она сказала, что не вспоминала обо всем

до его звонка. Тогда, давным-давно, Уна была шальной девушкой и сидела на наркотиках.

Хлоя замолчала и с отсутствующим видом уставилась на занавески. Ребекка испытала прилив сопереживания: она хорошо знала, как горе истощает силы человека и притупляет его чувства.

Хлоя достала бумажную салфетку из коробочки, лежавшей рядом на столе, и высморкалась.

– Уна собралась с силами около семи лет назад после тяжелого кризиса, – продолжала Хлоя. – Она прошла реабилитацию и посвятила свою жизнь религии и искуплению грехов, накопившихся за прошлые годы. И переехала ко мне. Она...

Ее голос дрогнул. Она опять высморкалась и вытерла слезы. Когда она снова заговорила, ее голос был низким и хриплым.

– Уна заботилась обо мне по мере ухудшения моего здоровья. Она превратила уход за мной в свою миссию. Она – это все, что у меня есть... вернее, было. Не знаю, что я буду делать без нее.

Сердце Ребекки болело при виде этой несчастной старушки. Она незаметно посмотрела на часы, давая Хлое время прийти в себя. Но ей все равно были нужны ответы, и Ребекка гадала, когда детектив по расследованию убийств перезвонит ей.

– Уна сказала вам, почему она солгала? – тихо спросила она.

– Из-за наркотиков. Кто-то знал о ее слабости и воспользовался ею. Они заставили ее сказать, что она видела, как эти подростки сели в фургон с американскими номерами.

– Кто это сделал?

– Не знаю. Но у меня сложилось впечатление, что это был мужчина, кто-то из ее тогдашнего окружения. Уна собиралась рассказать капралу Норду все, что она помнила.

– Этот человек конкретно предложил ей сказать, что номерной знак был американским?

– Да, орегонские номера.

– Уна сообщала кому-либо, кроме вас, что собирается встретиться с моим отцом и официально опровергнуть собственные показания?

– Точно не знаю, но не думаю.

– Вам известно, с кем дружила Уна в те годы?

– Тогда она совершенно отстранилась от нашей семьи, так что я не знаю. Но мне известно, что она была знакома с Уитни Ганьон и Тревором Бьючемпом.

– Она не ходила в школу в Клинтоне? – Ребекка не могла припомнить

никого с таким именем в свои школьные годы.

– Она ходила в среднюю школу в Девилс-Батт, но так и не доучилась.

– В газетной статье того времени сказано, что Уне было восемнадцать лет, когда она дала ложные показания насчет фургона.

– Да. Ей как раз исполнилось восемнадцать, поэтому она начала работать в барах.

– Вы не помните, что это были за бары? И где она жила?

– Она не задерживалась на одном месте, работала официанткой в нескольких заведениях. Одно название, которое она упоминала, совпадало с названием города: Девилс-Батт.

Ребекка прекратила вести записи и задумалась. Это был тот самый бар, где Эш встречался с Уитни после того, как заявил, что между ними все кончено. Марси Фоссам тоже работала в этом баре. С тех пор он менял названия, и Ребекка не знала, как он теперь называется и существует ли до сих пор.

– Название застряло в моей памяти, потому что оно показалось ироничным на фоне ее обращений к Богу и церкви после избавления от тяги к наркотикам, – сказала Хлоя. – В то время она жила в Девилс-Батт с каким-то парнем, но я его не знаю. – Она снова высморкалась. – Жаль, что от меня мало пользы. Как вы думаете, что на самом деле случилось с этими пропавшими подростками?

– Это загадка, – ответила Ребекка. – Ее-то и пытался решить мой отец.

– Но почему кто-то хотел, чтобы Уна сказала, что они сели в машину с американскими номерами?

– Полагаю, чтобы запутать следы. Заставить нас думать, будто они уехали в Калифорнию.

Поэтому Бекка и была уверена в том, что они никуда не уезжали. Она считала, что ее отец пришел к такому же выводу. Но кто-то узнал о его расследовании и убил его раньше, чем он смог доказать свою правоту.

– Думаете, с ними произошло что-то ужасное? И тот человек, который заставил Уну дать ложные показания, был причастен к этому?

– Не знаю. Но мне хочется выяснить, с кем жила Уна в то время.

В кармане у Ребекки зазвонил телефон. Она украдкой посмотрела на экран: звонила детектив Грейс Паркер.

– Извините, но мне нужно ответить на звонок, – сказала Ребекка и поднялась. – Это следователь из Килоуна, который собирается помочь в нашем деле.

– Давайте. – Хлоя махнула рукой со старческими узелками вен. – Если хотите, можете выйти на улицу. У меня сейчас просто нет сил.

Ребекка поблагодарила Хлою и приняла звонок, направляясь в прихожую.

– Ребекка Норд слушает, – сказала она, потянувшись за своей паркой.

* * *

Ребекка сидела в «приусе» с включенным обогревателем, слушая детектива Грейс Паркер, которая сообщила, что ее группа получила разрешение заняться этим делом и открыть расследование. Ей удалось прикрепить Ребекку к следственной группе, главным образом в качестве консультанта и посредницы по контактам с местными жителями.

– Я получила разрешение от вашего начальства, – сказала Грейс. – И поставила в известность капрала Бака Джонстона, что теперь мы будем заниматься расследованием обстоятельств гибели капрала Ноя Норда. Мы также проинформировали офис коронера, что теперь следственные полномочия переходят к нам. Я попросила их скопировать все материалы по делу на данный момент. Сейчас я посылаю дознавателей, которые заново опечатают место пожара. Расчетное время прибытия – завтра утром. Не знаю, сколько им удастся раздобыть, пока не потеплеет, но я не хочу, чтобы кто-то нарушал место преступления, которое уже было нарушено. Я также рекомендовала сохранить тело капрала Норда до дальнейших указаний. Отдел полиции в Эшкрофте направляет нам материалы об аварии с гибелью Уны Феррис и будет сохранять остатки «субару» для криминологической экспертизы с нашей стороны.

Речь Грейс Паркер была живой демонстрацией полицейской эффективной сосредоточенности на работе без каких-либо эмоций. Ребекка хорошо знала таких офицеров. Они были настроены не заводить друзей, а раскрывать преступления и получать очередную звездочку на пути к успешной карьере.

– Я буду знакомиться с документами по мере их поступления, – сказала Грейс. – Сама приеду на место завтра или послезавтра. При необходимости могу привлечь новых сотрудников. Моя штаб-квартира будет расположена в полицейском отделении Клинтон, – и да, мне известно о вашем мнении, что капрал Джонстон в данном случае может иметь конфликт интересов, но мы не собираемся привлекать его к расследованию. Пока у нас нет свидетельств, что капрал Джонстон не прошел проверку на благонадежность.

– Понимаю. Буду ждать встречи с вами, – сказала Ребекка и тронулась с места. Окошки и ветровое стекло разморозились достаточно для нормальной поездки.

Когда она выехала на улицу рядом с домом Хлои, то кратко сообщила Грейс о своей встрече с тетушкой Уны Феррис.

– Сейчас я собираюсь в Клинтон, чтобы побеседовать с Джанет Ганьон, матерью Уитни Ганьон, и спросить, не знает ли она, с кем жила Феррис. Очевидно, что Уна была знакома с Уитни Ганьон. Я также проверю бар, где когда-то работала Уна Феррис, если он по-прежнему там. Он назывался «Девилс-Батт», но за прошедшие годы его название могло измениться.

Ребекка повернула на шоссе.

– В Девилс-Батт я также хочу поговорить с Фрэнком Хатфилдом, который держит там магазин скобяных товаров. Согласно газетной статье, которую мой отец скопировал из «Клинтонского часового», в день исчезновения Ганьон и Бьючемпа Хатфилд и его отец проезжали по лесовозной дороге, в то время охотничий сезон был объявлен закрытым. Они слышали стрельбу в лесу, и Фрэнк едва не погиб от ружейной пули, застрявшей в подголовнике его кресла. Они также видели кровь рядом с дорогой. Я хочу знать, успел ли мой отец поговорить с Хатфилдом. Мне нужно выяснить, на каком участке дороги произошел этот инцидент и почему мой отец так заинтересовался им. Возможно, Хатфилд сообщит полезную информацию.

Паркер дала Ребекке зеленый свет на все запланированные мероприятия и попросила держать ее в курсе после возвращения в Клинтон.

Глава 45

Ребекка смотрела, как Джанет Ганьон наливает кофе в две кружки на крошечной кухне посреди жилого фургона, где выросла Уитни. Со спины мать Уитни казалась хрупкой женщиной. Ее волосы истончились и были пронизаны седыми прядями, которые она не трудилась закрашивать.

Она поставила кружки на стол и пододвинула стул для себя.

– Я так и не уехала отсюда, потому что иначе мне бы казалось, как будто я бросила Уитни, если бы она вернулась сюда. Знаю, что это глупо. Сливки? – Она подняла маленький пакет.

– Нет, спасибо. – Ребекка кивнула в сторону окна и дома на другой стороне улицы. – Там жили Тора и Джейк Баттерсби?

– Да. – Джанет взяла кружку и повертела ее в руках. Темные круги под глазами казались провалами в пустоту, а ее кожа была тонкой и морщинистой. Она выглядела как женщина, которая слишком долго страдала и слишком мало спала. Даже ее голос истончился. Она казалась призраком былой Джанет Ганьон.

– Супруги Баттерсби были добрыми соседями. Я всегда могла рассчитывать на помощь Джейка, когда ломалась посудомоечная или стиральная машина или когда возникали проблемы с водопроводом. Настоящий мастеровитый мужик, и он всегда улыбался.

– Выходит, он часто бывал здесь?

Она ответила блеклой улыбкой.

– Да, когда ломались разные вещи. Но, пожалуй, мое старье чаще ломалось, чем работало. – Джанет покашляла и отпила кофе. – Значит, вы официально открываете дело об исчезновении моей дочери? После стольких лет? И вы пришли сказать мне об этом?

Ребекка кивнула:

– Группа по расследованию тяжких преступлений берет расследование в свои руки. Они посылают сюда своих сотрудников.

– Но почему? Почему сейчас?

Ребекка задумалась о том, как лучше сформулировать ответ, и решила, что Джанет заслуживает откровенности.

– Возможно, смерть моего отца не была самоубийством.

Джанет распахнула глаза.

– Это... *убийство*?

– У нас возникли вопросы. Перед смертью он снова занялся делом Уитни, потому что раздобыл кое-какую новую информацию. Есть вероятность, что его смерть связана с тем, что ему удалось узнать об Уитни и Треворе в ходе расследования.

Джанет резко поставила чашку на стол.

– Что за новая информация?

– Свидетельница, которая якобы видела, как Тревор и Уитни садятся в белый фургон, солгала.

– Что?

– Никто не видел, как они уехали из города.

Джанет глубоко задумалась.

– Вы хотите сказать... Уна Феррис... она их не видела?

– Нет.

– Почему она солгала?

– Это часть расследования. Я так понимаю, Уитни была знакома с Уной. Насколько они были близки друг с другом?

– Я... я не знаю. Она познакомилась с Уной в баре в Девилс-Батт.

– В баре «Девилс-Батт»? ^[8]

– Да. То же название, что и у города. Уна работала там. Ее ухажер был там управляющим, когда объявили об исчезновении Уитни.

У Ребекки зачастило сердце.

– Вы помните его имя?

Джанет покачала головой.

– Увы. – Она подняла свою кружку и помедлила. – Но почему бы не спросить Уну?

– Уна погибла в автомобильной аварии прямо перед смертью моего отца.

Джанет уставилась на нее и медленно опустила кружку.

– Это как-то связано?

– Это тоже часть расследования.

Джанет замолчала. Ее глаза наполнились слезами.

– С Уитни случилось что-то страшное? Я знала, что так и есть.

– Мы еще не знаем, Джанет, – мягко сказала Ребекка. – И будет полезно, если вы ни с кем не будете говорить об этом. Знаю, вам будет непросто, но это очень маленький город. Все связаны друг с другом, и, если сведения просочатся наружу, расследование будет затруднено.

– Я понимаю.

– Ариэль Макадам все еще в городе? – Ребекка имела в виду лучшую подругу Уитни.

– Несколько лет назад она переехала в Камлупс, – печально ответила Джанет. – Если бы не Ариэль, то я, наверное, не обратилась бы за помощью к твоему отцу тогда, в декабре. Я так беспокоилась, когда не пришло никаких известий, особенно перед Рождеством. Но я думала... что дочь просто ненавидит меня. Я... я подвела ее и понимала это. Как мать-одиночка, работавшая в двух местах без всякой поддержки от ее никчемного отца, я старалась пережить каждый день, да еще всякие назидательные беседы с дочерью. – Она утерла слезинку. – Уитни была трудным ребенком. В некотором смысле ее выходки и сексуальные похождения были призывом к моему вниманию, но я слишком поздно услышала. А потом она исчезла. Я... я старалась, Ребекка. Старалась, как только могла.

– Знаю. – Ребекка накрыла ладонью ее жилистую руку. – Если что-то еще можно найти, я приложу все силы, чтобы сделать это. Обещаю. – Ребекка помедлила. – Отец Уитни еще жив?

Джанет покачала головой.

– Рак легких. Он был заядлым курильщиком и пьяницей. Умер больше десяти лет назад.

Джанет встала и сняла маленькую деревянную шкатулку с полки в гостиной. Усевшись, она откинула крышку и достала фотографию младенца на коленях у молодой женщины.

– Это я и Уитни. – Джанет шмыгнула носом и грустно улыбнулась.

Ребекка изучила фотографию. Джанет выглядела как настоящая красавица – юная, с планами на будущее и любимым ребенком в руках. Девочка смеялась и протягивала ручки к фотографу.

– Кто сделал фотографию?

– Ее отец. До того как все пошло под откос. И у меня до сих пор хранится вот это. – Джанет открыла крошечную серебряную коробочку и развернула хлопчатобумажную обертку. – Один из ее младенческих зубов. – У Джанет задрожал подбородок, и она плотно сжала губы. – Такой... крохотный. – Она показала зуб Ребекке.

ДНК, подумала Ребекка, глядя на младенческий зуб. Они смогут извлечь ДНК для сравнения, если будут найдены человеческие останки.

– И это. – Джанет развернула кусочек ткани и показала золотистый локон, перевязанный красной ниткой. – После ее первой стрижки в парикмахерской.

Ребекка кивнула, испытывая стеснение от силы ее эмоций и глядя на маленькую святыню в коробочке, превращавшую Уитни в реальное человеческое существо. В старших классах Ребекка испытывала острую

неприязнь к Уитни Ганьон, распутной однокласснице, которая трахнулась с ее ухажером в амбаре. Но мать сохранила воспоминания о прекрасной златовласой крошке, о первом выпавшем зубе, о первой стрижке и безумной работе в стремлении поддержать дочь, одинокую и позабытую дома. Ребекка подумала о словах Эша о том, что Уитни была неплохой девушкой. И ей вдруг показалось, что Эш был гораздо лучшим человеком, чем она сама, несмотря на все свои секреты. Его ошибка с Уитни разрушила его жизнь, как и намерения Ребекки, но он все же нашел в себе силы для сочувствия. Чувство вины только укрепило ее решимость. Она отдаст должное матери Уитни. Она найдет ее дочь. Она сделает это ради своего отца.

– Какое у вас было мнение о Треворе, Джанет? – мягко спросила Ребекка. – Он любил Уитни? Он хорошо относился к ней?

Джанет аккуратно завернула зуб и вернула его в шкатулку вместе с локоном.

– Думаю, это была взаимная зависимость, – сказала она, когда закрыла шкатулку. – Они нуждались друг в друге, но не всегда были добры друг к другу. Пожалуй, на свой глуповатый манер они заботились друг о друге. У Тревоора были проблемы. Он вырос практически без родителей. В подростковом возрасте у него несколько раз были неприятности с полицией и о нем пошла дурная слава.

Ребекка подумала о Рикки и о том, как Эш старался предотвратить именно такую участь для внука Бегущего Ветра. Волна непрошеной нежности к Эшу едва не захлестнула Ребекку. Ощущение родства. Старые чувства, которые она больше не хотела испытывать.

– Наверное, Тревор думал, что он может оставить прошлое позади и начать все заново в Лос-Анджелесе, как хотела Уитни, – сказала Джанет.

– Тревор мог причинить ей вред? То есть если бы он решил, что она предала или обманула его?

– Тревор? Не думаю. – Она выдержала паузу. – Но кто знает, какие монстры могут таиться в голове у мужчины? – Джанет рассеянно посмотрела на шкатулку. – Я была уверена, что отец Уитни никогда не поднимет руку на меня.

– А он это сделал?

Джанет кивнула.

– Поэтому вы разошлись с ним?

Она снова кивнула и закусил губу. И у Ребекки снова защемило сердце. Все мечты этой матери пошли прахом.

– Вы знаете, с кем дружил Тревор?

– У него не было постоянных друзей. Он работал на нефтеносных песках и по другим контрактам на севере. Иногда его приятели приезжали в город и околачивались тут вместе с ним и Уитни. Но я никого конкретно не помню.

– До того как Уитни оставила прощальную записку, она давала понять, что сильно поправила свое финансовое положение?

Джанет резко вскинула голову.

– Забавно, что вы говорите об этом. Ее подруга Ариэль сказала об этом гораздо позже, когда ваш отец уже отказался от поисков. И я думала... я хочу сказать, что Ариэль говорила о весьма значительной сумме. Просто она думала, что это деньги Тренора.

«Все, что я имел. Каждый пенни, который я заработал и сэкономил с двенадцати лет. Все мои сбережения на учебу в колледже».

– Значительная сумма – это сколько?

– Порядка пятидесяти тысяч долларов. Если не больше.

Ребекка изумленно покачала головой.

– На нефтеносных песках можно заработать вполне серьезные деньги, – заметила Джанет. – Хитрость в том, чтобы сохранить их. Большинство парней тратят их с такой же скоростью, с какой и зарабатывают. Одна поездка в город, и дело с концом. Но, с другой стороны, это могли быть не те деньги, которые он сэкономил на контрактной работе. У меня сложилось впечатление, что время от времени он торговал легкими наркотиками. Может быть, он занимался тем же на нефтяных приисках. Многие из этих парней в то время сидели на кокаине.

Ребекка занесла это в блокнот. Но теперь она столкнулась с вопросом, которого боялась больше всего.

– Джанет... – Она кашлянула. – Вы знали, что ваша дочь была беременна?

Джанет безжизненно уронила руки перед собой, как будто локтевые нервы оказались перерезанными. Ее рот слегка приоткрылся.

– А она была беременна? – прошептала она.

– Судя по всему, да.

Молчание. Часы тикали на стене, ветер свистел за окном.

– Внук. Я могла бы иметь внука?

Ребекка дала ей время, чтобы осмыслить это.

– От кого? – спросила Джанет.

– Уитни сказала Эшу Хогену, что это его ребенок.

Джанет прикрыла глаза и сглотнула.

– Эш... он хороший.

– Правда?

Она открыла глаза и встретила взглядом с Ребеккой.

– А разве нет?

– Я не знаю, – тихо ответила Ребекка.

– Вы думаете, что Эш мог причинить вред Уитни?

– Нет, не думаю.

Но он что-то скрывал. И за годы своей службы Ребекка на личном опыте поняла, что иногда самые близкие люди оказываются самыми ужасными чудовищами. Статистика тоже доказывала это.

* * *

После ухода от Джанет Ребекка снова включила обогреватель в автомобиле и позвонила Эшу. Когда он ответил, она задала простой вопрос:

– Сколько денег ты дал Уитни?

Эш немного помедлил.

– Я же сказал, около одиннадцати тысяч долларов. Это было все, что я имел, тогда детям очень мало платили за работу.

«Все мои сбережения на учебу в колледже».

Ребекка отключилась и сидела, глядя на две проталины на ветровом стекле над выходными отверстиями обогревателя. Возможно, Эш отдал все свои деньги, но это вовсе не дотягивало до пятидесяти тысяч долларов.

Это произошло из-за денег? Из-за сорвавшейся поставки наркотиков? Могло ли это иметь прямое отношение к Тревору и Уитни, но не иметь никакого отношения к Эшу? Могли ли молодые люди прикарманить незаконные деньги, сбежать из города и спрятаться где-то в другой стране?

Но тогда почему Уну Феррис заставили сказать, что они уехали из города на автомобиле с орегонскими номерами? И кто мог заставить ее это сделать? Этот человек *должен* по-прежнему находиться в городе. Особенно если это связано со смертью ее отца.

«Что я упустила из виду?»

А если Уитни и Тревор на самом деле получили больше пятидесяти тысяч долларов, возможно, наличными, как поведала Солли, и если с ними случилось что-то плохое, то куда делись эти деньги?

Кто мог внезапно стать владельцем целой кучи наличных в 1998 году?

Кто еще владел тайной, за которую стоило убить?

Глава 46

– Нет, я так и не встретился с вашим отцом, – сказал Фрэнк Хатфилд, провожая Ребекку в заднюю комнату своего магазина в Девилс-Батт.

Хатфилд был шестидесятилетним костлявым мужчиной ростом под два метра, с бледным лицом и каймой рыжеватых волос, коротко подстриженных вокруг блестящей плечи на затылке. Он предложил Ребекке пластиковый стул, а сам уселся на краю металлического стола, заваленного бумагами. Вдоль одной стены выстроились кофе-машина, холодильник и микроволновая плита. На другой стене висели разные инструменты и заготовки для ключей.

– Ной позвонил и сказал, что хочет поговорить со мной об этом инциденте со стрельбой двадцатилетней давности, но он не сказал почему. – Фрэнк повертел в руках степлер, лежавший на столе. Его темно-карие, почти черные глаза напоминали Ребекке навозного жука.

– Вы хорошо помните этот случай? – спросила она.

– Господи, кто же не запомнит, как пуля из охотничьего ружья вспарывает подголовник у тебя за шеей? Думаю, Бог призрел меня в тот день. Если бы пуля прошла на дюйм в ту или другую сторону и если бы мой отец ехал чуть быстрее или чуть медленнее, то сейчас надо мной было бы шесть футов земли.

– Что произошло, когда вы поняли, что чудом спаслись?

– Отец остановил автомобиль. Мы посмотрели друг на друга, потом посмотрели на лес. Мы что-то увидели: бегущее, очень быстрое. Подумали, что это белохвостый олень, убегающий от браконьеров.

– А это могло быть чем-то еще?

Его густые брови плотно сошлись над переносицей.

– Вы имеете в виду другую дичь?

Ребекка подалась вперед, удерживая его пронзительный жучиный взгляд.

– А может быть... это был один из охотников? – предположила она, чтобы поколебать его уверенность.

– То есть *человек*? – Фрэнк замолчал, пораженный этой мыслью. – Боже, вы хотите сказать, что кто-то убегал от охотников?

– Думаю, именно об этом хотел спросить мой отец.

– Но почему? Почему ему вообще пришла в голову такая мысль?

– Я не знаю. – Ребекка сопровождала ложь слабой улыбкой. – Я лишь пытаюсь собрать воедино фрагменты того, чем занимался мой отец перед своей смертью.

Он провел по своей плечи бледной рукой с длинными пальцами.

– Ох. То есть я хочу сказать... Теперь, когда вы сказали об этом, мне кажется, что это *мог* быть человек.

– То есть вы не на сто процентов уверены, что это был олень?

Он провел ладонью по рту.

– Думаю... цвет немного отличался от местных оленей.

– Как это?

– Туловище, пожалуй, было слишком бледным. А шерсть скорее золотистая, чем бурая.

Ребекка ощутила прилив энергии. Она помнила фотографию Уитни, ее длинные золотистые волосы.

– Что было потом?

– Мы вышли из автомобиля и приблизились к опушке леса, чтобы посмотреть, что это было.

– Почему вы так поступили, если из леса могла прилететь еще одна шальная пуля?

– Сам не знаю. Это было... В общем, мне казалось, что все не так, как должно быть. Мы вышли, поскольку что-то было неправильно. Мы это чувствовали.

– Что именно?

Он покачал головой:

– Не знаю. Вернее, не могу припомнить.

– А потом?

– Потом мы увидели кровь на обочине дороги. В канаве. На траве и камнях, там было много крови. Мы только углубились в лес, но тут загредел гром и начался ливень. Штормовой ветер и молнии. Мы поспешили вернуться в автомобиль из страха перед ударом молнии; моего деда убило молнией на ранчо. Мы уехали и сообщили об инциденте в департамент охраны природы, когда вернулись домой.

– Фрэнк, у меня к вам большая просьба. Вы можете закрыть глаза, расслабиться, мысленно вернуться в прошлое и шаг за шагом описать мне, что вы видели, чувствовали или думали, когда вышли из автомобиля и заглянули в лес?

– Попробую.

Он закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

– Меня трясло от пережитого шока, – сказал он. – Я пытался

осмыслить, что произошло минуту назад, когда пуля ударила в подголовник...

Он сделал паузу. Ребекка видела, как двигаются его глазные яблоки под веками с прожилками синеватых вен.

– Мы вглядывались в тени. Между деревьями было темно. Ветви сильно колыхались, потому что надвигалась гроза. Ветер был очень плотным и горячим. Я ощущал нечто вроде электрического давления. Потом мы увидели движущуюся фигуру.

– Какого цвета?

– Я... – Он открыл глаза. – Определенно бледную... и более золотистую, чем олень. А я всегда считал, что видел оленя.

– Мозг иногда работает таким образом. Мы видим то, что ожидаем увидеть. Мы видим вещи, которые кажутся нам наиболее логичными в тех или иных обстоятельствах. Особенно во время стресса или сильного потрясения.

Фрэнк шумно выдохнул. Его лицо стало еще бледнее, глаза глубоко западали под надбровными дугами.

– Вы думаете, это был человек... женщина?

– Почему вы сказали «женщина»?

– Я... Возможно, из-за длинных волос. – Он казался подавленным. – Может быть, мой мозг говорил, что я видел оленя, но я чувствовал, что здесь что-то не так.

– А кровь?

– Кто-то был тяжело ранен. Темная артериальная кровь, когда животное получило смертельную рану и скоро истечет кровью, хотя само не подозревает об этом.

Нервы Ребекки буквально звенели, кровь стучала в висках, кожу покалывало. Она часто испытывала такую реакцию, когда отдельные фрагменты расследования начинали складываться в единое целое. Но пока что она не видела картину целиком.

– Если не возражаете, когда приедут мои коллеги, мы придем к вам, чтобы вы сделали официальное заявление, – сказала Ребекка. Она поднялась на ноги, достала карточку из своего бумажника и протянула ее Фрэнку Хатфилду. – Если вспомните что-то еще, пожалуйста, звоните мне в любое время.

Он посмотрел на карточку с таким видом, будто его тошнило.

– Фрэнк, пока я здесь, вы не могли бы показать на карте, где произошел этот инцидент?

– Да-да, конечно. – Он выдвинул ящик стола, пошарил там и вытащил

закатанную в прозрачный пластик карту местности из тех, какими обычно пользуются охотники и любители природы, которые хорошо знают, что в глуши современные технологии могут подвести человека, обрекая его на смерть.

Фрэнк отодвинул бумаги, разбросанные на столе, расстелил карту и взял ручку. Длинным паучьим пальцем он начал обводить изгибы главной лесовозной дороги.

– Мы проезжали этот участок. А пуля вылетела здесь. – Фрэнк обозначил место крестиком. – Прямо здесь. Я знаю, потому что это место находится почти на границе провинциального заповедника на южной стороне, а земли Короны, то есть государственные территории, находятся здесь, на востоке. А вот эта линия обозначает границу собственности на дальней стороне ранчо Хогена.

У Ребекки возникло ощущение, как будто она проглотила маленький холодный камень.

– А это, – Хатфилд указал длинным пальцем, – это заброшенный летний лагерь, который отец Олафа Хогена сдавал в аренду как учебное заведение для занятий по природоведению и ориентированию для местных школьников. Олаф не стал продлевать договор аренды, когда унаследовал ранчо, и эта часть земель Хогенов не используется уже десятки лет.

Олаф Хоген – отец Эша. Теперь ранчо принадлежит Эшу. *Вот дерьмо.* С какой стороны ни посмотри, Эш каждый раз оказывается в центре событий.

Когда Ребекка собралась уходить, Фрэнк окликнул ее:

– Ох, погодите!

Она повернулась.

– Я забыл. Это где-то здесь.

– Что?

– Сувенир. Я сохранил ее на память. – Он принялся выдвигать и задвигать ящики, роясь в каждом из них. Наконец он выпрямился и с торжественным видом протянул ей что-то. – Вот, нашел! Я *знал*, что она валяется в одном из этих ящиков. Не каждый день такие крошки влетают в окно автомобиля.

Он держал пулю тридцатого калибра с расплюсченной головкой.

– Выковырял ее из подголовника, – с широкой улыбкой произнес Фрэнк.

Глава 47

Ребекка сбросила скорость. Становилось темно, и дорога местами обледенела. Ребекка смотрела на здания через ветровое стекло в поисках старого бара «Девилс-Батт» или хотя бы места, где он стоял. Эта часть города не особенно изменилась за последние двадцать лет, разве что обветшала и стала еще более унылой. А может быть, это блеклый зимний эффект: голые ветви деревьев казались узловатыми пальцами, тянущимися к небу, дорога была белой, и ветер мелкими порывами гонял кучки сухого снега. Выветренная обшивка домов не оттенялась цветочными клумбами. А может быть, дело было в том, что новый участок автострады огибал этот район, что пагубно сказывалось на плотности движения и деловых предприятиях.

Девилс-Батт некогда был большой стоянкой для дальнобойных фур, водителей лесовозов и летних мотоциклистов. В самых разных местах здесь предлагались развлечения из разряда «только для взрослых», и заведения работали допоздна. Были и наркоманские притоны, о которых Ребекка слышала в юности. А в целом – сплошные бары, кафе и закусочные. Место, где люди вроде Эша и Уитни могли встречаться и сидеть в темной дальней кабинке, где никто не задает лишних вопросов. И не болтает.

Если только это не Марси Фоссам.

Теперь нужно было свернуть с шоссе и покружить по улицам, чтобы найти бар «Девилс-Батт». Если он еще остался на прежнем месте.

Ребекка ехала и думала над словами Фрэнка Хатфилда. Завтра она посетит место давней стрельбы, но сначала нужно будет найти автомобиль с хорошими зимними покрышками, предпочтительно шипованными. На периферии ее сознания, словно стая волков, неотвязно кружили мысли о том, что инцидент произошел у дальнего края ранчо Хогена. Когда она была подростком, Эш отказался проводить ее туда, несмотря на то что она выражала интерес и хотела посмотреть на руины летнего лагеря.

Она свернула за угол и сразу же увидела огромную вывеску на том месте, где находился старый бар. Розовые неоновые буквы гласили, что теперь здесь обосновался гриль-бар «Следопыт». Неоновые буквы зловеще мерцали на фоне сине-фиолетового северного неба. Ветер гнал по улице порывы снега, обрывки старых газет и другой мусор, скапливавшийся

вокруг низких продолговатых зданий складского типа.

Ребекка въехала на обледеневшую автостоянку и какое-то время изучала окружающую обстановку. Несколько больших автомобилей со снегоходами в открытом кузове были припаркованы поблизости. Рядом стоял мотоцикл, оборудованный для езды по гололеду. «Харлей-Дэвидсон». Он был очень похож на тот, который она видела на стоянке «Петрогаз». Ребекка ощутила укол тревоги.

Она внушала себе, что не о чем беспокоиться. Нужно лишь зайти внутрь, расспросить об истории заведения и посмотреть, сможет ли новый владелец или управляющий рассказать ей, кто заведовал баром в 1998 году, когда там работала Уна Феррис, или где она может раздобыть такую информацию.

Ребекка заперла «приус» и вошла в бар.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы глаза приспособились к тусклому освещению. Здесь не было ничего особенно модного. Минималистский дизайн, круглые столики, длинная стойка бара и бильярдные столы. Музыкальный автомат играл рок-н-ролл.

Вокруг одного столика собралось трое мужчин. Двое были одеты в черные зимние комбинезоны, а третий – в рабочую одежду: кархартовские брюки и теплую рубашку в клетку. Еще двое парней играли в бильярд в дальней части помещения.

Ребекка удивилась, когда увидела, кто работает за стойкой: это была живописная блондинка с прической-ирокезом, похожая на амазонку. Женщина, чью задницу поглаживал Бак Джонстон в «Лосе и Роге».

Мужчины за столом повернулись и посмотрели на Ребекку. Она осознала, что человеком в рабочей одежде был Гонзо, водитель тягача. Вторым был лысый байкер, которого она видела на бензоколонке. Третий, незнакомый человек, был похож на индейца, с блестящими черными волосами до плеч.

Ребекка кивнула Гонзо. Тот не улыбнулся, но поднял пивной бокал в знак приветствия.

Испытывая некоторое замешательство и остро чувствуя, что она безоружна, Ребекка машинально проверила свой телефон и расположение запасных выходов, а затем направилась к стойке бара. Все смотрели на нее.

Женщина с ирокезом уперлась расставленными руками в стойку и наклонилась вперед. Она была в черной футболке, открывавшей ее татуированные руки. Пирсинг в носу и бровях поблескивал в свете лампы.

Рост как минимум шесть футов, прикинула Ребекка. Тренированное тело. С такой особой лучше не сталкиваться в темной подворотне.

– Сержант Норд, – произнесла женщина с немецким акцентом.

Ребекка изобразила улыбку и отодвинула табурет.

– У вас есть преимущество передо мной, – сказала она и уселась на табурет в ожидании, когда женщина назовет свое имя.

– Вот и хорошо.

Ее слова повисли в воздухе. Музыка сменилась на легкую мелодию в стиле кантри.

Женщина с ирокезом вдруг ухмыльнулась. Внезапность этой ухмылки, острые зубы и вид ее изменившегося лица – все это поразило Ребекку, и женщина знала об этом. Ее ухмылка была похожа на выхваченный кинжал, мгновенно исчезнувший в ножнах.

– Чем могу помочь?

Ребекка попросила виски, рассудив, что это будет лучшим аргументом в ее пользу, чем сок или минеральная вода. И, честно говоря, сейчас ей хотелось выпить.

Женщина поставила на стойку бокал с толстым дном и налила порцию виски. Поставив напиток на пластиковый поддон, она подтолкнула бокал к Ребекке.

– Так что вам на самом деле нужно в «Следопыте»?

– Вы дружите с Баком Джонстоном, – сказала Ребекка и отпила маленький глоток.

– И что?

– Было бы славно узнать ваше имя. – Ребекка улыбнулась так дружелюбно, как только могла, и сделала еще один глоток. Теплое жжение от виски оставляло приятное ощущение.

– Цинн.

– Цинн кто?

Женщина фыркнула:

– Цинн Гутман. Собираетесь записать это, детектив? Сделать частью вашего расследования?

Ребекка посмотрела ей в глаза:

– Интересно, какого расследования?

– Смерти вашего отца. Все говорят, что вы не верите в его самоубийство.

– Да, не верю.

Цинн смерила Ребекку бесстрастным взглядом. Послышался треск рассыпавшейся пирамиды бильярдных шаров. У Ребекки было тяжелое ощущение того, что трое мужчины за столом внимательно наблюдают за ее разговором с барменшей. Зазвучала новая песня. Кто-то еще вошел в бар за

ее спиной. Ребекка заставила себя не поворачиваться.

– И группа по расследованию тяжких преступлений из Килоуна придерживается такого же мнения, – сказала она, сделав очередной глоток. – Они приступают к официальному расследованию.

Хотя Ребекка попросила Джанет Ганьон не разглашать эту информацию, о ней все равно станет известно завтра, когда приедет группа Грейс Паркер. А Ребекке хотелось посмотреть, как Цинн Гутман, подруга Бака Джонстона, отреагирует на такое откровение.

Барменша заметно напряглась и приподняла бровь. В ее взгляде появился неподдельный интерес; потом она посмотрела на мужчин, сидевших за столиком.

– На каком основании дело было открыто снова? – В ее голосе опять зазвучал немецкий акцент.

– Я не имею права говорить об этом. Но мне хотелось бы побеседовать с владельцем бара. Он здесь?

Цинн еще раз быстро взглянула на мужчин, потом повернула голову и крикнула:

– Уолли! Тут кое-кто хочет побеседовать с тобой!

Дверь за баром распахнулась, и наружу вышел мужчина около пятидесяти, с морщинистым лицом и близко посаженными глазами.

– Эта женщина, сержант Ребекка Норд, хочет перемолвиться словечком с тобой. Она – дочь Ноя, помнишь, того старика, который сгорел при пожаре?

Ребекка внутренне вспыхнула, но сохраняла бесстрастное выражение лица, пока Уолли в молчании смотрел на нее несколько секунд, а потом шагнул вперед.

Ребекка объяснила Уолли, что она ищет сведения о старом баре «Девилс-Батт». Цинн Гутман внимательно слушала, протирая стойку. Ребекка подозревала, что все ее слова будут переданы мужчинам за столом уже через несколько минут после ее ухода. А возможно, и Баку Джонстону.

– Мы можем поговорить наедине? – спросила Ребекка.

– Мы можем поговорить прямо здесь, – ответил Уолли.

Их взгляды столкнулись. Она физически ощущала на себе внимание мужчин за столом.

– Хорошо, – тихо сказала она. – Вы помните, кто управлял баром в конце 1998 года, когда он еще назывался «Девилс-Батт»? Или кто был владельцем?

– Да. Владелец был Барт Такер, а я работал управляющим. Почему это вас интересует?

Ребекка ощутила прилив энергии. «*Полегче*», – напомнила она себе. Она всегда может вернуться с поддержкой, или Грейс Паркер вызовет Уолли для официального допроса. Но даже самая простая информация поможет в продвижении ее расследования.

– Как ваша фамилия?

Он провел кончиком языка по внутренней поверхности губ; это движение напомнило Ребекке рептилию. Нечто холоднокровное.

– Фаулер, – сказал Уолли.

– Было несколько управляющих?

– Только один, только я. И помощник управляющего. Барт большую часть времени находился здесь, пока не продал мне это заведение.

– Значит, вы купили его?

– Да, и переименовал. – Он пожал плечами. – Это место нуждалось в переменах. Сюда приходят в основном заядлые охотники, которые ездят зимой на снегоходах, а летом – на мотоциклах, отсюда и название.

– Значит, ваши клиенты в основном охотники?

В его глазах промелькнула настороженность.

– Большинство людей, которые живут в Девилс-Батт, так или иначе охотятся. А что?

Ребекка подумала о волчьем логотипе на автомобиле Бака и о наклейке на автомобиле, который столкнул Рикки и Тори с дороги.

– Бар «Следопыт» имеет особые дружеские связи с каким-то охотничьим клубом?

Уолли не ответил. Его защитные барьеры уже были подняты. Тогда Ребекка сменила тему:

– Вы были знакомы с Уной Феррис?

Он заморгал.

– Уна? Черт побери, какое *она* может иметь отношение к этому делу?

– Вы ухаживали за ней?

– Ну да. Мы даже какое-то время жили вместе. Она выполняла кое-какие номера с легким стриптизом, пока мы еще занимались этим.

– Значит, вам известно, что она дала показания, будто Уитни Ганьон и Тревор Бьючмп уехали в белом фургоне?

– Да. – Его голос стал еще более настороженным, во взгляде появилось беспокойство.

– Наверное, она сама в тот день была за рулем, – предположила Ребекка.

Молчание.

– Вы не знаете, она умела водить автомобиль? В каком автомобиле она

была? Или за рулем сидел кто-то другой?

– Боже, я не помню! Это было двадцать гребанных лет назад.

– Когда вы последний раз видели Уну?

– Наверное, двадцать гребанных лет назад.

– Вы не знаете, где она теперь?

– Нет, а что?

– Как насчет Марси Фоссам? Она работала здесь в то же время, что и Уна?

– Марси? Да. И должен сказать, она работала гораздо лучше. Сейчас она успешно заправляет делами в «Пончиковом кафе Додда». Она умеет вертеться. Но Уна? Ее дела резко пошли под гору. Мы расстались вскоре после того, как она дала свидетельские показания.

– Почему она вдруг решила выступить?

– Господи, я не знаю. Возможно, потому, что мамаша везде расклеила плакаты о пропаже дочери, и этот коп, то есть ваш отец, начал поиски.

– Вы знали Тревора Бьючемпа? – спросила Ребекка. – Он часто бывал здесь?

– Да, когда приезжал в город. Регулярный клиент.

– В те времена ходили слухи, что «Девилс-Батт» был местом, где легко раздобыть кайф.

– Кайф?

– Да ладно вам, Уолли. – Она притворно улыбнулась. – Наркотики. Все знали об этом. Полиция провела рейды и арестовала несколько водителей грузовиков и мотоциклистов.

– Что бы ни происходило здесь между клиентами или на стоянке, это происходило без моего ведома.

– Разумеется. А когда вы приобрели это заведение, Уолли?

Он потер лоб.

– Наверное, в 2000 году либо на год раньше. У Барта было неважно со здоровьем. Он хотел продать бизнес.

Ребекка подумала о 50 000 долларах наличными, которые, предположительно, находились в распоряжении Уитни.

– И вам вдруг представилась возможность надежно обеспечить себя? – спросила Ребекка.

– Послушайте, мне не нравится ваш тон, и я не понимаю, какое отношение это может иметь к прискорбной кончине вашего отца. Сожалею, но на этом придется закончить. Я жду очередную поставку товара.

Уолли развернулся, ушел в свой кабинет и захлопнул дверь. Ребекка

смотрела ему вслед.

– Что-нибудь еще, дорогая? – поинтересовалась женщина с ирокезом.

Ребекка выпустила воздух, надолго задержавшийся в легких, и тихо спросила:

– Кто этот лысый парень за столом у меня за спиной?

Цинн Гутман выглянула из-за ее плеча.

– Джесс Скотт. А что?

– Он местный?

– Да?

– Чем он занимается?

– Он пьет пиво в моем баре. – Она сверкнула глазами на Ребекку. –
Остальное можете сами спросить у него.

Ребекка отодвинула табурет и положила на стойку деньги.

– Спасибо. Сдачу оставьте себе.

Ветер на улице пронзил ее холодными клинками. Тело Ребекки гудело от адреналина, а мозг бешено работал, когда она осторожно шла по гололеду к своему «приусу».

Теперь наступила полная темнота, но она видела свет, выбивавшийся из-под двери гаража в складском помещении рядом с баром. Вывеска над дверью гаража тоже была освещена и гласила: **Ремонтная мастерская Скотта**.

Ребекка помедлила. Где она видела это название? Ах да: наклейка на борту тягача Гонзо.

Ребекка подумала о взгляде, которым Гонзо наградил ее, когда она вошла в бар «Следопыт». И как он рассматривал сгоревшую хижину ее отца, когда приехал забрать ее «сильверадо». И его пальцы, пожелтевшие от никотина. Гонзо, который сидел рядом с лысым мужчиной по имени Джесс Скотт.

На ум пришли слова Эша:

«Специализированный магазин в Девилс-Батт... Дядюшка Уэса является его владельцем. Уэс работает у него по совместительству, а честно говоря, пропадает там всякий раз, когда у него есть свободное время».

Какое-то время Ребекка изучала вывеску, доверившись своей интуиции.

Рядом с подъемной гаражной дверью находилась небольшая входная дверь. Ребекка подошла к ней и постучалась.

Глава 48

Ответа не последовало. Ребекка оглянулась на автостоянку, где завывал ветер. Потом поежилась и толкнула дверь, которая открылась без звука.

– Эй! – Голос эхом отдался внутри.

В ответ лишь тишина да шелест ветра снаружи. Ребекка осторожно вошла внутрь.

– Эй! Тут кто-нибудь есть?

Молчание.

Она поднялась на платформу за гаражными воротами. Здесь было тепло, почти жарко. На подъемнике стоял черный пикап, но вокруг никого не было.

Она обошла вокруг автомобиля. «Форд F-350» с блестящей хромированной решеткой, приваренной передней дугой и хромированными колпаками на колесах. Такой же, как у Бака. И ряд поисковых прожекторов над кабиной. Но на заднем окошке не было наклейки с оскаленной волчьей пастью. Когда Ребекка обратила внимание на номерные знаки, ей вспомнились слова Бака:

«У меня пикап «форд F-350». Как и у половины мужиков в этом городе. Другая половина водит «дженерал моторс», «додж» или «сильверадо».

Кто-то наносил переводной орнамент в виде языков пламени на борта автомобиля. Желто-оранжевые языки лизали двери и завивались над задними колесами. Если на левом борту и была наклейка, которую заметила Тори, теперь она исчезла.

Ребекка подошла к автомобилю слева, сняла перчатку и провела рукой по панели, нащупывая признаки столкновения со снегоходом Рикки Саймона и одновременно думая о том, что панель уже могли выправить и закрасить, чтобы скрыть любые повреждения.

– Эй!

Ребекка вздрогнула и развернулась с сильно бьющимся сердцем.

В дверях соседнего склада стоял Уэс, вытиравший руки тряпкой. На нем был оранжевый комбинезон.

– Бекка? – В голосе прозвучало удивление, когда Уэс узнал гостью. Он быстро взглянул на «форд», потом на нее. – Что вы здесь делаете?

– Просто проходила мимо и увидела вывеску ремонтной мастерской, – поспешно сказала она. – Эш говорил, что иногда вы работаете здесь... на

вашего дядю. Его зовут Джесс Скотт, верно?

Уэс нахмурился. В его взгляде промелькнуло подозрение.

– Да, а что?

– Я только что видела его в соседнем баре. Я... я решила продать отцовский «сильверадо», если отремонтировать его будет слишком накладно. Поэтому когда я увидела вывеску, то заглянула сюда в надежде, что вы будете здесь. Может, вы все еще интересуетесь покупкой?

Уэс нахмурился еще сильнее.

– Да, интересуюсь. – Он снова покосился на автомобиль, стоявший на подъемнике. Его явно что-то беспокоило в соседстве Бекки рядом с этим «фордом».

– Я могу предложить справедливую цену, – сказал Уэс. – Только дайте мне время, чтобы все посчитать. Я позвоню вам.

«Он хочет, чтобы я убралась отсюда».

– Разумеется. – Она улыбнулась и указала на «форд» большим пальцем. – Красивый рисунок. Это ваша работа?

Уэс кивнул.

– Да, это мое самое большое увлечение в свободное время.

– Здесь есть небольшая вмятина. – Она провела рукой по борту автомобиля.

Он напрягся. Ребекка как ни в чем не бывало надела перчатку и ждала.

– В чем дело? – наконец спросил он.

– В общем-то ни в чем. Просто я узнала эту машину, видела ее в городе с такими же номерными знаками и наклейкой охотничьего клуба на заднем стекле. Знаете, с логотипом волка? Кажется, это клуб под названием «Волчья стая».

Он сглотнул и немного побледнел.

– Не знаю, что за автомобиль вы видели.

Значит, не отрицание, а дезинформация. Его поведение становилось все более и более интересным.

– Чей это автомобиль? – спросила Ребекка.

– Послушайте, я позвоню вам насчет предложения по «сильверадо», но мне нужно закончить работу.

– Минутку, – сказала она и запустила руку в карман. Ребекка достала сложенные листки, где Рикки нарисовал логотип на шлеме и снегоходе. – Вы узнаете эту работу, если поменять цвет на оранжевый?

Уэс посмотрел на рисунок и как будто оцепенел.

– А что? – спросил он. – Это имеет отношение к вашему расследованию?

– Просто у меня есть кое-какие вопросы. Вы узнаете рисунок?

Уэс поморщился и покачал головой.

– Трудно сказать. Возможно. Но я не помню, откуда он.

– Это очень характерный дизайн, – сказала Ребекка. – Такой специалист, как вы, должен был узнать его. По крайней мере, если логотип был изготовлен здесь.

Он снова покачал головой, отказываясь встретиться с ней взглядом. Теперь он лгал, и Ребекка была уверена в этом. Уэс Стил знал человека, которому принадлежал этот рисунок.

– Спасибо. – Она протянула ему карточку. – Если вдруг вспомните, позвоните мне.

Направившись к выходу, Ребекка резко повернулась лицом к Уэсу и сказала:

– Вы так и не сказали, кому принадлежит этот автомобиль.

– Я не вправе говорить об этом.

Она посмотрела ему в глаза.

– Возможно, вы знаете про охотничий клуб под названием «Волчья стая»?

Он облизнул губы:

– Да.

Она ждала продолжения. Уэс положил в карман ее карточку и принялся вытирать руки тряпкой, сосредоточившись на этой задаче.

– Это началось довольно давно. Экстремальная охота.

– Что это такое?

– Самые уединенные места. Все держат в секрете и объявляют в последний момент, так что парни не успевают как следует подготовиться, не знают характер местности, погодные условия и все такое. Они еще и создают друг другу помехи: тянут жребий и определяют, кто принимает решение. Это игра, соревнование. Ее проводят несколько раз в году. Мне нравятся такие вещи. – Он помедлил и хмуро посмотрел на Ребекку. – А почему вы спрашиваете?

– Я уже видела эту наклейку. Любопытство, только и всего. А вы знакомы с членами клуба?

Например, с Баком, который играл с Уэсом в бильярд в «Лосе и Роге» в тот день, когда она разговаривала с Солли Мичем. Или с Джессом Скоттом и Цинн Гутман.

Губы Уэса сжались в тонкую линию. Его взгляд заметался между автомобилем и соседним складским помещением.

– Не могу припомнить, кто там член, а кто нет, – проворчал Уэс.

– Ладно, спасибо. – Ребекка улыбнулась и убрала в карман рисунок Рикки. Уэс наблюдал за ее руками. – Позвоните мне насчет «сильверадо». Мне понадобится надежный автомобиль, чтобы ездить по проселкам.

– Поговорим позже, – сказал он.

Ребекка вышла из гаража. На улице стало еще холоднее. В небе висела горбатая луна, окруженная бледным гало. Ветви деревьев тянулись к небу зловещими силуэтами. Ветер погнал по льду жестяную банку.

Когда Ребекка смотрела на свой «приус», из окна, соседнего с гаражом, вдруг хлынул поток желтого света. Она остановилась, нахмурилась и отступила к стене здания. Держась рядом со стеной, Ребекка закуталась в парку и осторожно заглянула в окно. Сбоку она увидела пробковую доску с фотографиями – хвастливую демонстрацию или своеобразное портфолио со снимками разных машин с дизайнерскими украшениями. В левом верхнем углу висела фотография снегохода с росписью, нарисованной Рикки: огромный черный паук с паутиной на ярко-оранжевом фоне. Сердце забилось быстрее.

Внезапно внутри вспыхнули новые лампы. Ребекка отступила в тень.

Она заметила какое-то движение. Уэс. Он вошел и включил свет. Потом подошел к стойке и взял радиотелефон. Ребекка видела, как он набрал номер и заговорил, делая короткие жесты.

Дрожа всем телом, Ребекка продолжала ждать. Свет внутри погас.

Она поспешно вернулась к своему «приусу», завела двигатель, обогреватель и вентиляцию. Записала в блокноте номер «форда F-350», пока не забыла его. Когда ветровое стекло разморозилось настолько, что можно было видеть дорогу, она включила передачу и вырулила со стоянки.

Одно соединялось с другим. Круг сужался. Ремонтная мастерская Скотта и члены охотничьего клуба каким-то образом были связаны со смертью ее отца. Не хватало только подробностей.

И причин.

Какое отношение могли иметь эти люди к исчезновению Уитни и Тренора? Экстремальная охота пошла не по плану?

Глава 49

Рикки сидел рядом с Тори у камина в гостиной на ранчо Броукен-Бар. Тори учила его играть в шахматы. Оливия и Коул поднялись в библиотеку, чтобы не мешать им, и это казалось Рикки чем-то непостижимым. Они оставили Эйса внизу, и он посапывал перед очагом.

Дом был огромным. Вся их квартирка уместилась бы в этой гостиной с открытой планировкой, массивными балками, деревянными панелями и громадным столом для приема гостей и семейных ужинов. Они разделили трапезу за этим длинным столом: он, Тори, Коул и Оливия. Готовила домохозяйка по имени Рошен. На стол были поданы пирог с олениной и другая выпечка, плюс десерт и напитки. Оливия и Коул непринужденно беседовали с Рикки о том, собирается ли он покупать новый снегоход и намерен ли он устроиться летом на временную работу. Они спрашивали, сколько у него родственников, какие фильмы и книги ему нравятся. Что он думает о проекте строительства нефтепровода на севере, поскольку многие члены индейской общины, к которой принадлежал Рикки, принимали участие в политических протестах по этому поводу.

Его изумило, что людям не безразлично его мнение о таких абстрактных вещах. Как будто оно имело какое-то значение. Как будто им на самом деле было интересно. Это заставило его призадуматься. Раньше он не обращал внимания на возможные последствия такого строительства на индейских территориях и не думал, что произойдет с лесами, реками и животными в случае утечки нефти.

Мысли Рикки обратились к Бегущему Ветру, поскольку его дед заботился и беспокоился о подобных вещах. Но воспоминания о Бегущем Ветре были горькими. Слова Эша мелькнули в голове Рикки, когда он передвинул пешку.

«Бегущий Ветер вручил тебе этот нож как тотем, как память о себе. А не для того, чтобы вскрывать сарай у несчастного старика и красть его брагу... Он ушел туда отчасти ради себя, а отчасти ради тебя, Рикки. Ради тебя, твоей матери и Патти... Ты думаешь, что ему было бы лучше, если бы он позволил подключить себя к медицинским аппаратам? Месяцами валяться в стерильной клинике и высасывать из вашей семьи деньги, которых у вас все равно нет?»

Эти слова наполняли его чувством вины. Но они зажгли крошечный

огонек в его груди – желание прожить жизнь так, чтобы его дед мог гордиться им. Как будто Бегущий Ветер был компасом, и, может быть, если Рикки будет следовать указаниям этого компаса, у него появятся такие вещи, как этот фермерский дом. Вкусная еда за большим столом. Люди, которым интересно, о чем он думает. Если у него будет такой замечательный дом, то Патти переедет к нему и избавится от паршивого любовника его матери. Рикки беспокоило поведение этого типа. Рикки боялся, что и младенец, родившийся от этого парня, тоже может пострадать. Мысли переключились на то, что Ребекка говорила Эшу о кетамине, и постепенно становились все более мрачными.

Тори вдруг наклонилась вперед и сняла одну из его пешек с доски, освободив путь для своего слона к его ферзю.

– Эй!

Тори хихикнула и помахала снятой пешкой.

– Ты обречен, приятель. У меня все схвачено.

Рикки нахмурился и уставился на доску в поисках выхода из тяжелого положения. Эйс заворочался перед очагом. Снаружи завывал ветер, и Рикки ощущал не только физическое, но и душевное тепло. Безопасность и уют. Он поднял голову и встретился со взглядом Тори. Его сердце странно сжалось. Возможно, когда-нибудь, если такой день настанет, он сможет жениться на такой девушке, как Тори.

Глава 50

Карибу-Кантри, 17 января, вторник

Банковский служащий оставил Ребекку в маленькой душной комнате рядом с депозитным сейфом ее отца. Теперь, когда Грейс Паркер и ее группа официально взялись за дело, Ребекка сочла необходимым разобраться в состоянии дел ее отца.

Дадди Роулинсон из адвокатской конторы «Роулинсон и Даймонд» вручил ей ключ и копию отцовского завещания. Ребекка знала, что ее отец в прошлом пользовался юридическими услугами Дадди, и позвонила ему сегодня рано утром с целью убедиться, что он взял на себя обязанности душеприказчика.

Так и оказалось. Ребекку немного удивило, что ее отец был таким организованным человеком. Он завещал ей все, что имел: сторевавшую хижину, акры неводеланной земли, сломанные загоны для скота. Старый «сильверадо». Небольшой счет в банке, акции и облигации. И ключ от депозитного сейфа, стоявшего на столе перед ней.

Ребекка глубоко вздохнула и открыла сейф. Наверху лежала карта с обозначением границ отцовской фермы. Теперь это была *ее* ферма. Она оказалась гораздо больше, чем ожидала Ребекка. Земля и руины – все, что пришло в запустение после смерти ее матери. И если частица ее отца ушла вместе с ней, то все оставшиеся силы и энергию он вложил в свою работу и любовь к дочери. У Ребекки сжалось сердце.

Под картой находились архитектурные планы для перестройки дома, которая так и не наступила. Ребекка невесело улыбнулась. Там уже нечего перестраивать. Она отложила в сторону планы и карту. Ниже находилась стопка старых фотографий. Сверху лежал выцветший снимок молодой темноволосой женщины в желтом летнем платье и с ниткой жемчуга на шее. Она широко улыбалась.

Ребекка удивленно заморгала и перевернула фотографию. Сзади аккуратным курсивом было выведено девичье имя ее матери, Пейдж Ричмонд, и дата. Фотография была сделана за два года до того, как родители поженились. За три года до того, как в их жизни появилась Ребекка.

Волна чувств нахлынула на нее, и слезы размыли изображение. Сама

мысль об этой молодой красавице, чья улыбка много лет назад обещала светлое будущее... Ребекка даже не могла сформулировать, что это значило для нее. Солли была права. Ребекка видела собственные черты в лице этой молодой женщины, в ее осанке и в том, как она держала голову перед камерой.

Дальше были другие фотографии. Ее отец, новоиспеченный офицер конной полиции в парадном мундире. Он выглядел очень гордым. На другом снимке отец держал на вытянутых руках пухлую Ребекку примерно шестимесячного возраста, словно самолет на фоне голубого неба.

Она нежно прикоснулась к фотографии и ощутила шепот памяти. Вокруг нее мерцало и переливалось бывшее присутствие, извлеченное из этого ящика. Если мать Уитни хранила памятные святыни, воскрешавшие образ ее дочери, то этот сейф был святилищем в честь семейной жизни ее отца. И он завещал его Ребекке. Не все воспоминания об их прежней жизни исчезли в пламени.

Ребекка вынула фотографии. На дне ящика лежал темно-синий бархатный мешочек с завязкой. Она развязала мешочек, и наружу выпала нитка кремовых жемчужин.

Сердце остановилось.

Ожерелье матери. Те самые жемчуга, которые были на шее молодой Пейдж Ричмонд на фотографии, сделанной за два года до того, как она вышла замуж.

«О господи. Сейчас я не смогу этого вынести...»

По щекам Ребекки струились слезы. Она достала из кармана гигиеническую салфетку и высморкалась. Потом взяла жемчужное ожерелье и застегнула у себя на шее. Ребекка сунула жемчужины под свитер, где они холодили кожу, пока не начали согреваться. Она накрыла это место ладонью и, каким бы банальным это ни казалось, почувствовала себя так, будто вернулась домой. Она помнила это теплое ощущение материнских рук, обнимавших ее. Она чувствовала, как отец вращает ее на вытянутых руках, словно самолетик на фоне голубого неба. Она слышала отцовский голос, читавший ей детские сказки. Она чуяла запах хлеба, выпекаемого на кухне. Она помнила, как мама сажала ее в седло своей лошади и учила работать поводьями. Она ощущала глинистую землю, которую вскапывали в огороде, и видела мазок глины на лице матери, рассмешивший ее. Она помнила, как старый пес лежал у ног ее матери, пока та сидела за швейной машинкой на том столе, который сейчас стоит в сарае.

Ребекка испытала внезапное желание отшлифовать этот старый стол и

промаслить его. Вернуть его к жизни и поставить в просторной фермерской кухне. Эта мысль потрясла ее, но яркий цветной образ остался в сознании.

Ее взгляд упал на карту участка, и Ребекка с внезапной убежденностью поняла, что не собирается продавать эту землю. Только не сейчас. Там по-прежнему был ее дом. Это место и населявшие его люди – члены ее семьи – по-прежнему духовно находились там, и она не собиралась расставаться с ним, пока не почувствует, что воспоминания о них начинают растворяться, а их дух покидает землю. Надлежащее прощание с ними может занять некоторое время. Это будет означать столкновение с болезненными переживаниями вместо бегства от того, что причиняет боль. Она столкнулась с этим в юности и с тех пор постоянно убегала.

И может быть, думала она, возвращая фотографии, карту и планы в депозитный сейф, может быть, то, с чем она не сумела справиться в шестнадцать и семнадцать лет, сейчас было для нее самым необходимым. Связь с землей. Любовь к ней. Ощущение своих корней. На каком-то глубинном уровне она всегда страшилась оказаться брошенной и преданной. Если мать бросила ее со своей смертью, то Эш, ее опора, предал ее в жизни. Поэтому Ребекка оттолкнула своего отца, когда он оплакивал утрату жены и нуждался в дочерней любви. Она бросила его из-за собственных попыток выковать защитную броню для выживания.

Ребекка закрыла сейф, думая о том, какой сложной и запутанной стала ее жизнь.

«Я скучаю по тебе, папа. Мне очень жаль, что я так поздно вернулась домой».

Глава 51

Ребекка остановила свой новый арендованный внедорожник на обочине лесовозной дороги. После визита в банк она поменяла «приус» на джип с надежными зимними покрышками. Ребекка сверила отметку на карте Хатфилда с показаниями автомобильного GPS. Это было то самое место, где ружейная пуля влетела в открытое окно автомобиля Хатфилдов.

Ребекка выключила двигатель и вышла наружу.

Ее окружили холод и тишина бескрайнего леса. Свежевыпавший иней искрился на деревьях, на земле и на дороге. Хрустя снегом, Ребекка подошла к краю дороги, где Хатфилд видел канаву со следами крови.

Закаркал ворон, и Ребекка вскинула голову. В белесом небе разлеталась стая черных дроздов. Сердце забилося немного чаще, пока огромная стая слеталась и разлеталась, образуя причудливые узоры. Из-за вершин деревьев выглянуло солнце, окрасившее лес бледно-розовым светом. Но его лучи не принесли тепла.

Ребекка повернулась и посмотрела на лес. Здесь он был довольно плотным; на стволах старых деревьев выросла корка мерзлого снега. Мертвые сучья зловеще поднимались над кронами. На одном из них сидела хищная птица с тушкой мелкого зверька, трепыхавшейся в когтях. По спине пробежал холодок, когда Ребекка осознала, как близко отсюда находится ранчо Хогена. Она знала, что недалеко за деревьями есть луг, на другой стороне которого находятся руины заброшенного летнего лагеря – густо заросший лесистый участок на дальнем конце территории Хогена, который много лет оставался диким и неухоженным.

Ребекка хорошо помнила это место: когда она училась в десятом классе, она попросила Эша показать ей руины лагеря. Он повел себя странно и отказался так твердо, что это запало ей в душу. Он заявил, что сам не ходит туда и никто этого не делает. Он сказал ей, что среди развалин может быть опасно, но она ему не поверила.

Зимний холод начал глубже проникать в ее тело вместе с мрачными и непрошенными вопросами, которые не вязались с логикой. Почему Эш избегал этого места? Почему он лгал?

«Иногда мы видим то, что хотим увидеть. Как полицейский, который видит пистолет в руке вместо мобильного телефона. Как и Хатфилды, которые увидели бегущего оленя, а не молодую женщину с длинными

золотистыми волосами, потому что это привело бы к когнитивному диссонансу.

Как и я, возможно, отказывалась видеть разные вещи, связанные с Эшем?»

Но, мысленно возразила Ребекка, Эш избегал этого места до исчезновения Уитни и Тренора и до того, как Хатфилды получили пулю в подголовник кресла и увидели кровь и бегущее существо в лесу.

Ребекка перешагнула через ледяную корку, намерзшую над канавой, и вошла в лес. Судя по всему, она находилась там, где стояли Хатфилды перед грозой, разразившейся более двадцати лет назад. Перед той самой грозой, когда она увидела окровавленного и потрясенного Эша.

Ребекка прошла немного дальше. Высокие белые стволы, словно стражи, окружали ее, безмолвные и бдительные. Словно разумные существа. Это были величественные старые деревья. Они стояли здесь гораздо больше двадцати лет и видели все, что разыгрывалось под их кронами. Память о событии, свидетелями которого были Хатфилды, была записана в их плоти. Кровь, пролитая здесь, была впитана их корнями, питательные вещества отложились в годовых кольцах.

Тишину нарушил громкий треск. Ребекка набрала в грудь воздуха, застыла и прислушалась, пытаясь определить, где находился источник звука.

Лед?

Еще один резкий хлопок эхом разлетелся по лесу.

Выстрел.

Пуля с глухим стуком вошла в дерево над ее головой. Ребекка бросилась ничком на мерзлый снег. Ее сердце работало на предельных оборотах. Она лежала, слушая эхо, умиравшее в далеких холмах, и пытаясь вычислить, с какой стороны стреляли.

Наступила тишина, прерываемая лишь шелестом ветра и редкими птичьими криками.

Потом Ребекка услышала хруст: что-то двигалось в лесу, приближаясь из глубины.

Она немного приподнялась и осмотрелась. Никаких силуэтов,двигающихся между стволами или в тенях. Она встала на четвереньки и со всей возможной скоростью поползла к своему автомобилю.

Выбравшись на дорогу, она ползком обогнула автомобиль и потянулась к ручке двери со стороны водителя. Еще один хлопок и жужжащий звук. Пуля, вылетевшая из леса, отскочила от бампера. С бешено стучащим сердцем Ребекка распахнула дверь и забралась внутрь, держась ниже

ветрового стекла. Затем потянулась к отцовскому ружью, которое раньше положила на заднее сиденье. Она зарядила оружие и осторожно выглянула из-за ветрового стекла.

Пуля врезалась в борт ее джипа.

Ребекка быстро пригнулась, завела двигатель и открыла окошко. Потом медленно высунула наружу ружейный ствол и стала ждать, держа палец в перчатке на спусковом крючке. Еще одна пуля пробила борт автомобиля. Ребекка выстрелила в ответ.

Звук выстрела в салоне был оглушительным для барабанных перепонок. У нее заслезились глаза. Она ничего не слышала, кроме гула в ушах.

Потом она увидела какое-то движение среди деревьев. Открыв дверь со стороны водителя и пользуясь ею как прикрытием, Ребекка выстрелила снова.

За оглушительным звоном в ушах ей показалось, что она услышала звук стартовавшего двигателя. Снегоход. Его мотор взревел где-то за деревьями со стороны ранчо Хогена и постепенно стих вдалеке.

Испытывая головокружение от звона в ушах, она вернулась в автомобиль, перезарядила ружье и немного подождала.

Тишина.

Стая черных дроздов снова закружилась над лесным пологом.

Бледно-лимонное солнце поднялось чуть выше над вершинами деревьев. Все было спокойно, как будто ничего не случилось. Свидетелями были только она сама и застывшие хвойные великаны. Во многом так же, как это было с Хатфилдами двадцать лет назад перед грозой, которая смыла все следы, включая кровь. Но не пулю. Теперь эта пуля была у нее.

И теперь Ребекка знала, что кто-то сильно не хотел видеть ее здесь, на этом самом месте. Потому что в тот день, когда Уитни и Тревор как будто исчезли с лица земли, здесь произошло что-то очень плохое. Эпицентр находился здесь. Кровь раненого животного с таким же успехом могла оказаться кровью молодой беременной женщины. Вероятно, за ней охотились, как за диким зверем.

Ребекку замутило. Дрожащей рукой она достала телефон; сигнал сотовой связи отсутствовал.

Ребекка вышла из автомобиля и оценила нанесенный ущерб. Пули вошли в заднюю пассажирскую дверь и застряли где-то внутри. Теперь у нее были еще и эти пули. Все еще вздрагивая от повторных выбросов адреналина, Ребекка уселась за руль и тронулась с места.

Когда она наконец достигла асфальтированного шоссе на вершине

откоса и обнаружила сигнал сотовой связи, она остановилась у обочины и позвонила детективу Грейс Паркер. Ребекка сказала, что хочет привлечь к делу группу кинологов с собаками, натасканными на поиск человеческих останков, и объяснила почему.

– На дальнем конце ранчо Хогена есть заброшенный летний лагерь. Сначала нам нужно обыскать это место.

– Это частная собственность?

– Да, участок принадлежит Эшу Хогену. – Она ощутила подступающую тошноту, когда эти слова сорвались с ее языка. Она только что привела в движение механизм, чреватый неизбежными осложнениями для Эша. Это выглядело как предательство. Но что-то было не так с этой частью его ранчо. Он по-прежнему что-то скрывал. Как бы то ни было, Ребекка выполняла свой долг, и это было ее обязанностью перед отцом.

Грейс сообщила Ребекке, что она как раз приехала в город. Она посоветовала сразу же направиться в отделение полиции в Клинтоне и встретиться с ней. Они собирались организовать там диспетчерский пункт.

– Я направлю вызов группе K9^[9], – сказала Грейс. – А тем временем собираюсь получить ордер на обыск ранчо Хогена.

Глава 52

Ребекка присела на угол металлического стола в небольшой диспетчерской комнате, которую сержант Грейс Паркер временно конфисковала для своих нужд в полицейском отделении Клинтон.

Следователь по тяжким преступлениям привезла с собой детектива из Килоуна. В комнате также находился капрал Джей Мохаммед, офицер из Эшкрофта, который расследовал аварию с гибелью Уны Феррис. Кроме того, Грейс привезла техника, который должен был наладить оперативную связь и взаимодействие со штаб-квартирой отдела Юго-восточного округа.

– Итак, что мы имеем на данный момент? – Грейс стояла перед схемой преступления, расположенной на стене комнаты.

Грейс постановила, что эта комната должна быть заперта и недоступна для всех, кто не принимает непосредственного участия в расследовании. Исключения допускались только в случае ее личного разрешения.

Это означало, что Бака отстранили от следствия, и он был безмерно раздражен этим обстоятельством.

На Грейс был серо-стальной костюм с вязаным джемпером, который, как перчатка, облегал ее тренированную фигуру. Ее рост не превышал пяти футов и четырех дюймов, и ей было около пятидесяти. Она излучала впечатление профессионального опыта и безупречной эффективности. Ее голос был четким и отрывистым. Волосы были подстрижены достаточно коротко для максимального удобства, а движения были резкими, как и ее пронзительные серые глаза. Никакого обручального кольца или других украшений. Макияж был почти незаметным, но все же присутствовал. Маленькая дань тщеславию, как подозревала Ребекка.

Она на короткое время задумалась, всегда ли Грейс Паркер была такой или ее внешний вид был защитным панцирем, закаленным многолетней конкуренцией в борьбе за желанную должность главного следователя по тяжким преступлениям в правоохранительном ведомстве, которое, к сожалению, до сих пор сохраняло полувоенную структуру и с пренебрежением относилось к женщинам.

Раньше Ребекке хотелось стать таким полицейским, как сержант Грейс Паркер. Ребекка заметно продвинулась на пути к этому. Но, наблюдая за Грейс теперь, в этом полицейском отделении, которым раньше заведовал ее отец, Ребекка усомнилась в том, что по-прежнему хочет этого.

– Уитни Ганьон и Тревора Бьючемпа... – Грейс указала на их фотографии, – ...последний раз видели здесь. – Она постучала по точке на карте, прикрепленной к стене. – Автобусная остановка Renegade Lines на свободном участке рядом с «Пончиковым кафе Додда». О них не было никаких известий после воскресного утра 27 сентября, когда Эш Хоген высадил Уитни Ганьон и подрался с Бьючемпом, который, предположительно, имел при себе раскладной нож.

Она обвела взглядом членов своей группы, остановившись на каждом из них.

– Капрал Ной Норд расследовал это дело по собственной инициативе. Его интерес, судя по всему, был пробужден словами Торы Баттерсби.

Грейс изучила всю информацию, предоставленную Ребеккой, включая подробности ее визита в бар «Следопыт» и в «Ремонтную мастерскую Скотта» вчера вечером.

– «Форд F-350», который стоял на подъемнике, зарегистрирован на Джесса Скотта. Он также является владельцем автомастерской; кроме того, он совладелец бара «Следопыт» в партнерстве с Уолласом «Уолли» Фаулером. Судя по документам, он приобрел этот бизнес в ноябре 1998 года. Джесс Скотт известен полиции.

Ребекка выпрямилась. Это было новостью для нее. Время приобретения бизнеса тоже представляло интерес: в ноябре 1998 года, то есть прошло немногим более месяца после исчезновения Тревора и Уитни вместе с суммой, возможно, превышавшей пятьдесят тысяч долларов.

Грейс просмотрела свои записи.

– Скотт отбыл срок за хранение наркотиков с целью распространения, а также за физическое насилие и избиение. Имеет установленные связи с байкерскими группировками и торговлей наркотиками на севере.

Она подняла голову.

– Нам нужен ордер на обыск, чтобы определить, был ли его «форд F-350» причастен к инциденту с Рикки Саймоном и Тори Бартон. Пока у нас недостаточно улик для получения такого ордера.

Грейс указала на другую фотографию:

– Это Уна Феррис. Погибла в автомобильной аварии за несколько часов до того, как собиралась рассказать Ною Норду, кто склонил ее к ложным показаниям о том, что она видела, как Уитни Ганьон и Тревор Бьючемп сели в белый фургон с орегонскими номерными знаками.

Грейс кивнула в сторону капрала Джея Мохаммеда.

– Коллеги Джея из Эшкрофта возобновили расследование по делу Уны Феррис вместе с нашими коллегами из Килоуна. Феррис жила с Уолли

Фаулером и работала на него. Мы предполагаем, что она также была знакома с Джессом Скоттом. Нам уже известно, что она была знакома с Уитни Ганьон, а также, вероятно, с Тревором Бьючемпом, поскольку Фаулер утверждает, что Бьючемп был его регулярным клиентом.

Грейс прошла по комнате.

– Предположительно, пропавшие подростки имели при себе около пятидесяти тысяч долларов наличными. Также вероятно, что Уитни Ганьон была беременна от Эша Хогена.

Грейс перестала расхаживать и повернулась к своей группе.

– Добавлю еще для полной ясности, – сказала она. – Ребекка Норд не только является дочерью Ноя Норда; на момент исчезновения подростков она состояла в близких отношениях с Эшем Хогеном. С этого времени ее роль состоит в предоставлении дополнительной информации и консультационной работе. – Теперь Грейс обращалась только к Ребекке: – Спасибо за проделанную работу.

Ребекка сглотнула и кивнула. Она рассказала Грейс все, вплоть до мельчайших подробностей. Она больше не могла защищать Эша от тех секретов, которые он хранил, или лгать себе. Ей была нужна правда. Она была нужна им всем во что бы то ни стало.

– Это маленький город, – сказала Ребекка. – Здесь все знают всех. А мы с Эшем Хогеном разорвали отношения сразу же после того, как он связался с Уитни Ганьон.

– На данный момент Хоген остается ключевым заинтересованным свидетелем, – сказала Грейс. – Наша рабочая гипотеза состоит в том, что Ной Норд и Уна Феррис были убиты, потому что кто-то, имевший прямое отношение к исчезновению Ганьон и Бьючемпа, оказался встревожен разоблачением.

Она снова прошла на низких каблуках по комнате, повернулась к группе и скрестила руки на груди.

– Возможно, дело связано с деньгами; куда делась эта сумма? Это может быть связано с чувствами, с местью за предполагаемую измену. Мог ли Эш Хоген или Тревор Бьючемп причинить вред Уитни Ганьон? Или ее преследовал соглядатай, тайный воздыхатель, обезумевший от ревности?

Ребекка отметила, что Грейс не упомянула имя Бака. Пока что она уважала его должность, но держала это направление расследования открытым.

– Возможно, подростков забрали, когда они голосовали на автобусной остановке, и увезли на «экстремальную охоту» у дальней границы ранчо Хогена. Могло быть какое-то сочетание всех этих факторов. Но, как бы то

ни было, кто-то в городе знает правду. Тот, кто жил здесь двадцать лет назад и по-прежнему находится рядом. Подозреваемый либо все это время жил здесь, либо вернулся. – Грейс немного помолчала. – Или их несколько. Так или иначе, они продемонстрировали, что готовы убивать снова и снова.

– Вы получили предполагаемое время прибытия группы К9? – спросила Ребекка, посмотрев на часы. Ее снедало нетерпение.

– Группа прилетела на вертолете и приземлилась двадцать минут назад, – ответила Грейс. – Они уже на пути к главной лесовозной дороге и к месту, описанному Фрэнком Хатфилдом. К ним присоединится гражданская поисково-спасательная группа, которая сейчас оборудует командный пост. Но прежде чем мы сможем войти на территорию Хогена, нам понадобится ордер. Как только мы его получим, приступим к операции. Пуля из автомобиля Хатфилда была отправлена на баллистическую экспертизу, как и пули из вашего джипа. Криминалистическая группа сняла отпечатки в сарае Ноя и сейчас работает на месте пожара; конкретно они ищут дополнительные скрытые отпечатки на оружейном сейфе и оружии Ноя. Результаты вскрытия и токсикологический отчет направлены на вторичную экспертизу.

Телефон Грейс зажужжал. Она проверила сообщение и убрала аппарат в карман.

– Я выставила офицера, наблюдающего за баром «Следопыт» и ремонтной мастерской Скотта. Он будет сообщать о любой подозрительной деятельности. У нас есть сотрудники в Девилс-Батт, которые наводят справки насчет оранжевого снегохода и шлема. Мы пригласим Тору Баттерсби для допроса и Фрэнка Хатфилда для официального заявления. Мы также собираемся привлечь в качестве свидетелей Солли Мичем, которая имела подробный разговор с Нордом в день его смерти, и Эша Хогена.

У Ребекки пересохло во рту. Она напряженно заерзала на краю стола.

В дверь постучали. Вошла молодая женщина-капрал, которую Ребекка еще не видела. Она передала документы.

– Получили ордер на обыск, – пояснила она.

Грейс обратилась к офицеру из Килоуна:

– Доставьте ордер Хогену. Подъезжайте к главным воротам его ранчо и оставайтесь на связи. Как только он получит ордер, известите меня, и мы приступим к поисковой операции.

Ребекка резко поднялась на ноги.

– Я сама это сделаю.

Грейс Паркер вопросительно посмотрела на нее. Во флуоресцентном освещении, отражавшемся от стекол ее маленьких очков в тонкой оправе, ее взгляд был непроницаемым.

– Почему? – тихо спросила Грейс.

– Я знаю его, – сказала Ребекка. – Я могу читать его язык жестов. Я могу что-то узнать в зависимости от его реакции. Он будет более расположен к сотрудничеству и скорее скажет мне то, что не станет говорить незнакомому офицеру.

«Этим я обязана Эшу. Мне нужно самой сделать это. Мне нужно видеть его лицо, когда он узнает, что кинологи с собаками обыскивают то место на его ранчо, которое он никогда не хотел посещать».

Грейс ненадолго задумалась, взвешивая варианты.

– Хорошо. – Она кивнула женщине, та протянула Ребекке ордер, и у Бекки возникло тягостное ощущение, что Грейс Паркер играет с ней. Наблюдает и, наверно, ждет, когда Ребекка оступится. Потому что если Эш хотел убрать Уитни Ганьон из своей жизни, то Ребекка желала ее отъезда не меньше.

Глава 53

Наступило время ланча, и погода наконец стала выказывать признаки улучшения, когда Ребекка шла к озеру на ранчо Хогена. Домохозяйка сказала, что Эш на прибрежном льду вместе с Рикки.

Черные облака клубились и разрастались над далеким хребтом Марбл-Маунтинс, а потеплевший ветер причудливо изгибал ветви хвойных деревьев, ломая лед и высвобождая куски мерзлого снега, которые с шумом осыпались вниз по мере того, как повышалась температура. Ребекка слышала собачий лай, резкий стук хоккейных клюшек и скрежет коньков на льду. Поднявшись на пригорок, она увидела, как мужчина, мальчик и собака играют в хоккей на озере перед самодельными воротами.

Какое-то время Ребекка стояла и смотрела, осаждаемая мыслями о прошлом и будущем. Азарт и опустошенность, несостоявшийся отец и случайный сын.

Ордер в ее кармане как будто прожигал дыру в груди, а сердце сжималось от тревожного предчувствия.

Эш подцепил шайбу и послал ее вперед. Рикки устремился за ним размашистыми толчками. Кибу поскользнулся и с лаем заскользил за ними. Рикки упал и проехался на животе; Ребекка услышала его смех.

Эш подкатился к нему и протянул руку. Ветер растрепал его темные волосы. Рикки выбросил руку в перчатке и уцепился за руку Эша. Даже на расстоянии Ребекка ощутила силу связи, возникшей между ними. На душе стало еще тяжелее. Рикки придется уехать, вернуться к своей матери. Грейс хотела отделить юного свидетеля от заинтересованного человека, который мог принудить его к неправомерным действиям.

Отчасти Ребекке хотелось просто уйти и постараться обо всем забыть. Она не хотела участвовать в этих поисках, в нарушении границ частной собственности и во всем остальном, что за этим последует. Но, так или иначе, они с Эшем были нерасторжимо связаны с того жаркого июльского вечера на ежегодном фестивале родео в Клинтоне двадцать лет назад, как и Бакки Джонстон, мастурбировавший в амбаре и наблюдавший за Эшем и Уитни.

Когда Рикки выпрямился на льду, Эш крепко хлопнул его по плечу, а потом замер, словно ощутив присутствие Ребекки на пригорке. Он посмотрел в ее сторону.

Время застыло.

Наступил момент, после которого уже нельзя будет повернуть назад. Эш помахал ей, и она подняла руку в ответ. Эш медленно покатился на коньках к берегу; его движения изменились, как будто он почувствовал суровость ее безмолвного салюта. Рикки и Кибу последовали за ним. Они сошли со льда, пока Ребекка спускалась к краю озера.

Эш и Рикки сняли коньки на маленькой скамье, очищенной от снега, и надели ботинки. Ребекка ждала, стоя поблизости.

– Нам нужно поговорить, – обратился Эш к Рикки. – Возьми Кибу домой.

Рикки взглянул на Ребекку, потом с серьезным видом посмотрел на Эша.

– Иди, – сказал тот.

Рикки перекинул свои коньки через плечо и позвал Кибу. Пес потрусил к дому следом за ним. На полпути Рикки помедлил и оглянулся.

Эш кивнул ему, словно говоря: *«Давай, иди. Со мной все будет в порядке»*. Но Рикки понимал, что все совсем не в порядке.

Эш подошел к ней. Его щеки разругались от холода и физических усилий, льдисто-голубые глаза были необычно светлыми, темные волосы растрепаны.

– Это не похоже на светский визит, – тихо сказал он.

– Мне очень жаль, Эш. – Она запустила руку в нагрудный карман парки, достала ордер и протянула ему.

Эш прочитал документ. Если бы ветер не продолжал трепать его волосы, то Эш был бы похож на каменную статую.

Потом он посмотрел на Ребекку, но промолчал. Невысказанное висело в воздухе между ними.

– Ты могла бы просто попросить. – Его голос был тихим и спокойным. Опасным. Его глаза сверкали от ярости.

– Сержант Паркер требует, чтобы все делалось официально.

– Что? Ты думаешь, вы найдете там человеческие останки? Уитни и Тревора? Почему там? Почему на моей земле? Почему *в этом месте*?

– А что такого в «этом месте», Эш?

Он резко повернулся и зашагал к дому следом за Рикки.

– Эш!

– Я собираюсь туда, – крикнул Эш через плечо.

Ребекка поспешила за ним.

– Это плохая идея.

Эш развернулся к ней. Его глаза пылали ледяным огнем, челюсть

агрессивно выпятилась вперед, тело застыло в угрожающей позе словно перед броском.

– Это моя земля, моя собственность. Я имею право убедиться в том, что они не преступают полномочия этого проклятого ордера! – Эш помахал бумажкой перед ее лицом.

– Тогда я отправляюсь с тобой.

– Нет. Я возьму свой снегоход и поеду через участок. Так будет быстрее.

Он снова направился к дому. Ребекка схватила его за руку.

– Нет, Эш. Если ты хочешь отправиться туда, то поедешь со мной. В моем автомобиле. – Ребекке разрешили пользоваться полицейским внедорожником, потому что ее прокатный автомобиль был временно изъят в качестве улики. Она получила и служебный пистолет, который находился в кобуре на ее бедре. – Мы поедem кружным путем, по дороге. Я не могу допустить, чтобы ты помешал работе поисковой группы К9, приехав на снегоходе с другой стороны.

Эш остановился, не поворачиваясь к ней и кипя от гнева.

Гряда туч заметно приблизилась, закрывая бледный солнечный диск. Ветер усилился, и в воздухе закружились первые снежинки, оседавшие на темных волосах Эша.

Ребекка угадала тот момент, когда Эш решил уступить. Его плечи немного опустились, и он пошел к дому уже не так быстро, как раньше.

С сильно бьющимся сердцем она поспешила за ним.

«Я знаю его. Я могу читать язык жестов...»

Ей не понравилось то, что она увидела. Проблеск животного страха за внешней яростью. Опасное сочетание для хищника, загнанного в угол.

Глава 54

Дорога была перекрыта полицейским ограждением.

Ребекка показала свой жетон офицеру, чей автомобиль стоял за кордоном. В ответ он протянул ей планшет со списком имеющих право проезда. Когда она поставила подпись, офицер сказал, где можно припарковаться. Она передала ему планшет, и он жестом пропустил их.

Она вырулила к месту для парковки. Эш сидел рядом со стоическим и угрюмым видом. Во время поездки он не произнес ни слова, и напряжение в салоне было почти физически ощутимым. Ребекка испытывала недоброе предчувствие. Казалось, что все прошлые события должны были привести к этому моменту.

Они вышли из автомобиля и молча направились к командному фургону поисково-спасательной службы и небольшому сборищу полицейских и гражданских автомобилей с поисковыми и спасательными аббревиатурами. Все они, включая машину криминалистической экспертизы, стояли рядом с тем местом, где стреляли в Ребекку.

Этот участок был огорожен полицейской лентой, хлопавшей на ветру. Техники-криминалисты в белых водоотталкивающих комбинезонах прочесывали землю в поисках гильз и других улик.

Тропа, маркированная с двух сторон, вела к зоне поиска. Ребекка и Эш прошли по ней до большой поляны. Кусты и густые заросли иван-чая были покрыты снегом, который размягчался по мере продвижения погодного фронта. Тающие куски снега соскальзывали с ветвей и падали на землю. Освободившись от веса, ветви распрямлялись и снова сгибались на штормовом ветру. Казалось, что лес вокруг оживает и приходит в волнение. Крошечные снежинки, танцевавшие на ветру, быстро уносились прочь.

Ребекка и Эш пересекли поляну по маркированной тропе и вошли в лес на противоположной стороне. Теперь они находились на дальнем конце ранчо Эша. Женщина из поисково-спасательной службы, название которой было выведено белыми буквами на рукавах ее плотной красной куртки, остановила их.

– Прошу прощения, дальше нельзя, – сказала она. – Там работают кинологи.

Женщина была высокой, подтянутой, с открытым лицом без всякого

макияжа и светлыми волосами, собранными в тугий хвост на затылке.

Ребекка предъявила свое полицейское удостоверение.

– Сержант Ребекка Норд, – сказала она. – А это – Эш Хоген, владелец собственности.

Женщина смерила Эша прямым и решительным взглядом.

– Кэт Морган. – Она протянула руку в перчатке. В другой руке Кэт держала термocupку, откуда доносился запах кофе. – Координатор поисковых работ.

– Что-нибудь нашли? – поинтересовалась Ребекка.

– Еще нет. – Кэт отпила кофе, наблюдая за лесом. Она слышала обрывки голосов и звонков за деревьями, где должны были находиться руины заброшенного летнего лагеря. Снег падал на землю с верхних ярусов хвойного полога. Даже запах воздуха изменился: он стал мягче и насыщеннее.

– Перемена погоды для собачьего нюха только на пользу, – заметила Кэт, мотнув головой в сторону голосов и звуков. – В более теплую и сырую погоду запахи передаются лучше.

Они ждали, пока Кэт допивала свой кофе, а из полицейской рации у нее на груди доносились шумы и неразборчивые голоса. Потом в микрофоне послышался треск.

– Группа номер один вызывает Кэт. Группа номер один вызывает Кэт.

Она отступила в сторону, чтобы принять запрос от поисковой группы.

Ребекка взглянула на Эша. Весь его вид свидетельствовал об угрозе. Он выглядел крайне напряженным и озлобленным. Опасным. Он отказывался встретиться с ее взглядом. Вместо этого он неподвижно смотрел на деревья, слушая переключку кинологов. Недоброе предчувствие усилилось и камнем залегло у Ребекки в груди.

– Почему ты никогда не показывал мне это место, Эш?

Он плотно сжал губы. Видимо, он был слишком рассержен, чтобы разговаривать с ней. Или хуже того, он боялся.

– Что здесь произошло? Здесь ведь что-то случилось, верно? И ты знаешь что.

Теперь он посмотрел на нее, прямо в глаза. При виде его лица она ощутила острый укол тревоги.

– Эш, – прошептала Ребекка. – Пожалуйста, поговори со мной.

– Ты просишь меня как полицейский или как старая подруга?

Она сглотнула, но не отвела взгляд.

Эш повернулся, но в этот момент из-за деревьев донесся громкий лай, быстро сменившийся повизгиванием. Кэт убрала рацию и быстро пошла

между деревьев. Ребекка с Эшем направились за ней. Повизгивание становилось все громче и настойчивее. Они услышали мужской голос.

– Тут что-то есть! Есть сигнал!

Рация Кэт, идущей впереди, снова заработала. Они протиснулись через кусты и вышли на место.

Стройный черный лабрадор раскачивался вперед-назад и пронзительно лаял на массивное кедровое бревно, гнившее на небольшой поляне, где руины летнего домика выглядывали из-под снега и растительности.

Ребекка заметила, что рухнувшая крыша одного из домиков была забита фанерой, исписанной граффити. Место производило зловещее впечатление, как будто здесь находилась обитель призраков, оберегаемая высокими деревьями, сомкнувшими кроны вокруг него.

– Под этим бревном что-то есть! – крикнул кинолог, удерживавший собаку на поводке.

Кэт поспешила на помощь члену поисковой группы, который старался вычистить снег и другой мусор из большого дупла в середине бревна.

Когда они расчистили дупло, Кэт опустилась на четвереньки и посветила фонариком внутрь ствола.

– В том конце ничего не видно, – сообщила она.

– Это возле другого конца, – крикнул кинолог и постучал по бревну. – Дух что-то почуял здесь.

Из-за деревьев вышел полицейский офицер с ломиком в руках. Возбуждение нарастало, пока он с помощью добровольца из поисковой группы вскрывал верхушку прогнившего древесного ствола. Эш и Ребекка молча смотрели, как один из них воспользовался ломиком словно рычагом и откинул большой изогнутый кусок коры, будто крышку сундука. Или гроба. Пес по кличке Дух был натаскан только на трупный запах.

Все как-то притихли, и даже Дух перестал лаять.

Несколько снежинок слетело вниз из-под хвойного полога. Люди подались вперед. Кэт посветила фонариком в открытую полость.

– Вот черт, – прошептала она.

Ребекка подвинулась вперед, чтобы лучше видеть.

Внутри, освещенный лучом фонарика, лежал целый скелет, свернувшийся в позе зародыша. Кости выветрились до темно-коричневого цвета. Клочки разложившейся ткани прилипли к ребрам, но остальные кости были обнажены. Судя по всему, они идеально сохранились в этом кедровом гробу, куда не проникали грязь и осадки.

Кэт поднесла фонарик еще ближе. Ребекка наклонилась... и у нее перехватило дыхание.

В колыбели между тазовыми костями находилось нечто округлое, размером с теннисный мяч. Что-то, напоминавшее крошечные косточки.

Все молчали. Полицейский офицер включил свой фонарик и направил свет выше. Луч упал на кусочек окисленного металла возле черепа. Металлический кусочек был длиной примерно в дюйм и имел листовидную форму.

Перед мысленным взором Ребекки возникла школьная фотография из статьи в «Клинтонском часовом», опубликованной в конце 1998 года: яркая и полная жизни девушка с золотистыми волосами, широкой улыбкой и восторженным взглядом, устремленным в будущее. И сережки в форме листочков, блестевшие в ее ушах.

Уитни Ганьон.

Они нашли ее.

И ее ребенка.

Последние двадцать лет она проспала здесь, обвившись вокруг своего плода, защищенная старинным кедровым бревном. Прямо здесь, на земле Эша.

– Похоже, это пуля. – Полицейский направил свет фонарика на потемневший кусочек металла у левого плеча скелета.

– Все назад, отойдите назад! Немедленно! – крикнула Грейс Паркер, подходившая из-за деревьев в сопровождении двух техников-криминалистов в белых комбинезонах, один из которых нес фотокамеру. – Опечатайте эту зону, – рявкнула она офицеру. – Немедленно! Все назад! И мне нужно установить тент, который будет закрывать бревно. По прогнозу, этот снег превратится в дождь еще до наступления темноты. Далее мне понадобится освещение. Пусть сюда доставят портативную прожекторную систему и генератор.

Кинолог отступил в сторону и принялся играть в салочки со своим лабрадором, вознаграждая его за находку.

Ребекка посмотрела на Эша, который вышел из-за бревна и теперь стоял рядом с ней.

Он побелел. Его лицо было совершенно обескровленным. Он смотрел на маленькие череп и кости, лежавшие посреди тазовых костей скелета. Его ребенок.

– Уберите его отсюда! – яростно приказала Грейс, когда заметила Эша.

Эш побрел в кусты. Там он согнулся вдвое, и его несколько раз вырвало.

Грейс Паркер обратилась к другому полицейскому:

– Вы! Заберите отсюда мистера Хогена и отвезите в клинтонское

отделение. Зачитайте ему права и задержите для допроса до моего возвращения.

Глава 55

Карибу-Кантри, 18 января, пятница

Через зеркальную стену Ребекка смотрела, как Грейс Паркер и ее коллега из отдела убийств усаживаются за стол напротив Эша в комнате для допросов.

Они удерживали его в интересах следствия уже около суток. Грейс с партнером сделали перерыв и вернулись для очередного захода. Ребекка посмотрела на часы. Они должны были либо отпустить его примерно через полчаса, либо предъявить обвинение.

Эш попросил адвоката. Его адвокат, который неприятно напоминал Ребекке более молодую версию Лэнса, сидел рядом со своим подзащитным. До сих пор Эш шел на сотрудничество. Он добровольно сдал образец ДНК и отпечатки пальцев. Он выглядел постаревшим и усталым. Побитым, но не смирившимся. Могучим зверем, оказавшимся в клетке, где ему было не место.

Или нет?

Противоречивые чувства, смешанные с душевной болью и острой тревогой, не давали Ребекке сосредоточиться. Она хотела получить ответы не меньше, чем любой следователь, но все ее профессиональные инстинкты подсказывали, что, хотя Эш может оказаться невиновным, в деле остается некая загадка. Эш о чем-то умалчивал, и Грейс тоже чувствовала это.

Ребекка опасалась, что Эш настолько упрямо цепляется за эту мрачную тайну, которую он хранил в себе, что может угодить в тюрьму за это, особенно если он и его адвокат не проявят благоразумия.

– Он виновен, – заметил полицейский офицер, стоявший рядом с Ребеккой. – Виновен, как грех. Вы сами это видите.

Она уставилась на него, ощущая горячую ненависть, закипавшую внутри.

– А как насчет презумпции невиновности? – спросила она.

– Вам кажется, что он невиновен? – полицейский фыркнул. – После всего, что вы слышали на допросе?

Он вытянул руку и начал перечислять по пунктам, загибая пальцы:

– Хоген признался, что был отцом так и не родившегося ребенка. Он

признался, что хотел избавиться от общества Уитни Ганьон. Это он отвез ее на автобусную остановку. Потом он разозлился на Тревора Бьючемпа за то, что тот забрал его деньги и беременную девушку, и подрался с ним. Свидетель видел их. Свидетель видел нож. И Хоген откровенно лжет, когда утверждает, что этот шрам на его лице остался от лошади. Забавно, как это могло случиться в тот же самый день? Согласно вашим собственным показаниям, он брел по дороге в грозу, окровавленный, побитый и в почти бессознательном состоянии. Хоген признал, что видел ключ, торчавший в замочной скважине оружейного шкафа у Ноя Норда. Он мог вернуться туда на снегоходе. Он имел доступ к ветеринарным препаратам вроде кетамина в той части его ранчо, которая сдается в аренду скотоводческой ферме Дугласа. Их ветеринар хранит там свои запасы. Хоген признает, что Норд беседовал с ним о своем расследовании. В конце концов, Норд мог рассказать ему о свидетельнице из Кэш-Крик.

– Но где же тогда оранжевый снегоход и шлем, описанный Рикки Саймоном? – возразила Ребекка. – Их не нашли у него на ранчо.

– Он мог избавиться от них, когда понял, что дети побывали в сарае и могли видеть его шлем и машину. Это *он* мог попытаться столкнуть их с дороги.

– На его автомобиле нет наклейки, описанной Тори Бартон.

– Наклейку легко отклеить.

– А потом он спас их?

Полицейский пожал плечами:

– Такое возможно. После того как увидел, что они еще живы. Умный ход, чтобы направить следствие по ложному пути.

«Он солгал... Шрам на его лице остался не после падения с лошади...»

Это обстоятельство донимало ее отца. Настолько, что он позвонил ей и расспросил о подробностях.

Сейчас это обстоятельство донимало Ребекку.

«Сосредоточься. Рассматривай факты. Только факты».

К следствию привлекли криминалиста-антрополога. Она со своей группой уже находилась на месте, документировала могилу и останки; потом они заберут кости и отвезут их в специальное помещение, оборудованное рядом с моргом в Девилс-Батт.

ДНК из женского скелета проанализируют и сравнят с ДНК, извлеченной из младенческого зуба Уитни, добровольно выданного ее матерью. ДНК останков плода тоже отправят на анализ и сравнят с образцом Эша для подтверждения его отцовства. Эти анализы, по словам Грейс, будут проведены в ускоренном порядке, учитывая, что убийца или

убийцы могут до сих пор находиться на свободе.

Группа также ожидала результатов баллистической экспертизы пули Хатфилда и пуль, извлеченных из автомобиля Ребекки. Грейс была воодушевлена находкой еще не идентифицированных частичных скрытых отпечатков, которые криминалистам удалось снять с оружейного сейфа Ноя Норда.

Грейс Паркер раскрыла свой блокнот и возобновила допрос Эша.

– Где тело Тренора Бьючемпа? – спросила она.

– Я уже сказал вам, что последний раз видел Уитни и Тренора на автобусной остановке Renegade Lines в воскресенье, двадцать седьмого сентября.

– Вы точно помните дату?

– Да, точно.

– Почему?

Эш отпил воды из пластикового стаканчика.

– Потому что тогда я бы освободился для продолжения моих отношений с Ребеккой Норд. – Небольшая пауза. – Это много значило для меня.

К горлу Ребекки подкатил тугой комок. Она чувствовала, что полицейский, стоявший рядом, смотрит на нее.

– И вы получили травму позже в тот же день?

– Да, об этом я тоже рассказывал. Упал с лошади.

– Почему вы отказались ехать в «Скорую помощь»? – спросил партнер Грейс.

– Не могу сказать. У меня помутилось в голове.

– Вы знали Уну Феррис? – спросила Грейс.

– Меня познакомили с ней в баре, который тогда назывался «Девилс-Батт», в одноименном городе. И я еще несколько раз видел ее там.

– Когда вы встречались с Уитни?

– Да.

– Вы принудили Уну Феррис солгать о белом фургоне?

– Нет.

– Вы давали Уитни наличные деньги?

– Да, я уже говорил. Примерно одиннадцать тысяч долларов.

– Где сейчас эти деньги?

– Я не знаю, что произошло с этими деньгами.

– Где оранжевый снегоход и шлем с рисунком паука?

– У меня нет оранжевого снегохода или шлема с рисунком паука.

– Ваш работник Уэс Стил придумал эту раскраску и символы для вас в

мастерской...

– Послушайте, – вмешался адвокат Эша, подавшись вперед. Он откровенно посмотрел на часы. – Мы уже обсуждали все это. Мой клиент ответил на эти вопросы более одного раза. Вы должны либо отпустить его, либо доставить в суд и предъявить ему обвинение.

Грейс тоже взглянула на часы. Судя по выражению ее лица, она была раздосадована. Отношение следовательской группы совершенно изменилось после находки человеческих останков и крошечного скелета. Дело было серьезным и многообещающим. Оно разрасталось. Теперь речь уже шла не о старом психе и самогонщике, вечно пьяном полицейском из захолустного городка, который вдруг решил покончить с собой. Речь шла об их коллеге, который не отступился от расследования нераскрытого дела более чем двадцатилетней давности.

И о ребенке, который так и не появился на свет.

Вышло именно так, как хотела Ребекка: к ее отцу стали относиться серьезно. Как к коллеге, погибшему во время расследования, при выполнении служебного долга.

Ее цель была достигнута. Она почтила память своего отца. Она вернула ему гордость за его службу.

Но теперь перед ней стояла другая проблема. Эша допрашивали по подозрению в убийстве ее отца, и он столкнулся с возможным обвинением в убийстве двух подростков, один из которых носил его ребенка, а также с вероятным убийством Уны Феррис.

Ребекка встала, сняла свою парку со спинки стула и вышла из наблюдательной комнаты.

Проходя по коридору, Ребекка просунула руки в рукава парки. Она вышла в предвечерний сумрак, усиленный низко висящими черными тучами. С непокрытой головой она шла среди тихо падавшего снега, направляясь к тому месту, куда ее отец некогда обращался за теплом и дружеским общением. В «Лось и Рог» в старом мотеле «Карибу-Лодж».

Ей нужно было выпить.

Ей нужно было увидеть знакомые лица.

Ей нужно было встретиться с друзьями.

Глава 56

Карибу-Кантри, 25 января, пятница

Ребекка сидела за столом в «Лосе и Роге» с Солли и Дикси и с их мужьями, Люисом Мичемом и доктором Бобом Маккракеном. Они с удовольствием рассматривали новое меню с говядиной в горшке, тушенной с пивом «Гиннесс». Солли предложила им стать подопытными свинками для этого нового коронного блюда в ее заведении.

Бар был наполнен музыкой, смехом и голосами, стуком столовых приборов и звоном бокалов, запахами доброй и сытной зимней трапезы. На улице падал мягкий снег и держалась минимальная плюсовая температура.

Ребекка потянулась за бокалом пива и обратилась к Солли:

– Здесь всегда так много народу или только по пятницам?

Солли усмехнулась:

– Такое бывает, когда для единственной лошади в городе есть только одна поилка.

– Это, да еще и середина зимы, – добавил Льюис. – Народ хочет где-нибудь собраться и пообщаться в непринужденной обстановке.

Льюис хорошо выглядел. Он еще не достиг пятидесяти лет и мог похвастаться густыми каштановыми волосами и лукавыми карими глазами.

– Как в сельской гостинице, – добавил Боб, подцепив вилкой дымящийся кусок новомодного пирога с тушенкой и отправив его в рот. Бывший сельский врач заметно пополнился, а его шевелюра поредела, но он с явной гордостью и удовольствием носил свои новые полномочия городского мэра. Теперь он гораздо больше нравился Ребекке, чем в детстве.

Она улыбнулась и почувствовала себя лучше. Ей было хорошо в обществе этих людей.

– Вы, ребята, тоже развиваете «индустрию гостеприимства»? – обратилась она к Солли и Льюису.

– Мы неплохо потрудились после смерти моего отца, – сказал Льюис, отломив кусок бездрожжевого хлеба и полив свою тарелку густым мясным соусом. – Боже, благослови его душу, но после его кончины дела пошли гораздо лучше.

– Льюис! – Солли ущипнула его за руку.

– Это правда, – проворчал Льюис с набитым ртом, смешливо

поблескивая глазами. «*Вот прохвост*», – подумала Ребекка. Льюис был обаятельным, соблазнительным и приятным собеседником.

Солли подняла свой бокал темного пива.

– Старый Мичем был микроменеджером, одержимым жаждой контролировать все и вся, – сказала она. – Желчный по натуре, но он просто родился таким.

– Ах, – грустно произнес Боб Маккракен. – Оставьте уж в покое призрак старины Мичема.

Дикси положила маленькую ладонь на здоровенную лапищу мужа. И когда Ребекка посмотрела на эти две супружеские четы – все такие разные, но каждый в чем-то дополнял своего партнера, – она почувствовала укол щемящей пустоты. В понедельник Ребекка официально прекратила свои отношения с Лэнсом. Или, вернее, Лэнс бросил ее. Он сообщил ей по телефону, что попросил своего младшего партнера Хизер Уайтхолл переехать к нему. Лэнс страшно извинялся по поводу такой новости в то время, когда Ребекка боролась с утратой своего отца, но Бекка оборвала его:

– Все замечательно, Лэнс. Я рада за тебя. Будь счастлив с ней.

Она глотнула холодного пива, вспоминая прилив стыда, когда она глупо расплакалась в своей комнате после того, как положила трубку. Она оплакивала утрату того, чего на самом деле не хотела, но теперь она осталась совсем одна.

– Ты как, нормально, Бекка? – спросила Дикси, наблюдавшая за ней.

– Да. Да, я в порядке. – Ребекка сделала очередной глоток и сопровождала его куском пирога. – Просто меня немного отстранили от расследования, – добавила она, жуя мясо. – Чувствую себя заброшенной.

– Я тебя понимаю. – Дикси криво улыбнулась. – Мою работу проверяют, и это тоже не подарок.

– Дикси, дело так или иначе должно было перейти к RMCP после того, как нашли кетамин и дополнительные улики.

Дикси потянулась за своим бокалом.

– И все же. – Она подняла бокал. – Пью за ответы и объяснения.

Они поддержали тост, но общее настроение изменилось.

– Как это сказалось на Баке Джонстоне? – спросила Солли, подцепив последний кусок пирога на своей тарелке.

– Не знаю, – ответила Ребекка. – Он точно был не рад видеть Грейс и ее команду. Но судя по тому, что я недавно слышала, к его работе нет никаких претензий. До сих пор. Кто-то хорошо поработал, чтобы инсценировать самоубийство, достаточно для того, чтобы затормозить

первоначальное расследование. Если бы отец не позвонил мне, все могло бы закончиться прямо здесь.

Люди за столом немного помолчали. И фигурой умолчания для них был Эш Хоген. Никто не спрашивал о нем и не упоминал его имя, хотя Ребекка знала, что весь город полнился слухами о скелете, обнаруженном в кедровом бревне, и о крошечных детских костях. Все как будто ждали развязки, подвешенные на ниточках, пока команда Грейс Паркер кропотливо продолжала расследование.

Поместье Эша подверглось тщательному обыску на предмет поиска оранжевого снегохода и шлема. Насколько было известно Ребекке, пока ничего не нашли. Не нашлось и достаточных улик для ордера на обыск в ремонтной мастерской Джесса Скотта или его автомобиля, который мог иметь отношение к инциденту.

Прибыла вторая группа кинологов, и поиск вокруг руин заброшенного летнего лагеря был расширен с намерением обнаружить останки Тренора Бьючемпа. Но здесь пока тоже не было никаких известий.

Следователи из группы Грейс допросили Уэса Стила, который выглядел испуганным и не склонным к сотрудничеству, что лишь разожгло интерес Грейс Паркер. Уоллес Фаулер и Джесс Скотт тоже отказались сотрудничать с полицией.

Как выяснилось, Уоллес тоже имел криминальную историю, связанную с хранением наркотиков с целью распространения. Много лет назад он отсидел небольшой срок за это. Грейс велела полицейским из Девилс-Батт искать другие связи: байкеров, дилеров, водителей грузовиков. Уоллес Фаулер и Джесс Скотт имели непостоянные контакты с известными членами организованных преступных группировок, которые занимались перепродажей наркотиков на севере и пользовались услугами местных курьеров из резерваций. Но вопрос о том, имели ли они какое-то отношение к исчезновению подростков или к деньгам, якобы полученным Уитни, или к ложным показаниям Уны Феррис, или к поставкам кетамина, по-прежнему оставался загадкой.

Грейс также допросила ветеринара, работавшего с крупным рогатым скотом на ранчо Хогена, о его запасах кетамина, проверяя показания Эша. А Рикки вернулся к своей матери, пока Тори оставалась в надежном убежище на ранчо Броукен-Бар.

— Вас не оставляют в покое, Ребекка? — осведомился Боб. — Дикси сказала, что вы приобрели новый автомобиль.

Ребекка улыбнулась:

— Да, отцовский уже никуда не годился. Я разбираюсь в его бумагах и

выправляю дела к тому моменту, когда наконец получу его тело для погребения. – Она снова потянулась к бокалу. – Я хочу, чтобы он был похоронен здесь, на маленьком кладбище, рядом с моей мамой. Это был его город, и он служил здесь. Будет хорошо, если они окажутся вместе.

За столом снова воцарилась тишина.

– Кстати, о поминальной службе, – кашлянув, произнес Боб. – Вам нужно провести ее у нас на ранчо. Мы будем рады принять всех. Ной был не только моим пациентом, но и другом.

– Именно так, – согласилась Дикси, вытерев рот салфеткой. – Мы будем рады провести почетную службу в его честь, Бекка. У нас очень много места. Мы можем пригласить весь город.

– А знаете, что я думаю, – сказала Солли, наклонившись над столом. – Нужно сделать это прямо здесь. В «Лосе и Роге». Это было любимое место Ноя. Он всегда приходил сюда, когда уезжал из дома. На стене висят его фотографии. Все здесь знали его, все были его друзьями. Мы можем закрыть лавочку для поминального торжества. Первый круг выпивки за счет заведения. Хорошая еда, хорошая музыка. Наверху есть комнаты для тех, кто захочет остаться здесь. Ему бы такое понравилось.

Чувства теснились в груди Ребекки. Ее взгляд обратился к Торе Баттерсби, которая сидела в дальнем конце бара со своими закадычными приятелями Доном Бартоном и Джерри Фиббсом. Ребекка почти что видела, как дух ее отца сидит рядом с ними, болтает и смеется. Чувствует себя менее одиноким. Потом она встретила взглядом с Солли.

– Думаю, ему бы такое понравилось, Солли. Спасибо тебе. И вам спасибо за предложение, Дикси и Боб, я... – Ребекка на секунду лишилась дара речи. – Я думаю, он действительно был бы рад узнать, что все мы собрались в «Лосе и Роге» в его честь.

Солли быстро обняла ее, и Ребекка ощутила ее искреннюю близость и родственные чувства. Лучше было разделить горе с такими людьми, чем замкнуться в себе и пытаться справиться в одиночку.

Обнимая Солли, Ребекка заметила Марси Фоссам, вошедшую в бар в обществе мужчины.

– Привет, ребята, как дела? – Марси подошла к их столику, в то время как ее спутник направился к бару. Она была в облегающих черных брюках и свитере с крошечными блестками. – Есть новости насчет опознания тела? Или они уже нашли другое?

Солли взвыла от смеха.

– Тебе об этом расскажут в последнюю очередь, Марси!

Марси надула губы, хотя ее глаза улыбались.

– Ты знаешь, как испортить девушке веселье. Тебе известно, что они привлекли и допросили меня? Эта Грейс Паркер, она холодна как сталь. Наверное, ее не трахали уже лет десять. Они хотели знать, помню ли я Уну Феррис. Бог знает почему. Я слышала, что Уна недавно погибла в автомобильной аварии. Гололед.

– А ты знала ее? – спросил Льюис.

– Ну да, мы обе работали в старинном баре «Девилс-Батт» в Девилс-Батт. – Она покосилась на Ребекку. – Примерно в то время, когда Эш и Уитни приходили туда. И Тревор тоже. Уна встречалась с Уолли, который теперь хозяйничает там. Просто ужасно было узнать про ребенка Эша; я чуть не съехала с катушек, когда услышала о костях зародыша и посмотрела в интернете, как это выглядит. Мать его, Эша нужно убить, если он знал, что эти маленькие кости все это время лежали там. Он хотя бы задумывался, мальчик это или девочка? Просто я услышала от Бака, что это был ребенок Эша. Вот и думай теперь, будто разбираешься в людях. – Марси покачала головой.

– Он невиновен, пока не доказано обратное, Марси, – сказал Боб, заметивший, что Ребекка готова взорваться.

– И Баку тоже не следовало говорить об этом деле, – добавила Дикси.

– Его обошли стороной. – Марси бросила взгляд на Ребекку, как будто та была виновата в этом. – Он не просто отстранен от дела. Его даже *допрашивали* насчет его знакомых, Цинн Гутман и Уолли, но кто их не знает? Уэса и Джесса тоже допросили, потому что Уолли играет с ними в бильярд. Господи, да в этом городке все знают всех! Бак как раз подходит для этого. Он дружит со всеми.

– Поэтому RMCP каждые пять лет проводит ротацию полицейских офицеров в маленьких городах, – сказала Дикси. – Иначе можно потерять объективность. Ты становишься уязвимым для внушения и не видишь вещи, которые не хочешь видеть.

– Но я все равно не имею понятия, почему их допрашивали. Это бессмысленно... – Голос Марси пресекся, когда она увидела того, кто вошел в бар.

Все обернулись посмотреть.

Эш.

Он помедлил у входа, заметил за столиком Ребекку и остановился.

Ее сердце замерло и прерывисто застучало в груди.

Выглядел он ужасно. Бледный и похудевший. По-прежнему крупный, но что-то в нем было непоправимо сломано.

За столом воцарилось молчание. Все смотрели на него. Его

присутствие, словно неслышный шепот, распространилось на остальных посетителей, которые тоже повернулись к нему. Как будто Эш был изгоем общества.

Он кивнул Ребекке и направился к бару.

– Думаю, это сделал он, – прошептала Марси, глядя на Эша. Ее партнер подошел к столу с двумя бокалами пива. – Мне пора, – добавила она и вышла из бара.

Настроение за столом, где сидела Ребекка, стало серьезным и сосредоточенным, как будто все вдруг протрезвели. Они закончили трапезу, остро чувствуя присутствие Эша, сидевшего у стойки бара спиной к ним.

У Ребекки зазвонил телефон. Она проверила номер: сержант Грейс Паркер. Так поздно, в пятницу вечером?

– Извините, мне нужно принять звонок, – сказала Ребекка и вышла в холл. Она стояла рядом с настенным телефоном, с которого отец позвонил ей в начале месяца. Казалось, с тех пор прошла целая вечность. Ребекка приняла вызов.

– Ребекка Норд слушает.

– Ребекка, я хочу, чтобы вы знали. – Голос Грейс звучал бесстрастно; ничто не предвещало того, что она собиралась сказать. Одним словом, идеальный полицейский. – Мы получили результаты по ДНК.

Ребекка крепче сжала телефон. Через стеклянные двери салуна она могла видеть профиль Эша у стойки бара.

– Каковы результаты?

– Это Уитни Ганьон. ДНК из скелетных останков совпадает с ДНК из зуба, полученного от Джанет Ганьон. – Последовала пауза. – Что касается теста на отцовство... – Ребекка напряглась. – ...результат не совпадает с ДНК Эша Хогена.

– *Что?*

– Хоген не является отцом так и не родившегося ребенка Уитни Ганьон.

Глава 57

– Где он это достает? – требовательно спросил Рикки у своей матери.

Она стояла на кухне и выглядела как старуха. Младенец уснул на койке в ее спальне. Патти делала домашнюю работу в соседней гостиной; телевизор, как обычно, был включен почти на полную громкость, в основном для того, чтобы заглушать крики.

– Убирайся отсюда, Рикки. Я не обязана отвечать на подобную дрянь. Ты разбудишь малыша.

– К-штука, – настаивал Рикки. – Я слышал, как Луи говорил об этом с пьяным лузером, своим двоюродным братом. Кетамин, они где-то добывают его на продажу. Он говорил об этом прямо здесь, у нас дома. И Патти могла его слышать, а это хуже, чем разбудить его ребенка. У кого он получает кетамин и кому его продает?

Телевизор зазвучал еще громче.

Рикки было не по себе, но еще сильнее он был зол на свою мать. На весь мир. На Ребекку, которая привезла ордер, а потом на ранчо нашли скелет и забрали Эша. Всю прошлую неделю Рикки не ходил в школу, а возле их дома в патрульной машине сидел какой-то тупой полицейский. Рикки больше всего боялся, что теперь Эша отправят в какую-нибудь далекую тюрьму, как это сделали с его отцом, который так и не вышел оттуда. Это было как повторение худшего ночного кошмара: нового «отца», которому он доверял и на которого мог полагаться, опять вырвали из его жизни. Мысль об этом жгла, как адские угли. Бессилие перед лицом властей приводило Рикки в бешенство. Кроме того, он был совершенно уверен, что Эш не стал бы никого убивать. Эш сам нуждался в помощи.

– Скажи мне!

– От...бись, Рикки.

– Не смей так говорить со мной! Патти не должна слышать такую дрянь!

– Лучше послушай *себя*. – Мать ткнула в Рикки пальцем, и на ее щеках проступили пунцовые пятна.

– Это *ты* привела сюда паршивого недоумка Луи, – отрезал Рикки. – Ты завела ребенка от него. Мой отец съел бы на завтрак такую мразь, как Луи!

Рикки развернулся и вышел в крошечную прихожую, надел зимние

ботинки и накинул куртку. Он вышел из дома, хлопнув дверью и на ходу продевая руки в рукава куртки.

На улице тихо падал густой снег. Было темно. Рикки трясся, но не от холода. Он должен был как-то помочь Эшу. Кто-то впрыснул старику Ною кетамин, и Рикки интуитивно чувствовал, что этот препарат происходил из того же места, где его добывал паршивец Луи, тупой и обдолбанный любовник матери.

Рикки видел патрульную машину, стоявшую на другой стороне улицы, за плотной завесой идущего снега. Двигатель работал, и окна были затуманены; офицер, сидевший внутри, поддерживал тепло. Рикки нырнул под навес рядом с жилым фургоном и обошел свое жилище сзади. Оттуда он срезал путь в заснеженный проулок между домами.

Несколько раз Рикки видел незнакомого типа, похожего на чистокровного индейца, который приходил к Луи. Однажды Рикки заметил этого длинноволосого парня в городе, вместе со здоровенным лысым байкером, который, по слухам, поставлял наркоту для байкеров и самых отмороженных охотников в Девилс-Батт. Там находился клуб, где они регулярно зависали. Рикки хотел узнать имя этого индейского типчика.

Если бы он смог рассказать копам, откуда приходит кетамин, и если бы он выяснил, кто ездил на оранжевом снегоходе с черным пауком, то, наверное, ему бы удалось вызволить Эша. Они должны понять, что Эш не имеет никакого отношения к смерти Ноя Норда.

Рикки постучал в дверь Луи.

– Эй, Луи!

Тишина. Рикки постучал сильнее – кулаком, обтянутым перчаткой.

– Открой, Луи!

Нет ответа.

Рикки потянул дверь на себя. Она открылась, и он вошел внутрь. Луи лежал на диване в полубессознательном состоянии, на полу повсюду были разбросаны пивные банки.

– Как его зовут? – резко спросил Рикки. Он прошел в дом, не снимая обуви и оставляя за собой снежные следы.

– Что? – Луи с трудом переместился в сидячее положение и потер руками лицо. – Что ты здесь делаешь, мелкий засранец?

– Мне нужно знать имя парня, который приносит тебе наркоту на продажу.

Луи рассмеялся, потом закашлялся.

– Как его зовут, Луи? Скажи мне, а не то я пойду к копам. Немедленно. Вот с этим. – Рикки сгреб с кофейного столика два маленьких пакета с

белым порошком, попутно опрокинув пустую пивную банку. – Что это? – Рикки потряс своей добычей перед Луи. – Это стоит пары лет за решеткой?

Луи рывком вскочил на ноги и потянулся за пакетами. Рикки отступил назад. Луи шагнул вперед, запнулся и ничком упал на пол. Он грязно выругался.

Рикки сунул добычу в карман и сделал вид, что собирается уйти.

– Эй! Подожди. Верни их мне. – Луи с усилием взгромоздился на диван.

Судя по тому, как он трясся и потел, Рикки рассудил, что ему срочно нужна доза.

– Они убьют меня, если я не выручу деньги за это, – сказал Луи. – Сначала они убьют меня, а потом придут за твоей матерью и младшей сестренкой, ублюдок!

– Ты врешь. Тебе самому *это* нужно, так? – Рикки еще в нежном возрасте усвоил от отца, что могут сделать или дать наркоманы за очередную дозу. Все что угодно. Поэтому он стоял на своем.

– Скажи мне, Луи.

Луи потер лицо. Рикки подошел к двери и открыл ее.

– Стью! – крикнул Луи у него за спиной. – Его зовут Стью Генри, мать твою так!

Рикки вернулся к дивану и помахал пакетами так, чтобы Луи не мог дотянуться до них.

– Где я могу найти Стью Генри?

– Отдай!

Рикки шагнул назад, поскольку Луи снова попытался достать его.

Луи тяжело дышал и обильно потел в грязной белой майке. От него воняло. Теперь его начало трясти по-настоящему.

– Где? – повторил Рикки.

– У Стью и его родичей есть кусок земли между Броукен-Бар и Девилс-Батт.

– Как называется это место?

– Никак. Оно находится к северу от Блю-Лейк, маленького форелевого озера со старой шахтой. Его территория огорожена. Ворота с рогами, такое не пропустишь. Ротвейлер на цепи.

Рикки положил на стол пакеты с порошком.

– Где ключ от твоего снегохода?

– Стью и его приятели сожрут тебя на завтрак и не подавятся, маленький засранец, – заявил Луи, хватаясь за пакеты, словно утопающий за спасательный круг. – Только не говори, что я тебя не предупреждал.

– Ключи от снегохода.

– Ты не можешь...

– Где ключи?

Луи покосился на кухонный стол. Рикки повернулся, последовав за его взглядом, и увидел ключи. Он подхватил брелок и выбежал из дома.

Снегоход Луи был припаркован за домом и выглядел гораздо лучше, чем тот, который Рикки потерял в каньоне. Он уселся и завел двигатель. Рикки охватило приятное облегчение, когда стрелка показала полный бак горючего.

Рикки дал газ, включил фары и помчался по мягкому слою свежеснеженного снега к черным холмам за трейлерным парком.

Снег, падавший за ним, заметал его следы.

Мягко и беззвучно.

Глава 58

– Чей это ребенок? – взволнованно спросила Ребекка. Ее лицо пылало.

– Мы еще не установили идентичную ДНК, но это не Тревор Бьючемп. Нам удалось получить образцы ДНК от кровного родственника Бьючемпа, живущего на озере Уильямс, для установления родственной связи. Результат отрицательный. Антрополог оценивает возраст плода примерно в двадцать недель. – Грейс помедлила. – Я просто решила, что вы захотите узнать об этом.

Ребекка поблагодарила ее и отключилась. Она снова посмотрела на фигуру Эша в баре. Бармен принес ему тарелку с едой и выставил пинту пива. Он потянулся к пиву и отпил глоток.

Итак, в конце концов Грейс оказались не чужды человеческие чувства. Она решила проинформировать Ребекку по личным соображениям, в качестве жеста солидарности с коллегой из полиции. На самом деле она была не обязана это делать. Ребекка задумалась, переваривая факты и обстоятельства.

Предположительно, Эш впервые переспал с Уитни на фестивале родео 11 июля. Если бы ребенок был от него и если Уитни погибла 27 сентября того же года, то ее плоду было бы двенадцать недель.

Но двадцать недель? С кем могла переспать Уитни в мае того года, если не с Тревором? Почему она солгала Эшу? Знал ли Тревор, чей это ребенок на самом деле?

Все построения перевернулись с ног на голову.

Мысленно Ребекка видела лицо Эша над кедровой могилой, где он увидел крошечный череп и кости. Все эти годы Эш гадал, не растет ли его ребенок где-то в большом мире. Он отдал Уитни все свои сбережения. Он потерял возможность получить образование в колледже. Это стоило ему и Ребекке разрыва их отношений. Это неотвратимо изменило ход их жизней. Одна ложь Уитни. Может быть, если бы она не солгала, то Эш не встречался бы с Уитни в том баре в Девилс-Батт.

Марси не имела бы причины для сплетен.

Ребекка простила бы Эша, ведь они пытались достичь примирения, пока Марси не поведала, что он по-прежнему «изменяет» Ребекке с Уитни.

И отец мог бы остаться в живых.

Горе обрушилось на Ребекку и прошло насквозь. За Эша. За все, что

они потеряли.

Ребекка распахнула дверь и снова вошла в паб. Она медленно и осторожно приближалась к Эшу. Вокруг громко шумели. Она положила руку ему на плечо. На его надежное плечо. Он напрягся и резко оглянулся.

Она отодвинула табурет и села рядом. Слова внезапно показались слишком огромными, и она не могла произнести их. Слова были как снежная лавина внутри ее, готовая раздробить и унести прочь все, что выросло на пути после давней лжи Уитни Ганьон. Но что тогда останется?

– Я думал, Грейс распорядилась, чтобы ты не разговаривала со мной, – сказал Эш. – И не встречалась.

– Этого не предполагалось.

Он ощутил приближение чего-то неизвестного; это можно было почувствовать по особенному напряжению его мышц. Он ждал, не отрывая от Ребекки взгляда своих льдисто-голубых глаз. Осознание расширилось, и она отчаянно старалась выразить его в словах.

– Эш... – Волна чувств захлестнула ее. Она попробовала сопротивляться и отвернулась.

Он положил ладонь на ее руку. Большую, теплую ладонь. Ребекка сглотнула, набрала в грудь воздуха и повернулась к нему:

– Он не твой.

– Что?

Ребекка глубоко заглянула в эти глетчерно-голубые глаза.

– Тот плод, который носила Уитни, это не твой ребенок.

Он уставился на нее:

– Что?

– Это не твой ребенок, Эш. Отцовская ДНК не совпадает с твоей. Ты не его отец.

Он побелел, продолжая смотреть на нее отсутствующим взглядом. Время растянулось, и все вокруг превратилось в размытые пятна лиц и голосов.

– Ты уверена?

Она кивнула.

Его плечи подались вперед, как будто информационный удар был физическим, как будто его ударили под ложечку. Его лицо как будто обвисло. Его глаза, эти прекрасные, загадочные скандинавские глаза, которые она всегда любила, переполнились чувствами.

Эш открыл рот, как будто собираясь что-то сказать, но ничего не произнес. Все слова потонули в водовороте, над которым он был не властен.

– Чей? – выдавил Эш.

– Не знаю, – тихо ответила она. – Если отцовской ДНК еще нет в системе, они едва ли найдут нужный профиль. Если только не наткнутся на члена семьи. – Она помедлила. – Мы можем никогда не узнать этого.

В уголках его глаз выступили слезы, потекшие по морщинкам. Одна из них попала на шрам на его скуле.

Сердце Ребекки дрогнуло. Она протянула руку, стерла слезинку и ласково провела ладонью по его щеке.

– Почему она солгала? – прошептал он.

– Может быть, из-за денег? Я не знаю.

– Я едва не женился на ней. Я едва не «сделал все правильно».

Ребекка промолчала.

– Тревор?

– Нет, это не его ДНК.

Эш отвернулся и поднял голову.

– Все это время, – сказал он, а потом начал снова уже гораздо тише: – Все это время. Так много потеряно. Я... всегда гадал, родился ли мой ребенок, живет ли он где-то. А потом я увидел эти крошечные кости и череп, которые могли бы уместиться на моей ладони... – По его щеке поползла еще одна слеза.

Бармен посмотрел на него и обменялся взглядом с одним из клиентов.

Ребекка положила руку Эшу на плечо и прошептала ему на ухо:

– Пошли, поднимемся в мой номер. Тебе пора убраться отсюда.

План

Карибу-Кантри, 30 августа, воскресенье, более двадцати лет назад

– Извини, Уитни, мне очень жаль, – говорит Тревор, когда возвращается на водительское место старомодного фургона с надписью «Прачечная Хай-Кантри», выведенной на бортах крупными буквами. Он закрывает дверь и передает Уитни запотевшую банку с ледяным лимонадом. Название той же прачечной написано сзади на рубашке Тревора. Ткань смялась и липнет к его потному торсу. Снаружи душно и жарко, но кондиционер в кабине создает приятную прохладу.

Уитни прижимает банку к щеке в том месте, куда он влил ей пощечину.

– Послушай... – Он наклоняется вперед и отодвигает влажную прядь волос с ее лба. – Я... Ты должна кое-что понять. Я уезжаю на север и целых полгода вкалываю до седьмого пота. Моя девушка остается здесь, и я не могу дождаться, когда мы снова встретимся, но что я вижу? Я вижу, что ты трахаешься с кем попало, словно течная сука, и вдобавок беременна. Господи!

Он раздраженно откидывается назад и проводит рукой по темным волосам, влажным от пота. Молчание затягивается, тишина становится почти вибрирующей. Уитни прекрасно понимает, что ей лучше помалкивать, а не то она получит новую пощечину. Пусть лучше он выпустит пар и остудит свою ярость.

– А знаешь, – вдруг говорит Тревор, глядя прямо перед собой. – Дело ведь не просто в беременности. Беременность, будущий ребенок – с этим я еще как-то справлюсь, обещаю. Это легче вынести, чем тот факт, что ты трахалась с Хогеном. – Он резко поворачивается лицом к Уитни. Жгучая ярость в его глазах пугает ее. – Хоген? Ради всего святого!

Уитни чувствует, что он снова начинает выходить из себя.

Легче... Легче... Не говори ничего такого, отчего он может сорваться...

– Прости, – тихо говорит она и опускает глаза. Покорный вид часто бывает полезен.

– Но почему он? – Тревор продолжает растравлять свою рану.

«Потому что он красивый. Потому что он вежливый. Потому что я никогда не думала, что он хотя бы посмотрит на меня, но он посмотрел, пусть и на минуту. И еще, он гораздо лучше тебя. Потому что он предпочитает таких девушек, как Бекка, а я завидую Бекке и хочу отнять у нее то, что она имеет. Потому что он сказал, что правильно поступит со мной, и мы с ребенком будем иметь хоть какую-то опору в жизни, которая сейчас мне ничего не обещает. Потому что я не хочу кончить так, как моя мама...»

Тревор сжимает и разжимает кулаки.

– Почему ты до сих пор встречаешься с ним, если это не его ребенок? – очень тихо и мрачно спрашивает он.

Уитни только что встречалась с Эшем в баре «Девилс-Батт». Тревор ждал снаружи, когда они вышли. Эш пошел своей дорогой, а Тревор настиг Уитни в переулке между баром и автомастерской. Именно там он дал ей пощечину и потребовал объяснить, почему она находилась в баре вместе с Эшем и чем они там занимались. Марси Фоссам подсказала Тревору, где они встречаются. Он подстерг Уитни и поймал на месте преступления.

Она нервно одергивает подол своего летнего платья. Солнце освещает ее лицо через пассажирское окошко. Небо до сих пор затянуто мгlistой дымкой и имеет коричневато-оранжевый оттенок.

– Я испугалась, – тихо отвечает она. – Я думала, что пропустила очередной цикл, но потом сделала тест на беременность.

– Тебе следовало избавиться от ребенка, – говорит Тревор.

– Я не знала, как это сделать. У меня нет денег. Я... я думала, что если скажу Эшу, будто это его ребенок, то ему придется помочь мне.

– Почему?

– Потому.

«Потому что он хороший и ответственный человек».

– Черт бы тебя побрал, Уитни! Почему?

– Потому что он, черт возьми, взял и помог мне! Он устроил мне визит в медицинский центр, где мне сделали ультразвуковое обследование и убедились, что все в порядке.

Она невольно всхлипывает, когда думает о маленьком существе, растущем внутри ее. Она одновременно ненавидит его и зачарована им. Оно придает ей странное ощущение избранности. Отчасти она хочет сохранить и полюбить его. Отчасти она хочет навсегда избавиться от него.

– В медицинском центре спрашивали, чей это ребенок?

– Нет. А я ничего не сказала.

Тревор презрительно фыркает и заливается жеребьячим хохотом.

– Паршивый неудачник. – Он снова смеется. – Это даже не его ребенок, а он хочет «поступить правильно»! Как думаешь, тебе долго удастся водить его за нос?

– Я скажу, что ребенок родился до срока.

– Вот как?

– Да. Такие вещи случаются.

Он смотрит на нее и видит серьезность ее намерений. Да, она выйдет замуж за Эша Хогена. Начнет новую жизнь.

– Он работает с коровами, Уитни. Парень вроде него должен все знать о периодах беременности. Он распознает, что ты одурачила его.

Уитни отворачивается и смотрит в окно.

– А что, если ты все скажешь настоящему отцу?

– Я уже сделала это. Он сказал, что никто мне не поверит, и назвал меня шлюхой.

Она такая и есть. Поэтому отец ребенка относится к ней как к грязи. Как к использованной салфетке, которую нужно выбросить в мусорное ведро.

Тревор долго сидит в молчании. Двигатель продолжает работать. Из кондиционера веет прохладным воздухом, к которому примешивается запах гари, а от Тревора пахнет сигаретами.

– Вот что мы сделаем. – Он поворачивается к ней. – Слушай внимательно. Ты встретишься с Хогеном и скажешь, что не хочешь иметь ребенка от него. Ты хочешь избавиться от ребенка, и тебе нужны деньги на поездку до Ванкувера или до Сиэтла, где ты сможешь сделать аборт. Я гарантирую, что он проглотит это и будет только рад торговаться с тобой, потому что он не хочет заботиться о тебе и вешать себе жернов на шею. Ты же не думаешь, что это было всерьез?

Ее глаза наполняются слезами. Она понимает, что Тревор прав. Почему она вообще думала, что такое возможно?

– А что касается этого козла, настоящего отца, ты скажешь ему, что собираешься родить ребенка. Когда ребенок родится, ты сможешь доказать, кто на самом деле является его отцом. Отцовская ДНК и прочее учено дерьмо. Скажи ему, что ты это сделаешь и пройдешь нужные тесты. Если... если он не даст тебе пятьдесят штук наличными. Тогда ты уедешь из города и избавишься от ребенка.

– О боже, пятьдесят штук! Да он никогда...

– Нет, он согласится как миленький.

– Наличными? Ты серьезно?

– Абсолютно серьезно. Он найдет способ наскрести такую сумму, поверь мне на слово.

Глаза Тревора блестят от возбуждения, когда собственная идея берет его за горло и начинает пожирать.

– Подумай об этом, Уитни. Ты получишь его деньги плюс деньги от Эша. Мы заберем все и отправимся в Лос-Анджелес. Там ты сделаешь аборт, и мы начнем все сначала.

– Мы?

– Да, детка, мы с тобой. Ты всегда говорила, что хочешь отправиться в Лос-Анджелес, верно? Ты говорила, там можно будет все начать сначала. Ты говорила, что это будет классно. Но ты же не думаешь, что сможешь в одиночку управиться со всеми делами в Калифорнии, правда? Дитя с рабочей окраины в глуши Британской Колумбии? Что ты знаешь? Я тебе понадоблюсь, крошка.

Что-то в его тоне пугает ее.

Он переключает передачу и трогается с места. Жаркая энергия волнами исходит от него.

– Куда мы едем?

– Я должен доставить груз чистого белья в «Карибу-Лодж». А тебе нужно побеседовать с папочкой. Потом ты снова найдешь Эша Хогена и скажешь ему, чего ты хочешь.

– Прямо сейчас? Сегодня?

– Прямо сейчас. После того как я доставлю груз, я завяжу с этой паршивой работой. Когда мы получим деньги, я уволюсь отовсюду. Мне больше не понадобятся эти долбанные контрактные подряды. Мы сядем на автобус, приедем в Калифорнию, и все будет хорошо.

Он широко улыбается. Мышцы его руки и шеи туго натянуты, накачанные адреналином. Он перевозбужден.

– Не понимаю, почему тебе нужно работать на прачечную, если ты столько зарабатываешь на контрактной работе, – говорит Уитни.

– Ну да. Я немного погорел на одном деле, куда вложил свои деньги. – Он снова бросает взгляд на нее. Уитни становится тревожно от того, что она видит в глазах Тревора. Они сияют маниакальным светом. – Поэтому будет хорошо убраться подальше отсюда. Начать все сначала.

У нее возникает ощущение, что он хочет бежать от чего-то... или от кого-то. И не было ли то «неудачное дело» связано с наркотиками?

К тому времени, когда они приезжают в Клинтон, в кабине играет громкая музыка. Пока Тревор пьет на ходу холодное пиво и его настроение

резко улучшается, Уитни начинает все больше нравиться эта идея. Тревор прав. Ей всегда хотелось увидеть Лос-Анджелес и попробовать там свои силы. Бульвар Голливуд. Лучезарное солнце и тепло. Бикини и шорты. Может быть, для начала поработать официанткой возле пляжа. Там, где можно увидеть кинозвезд и множество красивых людей. Будет здорово, если Тревор окажется рядом. И не нужно беспокоиться ни о каком ребенке. Свобода манит к себе.

Уитни откидывается на спинку сиденья, отбирает у Тревора пивную банку и делает большой глоток, наслаждаясь взрывом пивной пены во рту.

– Эй! – Тревор выхватывает у нее банку.

Уитни улыбается:

– Теперь не стоит беспокоиться о ребенке, верно? Я могу пить, сколько захочу.

Он ухмыляется:

– Да, это верно. – Он качает головой вверх-вниз, обдумывая новую мысль. – И мы всегда сможем развести этого козла на новые деньги, – добавляет он.

Уитни замирает.

– Что?

– Когда мы пересечем границу и доберемся до Лос-Анджелеса или еще раньше. Мы можем сказать, что нам нужно больше денег, чтобы сделать все как полагается. Пусть вышлет еще.

У нее в животе возникает темное, зловещее предчувствие.

Тревор посылает ей очередную широкую улыбку. Белые зубы, черные волосы. Блестящие глаза.

– Мы скажем, чтобы он направил деньги на наш новый счет. – Он снова кивает, на этот раз под музыку, льющуюся из радиоприемника. – Мы купим хороший автомобиль. Как насчет этого, Уитни? Мы с тобой едем по Биг-Сур в Мексику, в Южную Америку... в Канкун... Это игра по-крупному, детка. – Тревор смеется как полоумный, запрокинув голову. – Крошка, крошка, спасибо за папино лукошко!

Уитни молчит.

– Верно? – Он смотрит на нее. – Верно, да?

– Да, – тихо отвечает она и кладет руку на живот.

Глава 59

Ребекка включила обогреватель и заварила кофе. Эш сидел на краю кровати; он выглядел физически сломленным. Она протянула ему чашку. Он взял ее и с отсутствующим видом поставил на ночной столик.

– Она солгала мне, и я повелся на это. – Он жестко потер ладонями лицо. – Сам виноват. Раз уж я изменил тебе, то внутренне ощущал, что заслуживаю такого же обращения со стороны Уитни и должен принять удар на себя. – Он хмыкнул. – Она использовала меня. Если ты говоришь, что она носила плод около двадцати недель, то это точно не мой ребенок.

Ребекка подвинула стул и села напротив него. Она подалась вперед, упершись локтями в бедра и сцепив руки.

– Ты уверена, что это не ребенок Тренора? – спросил он, встретившись с ней взглядом. – Потому что я могу представить, как это было разыграно. Он решил выдоить меня за ее счет.

Она покачала головой:

– Грейс дала отрицательный ответ. Она получила ДНК от близкого родственника Тренора.

– Когда мы встречались в баре после того, как она сказала о беременности, я не распознал ее намерений, Бекка. Она подкупила меня идеей о своем страхе. О том, как она боится самостоятельно воспитывать ребенка и стать матерью-одиночкой с низким доходом, как и ее мать. Мне была ненавистна мысль о том, что я не буду помогать моему сыну или дочери... кто бы ни родился. – Он тихо выругался. – Она казалась такой искренней, такой уязвимой. Смертельно испуганной мыслью об аборте.

Он встал и зашагал по комнате, словно пойманный медведь в клетке. Энергия, исходившая от него, была почти физически ощутимой.

– У тебя есть хоть какое-то представление, чей это был ребенок? – спросила Ребекка.

Он остановился и уставился на нее.

– Нет... кроме Тренора. Она никогда не упоминала о своей связи с кем-то еще. Но, с другой стороны, она имела репутацию городской шлюхи. – Он помедлил. – Было что-то в том, как она обменивалась короткими взглядами с Уолли Фаулером и Джессом Скоттом в баре «Девилс-Батт». Уолли в то время спал с Уной, но думаю, что он мог время от времени заглядывать под юбку Уитни. А Джесс Скотт... женщины просто не могли

отказать ему. Особенно молодые женщины из байкерских группировок. Они едва ли не выстраивались в очередь, чтобы потрахаться с Джессом, как будто это был входной билет и путь к признанию в его шайке. Наверное, я бы не удивился, если бы она переспала и с Джессом.

– А как насчет Бака?

Он снова потер ладонями лицо, словно пытаюсь избавиться от раздражающей паутины и яснее увидеть окружающий мир.

– Не знаю. – Эш встретился с Ребеккой взглядом. – В какой-то момент она могла уступить его притязаниям.

– Это может объяснить его одержимость ею, – заметила Ребекка. – В таком случае Бак мог бы почувствовать себя полноправным собственником. Он мог взбеситься, когда увидел вас в амбаре, особенно если ему каким-то образом взбрело в голову, что она забеременела от него. – Ребекка помедлила. – Это дало бы Баку дополнительный мотив причинить вред ей и Тревору. – Она подумала об автомобиле Бака и о наклейке на борту. – У него тоже есть черный внедорожник с логотипом охотничьего клуба.

Эш снова опустился на кровать и несколько секунд просидел в молчании.

– Эш, когда Уитни изменила свое мнение и попросила у тебя деньги на аборт?

– В конце августа того года. Она пришла ко мне домой, что было странно.

– Как она добралась до твоего ранчо?

– Она сказала, что кто-то высадил ее на дороге, а остаток пути она прошла пешком.

– Кто-то привез ее, но не хотел попадаться на глаза.

– Вполне возможно. Она постучалась в дверь, но мы поговорили на улице. Все было очень поспешно. Она сказала, что навела справки и знает, где можно избавиться от ребенка в Калифорнии. – Он глубоко вздохнул и потер колено. – Но ей были нужны деньги. По ее словам, она собиралась остаться в Калифорнии и начать жизнь с чистого листа.

– Она казалась другой? Она больше не боялась?

– Да. Она была уверена в своем решении. По правде говоря, я вздохнул с облегчением. Это был мой билет на свободу. Пока я не отдал ей все свои сбережения и до меня не дошло, что теперь я реально застрял здесь, на отцовском ранчо.

Он снова встретился взглядом с Ребеккой. Ей хотелось прикоснуться к нему, но она сдержалась.

– Где Уитни могла раздобыть еще сорок или пятьдесят тысяч долларов?
– Понятия не имею. Возможно, Тревор провернул какую-то крупную сделку с наркотиками.

Ребекка пожевала губу.

– Эш, – прошептала она, удерживая его взгляд. – Это чрезвычайно донимало моего отца и по-прежнему донимает меня. Я должна еще раз спросить насчет шрама у тебя на лице... он действительно был получен после падения с лошади?

В его глазах как будто закрылись автоматические шторы. Ребекка видела, как Эш поднимает разводные мосты и зарешечивает окна своего каменного замка, увлекая правду в глубокие, мрачные подземелья своей души.

– Я же говорил, – бесстрастно произнес он. Напряжение его мышц свидетельствовало о гневе.

Разочарование пронзило Ребекку, как копье.

– Я *знаю*, что ты мне говорил, Эш.

– Тогда перестань спрашивать.

– Посмотри на себя. Твои перемены настроения, твоя злость от этого вопроса. Эш, есть вещи, о которых ты мне не рассказываешь, и, с одной стороны, это нормально, но только не в связи с делом Уитни, потому что тебя обвинят в ее убийстве, если ты не раскроешься. О господи... – Она встала и запустила пальцы в распущенные волосы. – Ты чертовски упрямый человек. Почему... ну почему ты скрываешь это от меня? Что это может быть?

Эш гневно уставился на нее. Ребекка опустилась на стул прямо перед ним.

– Посмотри на это с точки зрения следователя, с точки зрения человека, незнакомого с тобой. У тебя был самый убедительный мотив желать смерти Уитни по уже упомянутым причинам. Ты всегда держался подальше от этого заброшенного летнего лагеря на границе твоего ранчо. Ты не водил меня туда, несмотря на мои просьбы. Я смотрела на тебя, пока кинологи обыскивали этот участок, ты выглядел как живой труп.

Она сделала паузу, наблюдая за его лицом.

– Ты как будто знал, Эш. Ты *знал*, что мы можем найти в этом бревне. Мой отец перед смертью сказал по телефону «он знает» и «он солгал». Что он имел в виду?

Эш сидел, тупо глядя на стену со схемой преступления. Раздражение Ребекки переросло в гнев.

– Игра в молчанку тебе не поможет, ты понимаешь?

Эш резко встал, подхватил свою куртку со спинки стула и направился к выходу.

У Ребекки упало сердце. Если она позволит ему уйти, то годы жизни, распутанные вокруг ложных слов Уитни, канут в небытие.

Эш взялся за дверную ручку. Ребекка рванулась вперед и схватила его за руку, внезапно придя в бешенство. Годы боли и страданий чудовищным приливом обрушились на нее.

– Нет, Эш. *Не делай этого со мной.* Ты говорил, что хотел получить меня, хотел видеть нас вместе. Ты даже говорил, что любишь меня! Но сейчас ты изо всех сил пытаешься оттолкнуть меня и все, что мы разделили с тобой. Почему?

Ребекка чувствовала, как дрожит его тело.

– Что такого в этом месте, Эш? – прошептала она. – Почему ты отказался ехать в клинику?

– Потому что я хотел, чтобы ты выходила меня, Ребекка.

Она сглотнула, ощущая пустоту в животе.

– Ты понимаешь, что это довольно жалкое оправдание?

Эш прищурился. Внезапно он отпустил дверную ручку и стремительно повернулся к Ребекке. Темная, устрашающая страсть зажглась в его глазах, в его яростно выпяченном подбородке, в волнах силы, исходившей от него, как клубы холодного, черного, удушливого дыма.

Внезапно испугавшись, Ребекка отпустила его руку и шагнула назад.

– Хочешь знать, почему я трахнулся с Уитни? – Слова, как пули, вылетали из его рта.

Ребекка отпрянула. Эш шагнул вперед.

– Потому что у нее были большие сиськи и мокрая щелка и еще потому, что *она хотела этого*, Бекка! Она хотела, чтобы я сунул член ей между ног!

Ребекка моргнула. Ее глаза заслезились, сердце застучало с перебоями. Она осознала, что он перекрывает дверь, ее путь к бегству.

– Она набросилась на меня, – с отвращением бросил Эш. – И... и я хотел, чтобы это была ты, но...

– Его голос пресекся, и он повернулся спиной к Ребекке. Его плечи бессильно опустились. Когда Эш снова заговорил, его голос был тихим и подавленным:

– Я никогда еще не был с женщиной. Мне было восемнадцать лет, и я ни разу не переспал с женщиной. Мне... мне нужно было узнать, что я могу это сделать. Особенно тем летом.

Последние слова он произнес еле слышным шепотом. Его спина,

обращенная к ней, как будто обратилась в камень. Кулаки были стиснуты, шейные мышцы напряглись, как струны.

Что-то в его тоне, неподвижности и напряженности сильно испугало Ребекку. Она заставила его сломаться. Во рту у нее пересохло, пульс зачастил. Она боялась продолжения, но должна была узнать правду.

Ребекка подождала еще немного. Снаружи усилился ветер, бросавший пригоршни снега в оконное стекло.

– Почему, Эш? – тихо спросила она. – Почему именно тем летом?

– Потому что тогда я попытался переспать с тобой.

Она сглотнула:

– Я хотела немного подождать.

Эш круто развернулся. Его лицо было страдальческой маской.

– Когда ты отказала мне, я испугался. Я боялся, что *со мной* что-то не так. – Он открыл рот, потом закрыл его. Попробовал снова: – Я... я был только с мужчиной.

Потрясение. Ребекка ошеломленно смотрела на него.

– Я был только со своим отцом.

Ребекка кивнула, как будто поняла, но ее разум отказывался что-либо понимать.

– Он насиловал меня с малых лет, Ребекка. Еще до того, как я узнал, что это плохо. Он сделал это нормальной вещью, а когда я вырос и узнал, что это неправильно, он воспользовался этим как оружием. Так он стал управлять мной.

– Домики в летнем лагере, – прошептала она. Ее глаза горели.

Эш кивнул. Теперь он стоял перед нею, раздетый донага. Этот большой мужчина. Человек, которого она всегда любила и старалась не показывать этого.

– Когда он был зол, то насиловал меня там, в старых летних домиках. Принуждал меня, умасливал меня. Бил. А потом преподносил мне особые подарки. Новую лошадь. Мое первое ружье. Щенка. Он залезал мне в голову.

– Эш... – Она потянулась к нему, но он отступил назад.

– Само плохое, что у меня началась эрекция от его прикосновения. – Он помотал головой. – Бекка... ты была нужна мне. В то лето ты была нужна мне всем сердцем, душой и телом. Я постоянно боялся, что ты узнаешь, что тебе станет тошно и ты всем расскажешь обо мне. Я боялся, что ты не будешь видеть во мне... настоящего мужчину, и когда ты...

– Ладно, ладно. – Ребекка потянулась, взяла его за руки и привлекла к себе. Потом она закинула руки ему на плечи, прильнула щекой к его груди

и просто обняла его. Крепко, очень крепко. Ей хотелось сказать: *«Ш-ши, не думай об этом и больше ничего не говори»*. Но она знала, что должна слушать. Она была обязана узнать все об этих ужасных, жутких вещах.

Она отвела Эша к кровати и села рядом, держа его за руку. Он был таким мужественным, таким крепким и полным жизни. Все ее представления об этом мужчине, которого она знала еще мальчиком и подростком, все, что она думала об Эше Хогене, которого любила, оказалось ошибочным. Совсем не таким, как ей казалось.

Теперь его привычки и особенности вдруг встали на место, словно при обратном воспроизведении видеосъемки быющего зеркала. Миллионы осколков встали на место и превратились в зеркало, где она видела саму себя и все сделанные или сказанные ею вещи, которые ранили Эша, потому что она на самом деле не знала его. Она не понимала, каким он был.

Это объясняло его угрюмость в мальчишеском и подростковом возрасте. Это объясняло его потребность иногда уходить в лес и оставаться там целыми днями. И конечно, это объясняло, почему он не хотел показывать ей руины заброшенного летнего лагеря. Почему он так любил ее родителей и Бегущего Ветра. Почему он хранил у себя дома фотографии ее отца. Почему он спас точно такую же собаку, какая была у ее матери. Эш Хоген был мальчиком, искавшим настоящую семью.

Это придавало иной смысл его рассказу о том, как он попытался сбежать из дома, когда Бегущий Ветер нашел его в лесу.

Ребекка подумала об Олафе Хогене – мрачном великане, похожем на медведя гризли. Один взмах его могучей руки... Она содрогнулась при мысли об этом, и ее замутило.

– Он бил тебя?

Эш кивнул:

– Да, иногда он поколачивал меня. Но он знал, как причинять боль, не оставляя внешних следов, не закрытых одеждой, которые могли бы вызвать вопросы. В основном он предпочитал пользоваться психологическими инструментами. Заключение в четырех стенах. Наказание голодом, угрозы убить мое любимое животное и тому подобные вещи.

Она вспомнила слова Эша в тот день, когда он едва не застрелил ее в осиновой роще.

«Если ты пристрелишь моего пса, то я убью тебя».

Она посмотрела ему в глаза и кончиками пальцев осторожно прикоснулась к шраму.

– Это сделал он?

Эш кивнул.

Ребекка облизнула губы. Ее мысли разбегались во все стороны.

– Ты хочешь рассказать об этом, Эш? Подробности того, что он делал?

Он покачал головой и откашлялся:

– Не сейчас. И только не подробности. Возможно, никогда.

Ребекка кивнула и сжала его руку.

Отчасти Ребекка действительно хотела знать подробности, чтобы понимать, что ему пришлось пережить. Другая часть ее существа была не уверена, что она сможет вынести описание актов инцеста и насилия. Теперь она представляла, как ее враждебная реакция на его неуклюжие попытки сексуального заигрывания могла разбить его хрупкое ощущение мужественности и собственного достоинства.

Теперь она понимала, почему он трахнулся с Уитни в амбаре.

При воспоминании о резких словах, которые она бросала ему в лицо, у нее навернулись слезы на глаза.

Лишь теперь она начала понимать, какое отчаяние он должен был испытывать, когда поверил, что Уитни забеременела от него и что для него означала утрата денег, отложенных на колледж, – его способа ускользнуть от внимания отца.

– Мне так жаль, Эш, – прошептала Ребекка. – Мне жаль, что я не знала. Что я смотрела, но не видела. Что не смогла хоть как-то помочь тебе. И мне чудовищно жаль, что тебе пришлось вытерпеть. Я... я хотела бы знать это раньше. Хотела бы, чтобы мы с тобой могли вернуться назад во времени. – Она помедлила, когда ей в голову пришла новая мысль, и спросила: – А твоя мать знала?

Эш судорожно вздохнул:

– Думаю, да. Трудно было не заметить.

– И она никогда не заступалась за тебя?

Он тихо фыркнул:

– Нет. Даже когда я был маленьким и она видела, как отец уводил меня туда под предлогом каких-нибудь работ на ферме. Она знала... Черт ее побери, *она знала*.

– А Бегущий Ветер?

– Он догадывался. Думаю, это он наделил меня мужеством давать сдачи, похоронить прошлое глубоко внутри и двигаться вперед. Не сломаться окончательно. Он научил меня охотиться и читать следы. Он... я любил его.

– Приемный отец.

– Скорее наставник. Он научил меня быть мужчиной.

– Поэтому он попросил тебя оберегать Рикки?

Эш кивнул:

– И поэтому я не мог отказаться. Поэтому я дал клятву.

Они сидели в молчании, держась за руки, пока снег кружился снаружи и скапливался в углах окон. Эш был похож на дикого жеребца, недавно объезженного и вдруг присмирившего в своем стойле. А сердце Ребекки разрывалось от глубокой и горестно-сладкой нежности к нему. От сострадания и раскаяния. И от боли за него. Она ощущала, как барьеры, которые она построила вокруг своих чувств к Эшу, рассыпаются в прах. Осталась только любовь, чистая и незамутненная.

– Я не рассказывал об этом ни единой душе, – тихо сказал Эш. – Даже и не собирался. Я не мог. Я... я запер это в подвале своей жизни, как будто этого никогда не было. Но потом... когда они стали обыскивать это место с собаками... – Он замолчал.

– А тот день, когда ты якобы упал с лошади?

– Я высадил Уитни и пришел в ярость, когда увидел там Тревора и понял, что они решили улизнуть вместе с моими сбережениями. Потом я вернулся домой, где отец уже ждал меня, расхаживая во дворе. Он побывал в городском банке, где болтливая кассирша мимоходом упомянула о том, что видела меня за день-другой до этого, когда я забирал все свои деньги наличными. Он хотел знать, почему и что я сделал с этими деньгами.

Он потерял свое колено. Ребекка смотрела на мелкие шрамы, испещрявшие костяшки его пальцев, и мысленно возвращалась в прошлое.

– Я сказал отцу, что это мои деньги, отложенные на учебу в колледже, а поскольку он все равно не хотел, чтобы я уезжал, то должен радоваться моим расходам. Он ударил меня наотмашь и заехал по глазу. Тогда наступил переломный момент.

Эш снова откашлялся.

– В тот момент я достиг предела. Это была последняя капля. Думаю, Бегущий Ветер некоторым образом подготовил меня к такому событию. Я пригнул голову ниже и бросился на него. Мы дрались на кулаках, в грязи, повсюду была кровь. Я схватил лопату и, когда он свалился на землю, занес ее высоко над головой. Клянусь, я собирался убить его. Убить весь ужас, который он сотворил. Убить темноту, которую я носил в себе. Но... я замешкался. Он схватил меня за ногу, повалил, вырвал у меня лопату и замахнулся. Острый край взрезался мне в лицо.

Он провел языком по зубам.

– Я схватил толстую палку и ударил его по бедру, а когда он опустился на колено, изо всех сил взрезал по спине. Сотрясение от удара прошло вверх

по рукам и отдалось в черепе. Потом я оставил его валяться в крови и грязи. Точно не помню, что было дальше. Должно быть, я шел и шел не останавливаясь. Лишь бы подальше оттуда. И тогда ты нашла меня.

– Что случилось с твоим отцом?

– Он ушел. Дотащился до дома, собрал какое-то барахло и ушел в лес. Его не было три недели. Он не сообщил матери о своем уходе. Она в то время была в городе, ходила по магазинам. Когда она вернулась домой, его уже не было. Я думал, что он умер, и моя мать думала так же.

– Она не сообщила о его пропаже?

Эш покачал головой:

– Она видела мое лицо. Она знала, что мы подрались. Думаю, она подозревала, что я убил его. А если он жив и где-то прячется, то наше обращение в полицию не принесет ему ничего, кроме неприятностей. Потому что тогда власти узнают, что мой отец издевался надо мной, даже если они не узнают самого худшего. Тогда его спокойная жизнь закончится. – Он сделал глубокий вдох и с шумом выпустил воздух. – Поэтому моя мать еще глубже погрузилась в режим самосохранения и держала язык за зубами. Через три недели отец вернулся из леса, сильно хромя, но ничего не сказал, а просто приступил к своим делам на ранчо.

– Он выздоровел в лесу?

– Вроде того. Там была охотничья заимка, куда он иногда ходил. После этого он всегда сильно хромал, имел проблемы со спиной и с легкими.

– Я помню, как он хромал, когда я заканчивала школу, – задумчиво сказала Ребекка. – Ты тогда сказал нам, что трактор переехал ему ногу.

– Да. Так говорила наша милая семейка. Такое постыдное лицо мы представили городу. И если другие люди с годами могли что-то заподозрить, то они абсолютно не собирались помогать мне. С того дня отец больше никогда не разговаривал со мной. Любое общение происходило через маму. А через три года он умер. Возможно, я все-таки убил его.

Ребекка смотрела на Эша, и воспоминание о том, как он брел по дороге в грозу, было таким ярким, как будто это случилось вчера. Вид его лица, когда он повернулся к ней под дождем. Кровавый разрез, тянувшийся от глаза до рта. Кровь на его рубашке. Ободранные и окровавленные костяшки пальцев. Сейчас она видела все это в другом контексте.

– А... «Скорая помощь»? – тихо спросила Ребекка.

– Я просто не мог, Бекка. Я не мог допустить, чтобы *хоть кто-то* узнал о случившемся. Кроме того, я думал, что убил своего отца и что они найдут его тело в лесу. Я думал, что если врачи увидят меня, то они

позвонят в полицию, и тогда все будет кончено. Там уже был один врач, который очень интересовался моими травмами, когда мать приводила меня в пункт «Скорой помощи» в более юном возрасте. Думаю, он догадывался, в чем дело. В тот день он бы подтвердил свою догадку. – Наступила долгая пауза. – И еще, ты была нужна мне. Господи, как ты была нужна мне в тот день!

Теперь Ребекка понимала почему. Ее сердце едва не остановилось под грузом этого нового знания.

– Поэтому ты убежал из дома, когда тебе было одиннадцать?

Эш кивнул:

– Бегущий Ветер иногда говорил со мной о церемонии поиска духа. О том, что молодой воин должен подготовить свой разум, чтобы одному уйти в лес, убить медведя и вернуться героем. – Он криво улыбнулся. – Не думаю, что он намекал мне на возможность убить отца; скорее он имел в виду, что я должен убить демона, обитавшего внутри меня.

Ребекка еще раз посмотрела на его шрам и решила, что знает, почему он так и не обратился к пластическому хирургу. Это был боевой шрам воина, который убил своего медведя. И она своими руками поспособствовала форме этого шрама, когда наспех зашила его.

Куда он мог направиться от этого места? Мог ли Эш снова когда-нибудь обрести душевную целостность?

Не поэтому ли он держался отстраненно в своем браке с Шоной, что способствовало их разрыву? Его слова, сказанные в тот вечер, когда они находились в его доме, всплыли в памяти Ребекки.

«Меня часто не было дома, в смысле, я часто уезжал в глушь и занимался своей работой. Знаю, иногда со мной бывает трудно поладить. А она... она нуждалась в большем».

– Ты никому не скажешь, Бекка. – Он пристально посмотрел на нее. – Ты не скажешь Грейс Паркер, другим полицейским, никому. Мне нужно, чтобы ты сохранила это при себе. Ради меня.

Она кивнула, чувствуя, как ее глаза наполняются слезами.

– Это было падение с лошади, – прошептала она. – Вот и все, что им нужно знать, но, Эш... мое молчание будет похоже на молчание твоей матери. Я...

– Нет, не будет, – твердо сказал он. – Просто мне нужно твое доверие. Мне нужно, чтобы ты *верила* в меня.

Она сглотнула и закусила губу, когда по ее щекам потекли слезы.

– Я верю. Я верю. – Она тесно переплела его пальцы со своими. – Это будет оставаться между нами до тех пор, пока ты не захочешь поделиться.

Если вообще захочешь. – Она заглянула ему в глаза. – Ты ведь знаешь, что есть люди, с которыми можно говорить о таких вещах? Групповая терапия. Другие тоже переживали это; они могут помочь.

– Пока нет. Не сейчас.

Она смахнула слезы со щеки.

– Что тебе нужно от меня? Чего ты теперь хочешь от меня?

– Чтобы ты обняла меня. Ты можешь просто обнять меня?

Ребекка кивнула, не в силах говорить от прилива эмоций, перехвативших горло. Слезы снова заструились по ее лицу; она обвила его руками и увлекла за собой. Они лежали на кровати, и он положил голову ей на грудь. Ребекка гладила его волосы, и весь мир как будто изменился.

Она обнимала любимого человека, и между ними больше не осталось никаких преград.

Это был предельно насыщенный, хрупкий и в чем-то устрашающий момент. Но в нем заключался и манящий огонек надежды. В некотором смысле Ребекке казалось, что она наконец-то вернулась домой. Что все совершило оборот к самому началу, и они получили второй шанс.

– Я люблю тебя, Эш, ты знаешь? – прошептала она ему в макушку, вдыхая запах его волос. – Думаю, я всегда тебя любила.

Она совершенно не представляла, чем это обернется.

Когда они занимались любовью, это было медленно, прекрасно и сладостно-горько. Они исправляли то, что было сломано долгие годы. Они заново познавали друг друга, изучали новое и давно знакомое.

Потом началась горячка, дикая и необузданная. Яростное спаривание. Потом снова наступило время нежных ласк, и они уснули в объятиях друг друга где-то перед рассветом.

Глава 60

Фары снегохода Рикки выхватывали из темноты кружащиеся снежинки, которые неслись к нему, как серебристые астероиды, когда он мчался по склону холма к густому лесу.

За его спиной снова смыкалась темнота. Кроме низкого рокота двигателя чужого снегохода, вокруг царило белое безмолвие. Падавший снег заглушал все остальные звуки.

Прошло почти сорок минут, прежде чем Рикки достиг заснеженной грунтовой дороги, ведущей к маленькому форелевому озеру и старой шахте. Он замедлил ход, вглядываясь во тьму и вытирая снег, налипший на козырьке шлема. Рикки искал ограду, огни дома или сводчатые ворота, увенчанные рогами.

Адреналин давно выдохся, и теперь Рикки испытывал страх. Но когда он обогнул поворот, то заметил желтые квадратики, светившие из-за снежной завесы. По мере приближения он увидел, что свет исходит из окон длинного одноэтажного дома в фермерском стиле. Луч его фары высветил поблекшие лосиные рога, висевшие над воротами. Сами ворота были закрыты.

Рикки остановился под прикрытием ближайших деревьев и выключил двигатель, потом снял шлем. Легкий ветерок донес до него запах древесного дыма. Снегопад создавал впечатление мертвящей тишины, лишь иногда нарушаемой глухими хлопками, когда снег, слишком толстым слоем наросший на хвойных ветвях, высвобождался и обрушивался на землю. Тогда ветви распрямлялись с тихим свистом, наводившим на мысль о чужом присутствии.

Какое-то время Рикки прислушивался и смотрел, думал и оценивал обстановку. Потом ему в голову пришла сумасбродная идея. Как обычно, он был слишком опрометчивым. Он слишком хотел действовать, хотел *сделать* что-то полезное для Эша вместо того, чтобы сидеть и наблюдать за событиями. Это определенно не помогло ему в случае с отцом, тогда Рикки сидел и ничего не предпринимал, глядя, как копы уводят его близкого человека.

Но отец совершил какой-то хреновый поступок. Рикки был уверен, что Эш – хороший мужик. Иначе и быть не могло.

Если бы Рикки мог забраться на ограду или найти дыру в ней, то смог

бы обойти дом. Он бы не сделал ничего глупого, просто посмотрел бы, есть ли сзади гараж или навес для оранжевого снегохода. Если он увидит его, то сможет вернуться домой и явиться с докладом в полицию. Тогда он скажет: *«Вот откуда распространяют кетамин и другие наркотики. Парень, который там живет, продает наркоту детям и родителям в резервации. И этот парень, которого зовут Стью Генри, действует заодно со здоровенным лысым байкером из Девилс-Батт»*. Потом копы приедут и заметут всех на месте преступления, как в телевизоре, в своей черной униформе, с касками и бронежилетами. А жильцы завопят от страха и признаются, что подсыпали кетамин старому Ною Норду, а потом застрелили его.

Рикки понятия не имел, почему они это сделали, зачем убили старика. Может быть, потому, что Ной Норд очень долго находился на службе, и это была расплата за что-то.

Но причина не имела значения. Важно было лишь то, что это поможет вернуть Эша.

Рикки сунул руку в карман и достал маленький светодиодный фонарик: еще один подарок от Бегущего Ветра. Рикки оставил снегоход и прокрался вдоль периметра ограды, пока не обнаружил хорошее место для перелаза, закрывавшее его от окон большой канадской елью. С тихим стуком Рикки приземлился на другой стороне и замер, прислушиваясь к звукам, опасаясь появления собак. Но все было тихо.

Он пригнулся и стал подкрадываться к дому, тихо поскрипывая снегом под ногами. Когда он подобрался к безлистной живой изгороди, то присел на корточки и посмотрел на дом. Свет из окон рисовал желтые фигуры на снегу. Перед парадным входом стояло два автомобиля: один с рядом поисковых прожекторов над кабиной, другой поменьше, серебристого цвета. В спрессованном снегу вокруг дома Рикки заметил следы снегохода. Его кровь забурлила – следы были свежими. Кто-то совсем недавно приехал на снегоходе. Рикки вскочил на ноги и побежал в ту сторону.

Зарычала собака. Он замер на месте.

Собака налетела на него как будто из ниоткуда, звеня стальной цепью, немного не достала до него, но принялась завывать и лязгать зубами. Это был огромный пес, привязанный к длинной цепи, тянувшейся поперек двора. Он не мог вырваться за пределы этой цепи.

Рикки нырнул в живую изгородь и скорчился там, дрожа всем телом, когда дверь дома распахнулась. Крупный мужчина, чей силуэт был очерчен желтым светом, вглядывался в ночь. Собака залаяла громче. Это был ротвейлер с большой головой и мощными челюстями, истекавший

слюной с оскаленных клыков. Сердце Рикки застучало, как кузнечный молот. За спиной мужчины раздался чей-то голос. Тот повернулся на звук голоса, и лампа высветила его профиль.

Это был лысый байкер, которого Рикки уже видел раньше. В кожаной куртке.

У Рикки пересохло во рту. Он боялся, что мужчина спустит на него собаку.

Но вместо этого человек прикрикнул на пса. Ротвейлер замолчал, вглядываясь во тьму, откуда доносился запах Рикки. Потом тихо зарычал. Мужчина снова прикрикнул на него, и тот отступил к дому, гремя цепью.

Рикки не шевелился, пока не восстановил дыхание. Пока не уверился в том, что они не придут снова. Потом медленно выполз из кустов и обогнул дом.

Окна с другой стороны дома тоже были освещены и отбрасывали на снег желтые квадраты. За домом, на расчищенной площадке стоял большой амбар. Колеи от снегохода вели прямо туда. Лес за амбаром казался густым. Маленькая дверь сбоку была приоткрыта, и Рикки подкрался к ней.

Он с облегчением вошел в амбар, провел тонким лучом фонарика. Свет отражался от металла и пластика. Сердце забило сильнее, и Рикки подошел ближе. Два снегохода со шлемами на сиденьях. Третий был накрыт брезентом, но он видел лыжи, торчавшие из-под ткани. Сердце замерло, потом быстро забило.

Оранжевый снегоход. А на сиденье лежал шлем с черным тарантулом и паутиной. Он нашел его! Он нашел чертову машину, которая уехала от дома Ноя Норда перед пожаром!

За спиной раздался скрип, и Рикки развернулся. Яркий свет охотничьего фонаря, направленный в лицо, ослепил его.

– Что за чертовщина? – произнес мужской голос. Это был лысый мужик. Рикки попытался метнуться в сторону, но лысый здоровяк пригвоздил его к полу. Фонарик вылетел из рук, когда Рикки припечатали о холодный, твердый бетон.

Рикки попытался встать, но что-то вроде монтировки ударило его по затылку. Рикки ощутил и услышал слабый треск. В черепе взорвалась боль. Мужчина наклонился и взял его за шиворот. Рикки чувствовал вкус крови во рту и в носу. В ушах звенело.

В проеме появился другой мужик с фонариком.

– Что тут происходит? – спросил вошедший.

Лысый мужик потащил Рикки по полу к двери.

– У нас маленький посетитель. Он проверял наш снегоход под

брезентом.

Рикки стал изворачиваться и получил еще один удар в лицо. Яркие точки на черном фоне закружились перед глазами, зрение начало меркнуть. Рикки ощутил, как его запястья дернули и связали за спиной. Его выволокли наружу и потащили по мягкому, свежевypавшему снегу. Рикки видел огни дома. Потом его протащили по ступенькам: *бамп, бамп, бамп*. Лысый мужик ногой распахнул дверь. Внутри залаяла собака.

– Хэй, парни! Тут есть с кем поразвлечься!

Глава 61

Карибу-Кантри, 26 января, суббота

У Эша зазвонил телефон. Он посмотрел на часы: пять утра. Еще секунда ушла на то, чтобы сориентироваться. Он лежал обнаженным рядом с Ребеккой, в комнате мотеля. В голове проносились воспоминания о недавнем сексе. Он подхватил штаны, валявшиеся на полу, достал из кармана телефон и ответил на звонок.

– Эш слушает. – Он говорил тихо, потому что Ребекка еще спала.

– Ты дал мне этот номер. – Голос женщины был сбивчивым, невнятным. Мать Рикки. – Ты грил, я могу звонить в любое время.

Остатки сна моментально улетучились, и Эш выпрямился. Схема преступления, составленная Беккой, маячила перед ним в тусклом свете.

– Рикки не вернулся дмой. Я беспокоюсь за него. Он взял снегоход у Луи и п'ехал к тем парням.

– К каким парням?

– К тем, что на ранчо. К родичам.

Похоже, у нее в голове все перепуталось.

– Постарайтесь говорить медленно и внятно. Скажите, что случилось, шаг за шагом.

– Луи был в бешенстве: Рикки заставил его все рассказать.

– Что рассказать?

– Я... беспокоюсь за Рикки. Луи пришел и сказал, что он в беде. Они убьют его. Рикки... он хотел узнать имя парня, к'торый продает к'тамин.

Сердце Эша учащенно забилося. Он потряс Бекку за плечо.

– Бекка!

Она сразу же проснулась и включила ночник.

– Что такое?

– Рикки поехал к каким-то парням, которые продают кетамин в резервации, – быстро сказал он. – Он говорил о «К-штуке» в автомобиле, после того, как мы сообщили Баку об инциденте. Потом Рикки рассказал мне, что какие-то люди торгуют наркотиками через местного дилера.

Она села в постели, подтянув простыню к груди, и заморгала, чтобы прояснить зрение. Ее волосы были похожи на спутанную гриву, и Эш невольно залюбовался ею, несмотря на срочный звонок.

– Кто такой Луи? – просил Эш у матери Рикки.

– Отец моего малыша. Мой... дружок.

– С вами все в порядке, миссис Саймон? И с Патти тоже?

Женщина расхохоталась.

«*Это мать Рикки. Она пьяна*», – одними губами прошептал Эш.

– Луи у вас, миссис Саймон? Он может подойти к телефону?

– Он отрубился.

– А патрульный офицер возле вашего дома? Он по-прежнему там?

– Щас посмотрю.

В трубке послышался шум, когда мать Рикки направилась к окну, спотыкаясь и круша все вокруг.

– Коп еще там, – сообщила она.

– Послушайте. Я сейчас приеду. Сделайте себе кофе. Просто... не пейте больше до моего приезда, ладно? Убедитесь, что Патти в постели и у нее все в порядке. Вы можете это сделать?

Она что-то буркнула и повесила трубку.

Эш отключился, спустил ноги с кровати и подхватил свою одежду.

– Где Рикки? – спросила Ребекка. – Что происходит?

– Не знаю. – Он натянул рубашку. – Но я знаю, что обычно мать Рикки совершенно не беспокоится за него. Поскольку сейчас она встревожена, то и я тоже очень встревожен. Я собираюсь поехать туда и, по возможности, разобраться. Кажется, Рикки погнался на снегоходе любовника его матери за местными распространителями кетамина и не вернулся домой.

– А как же офицер, который должен был наблюдать за ним?

– Похоже, Рикки обвел его вокруг пальца. Скорее всего, улизнул через задний двор.

Ребекка недобро прищурилась.

– Тогда я с тобой. – Она отбросила простыню и свесила ноги с кровати.

На мгновение он замер, замороженный красотой ее обнаженного тела. Ее грудями. Он никогда не переставал любить эту женщину. Их взгляды встретились.

Эшу внезапно захотелось сказать ей: «*Не покидай меня, Бекка. Пожалуйста, не покидай меня снова*».

Но он промолчал. Потому что сейчас, глядя на нее, он понимал, что она расстанется с ним. Ей придется это сделать. Ее жизнь и личные отношения, ее карьера – все это находилось за сотни миль от него и от его ранчо.

Но прошлая ночь принадлежала им. Занимаясь любовью с Ребеккой, он чувствовал себя цельным человеком, возможно, впервые в жизни. Потому что он поделился с ней чудовищной тайной, омрачавшей его душу. Он в

первый раз предстал абсолютно незащищенным и доверился Бекке. И она не отстранилась от него.

Вместо этого она раскрыла ему свои объятия, приняла его в себя. Эш не мог просить о чем-то большем. Доверив свою тайну, он позволил ей дать ему то, в чем он больше всего нуждался. Это было правильно, и этого было достаточно.

Мутная пелена, застилавшая его жизнь, начала развеиваться. Возможно, теперь он будет яснее видеть свой путь. Постепенно, шаг за шагом. Во всяком случае, теперь он был не один.

– Возможно, это ложная тревога, Бекка, – тихо сказал Эш. – Лучше оставайся здесь, в тепле.

Ребекка потянулась за одеждой.

– Я еду с тобой, Эш. Предполагается, что ты должен держаться подальше от Рикки Саймона. По крайней мере, если я буду с тобой, то смогу засвидетельствовать любую глупость, которой это может обернуться.

– А ты? Ты тоже вроде бы должна держаться подальше от меня. Твоя карьера может...

– Эш! – Ребекка твердо посмотрела на него. – Я еду с тобой.

* * *

Глаза Рикки заплыли и почти не открывались. Он с трудом дышал через разбитые губы и расквашенный нос. В доме находились три мужика, и они всю ночь попеременно избивали пленника, спорили и пьянствовали. После того как они выбили из него дух, пытаясь получить ответы на свои вопросы, его бросили в маленькой комнате, словно рваную тряпичную куклу. Комната была не больше кладовки для метел, с тонкими фанерными стенами. Он мог слышать почти все, о чем они говорили за стеной.

– Я же сказал, чтобы ты спрятал этот снегоход, недоумок!

– Я и спрятал его, мать твою! Под брезентом в амбаре. Как этот сопляк вообще мог там оказаться? Кто-то из вас проболтался?

– Нет, никто не стал бы болтать.

– Наверное, это Луи.

– В общем, нас поймали.

– Нет. Ничего подобного.

– Черт, старик, *нас поймали!*

– Послушайте меня. – Это был голос лысого. Во время ночного допроса Рикки узнал, что его зовут Джессом. Стью Генри говорил негромко и растягивал слова. Третьего парня кто-то назвал Дигби. Насколько понял

Рикки, Дигби был кузеном Стью Генри.

– Он один, – сказал лысый. – Мы нашли его снегоход. Там нет других следов. Мы избавимся от маленького засранца, и тогда ничто не будет связывать нас с Ноем Нордом. Или со скелетом в бревне.

– Мальчишка был гребаным свидетелем в сарае Норда. – Это был голос Стью. – Он видел, как я уезжал на снегоходе.

– Но пока никто еще не нашел машину, верно? Кроме него. Мы избавимся и от снегохода, и от мальчишки. Все будет чисто.

– А как насчет скелета? – спросил Дигби. – Ходят слухи, что они нашли пулю вместе с костями. Как насчет криминологического исследования и опознания ружья?

– Эта пуля тридцатого калибра? К чему они могут ее привязать? Ни к чему. Я избавился от этого ружья еще много лет назад.

– И все-таки, как этот мальчишка нашел нас? Кто-то ему рассказал.

Наступила тишина, прерываемая звяканьем стаканов.

– Да. – Голос Джесса был неожиданно спокойным. – Эту информацию мы можем получить от него.

– Да, прежде чем вышибить ему мозги и бросить в какой-нибудь старый колодец, как Тревора. – Это был Дигби.

Мужчины еще немного помолчали. Они чем-то занимались; во всяком случае, ходили по комнате. Рикки попытался сесть повыше и прислониться к фанерной стене, чтобы лучше слышать. У него стучало в ушах. Голова начинала разламываться от тупой боли.

– Как насчет шахты? – спросил Стью Генри. – Мы можем бросить тело в одну из старых рудных шахт.

– Слишком близко к нашей территории. Нельзя срать на собственном дворе.

– Тогда, может быть, пещеры на Слимак-Крик? – предложил Стью.

Молчание.

– Это в часе езды на снегоходах отсюда, – сказал Дигби. – Зимой туда никто не ходит. Мы сбросим его в одну из узких пещерных шахт, они уходят на километры под землю. Там темно, как в преисподней, и текут подземные воды. Его никогда не найдут, точно так же, как не нашли Тревора.

– Да, и по прогнозу снег будет идти еще как минимум два дня, – сказал Стью Генри. – Это скроет наши следы.

Идею рассматривали еще несколько минут, а затем одобрили.

– Готовь снаряжение, Джесс. Нужно выехать, пока еще не совсем рассвело.

Рикки снова услышал шум движения. Хлопнула дверь шкафа. Кто-то позвал собаку и теперь кормил ее, с глухим стуком вывалив сухой корм в жестяную миску.

Слабый свет проникал в окно комнатки, где держали Рикки. Приближался рассвет. Жесткие пластиковые кандалы на связанных за спиной руках резали запястья под рукавами водонепроницаемой куртки. Вся зимняя одежда по-прежнему оставалась на нем. Рикки полагал, что был бы уже мертв после таких пинков и ударов, если бы не надел утепленное зимнее снаряжение.

С протяжным стоном он попробовал перекатиться на бок. Его тошнило от крови и слизи, скопившихся в горле и носовых пазухах.

Спустя короткое время дверь открылась. В комнате появился Джесс. Он подошел ближе и поднял Рикки за шиворот. Тот попытался удержаться на ногах, но не смог.

– Пошли, маленький засранец. – Джесс вытащил его из комнаты за воротник куртки. Рикки увидел лужу крови там, где он лежал. На полу гостиной остался кровавый след от пяток его ботинок. Собака на короткое время отвлеклась от миски с едой, но она гораздо больше интересовалась своим завтраком, чем избитым Рикки Саймоном.

– Ты сунул нос куда не следовало, приятель. Теперь тебе крышка: отправишься следом за Уитни Ганьон и Тревором Бьючемпом.

– Что... что с ними случилось? – Рикки закашлялся и выплюнул на пол сгусток крови.

На лице Джесса отразилось удивление, как будто он не мог поверить, что Рикки смеет задавать вопросы после того, как его избили до полусмерти. Но потом он усмехнулся, словно его забавляла мысль об откровенности.

– Из Тревора сделали грушу для битья, потом перерезали ему горло и сбросили в заброшенный колодец. Забросали землей, и все дела. А девчонка? Мы немного развлеклись с этой цыпочкой, верно, ребята? – Он похотливо подвигал тазом и руками. – Пустили ее по кругу, да еще получили деньги за удовольствие.

Смех.

– Это было началом охотничьего клуба «Волчья стая», – ухмыльнулся Стью Генри. – Экстремальная охота. Нет ничего лучше, чем охотиться на девку с голой задницей, бегающую по лесу. Это куда лучше, чем отстреливать белохвостых оленей, а?

Рикки подумал о логотипе с оскаленным волком, описанном Тори. О наклейке на черном автомобиле, который столкнул их в реку.

– В тот день мы подумали, что она растворилась в воздухе, – с мрачным хохотком заметил Стью. – Мы просто с дуба рухнули, когда в конце концов увидели, что преследуем *оленья*, а она исчезла возле этих руин. Словно призрак. Как выяснилось, она все время была там. Заползла в дупло, да так и не выползла наружу.

* * *

Эш громко стучал в дверь дома Рикки, пока Бекка стояла под падающим снегом и разговаривала с офицером из патрульной машины, стоявшей на другой стороне дороги. Эшу пришлось стукнуть еще несколько раз, прежде чем дверь открылась.

Мать Рикки появилась в дверном проеме, шатаясь и хватаясь за косяк для опоры. Эш протолкнулся в дом мимо нее, смахивая снег с лица.

– Скажите, куда он уехал.

Она пыталась держать глаза открытыми, пока брела к кухонному столу. Потом тяжело оперлась о стол обеими руками.

Бекка и полицейский вошли следом. Коп вызывал по телефону сержанта Паркер; его лицо было пепельно-бледным, и не без причины. Он проворонил своего подопечного.

– Послушайте, у вас есть выбор, – обратился Эш к матери Рикки. – Или ваши дети, или выпивка. Соберитесь, и тогда я смогу оказать помощь. Я помогу вам, но сначала вам нужно помочь мне найти Рикки. А если вы предпочтете выпивку вместо детей, то я обращусь в социальные службы и они заберут ваших детей. Все ясно?

Она шмыгнула носом, кивнула и вытерла сопли тыльной стороной ладони.

– Где Луи?

Она дернула головой в сторону гостиной. Эш заглянул за фанерную стенку. Луи валялся на диване в бессознательном состоянии; струйка слюны сочилась из его открытого рта.

– Ладно, Луи отпадает. Вы можете назвать место, куда отправился Рикки?

Она потерла лицо.

– Думаю... Луи говорил, что это участок недалеко от старой шахты. Там еще есть маленькое форелевое озеро.

Эш посмотрел на Бекку:

– Я знаю это место. Несколько раз проходил мимо, когда выслеживал зверей. Это как минимум полтора часа езды по дороге. Но если я вернусь к себе и возьму снегоход, то смогу добраться туда через лес с обратной

стороны. Это займет не более пятнадцати минут.

Он направился к выходу.

– Стой, Эш, – сказала Бекка.

Он развернулся к ней.

– Ты должен отойти в сторону.

Полицейский поднял свой телефон.

– Это приказ сержанта Паркер: она велела предоставить дело на ее усмотрение.

Эш гневно смотрел на них.

– Я знаю, кто там живет. Рикки в смертельной опасности, если он еще жив.

– Кто там живет? – спросила Бекка.

– Парень по имени Дигби Генри. Судя по слухам, он работает наркотороном для гангстеров на севере. Кстати, когда-то работал в правоохранительной системе. Его кузен Стью тоже околачивается там. Я имел стычку с ними, когда охотился на раненую пуму.

– Вы не можете ехать туда, – заявил полицейский. Эш смерил его взглядом. Почти ребенок, лет двадцати на вид, с гладким розовым лицом. – Паркер собирает оперативную группу.

– И сколько времени им понадобится, чтобы добраться туда? При таком снегопаде? Если эти ребята покинут ранчо вместе с Рикки, то мы не сможем их найти.

– Тебе нужно отойти в сторону, Эш, – повторила Ребекка.

Эш взглянул на нее. Его душили противоречивые чувства, главным из которых было отчаяние. Кровь громко стучала в висках. В памяти всплыл образ Бегущего Ветра, сидевшего на вершине плоского холма.

«Обещаю, я сделаю это. Я проведу Рикки по этой тернистой тропе. Я умру на этом холме ради тебя».

Эш встретился со взглядом Ребекки.

– Я обязан сделать это. Я не могу остаться в стороне, поэтому собираюсь взять свой снегоход и поехать через лес. Так будет быстрее.

Она открыла рот, но прежде чем успела что-либо сказать, Эш выбежал на улицу и скатился по крыльцу.

Бекка побежала за ним.

Он забрался в свой автомобиль, и она последовала за ним, захлопнув дверь с пассажирской стороны.

– Бекка...

– Поезжай. – Ребекка проверила свое табельное оружие. – Грейс вышлет поддержку.

Глава 62

Эш притормозил, когда они с Беккой и Кибу подъехали к воротам с перемычкой из цельного бревна, на котором висели выбеленные лосиные рога, густо занесенные снегом. Дом Стью и Дигби Генри. Серые облака тяжело нависали над лесом, и тусклый день обещал быть безрадостным. Продолжался сильный снегопад.

Перед парадным входом стояли два автомобиля, занесенные снегом и похожие на двух диких зверей. Судя по еще не занесенным частям, один из них был черным, а другой – серебристым. Эш рассудил, что они всю ночь простояли здесь.

Кибу тихо зарычал, и Эш повернулся к нему. Его пес издавал такой звук, когда чуял другую собаку. Эш внимательнее осмотрелся по сторонам и заметил цепь.

– Где-то здесь есть собака, – сказал он. – Я должен привязать Кибу к снегоходу, прежде чем мы пойдем туда.

– Нам нужно подождать, – возразила Ребекка.

– Как долго? При такой погоде полицейские появятся не раньше чем через час-другой. Если вообще смогут доехать. Дорогу здесь практически не чистят.

– Грейс организует снегоходы. У Бака они есть.

Он нахмурился и посмотрел на темные окна дома. Из каминной трубы не шел дым. Место казалось пустым и заброшенным. Рваный пластик на одном из окон хлопал на ветру.

– Думаю, их там нет, – сказал Эш. Это тревожило его. Это означало, что они уже увезли Рикки. – Я знаю, что за домом есть амбар. Мы можем объехать участок и подойти сзади, под прикрытием леса.

Бекка посмотрела на часы, немного поколебалась и кивнула.

Они объехали ограду и сошли на землю под соснами. Оба сняли шлемы. Эш привязал поводок Кибу к снегоходу; он не хотел драки с враждебной собакой на чужой территории. Они тихо двинулись вперед.

Бекка держала пистолет в тактической позиции, как ее учили. У Эша было заряженное ружье. Они остановились на опушке, и он указал пальцем.

– Здесь проехали снегоходы, – прошептал он; дыхание облачками выходило изо рта. – Похоже на три снегохода, один с прицепом.

Эш жестом позвал Ребекку за собой. Она кивнула, и они осторожно обошли вокруг амбара. Их следы быстро заносились снегом. Эш окинул взглядом амбар и прислушался, но никакого движения не было. Внутри было тихо и темно.

Они вошли в амбар через большую открытую дверь. Там царил полумрак, и Бекка включила фонарик, полученный от Эша. Амбар был пуст, не считая верстака, инструментов на стене и одного снегохода. Синего цвета.

Ребекка посветила на бетон.

– Кровь, – тихо сказала она.

Они последовали за каплями крови до маленькой боковой двери. Оттуда широкое углубление в снегу вело к задней двери дома. Там тоже были розовые следы крови.

– Кто-то выволок его отсюда, но уже довольно давно, – с беспокойством сказал Эш. – Я собираюсь войти в дом. Ты можешь прикрыть меня?

– Эш...

– Там никого нет. А если есть, то они спят. Окна не задернуты. Я просто хочу заглянуть внутрь.

Он прокрался вперед. Ребекка держалась сзади с оружием наготове. Она не сводила взгляда с окон, наблюдая за возможным движением.

Эш подошел к стене дома и осторожно заглянул в первое окно. Внутри залаяла собака. Кибу из леса залаял в ответ. *Черт!*

Эш пригнулся и подождал. Ничего.

Он посмотрел на Ребекку. Ее поза была напряженной, но она покачала головой.

Он снова заглянул внутрь. Большой ротвейлер бегал на короткой цепочке, прикрепленной к опорной балке в гостиной. Эш не видел другого движения. Он подошел к следующему окну и посмотрел туда.

Его пульс участился. Кровь на полу, темные брызги на стене. Кровавый след тянулся от середины комнаты к двери. Ускорив шаг, Эш проверил другие окна. Неразобранные постели, разбросанные вещи, никого внутри.

Он потянул на себя заднюю дверь, и она распахнулась.

Эш жестом показал Бекке, что собирается войти. Прежде чем она успела возразить, он проскользнул внутрь. Собака обезумела от лая, дергаясь на короткой цепи, закрепленной на стене. Эш пообещал себе, что вернется за этой зверюгой с сотрудниками комитета по жестокому обращению с животными. В гостиной было полно пустых бутылок, кальян на кофейном столике. Сигаретная бумага и пивные банки. Переполненные

пепельницы. Эш прошел за кровавым следом в маленькую комнату и остановился, снедаемый беспокойством, глядя на лужицу подсыхающей крови на линолеуме.

Бекка появилась за его спиной и уставилась на кровь.

– Думаешь, это Рикки? – спросила она.

– А кто еще? Эти следы от снегоходов ведут через лес на юго-запад. Если ехать туда, то мы окажемся в горах. Думаю, они отвезли его к пещерам. Судя по всему, он находился в прицепе за одним из снегоходов.

Бекка проверила свой телефон.

– Здесь нет связи.

Она вышла в гостиную. Собака лаяла и завывала, оскалив зубы. Пенистая слюна летела на пол из ее пасти. В кухне Бекка обнаружила телефон на стене и сняла трубку.

– Работает, – сказала она и быстро набрала номер.

Должно быть, Грейс Паркер ответила, потому что Бекка громко сказала, чтобы перекрыть собачий лай:

– Похоже, Рикки Саймон побывал в доме Генри. – Она заговорила быстрее: – Здесь много крови. Должно быть, он тяжело ранен, если не убит. Свежие следы трех снегоходов и прицепа ведут в глушь на юго-запад от участка. Мы собираемся туда.

Эш смотрел, как Бекка слушает голос на другом конце линии. Ребекка выглядела взволнованной. Потом посмотрела на ротвейлера, обессиленного от лая.

– Скажи Паркер, что при таком снегопаде мы потеряем след, если не поедем прямо сейчас, – вмешался Эш. – Тогда мы лишимся главного свидетеля.

Она передала сообщение и добавила:

– Эш Хоген – опытный следопыт. Он хочет спасти этого мальчика. Поверьте мне, Грейс, Рикки ему как родной сын. Он не причинит вреда ребенку.

Она выслушала ответ.

– Ясно. – Бекка повесила трубку. – Пошли. – Она направилась к двери.

– Что она сказала?

– Оставаться на месте и ждать.

Эш удивленно посмотрел на Ребекку. Но она прошла мимо, распахнула дверь и побежала по снегу туда, где они оставили Кибу и снегоход.

* * *

Ребекка плотно прижалась к спине Эша, пока он проделывал

головокружительный слалом между деревьями, следуя за снежными колеями, оставленными тремя снегоходами и прицепом.

Время от времени она замечала розовые пятна на снегу и начинала опасаться худшего. Кибу тряся за ее спиной в корзине, давно привыкший к манере езды своего хозяина.

Эш указал рукой на очередное пятно крови, когда они обогнули старый куст болиголова. Ребекка убрала голову из-под нависших веток. Она надеялась, что Рикки еще держится, но время решало все. Именно поэтому Ребекка воспротивилась приказам своего начальства. Она понимала, почему Грейс потребовала, чтобы они подождали группу быстрого реагирования... но когда она появится?

Вероятно, Грейс до сих пор рассматривала Эша как заинтересованного свидетеля. Кроме того, ей требовались честные показания Рикки, если дело дойдет до суда.

Но если они опоздают, то Рикки может умереть. Если, конечно, он еще жив. Мертвый свидетель не поможет Грейс или стороне обвинения. Кроме того, Ребекка понимала, что не сможет остановить Эша. Его слова о Рикки и Бегущем Ветре крутились в памяти.

«Я умру на этом холме ради тебя...»

Она лишь надеялась, что Грейс с оперативной группой приедут поскорее и будут на месте, прежде чем события выйдут из-под контроля.

Они быстро ехали еще около получаса, прежде чем местность стала более возвышенной. Лес поредел, и деревья стали ниже. Эш сбросил скорость, когда они оказались в узкой долине. За линией деревьев начались снежные поля и холмы, которые упирались в скалистые подножия гор.

Эш остановил снегоход, поднял козырек шлема и указал на следы, уходившие в горы по заснеженному лугу:

– Похоже, они направились туда, к истокам ручья Слимак-Крик.

– Туда, где Мраморные пещеры, – сказала Ребекка.

– Если они направились туда, то им нужны пещеры; я не вижу другой причины подниматься к этому водоразделу. – Эш замолчал, осматривая местность. – Здесь есть тупик. Очень узкая лощина с крутыми подъемами по обе стороны. Они услышат двигатель нашего снегохода за несколько миль. В этих скалах и пещерах всегда гуляет эхо. Мы станем легкой добычей.

Ребекка смотрела на зазубренные черные отроги, выпиравшие из снега, как драконий гребень над узкой долиной, где ручей летом нес в озеро ледниковые воды. Однажды она посещала эти пещеры во время школьной экскурсии. Они состояли из множества пустот и тоннелей с глубокими

трещинами. Если Рикки притащили туда, то его решили бросить в одну из этих расщелин. Вероятность того, что он уже мертв, увеличивалась с каждой минутой. Но Ребекка не сказала Эшу об этом, оставляя ему надежду.

– Туда можно проникнуть с противоположной стороны? – спросила она.

– На это уйдет полдня и масса горного снаряжения, – ответил он и указал вверх. – Кроме того, сейчас там существует чрезвычайная опасность схода снежной лавины.

Он взглянул на дешевые пластиковые снегоступы, прикрепленные к борту снегохода. Только одна пара.

– Ты же не собираешься подниматься туда пешком? – спросила Ребекка.

– Тебе придется остаться здесь... у меня есть только одна пара. Подожди остальных.

Она сорвала шлем с головы.

– Нет, Эш. Ты не пойдешь туда в одиночку. Один человек против трех вооруженных и отчаянных мужчин, к тому же возможных убийц? Ни за что.

Эш начал развязывать поводок Кибу.

– Нет, – велела Ребекка. Она положила ладонь в перчатке на руку Эша. – Этого не будет.

Он столкнулся с ее твердым взглядом. Пар от дыхания затуманивал лицо Эша. Ребекка чувствовала, как вибрирует в его руке напряжение.

– Я коп, Эш. Я расследую дело, и это мой долг. Я не могу подвергать угрозе гражданских лиц.

– Но Рикки...

– Думай о приоритетах. Возможно, он мертв. Я не могу допустить, чтобы ты тоже погиб.

– Бекка, – тихо произнес он, пронзая ее ледяным взглядом. – Я *должен* это сделать. Я не могу сидеть здесь и ждать, чтобы потом выяснить, что Рикки умер из-за слишком позднего прибытия оперативной группы. Если мне суждено умереть здесь, да будет так. По крайней мере, я попытался.

– Эш...

– Нет. – Его лицо стало жестким. – Послушай меня. Моя жизнь – это сплошной провал. Я портил все, к чему прикасался. Для мира моя гибель не будет большой утратой.

Он отпустил ее руку и одновременно выпустил Кибу. Пес выпрыгнул наружу и в восторге покатался в снегу.

– Я захожу с левого фланга. – Эш указал на восточный склон горы над пещерами.

Ребекка расчехлила оружие.

– Что ты делаешь?

– Клянусь, я использую его. Если придется, то я силой удержу тебя. – Она щелкнула предохранителем, яростно глядя на Эша. – Ты не имеешь права, – добавила она. – Ты ошибаешься: ты не портил все, к чему прикасался. Твое ранчо. Твои собаки. Твоя работа с хищниками... хорошая работа. Ты спасаешь скот и оберегаешь природу. Ты – один из самых заботливых людей, которых я знаю. Ты много значишь. – Она сглотнула и внезапно охрипла. – Ты много значишь *для меня*. Не делай этого со мной после того, как мы снова полюбили друг друга.

Он застыл, глядя на нее. Ветер кружил снег между ними.

– Бекка, я не могу бросить его. Не могу. Тебе придется застрелить меня.

Эш наклонился и стал застегивать снегоступы.

Ее руки, державшие пистолет, подрагивали от сдерживаемых чувств. От осознания того, что она хотела видеть Эша живым. В своей жизни. Она готова перестроить свою карьеру и все остальное, только бы это случилось.

– Хорошо, – отрезала Ребекка и сунула пистолет в кобуру. – Садись обратно.

Эш удивленно посмотрел на нее.

– Мы поведем снегоход вон туда. – Ребекка указала на скалистый выступ в нескольких метрах над левым берегом. – Ветер дует с северо-востока. Если мы направимся туда, то звук вряд ли будет слышен у входа в пещеру.

Эш посмотрел туда, куда она указала.

– Оттуда мы пойдем пешком. По склону, к расщелине и пещерам. Это будет быстрее, чем отсюда.

– Но у меня только одна пара снегоступов. Снег на том подъеме слишком глубокий, и...

– Мы сделаем как волки в стае. Ты тяжелее. У тебя снегоступы, и ты будешь прокладывать путь. Это рыхлый снег, Эш. Легкий как пух. Мы справимся.

Эш заколебался и снова посмотрел на выступ, куда указала Ребекка.

– Нет. – Эш повернулся к ней. – Я не могу тебе позволить...

– У тебя нет выбора, дружок. Я – коп, и все полномочия находятся у меня. Давай. Сделай это со мной или оставайся здесь.

Глава 63

Эш аккуратно выбирал дорогу между черных каменных отрогов, когда они прокладывали путь к заснеженной расщелине, где ожидали найти три снегохода с прицепом.

Бекка была права. Снег оказался мягким и пушистым. Когда Эш прокладывал тропу на снегоступах, Ребекке было довольно легко следовать за ним. Кибу держался сзади. Дыхание вырывалось облачками пара, снег поскрипывал под ногами. Огромные снежинки размером с долларовую монету продолжали кружиться и падать вокруг, обеспечивая прикрытие и приглушая звуки.

Пока они шли, Эш снова и снова прокручивал в голове слова Бекки.

«Ты много значишь для меня. Не делай этого со мной после того, как мы снова полюбили друг друга».

Он тяжело сглотнул. Эта мысль была подобна дуновению теплого ветра. Она внушала ощущение собственной ценности и значимости, начинавшее размывать глубоко укорененное чувство стыда, которое Эш постоянно носил в себе. Из-за своего отца и всего, что ему пришлось пережить.

Эш оглянулся через плечо и встретился с ее взглядом через падавший снег. Невидимая энергия потрескивала между ними, и кровь быстрее бежала в его венах. Но от него не ускользнула странная ирония ситуации: в то время когда он был готов пойти на смертельный риск, Ребекка дала ему все, ради чего стоило жить. А теперь он подвергал опасности и ее.

«Черт возьми, парень, только не испорти все на этот раз. Только не сейчас».

Эш еще быстрее двинулся вперед по глубокому снегу, тяжело дыша.

Они оставили снегоход у скального выступа примерно в двухстах метрах позади и теперь находились почти над входом в пещеру. Эш нес на спине ружье и рюкзак с припасами, которые он обычно брал с собой во время охоты на крупных хищников. В руке он держал дробовик. Бекка прикрепила ружье сзади и имела при себе табельный пистолет.

Эш ненадолго остановился и посмотрел в бинокль на заснеженное ложе ручья в овраге перед ними. Он напрягся, когда увидел колеи снегоходов, уходившие вверх, к темному зеву пещеры.

Эш передал бинокль Бекке, и она изучила следы.

– Совсем свежие? – тихо спросила она.

Эш кивнул, и они ускорили шаг. Снег тихо осыпался под его снегоступами, откос справа от них становился все круче.

Они достигли занесенного снегом каменного карниза, нависавшего над расщелиной. На другой стороне почти отвесно поднималась каменная стена.

Эш остановился и сверился с компасом.

– Мы находимся справа над главным входом в пещеру, – прошептал он. – Снегоходы не могли подняться выше этого места: там начинается каскад небольших водопадов.

Они осторожно придвинулись к краю карниза. Эш велел Кибу лежать у его ног.

– Ш-шш, мальчик, лежи тихо.

Кибу широко зевнул с жалобным стоном и улегся в снег.

– Подожди здесь, – обратился Эш к Бекке.

Он лег на живот и посмотрел через край карниза в сторону пещеры. Внизу стояли три снегохода и прицеп. Одна машина была ярко-оранжевой, с рисунком в виде огромного паука посреди паутины. Оранжевый шлем лежал на сиденье. Судя по количеству снега на машинах, люди ушли совсем недавно. Эш снова достал бинокль и тщательнее изучил снегоходы и прицеп. К бортам двух машин были прикреплены ружья. Отпечатки ног и розовый след крови исчезали прямо под ним, у входа в пещеру. Эш быстро перебрал варианты действий.

Время имело решающее значение. Рикки был серьезно ранен, а если он уже умер, как предположила Бекка, то мужчины уволокли его в пещеру, чтобы избавиться от тела. Но если Рикки еще жив, то нужно двигаться очень быстро. Эш знал, что под слоем рыхлого снега находится плотный наст и лед от предыдущего зимнего цикла. Этот рыхлый снег надо льдом на склоне был очень неустойчивым.

Эш отполз туда, где ждали Кибу и Бекка.

– Они внизу, – прошептал Эш, снимая рюкзак. – У меня есть план.

Эш присел на корточки, открыл рюкзак, достал несколько патронов для охоты на медведя и зарядил ружье. Потом вытащил несколько сигнальных ракет и других предметов из стандартного набора, который он обычно носил с собой.

– Вот что мы сделаем.

Глава 64

Ребекка заняла позицию, указанную Эшем, прислонившись к каменному выступу у края карниза над входом в пещеру. Она прицелилась из ружья, заряженного одним из мощных патронов Эша, и аккуратно нажала на спусковой крючок.

Пуля ударила в плотно спрессованный снег на крутом горном склоне на другой стороне ущелья. Грохот, похожий на взрыв бомбы, раскатился по узкой и глубокой лощине, эхом отдаваясь от ее стен. Последствия наступили почти мгновенно. От того места, где ударила пуля, по снегу пробежала горизонтальная трещина. Раздался треск и протяжный стонущий звук, а потом вся масса плотного снега под трещиной с ревом обрушилась вниз.

Лавина сразу же набрала скорость и вскипела, как смертоносная белая вода, с грохотом заполнившая ложе ручья. Она достигла другого берега и захлестнула снегоходы, накрыв их бушующей снежной массой.

Сердце бешено стучало. С этой позиции Ребекка не могла видеть Эша и Кибу, которые спустились с карниза выше по течению, у входа в пещеру. Эш должен был найти удобную позицию, откуда он мог сосредоточить огонь на входе в пещеру, если преступники, услышавшие шум обвала и опасавшиеся оказаться запертыми в снежной ловушке, устремятся к выходу.

Ребекка выпустила другую пулю, на этот раз прицелившись правее. Это вызвало еще один мощный оползень, заполнивший узкую лощину ниже по течению и блокировавший путь к отступлению.

Ребекка услышала крик, затем другой.

Внизу из пещеры вышел мужчина в вязаной шапке и синей куртке. Он держал ружье. Ребекка испытала внезапное облегчение. Как они и надеялись, вход в пещеру находился довольно высоко, и лавина не набрала достаточную мощь, чтобы закупорить его. Отлично, она выманила наружу по меньшей мере одного преступника.

Он сделал несколько шагов в сторону снежных курганов на том месте, где были припаркованы снегоходы. Потом развернулся и позвал остальных. Появились еще двое мужчин, присоединившихся к нему.

Ребекка замерла в предчувствии выстрела Эша. Это должен быть предупредительный выстрел, отвлекающий внимание.

Резкий треск выстрела разнесся по ущелью; эхо создавало впечатление, будто стреляли отовсюду.

Мужчины развернулись, в панике глядя вверх и вниз. Один из них указал в ту сторону, где спустились Эш и Кибу. Человек с ружьем прижал приклад к плечу, а двое других побежали под прикрытие пещеры. Либо там было другое оружие, либо они спасали свою шкуру, потому что их ружья были погребены вместе со снегоходами.

Человек выстрелил. Ребекка услышала звук пули, от ricochetившей от камня. Почти сразу же грохнул другой выстрел, и мужчина пошатнулся. Пуля Эша нашла свою цель.

– Самооборона, – прошептала она себе под нос. – Подозреваемый выстрелил первым.

У стрелка подогнулись ноги, и он рухнул в снег вместе с ружьем.

Ребекка напряженно ждала. Если у остальных было оружие в пещере, то они могли затаиться. Или проползти под ней, спуститься ниже по течению и начать подъем к югу. Но с большой вероятностью они безоружны: Ребекка видела два длинноствольных ружья, прикрепленных к снегоходам, которые теперь были недоступны.

Она уловила какое-то движение внизу и машинально прицелилась туда. Один из мужчин выбежал из пещеры к своему поверженному товарищу. Он наклонился и схватил ружье, валявшееся в снегу. В этот момент Эш выстрелил снова. Пуля ударила в снег рядом с ними. Второй мужчина быстро нырнул под прикрытие скалы и выстрелил оттуда. Эш не замедлил с ответом, и его пуля поразила цель. Человек свалился, схватившись за плечо, а ружье упало в глубокий снег и скрылось из виду.

Ребекка продолжала ждать. Наступила тишина. Мужчина, раненный в плечо, попытался отползти и нащупать ружье. Эш выстрелил в снег рядом с ним. Тот вскрикнул, упал на живот и пополз к пещере, оставляя красный след на белом снегу. Потом он что-то крикнул, и появился третий мужчина, который попытался подхватить упавшего под мышки и затащить его под карниз. Ребекка выпустила еще одну пулю в противоположный склон, прицелившись южнее. Она произвела эффект разорвавшейся бомбы в тесном пространстве ущелья. Послышался рокот нового снежного обвала.

Четвертую пулю Ребекка выпустила в воздух ниже по течению ручья. Двое мужчин застыли на месте. Тот, кто остался цел, повернулся в направлении последнего выстрела, явно сбитый с толку. Наверное, он решил, что они окружены, и теперь выстрелы звучат с противоположного берега ущелья, еще выше по течению. Когда обрушилась новая лавина, Ребекка потянулась к ружью, оставленному Эшем. Она тщательно

прицелилась.

Держа палец на спусковом крючке, она медленно выдохнула и плавно нажала на курок. Пуля отрикошетила от обнажившейся каменной стены. Человек, стоявший над своим упавшим товарищем, внезапно оцепенел. Он пошатнулся вперед, споткнулся и рухнул в снег.

Снова наступила тишина, нарушаемая лишь стуком крови в барабанных перепонках. Ребекка подождала, но ничто не двигалось.

Потом она увидела Эша, появившегося из-за скалы слева от пещеры. Он направлялся ко входу вместе с Кибу. Ребекка поспешно закинула ружье на спину и подхватила рюкзак Эша.

Она начала спускаться к пещере по следам, оставленным снегоступами Эша.

Но когда Ребекка достигла того места, где лежали мужчины, то увидела только двоих. Третий, которого она подстрелила, куда-то пропал.

Как и Эш.

Глава 65

Когда Эш добрался до карниза над главным входом в пещеру, один человек пропал. Двое раненых остались лежать. Ружья поблизости Эш не видел.

Из высокого и темного каменного проема исходили холод и запах сырой земли. Эш увидел капли свежей крови, ведущие в темноту.

– Оставайся здесь, Кибу, – прошептал он. – Подожди Бекку.

Пес заскулил и сел на снег.

Эш достал из кармана фонарик, шагнул в пещеру и провел лучом по зияющему проему. Выстрел был практически мгновенным, звук – оглушительным.

Эш бросился вбок и прижался к каменной стене, уронив фонарик. Пуля прожужжала рядом с ним. Сердце кузнечным молотом стучало в груди, во рту пересохло. Эш немного попятился к выходу.

Еще один ружейный выстрел расколол темноту. Пуля раздробила камень над плечом Эша.

Проклятье.

Он ничком упал в снег и попытался отползти назад, чтобы найти укрытие, но снегоступы мешали ему. Из темноты грохнул еще один выстрел.

Эш услышал вой, потом человеческий крик. Утробное рычание.

«Вот дерьмо. Кибу?»

Эш повернулся и посмотрел туда, где оставил своего пса. Собака исчезла.

Из пещеры донеслись новые вопли, сопровождаемые громким рычанием; звуки борьбы человека с собакой порождали многочисленные отголоски в лабиринте тоннелей, который усиливал звуковые волны и накладывал их друг на друга, словно гигантский музыкальный инструмент в недрах горы. Эш завозился, отстегивая снегоступы. Он находился на грани паники. Пошарив вокруг, Эш нашел свой фонарик, потом замер и прислушался.

Отголоски медленно затихали, поглощенные каменными тоннелями. По коже пробежал холодок. Один из раненых громко застонал. Эш подождал еще несколько секунд, но в пещере было тихо.

Он свистнул. Собака не откликнулась.

Сердце сжалось в груди. Он еще раз посвистел: ответа не последовало.

Эш осторожно поднялся на ноги и выставил ружье перед собой. Его движение не вызвало никакой реакции. Он вошел в пещеру и прислушался. Несмотря на тишину, казалось, что сама пещера делает мерные вдохи и выдохи. Он посветил фонариком в темноту.

– Кибу? – прошептал Эш. Пещера вернула его шепот со следующим выдохом холодного воздуха. *Кибууу*.

Эш двинулся дальше. Тени прыгали и подрагивали на стенах, блестевших от влаги и льда. Потом Эш услышал хныканье, и у него похолодело в животе.

Он осторожно шел в сторону звука по камню и льду, останавливался и снова прислушивался. Казалось, что тихое хныканье исходит отовсюду одновременно. Эш поскользнулся на гладком льду и грохнулся вниз. Его сердце едва не выскочило из груди. Он снова встал, пригнувшись для того, чтобы сместить центр тяжести, и направил вперед ружье и луч фонарика.

Фонарик высветил что-то белое, потом черное. Мех.

– Кибу?

Пес взвизгнул. Он лежал, упираясь лапами в неподвижную фигурку. Эш провел лучом в сторону и увидел маленькую руку.

Рикки!

Эш торопливо переводил свет фонарика с собаки на мальчика, приближаясь к ним. Лицо Рикки было распухшим и окровавленным, глаза закрыты. Он лежал неподвижно. Кибу тихо заскулил.

– Кибу? Ты в порядке, мальчик?

Кибу привстал и пополз к хозяину, как-то робко виляя хвостом. Раньше его собака никогда не вела себя таким образом. Потом Эш увидел то, что лежало за Кибу. Человек, упавший навзничь, вытянувший руки по бокам. Возле его руки поблескивало ружье. Эш напряженно провел фонариком по лежащей фигуре. Лицо мужчины было залито кровью. Его горло превратилось в кровавую мешанину рваного мяса и хрящей. Посветив на Кибу, Эш увидел кровь на морде собаки и на ее лапах.

Пустой желудок болезненно сжался. Эш поспешно вернулся к Рикки, уверенный в том, что выстрелов больше не будет.

Эш опустился на колени рядом с Рикки и посветил на его лицо. Парня избили так сильно, что его распухшее лицо с заплывшими глазами и свернутым набок носом было почти неузнаваемым.

Эш снял перчатки и проверил пульс.

– Рикки, – позвал Эш. – Рикки, ты меня слышишь?

Он ощущал слабое биение пульса под своими пальцами. Рикки

шевелинул головой и застонал.

– Ты меня слышишь, Рикки?

Парнишка попытался открыть щелочки глаз.

– Э... Эш?

У Эша защипало глаза.

– Все будет в порядке. Теперь будет. Мы нашли тебя.

– Я... я нашел его, – прошептал Рикки. – Снегоход.

– Ш-шш. Я знаю. Мы видели его перед пещерой. Не разговаривай.

Позади раздался шум, и Эш сразу напрягся.

– Эш?

Он облегченно вздохнул, услышав чудесный, знакомый голос Бекки.

– Сюда, Бекка! Мы нашли его... Мне нужна помощь!

Глава 66

Облегчение затопило Эша, когда он услышал отдаленный вой снегоходов, приближавшихся из леса. Он сидел на откопанном из-под снега прицепе, которым они с Беккой воспользовались для того, чтобы вывезти Рикки, и держал мальчика на руках. Они закутали его в спасательное одеяло и смогли немного напоить его.

– Это они! – радостно воскликнула Бекка и соскочила со снегохода, на котором она сидела.

Пока Бекка оказывала Рикки первую помощь, останавливая кровь и очищая дыхательные пути, Эш затащил раненых в пещеру, чтобы они не валялись под снегом. Одним из них был Джесс Скотт, а другим – Стью или Дигби Генри. Один из кузенов лежал мертвым, с перегрызенной глоткой, немного дальше от входа.

Потом они с Беккой взялись за трудную задачу: затащить Рикки на прицепе вверх по склону, к тому каменному карнизу, откуда стреляла Бекка, вызывая снежные лавины. Когда они оказались там, изрядно выдохшись после долгого подъема, Бекка запустила в небо две сигнальные ракеты. Они распустились огнями и ненадолго повисли в воздухе, окутавшись розовыми облачками. Снегопад прекратился, и облачность немного поднялась, но все же казалось маловероятным, что сигнал будет замечен. Эш активировал функцию SOS на аварийном GPS-маячке, который он брал с собой каждый раз, когда уходил в глухие места. Сигнал будет передан в центр экстренного реагирования GEOS, который в свою очередь, свяжется со службой экстренной помощи в данном районе.

Покончив с этим делом, Эш снова проверил состояние Рикки. Парнишка то терял сознание, то приходил в себя. Он нуждался в срочной медицинской помощи. Эш и Ребекка притащили его туда, где оставили свой снегоход. Кибу с окровавленной мордой трусил позади. Они закрепили прицеп на крюке снегохода и поехали вниз по склону, к широкой долине, где их легко можно было обнаружить с воздуха.

Пока Эш вглядывался в лес, звук двигателей усилился, и первый снегоход вынырнул из-за деревьев. Остальные последовали за ним, словно рой шершней. У Эша заслезилась глаза.

Ребекка положила руку ему на плечо.

– Все будет в порядке. Он выживет.

Эш кивнул и изо всех сил пожелал, чтобы так и было.

Грейс Паркер отрядила спасательную команду из восьми офицеров на четырех снегоходах; один из них имел соответствующую медицинскую подготовку и мог сразу же заняться Рикки. Старший офицер немедленно вызвал по спутниковой связи медицинскую эвакуационную группу. Через семнадцать минут Эш услышал отдаленный рокот вертолета.

Он прикрыл глаза козырьком ладони и вгляделся в серое небо. К горлу подкатил комок. Нет ничего, что может сравниться с видом спасательного вертолета в далекой глуши. Это связь с помощью и цивилизацией, путь к теплу и безопасности.

Эш увидел темную точку в разрыве облаков. Потом она стала красной и блестящей на фоне зимней белизны. Вскоре звук вертолета стал оглушительным. Они отвернулись и пригнулись, защищая глаза от снежного бурана, поднятого вращающимися лопастями. Вертолет аккуратно опустился на поле. Винт сбавил обороты, но не остановился. Задние двери открылись. Два медбрата в летных костюмах выбежали наружу с носилками и медицинским оборудованием.

Эш почувствовал, как Рикки сжал его руку.

– Эй, братишка, они прилетели за тобой. Твой королевский выход.

Рикки приоткрыл глаза. Рев немного поутих, пока медики приближались к ним, но пилот держал двигатель на холостых оборотах в ожидании быстрого взлета.

Рикки застонал и попытался что-то сказать.

– Ш-шш, парень, пока помолчи. Береги силы.

– Трев... Тревор, – прошептал он.

Бекка покосилась на Эша. Она подошла ближе, когда Эш наклонил голову и приблизил ухо к губам Рикки.

– Тревор, – снова прошептал он. – Они избили его до полусмерти. Перерезали горло... В колодец. – Он облизнул губы. – Засыпали... колодец.

Эш моментально напрягся.

– Они так говорили? Они сказали, что убили Тревора? Бросили тело в колодец?

– Джесс сказал... в колодец.

Бекка склонилась над Рикки.

– Они говорили, где этот колодец, Рикки?

Он попытался покачать головой и застонал от боли.

– Не сри... на заднем дворе.

– Что?

Он отключился.

– Рикки, – сказал Эш. – Они что-нибудь говорили об Уитни?

– Изнасиловали... Уитни. Пустили по кругу.

– Это сказал Джесс?

Рикки слабо кивнул.

– Кто они такие? – быстро спросила Бекка. Медики уже опускали носилки. Пять членов спасательной команды поехали на снегоходах к пещере; Эш сказал им, где они могут найти раненых преступников, одного убитого и снегоходы.

– Парни... – прошептал Рикки. – Он так называл их. Волчья... стая. Охотились... Получали деньги.

– Получали деньги?

Медик положил руку на плечо Эша.

– Сэр, вы не могли бы отойти в сторону? Пожалуйста, мэм, отойдите от него.

Эш и Бекка отступили назад, медики проверили состояние Рикки и уложили его на носилки. Эш взял Ребекку за руку, и они смотрели, как люди в оранжевых летных костюмах поспешно идут к вертолету со своим юным пациентом.

Заревел двигатель, и вертолет завис над площадкой с мерным стуком рассекавших воздух лопастей. Потом налетел очередной снежный буран, и металлическая птица поднялась в небо.

Эш прищурился, наблюдая за отлетом. Пальцы Бекки, которая сняла перчатки, чтобы оказать Рикки первую помощь, были холодными как лед. Она сжала руку Эша.

– Ты сделал это, Эш, – прошептала Ребекка. – Ты спас его.

Он заглянул ей в глаза. Чувства переполняли его, и он какое-то время боролся с собой, чтобы обрести голос.

– *Мы* спасли его, Бекка. – Эш сглотнул и кашлянул. – Мы с тобой. Команда.

Она улыбнулась, утерла нос и кивнула.

Глава 67

Ребекка сидела вместе с Грейс Паркер и ее коллегой, детективом Беном Стаммером, в комнате для допросов клинтонского отделения полиции. Снаружи наступила ночь. Ветер стих, и воздух был неподвижен, как будто на город снизошел покой. Грейс выслушивала доклад Ребекки, а Бен наблюдал. Беседа проводилась под запись. Ребекка знала, что еще несколько офицеров наблюдают за ней с другой стороны зеркального стекла.

Она шаг за шагом рассказала Грейс о событиях, произошедших с тех пор, как Эш принял звонок от матери Рикки.

Грейс вела записи и задавала вопросы. Выражение ее лица, как и можно было ожидать, оставалось совершенно непроницаемым. Она не делилась мнениями и вообще никак не реагировала на ее слова.

Ребекка отхлебнула воды из стакана. Следующим под микроскоп Грейс должен был попасть Эш, поскольку он до сих пор находился в клинике Девилс-Батт вместе с Рикки. Врачи поместили Рикки в реанимацию сразу же после того, как его доставили на место. Прогноз пока что был хорошим. У Рикки были сломаны левая рука и несколько ребер, разможены пальцы плюс несколько контузий и гематома на спине. Его сломанный нос прооперировали. Но до полного выздоровления было еще далеко. Ребекке оставалось лишь дивиться его юношеской выносливости. А также его дерзости и решимости цепляться за все, что было ему дорого, включая его собственную жизнь. И Эша.

Ребекка предполагала, что несколько подчиненных Грейс уже находятся в клинике, ожидая возможности поговорить с Рикки. Они также ожидали, когда из операционной вывезут Джесса Скотта, где ему должны были извлечь пулю, застрявшую в плечевой кости.

Стью и Дигби Генри повезло гораздо меньше. Кибу налетел на Дигби Генри (которого подстрелила Ребекка) и перегрыз ему горло в темной пещере, когда он стрелял в Эша. Пес убил его, и теперь Эшу предстояли непростые объяснения.

Его будут поджаривать на медленном огне и за ранение Джесса Скотта, и за смертельный выстрел в Стю Генри, который был уже мертв, когда члены спасательной группы нашли его в пещере. Ребекку уже допросили о характере ранения Дигби Генри, прежде чем он был загрызнен собакой.

Бекка сдала свое служебное оружие до окончания следствия.

Но у Эша были веские аргументы в пользу самообороны. Ребекке хотелось верить, что копы мягко обойдутся с ним, особенно потому, что ему удалось вызволить Рикки, и мальчик передал им слова Джесса Скотта. Фактически он раскрыл дело.

– Вы слышали от Рикки Саймона о других людях, участвовавших в изнасиловании и последующей охоте на Уитни Ганьон?

– Нет, – сказала Ребекка. – Но он сказал нечто странное после того, как произнес слова «волчья стая» и «охотники». Он сказал, что они «получили деньги».

Грейс оторвала взгляд от своих записей.

– Получили деньги?

– Да.

– То есть им *заплатили* за нападение на Уитни Ганьон и Тревора Бьючемпа?

– Точно не знаю.

Грейс обменялась взглядом с Беном.

– А место расположения колодца, где могли захоронить тело Тревора Бьючемпа? – спросила она.

Ребекка припомнила слова Рикки.

– Когда я спросила Рикки, слышал ли он, где находится тот колодец, он сказал что-то вроде: «Не сри на заднем дворе».

– Что это значит?

– Не знаю. Может быть, что преступники не хотели избавляться от тела рядом со своей базой? – Она устало потерла лоб. – Место, где Фрэнк Хатфилд видел следы крови и что-то бегущее по лесу... в нескольких километрах к востоку оттуда находились старые фермерские участки до того, как правительство выкупило эту землю под заповедник. В детстве мне рассказывали, что там был крытый колодец. Возможно, он сохранился до сих пор.

Грейс отметила это в своем блокноте и отложила ручку.

– Кто-нибудь из них говорил Рикки, кто был отцом ребенка Уитни Ганьон?

– Насколько мне известно, нет.

Грейс облизнула губы и посмотрела на Ребекку.

– Мы допросим Рикки Саймона, когда он будет готов к сотрудничеству, но пока что можем действовать на основании этой информации. – Она смерила Ребекку острым взглядом. – Вы нарушили приказ.

– Я приняла решение остаться рядом с главным подозреваемым по

этому делу, который был в состоянии спасти жизнь ключевого свидетеля.

Грейс не сводила глаз с Ребекки, и та изо всех сил старалась не моргать.

Потом Грейс резко поднялась на ноги, и Бен последовал ее примеру. Грейс протянула над столом узкую руку.

– Благодарю вас, сержант Норд. – Она пожала руку Ребекке и вышла из комнаты.

– Спасибо, сержант, – добавил Бен Хаммер и вышел следом за своей начальницей.

* * *

Ребекка нашла Эша сидящим у больничной кровати Рикки Саймона. Бекка выехала с первыми лучами солнца и прибыла на автостоянку клиники «Девилс-Батт», где обнаружила несколько припаркованных полицейских автомобилей. Дверь в палату Рикки была открыта. Рикки лежал, подпертый подушками; его лицо все еще было распухшим под синяками и повязками. Глаза были закрыты, и он как будто спал. Левая рука находилась в гипсе, разmozженные пальцы тоже были загипсованы.

– Эй, – тихо сказала Ребекка, открывая дверь.

Эш встал. Ребекка вошла в палату, взяла его за руку и привлекла к себе. Потянувшись вверх, она поцеловала его небритую щеку.

– Ты похож на битника.

Он откинул волосы, упавшие ей на лицо.

– Бывало и похуже. – Его глаза зажглись от улыбки, и сердце Ребекки растаяло. Любовь запульсировала в ее жилах.

– Я подумала о завтраке. – Ребекка протянула термос с горячим кофе и сумку с теплыми сэндвичами.

– Я всегда знал, что ты ангел, – заверил Эш, принимая дары.

– Как Рикки, нормально?

Эш кивнул и поставил сумку на подоконник. Потом отхлебнул кофе.

– Копы уже побывали здесь сегодня утром и получили показания. Это утомило его, и он снова заснул.

– А ты как, держишься?

Эш кивнул.

– Они еще не допросили тебя? – спросила Ребекка.

– Пока нет. Они хотят провести официальный допрос в полицейском участке.

Но огоньки, танцевавшие в его усталых глазах, говорили Ребекке, что, независимо от дальнейшего развития событий, он чувствовал себя победителем. Эш одержал верх в битве за Рикки Саймона. За Бегущего

Ветра. За Уитни, Тревора и отца Ребекки. За нее.

– Я люблю тебя, знаешь? – прошептала она.

Эш на секунду удержал ее взгляд, потом отвернулся. Ребекка сглотнула. Она понимала, что Эш думает о будущем и о том, что ей придется вернуться к своей работе.

– Рикки рассказал им что-то новое? – поинтересовалась Ребекка.

Эш глубоко вздохнул, еще раз отхлебнул кофе и сказал:

– Похоже, что кузены Генри, Джесс Скотт и, возможно, некоторые другие парни, – пока мы точно не знаем, – избили Тревора, перерезали ему горло и бросили в колодец, а потом изнасиловали Уитни, прежде чем отпустить ее как дичь для охоты в лесу рядом с моей землей. – Эш сделал еще один глоток, словно нуждался в дополнительной энергии от кофеина.

– Это согласуется с рассказом Хатфилда о крови и мимолетном видении женщины с золотистыми волосами, бежавшей по лесу, – сказала Ребекка. – Пуля, застрявшая в его автомобиле, такая же, как та, которую нашли рядом с останками Уитни. Баллистическая экспертиза покажет, были ли они выпущены из одного оружия.

Эш кивнул.

– Рикки полагает, что эта охота стала причиной основания экстремального охотничьего клуба.

– «Волчья стая»?

– Думаю, да.

– И Бак является членом этого клуба? У него есть такая наклейка на автомобиле.

– Вероятно. Кто знает, занимались ли они еще охотой на людей? Может быть, нет. Может быть, это просто объединило их в какой-то кровожадный момент, и с тех пор они стали охотиться вместе. А может быть, это просто группа душегубов. Они связаны с наркоторговлей в Карибу-Кантри и на севере. Один из полицейских рассказал мне об этом. Полиция нашла кетамин на ранчо у Генри, они обыскали его вчера вечером.

– Эти ублюдки что-то говорили в присутствии Рикки о моем отце?

Эш заколебался, как будто обошел стороной этот вопрос, чтобы не ранить ее.

– Да. Мне жаль, Бекка. Судя по тому, что слышал Рикки, человеком, который выбежал из хижины твоего отца, был Стью Генри. Копы сказали, что снегоход зарегистрирован на его имя. Рисунок был нанесен Уэсом в ремонтной мастерской Скотта, но я не думаю, что Уэс принимал какое-то участие в этом, просто работал на своего дядю.

Рикки застонал, и внимание Ребекки мгновенно переключилось на него.

Он приходил в себя; его веки подрагивали.

– Почему? – тихо спросила она. – Почему Стью Генри сделал это? Он должен был знать, что мой отец нашел твердые улики против них. Но что он нашел и как они узнали об этом?

– Возможно, они узнали, что он получил новую информацию и подобрался слишком близко к ним. Может, они решили, что Уна Феррис сказала ему что-то важное по телефону. Это могло произойти по самым разным причинам.

Она провела рукой по волосам, ощущая неожиданную тяжесть.

– Эксперты Грейс нашли скрытые отпечатки на оружейном сейфе моего отца. Если они сравнят их с отпечатками владельца того снегохода, то вместе с показаниями Рикки этого будет достаточно для обвинения. – Ребекка помедлила, глядя на то, как Рикки поднимает опухшие веки. – И еще кетамин, – добавила она и подошла к кровати. Рикки открыл щелочки глаз и посмотрел на Ребекку.

– Привет, Рикки.

Он попытался улыбнуться, но застонал от боли в лицевых мышцах.

– Не надо. – Ребекка прикоснулась к его здоровой руке и улыбнулась. – Спасибо тебе. Ты знаешь, что стал настоящим героем?

Его глаза наполнились слезами.

– Твой дед, Бегущий Ветер, мог бы гордиться тобой.

Он смог кивнуть в ответ и снова закрыл глаза.

Глава 68

Карибу-Кантри, 2 февраля, суббота

Бар «Лось и Рог» был набит до отказа. Казалось, будто весь город явился почтить память капрала Ноя Норда. Все вокруг наполнилось музыкой, болтовней, смехом, звоном бокалов и запахами доброй еды из кухни. Большинство сплетен было связано с убийствами, захватом Джесса Скотта и гибелью кузенов Генри. И с обстоятельствами смерти Уитни и Тренора. Но следствие продолжалось. Джесс Скотт отказывался давать показания. Другие возможные участники оставались неизвестными. Тем не менее Грейс уже открыла дело против Скотта по обвинению в убийстве Уитни, Тренора, Ноя Норда и Уны Феррис, хотя в последнем случае имелись лишь косвенные улики.

До сих пор не была установлена отцовская ДНК для останков плода, обнаруженного в скелете Уитни. Кем бы ни был отец, он мог оказаться совершенно не связанным с убийством. И его личность было почти невозможно установить.

В разговоре с Грейс Ребекка предположила, что это может быть Бак. Но получение ДНК от Бака было непреодолимым препятствием, если команда Грейс не найдет доказательства, что преступление было совершено в связи с отцовством ребенка.

Ребекка также спросила Грейс, не выяснили ли ее подчиненные что-то новое в связи с заявлением Рикки, что «Волчья стая» получила деньги за расправу с Уитни Ганьон и Тревором Бьючемпом. Но Грейс лишь сказала, что следствие продолжается, и недвусмысленно намекнула на то, что теперь Ребекка отстранена от дела.

Поэтому Ребекка временно сосредоточилась на церемонии в честь памяти отца. Она сидела за большим круглым столом возле небольшой сцены, где трио музыкантов исполняло композицию на скрипке и волынке в заунывном ирландском темпе с притопыванием и протяжной мелодией, как нравилось ее отцу. Ребекке хотелось, чтобы мероприятие было радостным, несмотря на горечь, и не было похоже на обычные поминки.

Эш и Рикки сидели рядом с ней за столом. Нос Рикки по-прежнему был закрыт повязкой, но опухоль на лице уменьшилась, и он пребывал в прекрасном расположении духа. За столом также находились Тора

Баттерсби, Дон Бартон и Джерри Фиббс – собутыльники отца. И старый Клайв Додд, который до сих пор цеплялся за жизнь и которого прикатили в инвалидной коляске с кислородной маской на всякий случай. А также Дикси и Боб Маккракен, щедро предложившие оплатить первый круг выпивки для всех собравшихся.

Какой-то момент Ребекка смотрела на Тору, думая о том, что именно она сообщила о беременности Уитни и навела отца на мысль о расследовании. Когда Тора запрокинула голову и рассмеялась над словами Джерри Фиббса, Ребекка внезапно вспомнила слова матери Уитни:

«Супруги Баттерсби были добрыми соседями. Я всегда могла рассчитывать на помощь Джейка, когда ломалась посудомоечная или стиральная машина или когда возникали проблемы с водопроводом. Настоящий мастеровитый мужик, и он всегда улыбался».

Темная, мрачная мысль закралась в сознание Ребекки. Джейк часто посещал дом семьи Ганьон, а Уитни часто оставалась дома, пока ее мать надрывалась на работе. Уитни была незрелой, жаждущей внимания и склонной к распутству. Мог ли Джейк Баттерсби быть отцом ее ребенка? Могли ли они с Торой заплатить Уитни, чтобы она уехала из города? Могла ли Тора направить Ребекку по ложному пути после смерти отца? Она вспоминала слова Рикки, лежавшего на прицепе снегохода.

«Волчья стая. Охотники. Им платили за это».

Ребекка нахмурилась, обдумывая новое подозрение. Она кратко рассмотрела и такую возможность, что обаятельный и соблазнительный Льюис Мичем мог иметь роман с молодой домохозяйкой. Ребекка вернулась к своему первому разговору с Солли. В то время Уитни работала у Льюиса, и во время беременности, даже с учетом всех сроков, ей еще не исполнилось семнадцати лет. Это был «возраст согласия», но если мужчина, с которым она занималась сексом, был ее работодателем и мог принудить ее, это рассматривалось как изнасилование. Вполне вероятный мотив.

– Эй! – Ребекка почувствовала, как рука Эша нашла под столом ее руку. Их пальцы переплелись. – Перестань хотя бы на несколько минут думать о делах, – сказал Эш.

– Просто не могу отделаться от мысли... что они говорили о плате за свою работу.

– Оставь это на усмотрение сержанта Паркер, – сказал он. – Она крутая баба и добьется своего.

Ребекка глубоко вздохнула:

– Да, ты прав.

– Льюис и Солли превзошли себя. – Эш кивнул в сторону роскошно накрытого стола, возвращая ее к действительности.

– Это точно, – улыбнулась Ребекка.

Мичемы в самом деле проявили необыкновенную щедрость. Они бесплатно раздавали еду со своей кухни, а Солли находилась в своей стихии, работая в паре с барменом Хэнком, пока Льюис помогал разносить тарелки. Старые фотографии с Ноем Нордом заняли видное место на стойке бара, и Ребекка добавила еще одну: снимок отца в красном саржевом мундире, полученный от Эша.

Среди собравшихся Ребекка видела издателя «Клинтонского часового» Ренни Прайса, Бака и Гонзо. Уэс тоже пришел, несмотря на обвинения, выдвинутые против его дяди; очевидно, он решил сохранить хорошую мину при плохой игре и откреститься от деяний своего родственника. Да, он занимался ремонтом и дизайном машин для «Волчьей стаи» и мог подозревать, что его дядя занимается неблагоприятными делами, но он не знал о преступлениях, и до сих пор Грейс со своими следователями не нашла доказательств обратного. Ребекка была рада видеть, что Джанет Ганьон тоже приняла ее приглашение. Джанет сидела в углу, беседуя с Марси Фоссам и ее спутником.

– Ною бы это понравилось, – заметил Эш, проследивший за взглядом Ребекки.

– Думаю, да. – К ее глазам вдруг подступили слезы, угрожавшие просочиться наружу. – Я... просто мне жаль, что я не вернулась домой пораньше. Что я не помогла ему.

– Ты помогла ему, Бекка. Это все организовала *ты*. Сегодня вечером ты собрала здесь весь город ради него. Душа Ноя находится здесь, и он знает, что ты любишь его.

– Спасибо, – тихо сказала она. Ей хотелось в это поверить.

Рикки наблюдал за их разговором. В выражении его глаз было нечто непонятное для Ребекки, но похожее на гордость. Ребекка улыбнулась ему, и он смущенно отвернулся.

Оливия и Коул вошли в салун вместе с Тори. Рикки встал и торопливо направился через толпу, чтобы поприветствовать их.

– Ты слышал, что я купила новый автомобиль? – обратилась Ребекка к Эшу.

Он наморщил лоб.

– Почему? Ты собираешься на какое-то время задержаться здесь?

– Звонил мой начальник, – сказала она. – Я нужна для расследования очередного дела. Это кабинетная работа, и она не мешает местному

следствию. Он хочет, чтобы я приехала послезавтра, но, думаю, я смогу бывать здесь наездами, по крайней мере, до конца следующего лета. Я наняла подрядчика для сноса остатков отцовского дома после того, как Грейс даст отмашку на это и когда позволит погода. – Она помедлила, когда увидела напряженный взгляд Эша. – Я... я решила построить новый дом. Достаточно скромный.

– Для продажи?

– Может быть, там будет видно. Частица моего отца еще здесь, как и мои ощущения. Я еще не готова отказаться от этого. – Она кашлянула. – И, кроме того, есть ты.

Он удержал ее взгляд. Выражение его лица изменилось, глаза потемнели. Музыка и шум как будто отступили на задний план.

– Как насчет Лэнса? – очень тихо, почти шепотом спросил Эш.

– С ним покончено. – Музыка прекратилась, и все захлопали. – Это с самого начала было как-то неправильно.

Они продолжали смотреть друг на друга, и воспоминания о недавней близости пролетали между ними. Ребекка наклонилась вперед и прошептала Эшу на ухо:

– Эш Хоген, ты заслонил для меня любого мужчину, с которым я когда-либо была.

Он положил ладонь ей на затылок и немного притянул к себе. Их губы почти соприкасались.

– Я рад, что ты вернулась домой.

Она замешкалась, а потом поцеловала его, не заботясь о том, кто может это увидеть. Аплодисменты смолкли.

– Мне нужно произнести речь, – прошептала она Эшу в губы.

Он улыбнулся и отпустил ее. Такую улыбку Ребекка видела лишь перед тем жарким вечером в день фестиваля родео. Улыбка плясала в его глазах.

Теплая волна всколыхнулась в груди, когда Ребекка поднялась с места.

Она прошла на сцену, и музыканты отступили назад. Ребекка взяла микрофон и откашлялась.

– Я благодарю всех, кто пришел сюда. – Она обвела взглядом море человеческих лиц, сгрудившихся в этом теплом и уютном месте, и снова откашлялась.

– Несколько дней назад, когда я ужинала здесь вместе с мэром Бобом Маккракеном и его женой Дикси, Боб назвал это место «сельской гостиной». И он прав. Здесь был дом моего отца. Он приезжал сюда для встреч с друзьями и общения с ними. Он приезжал сюда, чтобы ощущать ваше тепло и проводить время с вами. Это был город капрала Ноя Норда, и

здесь мой отец...

Двери салуна широко распахнулись. Все обернулись.

Вошли пятеро полицейских в мундирах. Ребекка быстро посмотрела в окно. Красно-белые полицейские мигалки заполняли улицу по мере того, как подъезжали новые патрульные машины. Сирен слышно не было.

Из-за спин полицейских появилась Грейс Паркер.

– Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, – сказала она и обвела взглядом толпу. Женщина-офицер, стоявшая рядом с ней, указала на стол, где сидел Эш. Грейс кивнула и что-то сказала.

Полицейские в бронежилетах начали проталкиваться через толпу.

– Назад, пожалуйста, отступите назад!

Они остановились перед столом, рядом с Эшем. Он побледнел. Сердце Ребекки дало сбой.

Самый высокий коп твердо положил руку на плечо Боба Маккракена.

– Пожалуйста, сэр, не могли бы вы встать?

– В чем дело?

– Встаньте, сэр.

Он поднялся на ноги с потрясенным выражением лица.

– Что вы делаете?

– Повернитесь, пожалуйста. Руки за спину. – Полицейский защелкнул наручники на запястьях Боба. – Роберт Маккракен, вы арестованы в связи с убийствами Уитни Ганьон, Тренора Бьючемпа, Ноя Норда и Уны Феррис.

По залу пролетел общий вздох. Затем начались шепотки.

Боб выглядел сконфуженным.

– Ничего не понимаю. Я не имел никакого отношения... Это безумие!

Полицейский взял Боба за руку и увлек его через толпу к выходу. Боб оглянулся на свою жену.

– Что за чертовщина?

Дикси с побелевшим лицом вскочила на ноги.

– Это неправильно, этого не может быть! Что здесь творится?

– Мэм! – Это была Грейс Паркер. Она взяла Дикси под локоть, быстрым движением подтянула другую руку и сковала за спиной ее запястья. – Дикси Скотт Маккракен, вы арестованы в связи с убийствами Уитни Ганьон, Тренора Бьючемпа, Ноя Норда и Уны Феррис. Вы имеете право обратиться к адвокату. Вы имеете право на бесплатный телефонный звонок. Вы меня понимаете?

– Я... Я ничего не сделала.

Грейс сопровождала Дикси к женщине-офицеру, которая вывела ее из зала. Грейс направилась за ними.

Ребекка соскочила со сцены, взглянула на Эша и жестом велела ему оставаться с Рикки. Она выбежала из «Люся и Рога» следом за Грейс.

– Сержант Паркер! – позвала Ребекка.

Грейс остановилась. Ребекка подбежала к ней.

– Что это было?

Грейс отвела ее в сторону и понизила голос:

– Джесс Скотт сделал признание в обмен на сделку с правосудием. По его словам, он не собирается в одиночку страдать за всех остальных. Он сообщил, что двадцать лет назад Дикси Маккракен предложила ему двадцать тысяч долларов, если он избавится от Уитни Ганьон.

– Она заплатила ему? *Почему?*

Грейс помедлила, как будто оценивая, как много она может рассказать Ребекке. Потом посмотрела на вход в бар. Люди выходили наружу, возбужденно беседуя на повышенных тонах.

– Предположительно, ее муж Боб Маккракен был отцом ребенка Уитни Ганьон. Она была его пациенткой. Он приставал к ней, а потом занимался с ней сексом, хотя она еще не достигла совершеннолетия.

– По закону, это приравнивается к изнасилованию.

– И у него могут быть другие пациентки с такой же историей.

Ребекка выругалась и провела рукой по волосам. В детстве она всегда испытывала противоречивые чувства по отношению к «доктору Бобу», но приписывала это своей неприязни к любым визитам в клинику. А теперь Боб как будто изменился, стал благовоспитанным и добродушным мэром, защитником маленького городка. Ее мир снова перевернулся с ног на голову.

– Уитни и Тревор шантажировали Боба? Так они получили деньги?

– Именно так, согласно Джессу Скотту. Если бы стало известно, что он имеет ребенка от несовершеннолетней пациентки, с его карьерой было бы покончено.

– Они шантажировали его, но одновременно лгали Эшу и вымогали у него деньги?

– Предположительно, так.

Эш был жертвой. Как и Ребекка. И ее отец. Они все были жертвами. Радиоактивные осадки от этого преступления заражали их жизнь более двадцати лет и продолжали действовать даже сейчас.

– И, конечно же, Боб Маккракен заплатил, – тихо сказала Ребекка. – Заплатил сполна. Признание Уитни могло уничтожить его. Его семью, его врачебную практику и Дикси заодно.

– По словам Скотта, она присутствовала при передаче денег

подросткам, – сказала Грейс Паркер. – Очевидно, Уитни, получив деньги, дала понять Дикси, что на этом дело не закончится. Что они снова и снова будут требовать денег и угрожать ей и ее мужу до конца их дней. И она связалась с Джессом Скоттом, который уже тогда был известным «решалой» среди группы байкеров и охотников в Девилс-Батт.

– «Следопыты».

Грейс кивнула:

– Дикси сказала Джессу, что он может забрать деньги, которые найдет у Тренора и Уитни, если избавится от них. А время имело решающее значение, потому что он должен был добраться до них раньше, чем они уедут из города на автобусе и Дикси потеряет контроль над ситуацией.

– Значит, Джесс Скотт подобрал их на автобусной остановке и предложил бесплатную поездку на юг?

– И убил их. После того как он и его приятели получили дополнительную премию от Уитни, или, как сказал Скотт, «заодно и развлеклись на стороне», – бесстрастно сказала Грейс. – Когда ваш отец начал следствие о пропаже подростков, Джесс Скотт испугался и заставил Уну Феррис дать ложные показания о белом фургоне с орегонскими номерами. А более двадцати лет спустя, когда Дикси узнала, что ваш отец снова подбирается к ним, она сговорила с Джессом Скоттом о том, что нужно помешать ему и сохранить их тайну.

– Но почему Джесс Скотт? То есть как Дикси Маккракен узнала о нем? Что навело ее на мысль, будто она может заключить с ним контракт на убийство?

– Джесс Скотт – сводный брат Дикси Маккракен.

Ребекка заморгала, когда до нее дошло: Дикси *Скотт* Маккракен. Это было не совпадение.

– У них был один отец? – тихо спросила она.

– И история жизни в бедных семьях с разведенными матерями. Хотя они никогда не общались на людях, между ними существует прочная связь.

И возможно, общая предрасположенность к корыстолюбию, беспринципности и социопатии. Дикси изображала фальшивое сочувствие, когда Ребекка была сломлена при виде обгоревшего трупа своего отца.

Думая об этом, она посмотрела на Грейс.

– А мой отец?

– Все организовала Дикси. Она знала, что дело закончится расследованием самоубийства при невыясненных обстоятельствах. В качестве коронера она находилась в идеальной позиции для окончательного решения. Они с Джессом Скоттом заплатили Стью Генри

за работу. Им повезло, что дети устроили пожар. Единственная ошибка, которую они допустили, – скрытые отпечатки на оружейном сейфе. Они совпадают с отпечатками Стью Генри.

– И двое малолетних свидетелей.

– И двое малолетних свидетелей, – эхом отозвалась Грейс.

– А тело Тревога?

– Его пока не нашли. Мы привлекли еще одну группу кинологов для работы на большой территории. – Грейс немного помедлила. – Ребекка, – сказала она. – Мне жаль, что так получилось с поминальным торжеством в честь вашего отца.

Ребекка глубоко вздохнула, потом сухо улыбнулась:

– На самом деле, я думаю, что он был бы только рад этому. Он вернул меня в город, чтобы я завершила его расследование.

– И вы это сделали. Он бы гордился вами. Отличная работа, сержант.

Глаза Ребекки жгло как огнем. Она не могла просить большего от этого хладнокровного детектива по расследованию убийств со стальной выправкой. Только уважения.

– Спасибо вам.

– Я отправляю запрос комиссару полиции о проведении официальной похоронной церемонии в честь капрала Ноя Норда, – сказала Грейс. – Как вам известно, почетная похоронная церемония проводится только для тех членов Королевской конной полиции, которые имели при жизни особые заслуги. – Она сделала паузу с намеком на улыбку в краешках губ. – У меня есть ощущение, что он это заслужил.

Грейс повернулась и ушла. Ребекка смотрела ей вслед.

Эш подошел сзади и обнял ее.

– Что случилось? Все в порядке?

Она кивнула, не в силах справиться с нахлынувшими чувствами. Ее глаза наполнились слезами.

– Я сделала это, Эш, – прошептала она.

Она заглянула в глаза любимого человека. В каком-то смысле она уже понимала, что найдет способ провести с ним остаток жизни.

– Я поступила по справедливости. Я защитила честь своего отца.

Эш еще крепче обнял ее.

– Не думаю, что он когда-либо сомневался в тебе, Бекка. – Он помедлил и встретился с ней взглядом. – Поэтому он и позвонил тебе в тот день. Поэтому ты вернулась домой.

Сезон роста

Карибу-Кантри, 12 мая, воскресенье

Ребекка глубоко воткнула лопату в темную глинистую землю; ее дыхание вырывалось из груди резкими толчками. Утро было ясным и прохладным, но к полудню наступит жара. Ей хотелось вскопать грядки, пока солнце не поднялось слишком высоко.

На пригорке за ее спиной закончился разбор развалин старого дома. Подрядчики приступили к делу, как только сошел снег. Сооружение нового дома было запланировано на месте старого.

Но сегодня было воскресенье, поэтому молотки, пилы и другие инструменты молчали. Сегодня Ребекка работала над восстановлением некогда пышного огорода, который ее мать завела в этом месте. И Бекка видела, что почва остается плодородной.

Ребекка остановилась, чтобы перевести дух, и смахнула с лица прядь волос рабочей перчаткой. Какое-то время она наблюдала за Рикки и Тори: они натягивали проволоку вдоль огорода для защиты от оленей. Ребекка услышала их смех и внезапно попала во временную воронку собственной памяти. Она увидела саму себя в возрасте Тори. Ее длинные темные волосы были заплетены в косу, и она работала рядом с матерью, а их пес что-то вынюхивал под березами. Тот же запах сырой земли, то же ощущение прохлады и чистого воздуха в легких. Такая же легкость бытия. Внезапно Ребекка ощутила присутствие своей матери в огороде, который она собиралась восстановить. Бекка застыла, замороженная этой мыслью, которая все эти годы лежала в глубине земли, но теперь пустила ростки, и они пробьются на поверхность, где получают воду и свет. Все это разворачивалось, разрасталось и оживало внутри ее.

Тори снова рассмеялась над словами Рикки, и эти радостные звуки заставили Ребекку улыбнуться. Тори обычно приходила помогать Рикки, и эта компания была приятной. Место снова становилось похожим на дом, хотя строительные работы начались недавно, и Ребекка моталась туда-сюда, продолжая работу в Оттаве.

Вчера она снова прилетела в Камлупс и приехала в окрестности Броукен-Бар на автомобиле. Она расположилась в отцовском сарае, который превратила в крошечный дом с койкой и самодельной кухней с

газовой плиткой и морозильником, пропановым обогревателем и теплым постельным бельем. Ребекка собиралась остаться на неделю: встретиться с подрядчиком и проконтролировать следующий этап строительства.

Но едва ли не в первую очередь Ребекка заказала мастеру из Клинтон выжечь слова «**Ферма Ноя**» на старой кедровой доске, которую она хотела установить над въездом на ранчо.

Собачий нос ткнулся Ребекке в ногу. Она вздрогнула и посмотрела вниз.

– Кибу?

Она развернулась.

Эш стоял возле старого сарая и смотрел на нее. Она подняла руку в грязной перчатке, и Эш подошел к ней.

– Давно не слышала новостей от тебя, – сказала Ребекка при его приближении.

Он поцеловал ее, стер кусочек глины с ее щеки и протянул рюкзак.

– Вот, принес кофе и сэндвичи на завтрак.

Ребекка усмехнулась:

– Я могу привыкнуть к этому.

Эш на мгновение удержал ее взгляд и тихо сказал:

– Надеюсь на это. – Эш кивнул в сторону Рикки. – Хороший работник?

– Даже более того.

Какое-то время они стояли рядом и смотрели, как Кибу резвится с подростками.

– Ты думаешь об этом? – спросил Эш. – О детях.

Она замерла и посмотрела на него.

– Иногда.

Он кивнул, но ничего не добавил.

– Ты будешь хорошим приемным отцом для Рикки, – заметила она, пытаясь прощупать его настроение.

Эш глубоко вздохнул и засунул руки в карманы. Ребекка поняла, что он думает о ребенке Уитни. О старом кедровом гробе на его земле, о собственном отце-насильнике.

Ребекка говорила Эшу о психотерапевтах и группах поддержки, но он сказал, что не хочет никуда обращаться. Не сейчас. А может быть, и никогда. Достаточно того, что она знает об этом. Но Ребекка понимала, что прошлое будет преследовать его самыми неожиданными способами. Вероятно, до самого конца. Такова природа детской травмы и насилия, пережитого в раннем возрасте. Пострадавшие дети похожи на зерна, попавшие на дурную почву. Иногда они вырастают неполноценными, но

могут стать сильными и независимыми благодаря правильной опеке.

– Как я посмотрю, дело спорится, – сказал он, указывая на ее огород.

Ребекка рассмеялась:

– Это только начало, подожди до конца лета. Здесь будут сочные красные помидоры, которые пахнут солнцем. А вот здесь кабачки. – Она взмахнула рукой. – И базилик в теплице на той стороне, и...

– Бекка, ты надолго приехала в этот раз?

Ребекка замолчала. Ветерок шелестел в молодой зеленой листве осинової рощи.

– На неделю, – тихо ответила Бекка. – Но я вернусь в следующем месяце и уже не уеду отсюда.

Эш пораженно уставился на нее:

– Что?

Странная неловкость овладела ею при мысли о том, что она собиралась сказать.

– В городе мне нужно собрать вещи и закончить кое-какие дела, но... Я получила перевод на другую должность.

– Перевод?

– Я буду работать на месте Бака. Только в пятницу узнала, что решение было одобрено.

Он продолжал смотреть на Ребекку.

– На месте Бака?

– Да, Бака Джонстона. После внутреннего расследования, когда Грейс проверила его действия в связи со смертью моего отца, он был очищен от подозрений вместе с остальными членами охотничьего клуба, но это все равно бросило тень на его репутацию. Начальство решило перевести его в небольшой поселок на границу Юкона.

– Это понижение?

– Формально нет, но ясно, что это рассматривается таким образом. Бак предпочел подать в отставку. Я предложила свою кандидатуру на его должность.

Слова ускользали от Эша. Его лицо исказилось от противоречивых эмоций, и он покачал головой:

– *Ты серьезно?* Ты? Коп в маленьком городке – это все равно что театр одного актера.

– Скорее, театр одной актрисы – вроде шерифа в США. – Ребекка усмехнулась. Она безумно нервничала, когда подавала заявку, понимая, что это будет серьезный и нелогичный шаг назад в ее профессиональной карьере. Но теперь, когда одобрение было получено, Ребекка чувствовала,

что находится на верном пути. – Эй, эта должность вполне подходила для моего отца.

– Что, если они снова переведут тебя через пять лет?

– Когда это произойдет, тогда и буду разбираться. Может быть, попробую заняться чем-то еще. – Она посмотрела вдаль, прикрыв глаза козырьком ладони. – А пока что мне нужна лошадь. Или две лошади. И цыплята.

Эш ошеломленно молчал.

Ребекка встретила с его взглядом. Его глаза сияли от невысказанных чувств.

– Эй! – Она сняла грязную перчатку и прикоснулась к его шраму. – Тебя это опечалило?

Эш рассмеялся. Поцеловал ее, обнял и снова рассмеялся.

– И собака. Тебе определенно понадобится собака.

– Знаю. Я уже думала об этом.

Он изогнул бровь.

– Сегодня во второй половине дня Оливия собирается отвезти меня и Тори в Хандред-Майл-Хаус^[10]. Там в собачьем питомнике есть два щенка. Их вместе с матерью спасли во время пожара в заповеднике на Северо-Западных территориях. Они еще не приручены, но Лив рассчитывает, что один из них устроит меня, а другого она хочет взять для Тори. Она планирует научить Тори ходить по следу вместе со щенком, считает, что это очень поможет ей и смягчит удар, когда Эйс умрет от старости.

Эш изумленно покачал головой и криво улыбнулся.

– Ты сделала много хорошего для Тори и Лив, – сказал он. – Оливия рассказала мне. Это еще и потому, что приемный отец Тори тоже был полицейским?

Ребекка пожала плечами:

– Так ты собираешься взять лопату и помочь мне вскопать грядку до завтрака или как?

Эш смотрел, как солнце, поднимавшееся над горами, окутывало желтым светом локоны ее растрепанных волос. Его сердце разрывалось от нежности. Мысленным взором он снова видел Бекку на кухне вместе с ее матерью.

Она наконец вернулась домой. Как и он.

– Городской коп? – снова сказал Эш.

Ребекка наклонила голову:

– У тебя проблемы с этим, ковбой?

– Нет, черт возьми. Где лопата?

Он принялся копать рядом с ней. Когда солнце поднялось выше, он сказал:

– А ты знаешь, Бекка, что твой отец сейчас широко улыбается на небесах? Это... – он оперся на черенок лопаты, обзревая проделанную работу, – это позволяет ему гордиться тобой. Видеть, что все его земные дела оказались достойными того, чтобы ты пошла по его стопам.

Ребекка рассмеялась. В ее глазах танцевали задорные огоньки, и Эш понял, что его мечта однажды сбудется. Он добьется этого – женится на дочери полицейского, и она будет жить у него на ранчо. И их кухня будет полна света, смеха и свежих овощей из плодородной темной земли в огороде.

Благодарности автора

Как всегда, я задолжала огромную благодарность Шарлотте Хершер за ее меткий редакторский глаз и замечательную манеру работы. Литератор всегда чувствует себя надежно в ее опытных руках. Также благодарю моего рецензента Элисон Дашо и главного редактора Montlake Анха Шулепа за их акушерские усилия и волшебное мастерство, которое привело к появлению на свет «Самых темных дорог» и помогло донести роман до широкого круга читателей. Я глубоко тронута непрерывной и невероятно теплой реакцией читателей на предыдущую книгу «Приманка для моего убийцы». Благодаря этой читательской поддержке «Самые темные дороги» смогли вырасти на той же сюжетной почве. Выражаю благодарность моему литературному агенту Эми Танненбаум Готтлиб за ее профессиональное сопровождение и поддержку, а также остальным членам динамичной команды Montlake под крылом Amazon Publishing. Я благодарна моей команде.

Примечания

1

Carhartt – американская компания, наиболее известная как производитель рабочей и специализированной одежды. – *Прим. пер.*

2

RMCP (Royal Canadian Mounted Police) – Канадская королевская конная полиция. – *Прим. пер.*

3

Корн-дог – то же самое, что и хот-дог, только в кукурузном тесте. – *Прим. пер.*

4

Эдмон Локар (1877–1966) – французский криминолог, сформулировавший принцип «каждый контакт оставляет след», который стал известен как «принцип обмена Локара». – *Прим. пер.*

5

Summer Solstice – «Летнее солнцестояние». – *Прим. пер.*

6

Имеется в виду роман Стивена Кинга «Под куполом» (2009). – *Прим. пер.*

7

Образ действий (*лат.*), но в криминалистике – способ совершения преступления. – *Прим. пер.*

8

Буквальный перевод – «Задница дьявола». – *Прим. пер.*

9

К9 – кинологическая служба полицейских собак, натренированных на выполнение различных заданий. – *Прим. пер.*

10

Хандред-Майл-Хаус – окружной муниципалитет в региональном округе Карибу, Британская Колумбия. – *Прим. пер.*